

Энциклопедия тайн и сенсаций

Энциклопедия
тайн и сенсаций

ПИРАТЫ И РАЗБОЙНИКИ

Флибустьеры, корсары, калеры и буканьеры...

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТАЙН И СЕНСАЦИЙ

ПИРАТЫ И РАЗБОЙНИКИ

Флибустьеры, корсары, каперы и буканьеры...

Составление и общая редакция: Рябцев Г.И.

© ЛИТЕРАТУРА

МИНСК, 1996

ББК 67.99

П 69

УДК 343

Серия основана в 1996 году

Составление и общая редакция *Г. И. Рябцева*

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части, а также реализация тиража запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

П 69 **Пираты и разбойники: Флибустьеры, корсары, каперы и буканьеры...**/Сост. и общ. ред. *Г. И. Рябцева*.— Мн.: Литература, 1996.— 608 с.— (Энциклопедия тайн и сенсаций).

ISBN 985-437-042-9.

В книге серии «Энциклопедия тайн и сенсаций» «Пираты и разбойники» собраны наиболее интересные сведения и факты о морских разбойниках, флибустьерах, корсарах, каперах и буканьерах.

П 3430000000

ББК 67.99

ISBN 985-437-042-9

© Литература, 1996

СОДЕРЖАНИЕ

ПИРАТСТВО В ИНДИЙСКОМ ОКЕАНЕ	6
МАЛАЙСКИЕ ПИРАТЫ	6
ЭНРИКЕ МОРЕПЛАВАТЕЛЬ	7
ВАСКО ДА ГАМА	11
АДМИРАЛ КАБРАЛ	23
Д'АЛМЕЙДА И Д'АЛЬБУКЕРКИ —	
ПОРТУГАЛЬСКИЕ ВИЦЕ-КОРОЛИ	30
АНТониу де Фария	33
ФРЕНСИС ДРЕЙК	43
ТОМАС КАВЕНДИШ	71
ГОЛЛАНДСКИЕ ПИРАТЫ —	
АДМИРАЛ РЕЙЕНСЕН	89
КАПИТАН ЯКОБС, ИЕРОНИМ КОРНЕЛИС	104
КОРОЛЕВСКОЕ ПИРАТСТВО	118
АНТониу де Альбукерки Коэло	122
КАПИТАН ШАРП	129
ДАМПИР	141
КАПИТАН ИТОН	146
КАПИТАН СВАН	149
ТИТ	159
ПИРАТЫ НА МАДАГАСКАРЕ	161
ДЖОН ХЭНД	162
КАПИТАН РАЙТ	164
ДАТСКИЕ ПИРАТЫ	165
ДЖЕЙМС ГИЛЛИАМ, ДЖОН СТИЛ	166
СЧАСТЛИВЧИК ЭВЕРИ	171
КАПИТАН КИДД	180
ТОМАС ТЬЮ И МИССОН	197

МАЛАБАРСКИЕ И АРАБСКИЕ ПИРАТЫ	206
МАРАТХСКИЕ ПИРАТЫ	208
КАПИТАН ИНГЛЭНД, ТЕЙЛОР	
И ОЛИВЬЕ ЛЕ БУШЕ	217
ПИРАТСКОЕ ЦАРСТВО НА МАДАГАСКАРЕ	228
ПОЛКОВНИК БЕНЕВСКИЙ	236
МЯТЕЖНИКИ С «БАУНТИ»	252
ПРИВАТИРЫ И КОРСАРЫ	265
РОБЕР СЮРКУФ	266
КОММОДОР ЛАМБЕРТ	291
ДЖЕЙМС БРУК И ФИЛИППИНСКИЕ ПИРАТЫ	299
ЧАРЛЬЗ БРУК	318
«ОХОТНИКИ ЗА ГОЛОВАМИ»	325
УИЛЬЯМ БОЙД И КАПИТАН ТАУНС	335
РОСС ЛЬЮВИН, КАПИТАН ПИЗ	
И КАПИТАН ХЕЙС	341
ФЛИБУСТЬЕРСКОЕ МОРЕ	357
«БЕРЕГОВЫЕ БРАТЯ»	357
ПЬЕР ЛЕГРАН	362
МОНБАР ГУБИТЕЛЬ	366
РОК БРАЗИЛЕЦ	369
АНРИ ДЕ ФОНТЕНЭ	370
ЖЕРЕМИ ДЮ РОССЕ	376
ЖАН-ФРАНСУА ОЛОНЕ	386
ДРЕЙФ	402
ОЛОНЕ, МОИСЕЙ ВОКЛЕН	
И ПЬЕР ПИКАРДИЕЦ	406
ГЕНРИ МОРГАН — ВЛАСТЕЛИН	
ФЛИБУСТЬЕРСКОГО МОРЯ	414
БАНДА С ЯМАЙКИ	414
ЗАВОЕВАНИЕ ВЛАСТИ	421
В ЗЕНИТЕ СЛАВЫ	424

ПАНАМСКИЙ ПОХОД	431
СТАТУЯ МОРГАНА	438
БЕРТРАН Д'ОЖЕРОН	444
ГРАМОН, ВАН ДОРН И ДЕ ГРАФ.	449
ПОСЛЕДНИЕ ФЛИБУСТЬЕРЫ — ЧЕРНАЯ БОРОДА, ЛЬЮИС, ЛОУ, ФЛАЙ, РОДЖЕРС . . .	463
КОРСАРЫ	467
ЖАННА ДЕ БЕЛЬВИЛЬ	467
ЖАН БАР	470
РЕНЕ ДЮГЕЙ-ТРУЭН	478
БАРОН ПУЭНТИ	484
СИТЦЕВЫЙ ДЖЕК, АННА БОННИ, МЭРИ РИД . .	487
КАПЕРЫ XX ВЕКА	491
ГЕНЕРАЛ ПАУЛЬ ФОН ЛЕТТОВ-ФОРБЕК, КАПИТАН ФОН МЮЛЛЕР, КАПИТАН ЛООФ. .	492
«АДМИРАЛ ГРАФ ШПЕЕ»	515
ВАЛЬТЕР ШВИГЕР	524
«АДМИРАЛ ШЕЕР», «ОРИОН» И «ПИНГВИН» . . .	547
«КОРМОРАН»	555
ПОДВОДНЫЕ ОХОТНИКИ	562
ЯПОНСКИЕ СУБМАРИНЫ-ПИРАТЫ	569
КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТ ЭКК.	571
«ВОЛЧЬИ СТАИ».	574
ПОДВОДНАЯ ЛОДКА «ЗВОН»	578
СОВРЕМЕННЫЕ ПИРАТЫ	584
ИСАБЕЛО МАЙОР.	584

ПИРАТСТВО В ИНДИЙСКОМ ОКЕАНЕ

Малайские пираты

Пиратство существовало в Индийском океане и Южных морях с глубокой древности. Но торговле в целом оно не угрожало. Никогда пираты Персидского залива не появлялись у Австралии, и малайские морские разбойники не стремились к берегам Африки. Это было «каботажное» пиратство.

Нетрудно представить себе, как на подходе к какой-либо бухте или устью реки кормчий предупреждал купцов: «Здесь могут появиться пираты. Отойдем подальше в море, чтобы с ними не встречаться». Пираты относились к разряду неизбежных неудобств долгого пути.

В XIII веке такую картину наблюдал Марко Поло. Особенно часто вспоминает он о пиратах, когда описывает Малабарский берег Индии.

«Из области Мелибар, — пишет путешественник, — да еще из другой, что подле и зовется Гурзуратом, каждый год более ста судов выходят другие суда захватывать да купцов грабить. Большие они разбойники на море; и жен и детей берут с собой; все лето в плавании; купцам много убытков делают. Иные из этих судов отделяются от других, плавают там и сям, выжидают да подсма-

тривают купеческие суда и всякие гадости чинят. Соберутся словно отряд; один от другого милях в пяти станет; и так расставится судов до двадцати, миль на сто займут море, и, как завидят судно с товарами, зажигают огни и подают друг другу знаки; и оттого ни одному судну не пройти, всякое захватят. Купцы знают разбойнические обычаи, знают, что должны их повстречать; снаряжаются и изготавливаются хорошо и не боятся повстречать разбойников; защищаются храбро и разбойникам вред наносят, а все-таки и те кое-какие суда захватывают. А захватят разбойники какое-нибудь судно с товарами, забирают товары, а людям зла не делают... «Ступайте, — говорят им, — добывать другое имущество: случится, может быть, что и его нам отдадите».

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Энрике Мореплаватель

Ряд обстоятельств сделали из Португалии страну, первой пославшую корабли в дальние плаванья. Среди них были и особенности географического положения, и специфика развития экономики, и исторические судьбы.

Значительная часть средних веков прошла в этой маленькой стране, обращенной к Атлантиче-

Висенти, в город Сагреж. Это случилось в 1418 году.

В Сагреже Энрике собрал лучших корабелов, географов, ученых своего времени. В стране, задавленной гнетом католической церкви и охваченной слепой ненавистью к еретикам и «неверным», Энрике приближал к себе генуэзцев и евреев, каталонцев и мавров, португальцев и венецианцев, датчан и гамбургцев, астрономов, плотников, картографов, кормчих, математиков и искателей приключений. Под наблюдением принца изобретались и строились лучшие в мире корабли и составлялись точные карты.

Энрике посылал корабли на юг и на запад. Его кормчие открыли Азорские острова, а корабли, посылаемые к берегам Африки, начали привозить богатую добычу. На побережье оказались россыпи золотого песка, который местные племена отдавали за бусы и яркие тряпки. В Португалию стали поступать слоновая кость, шкуры леопардов и, главное, невольники. Невольники были важным подспорьем в португальском хозяйстве: долгие годы войны и междоусобицы вызвали нехватку рабочих рук.

Трагическое событие в истории Европы — падение под ударами турок Византийской империи в 1453 году — показало, сколь прав был Энрике, направляя корабли к берегам Африки. Турция стала непроходимым заслоном на пути азиатских товаров в Средиземноморье. Венецианцы и генуэзцы были вынуждены платить за них втрое, а соответственно с этим подскочила цена на пряности и предметы роскоши во всей Европе.

Энрике между тем продолжал посылать каравеллы к берегам Африки. Вот уже португальцы достигли Сенегала и Гамбии, открыли острова Зеленого Мыса. Цель с каждым годом, казалось, все ближе. Где-то на юге находился предел Африканского материка, а за ним открывался прямой путь к Индии, к пряностям, к прибылям, в обход турецких владений.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Васко да Гама

В 1460 году, когда умер Энрике Мореплаватель (в этом укоренившемся титуле больше правды, чем в Людовиках Святых и Мстиславах Удалых), в небольшом рыбацком городе Синеже в семье потомственных фидалго родился Васко да Гама. Он рос, как положено было расти третьему сыну небогатого дворянина. Юношей он уже сражается с кастильцами, уходит на корабле в Марокко, где принимает участие в осаде Танжера.

В 1481 году на португальский престол вступил Жоан II, властитель жестокий и умный, поставивший целью усиление государства и королевской власти. Для этого надо было прежде всего подорвать влияние знати. В своей борьбе король стремился опереться на бедных и воинственных фи-

далго. И нет ничего удивительного, что он с энтузиазмом продолжил дело Энрике. Каравеллы возвращались от берегов Гвинеи и Ганы. Для фидалго находились добыча и занятие, достойные воина и дворянина. В королевскую казну шли золото и слоновая кость. Лиссабон превращался в один из крупнейших городов мира.

В 1483 году генуэзец Колумб обратился к португальцам с предложением найти путь в Индию через Атлантику. Жоан II решил обмануть генуэзца и тайно послал корабль на запад. Корабль вернулся с сообщением, что океан бесконечен: в отличие от Колумба португальские мореходы не смогли полностью уверовать в шаровидность Земли и потому у них не хватило настойчивости. Обозленный коварством португальского короля, Колумб переехал в Испанию. В 1492 году он достиг островов Карибского моря, которые считал частью Индии, и вступил во владение ими от имени испанского монарха.

Отказавшись от поисков земли на западе, португальцы сосредоточили усилия на юго-восточном пути в Индию. Этот путь — вокруг Африки — был реален, и португальцы продвигались по нему все дальше.

Наиболее важной для открытия морского пути в Индию вокруг Африки была экспедиция Бартоломеу Диаша, которая вышла из Лиссабона в 1486 году.

Диаш был одним из выдающихся мореплавателей того времени. Семья Диашей имела много заслуг перед Португалией: Жоан Диаш открыл мыс Бохадор, Диниш Диаш — Зеленый мыс. Сам Бар-

толомеу не раз ходил в Африку, привозил оттуда слоновую кость и золото.

Зайдя на юг во время плавания 1486 года дальше своих предшественников, Бартоломеу Диаш обнаружил, что берег все время идет на юго-восток. Тогда он решился на смелый поступок: ушел в открытый океан и взял курс прямо на юг. Становилось все холоднее. Две недели продолжался шторм. Когда шторм утих, Диаш решительно повернул на северо-восток. И через несколько дней показался берег, который тянулся к северо-востоку. Диаш обогнул Африку.

Но тут взбунтовалась команда. Географические рассуждения ученых и сообщения лазутчиков, убеждавшие государей, матросам были неинтересны. Лишь три дня выпросил у экипажа Диаш. По истечении их он высадился на берег, поставил опознавательный знак и повернул назад, как сам писал, с таким ощущением, словно «оставил там навсегда покинутого сына».

Южную оконечность Африки, которую Диаш обогнул на обратном пути, он назвал мысом Бурь в память о перенесенном шторме. Жоан II переименовал мыс Бурь в мыс Доброй Надежды.

В новое плавание Диаша не пустили. Во-первых, Жоан не любил, когда земная слава баловала его подданных. Во-вторых, он искал человека, более жесткого, чем Диаш.

А тем временем Васко да Гама делал карьеру. Ему было тридцать два года, когда Жоан послал его захватить все французские суда, стоявшие в португальских гаванях, в отместку за то, что французский корсар захватил груженную золо-

том португальскую каравеллу, возвращавшуюся из Гвинеи. Когда весной 1493 года Васко да Гама вернулся ко двору, там царило возбуждение. Поступили сообщения, что отвергнутый португальцами Колумб открыл новый путь в Индию. Жоан чувствовал себя обманутым. Все труды вот-вот пропадут даром. Исконные враги, кастильцы, первыми прорвутся к источникам восточных богатств. (То, что Колумб открыл вовсе не Индию, никто не знал и не узнает еще несколько лет.) Спешно готовилась новая экспедиция вокруг Африки. В 1495 году Жоан Манозель, прозванный Счастливым, вступил на португальский престол. Все полагали, что новую экспедицию в Индию возглавит Диаш. Но Манозель, как и Жоан, искал человека более исполнительного и настойчивого. Гаспар Корреа в написанной им в XVI веке истории открытия Индии сообщает:

«Однажды король сидел в зале, где работал за столом, давая приказания. Случайно король поднял глаза, когда по залу проходил Васко да Гама. Он был придворным, человеком благородного происхождения... скромным, смышленным и смелым... Король задержал на нем свой взор, сердце его дрогнуло, он подозвал его, и, когда тот преклонил колена, король сказал: «Буду рад, если вы возьметесь совершить поручение, где придется много потрудиться». Васко да Гама поцеловал руку короля и ответил: «Я, государь, слуга ваш и исполню любое поручение, хотя бы оно стоило мне жизни».

Когда Гаспар Корреа писал свою книгу, он уже знал, чем закончилось путешествие да Гамы, и потому неудивительно, что сердце короля «дрог-

нуло» при виде скромного и смышленного придворного. Коль истинные обстоятельства назначения остались историку неизвестными, была избрана наиболее впечатляющая версия. Однако «случайно замечать» Васко да Гаму не требовалось. Если ему за три года до того поручали столь ответственное дело, как захват французских кораблей, значит, он был достаточно известен. Более того, в инструкциях да Гаме была дана полная свобода заключать мир, торговать, объявлять войну от имени короля Португалии. Из этого следует, что ему доверяли. А Бартоломеу Диаш, рассчитывавший на этот пост, был назначен комендантом крепости на Гвинейском берегу, откуда мало кто возвращался живым.

8 июля 1497 года корабли да Гамы «Святой Гавриил», «Святой Рафаил» и «Беррио» покинули Португалию. Матросы и офицеры знали, что идут в Индию. При подборе команд старались учесть печальный опыт экспедиции Диаша и не допустить бунта на кораблях. Уже в пути Васко да Гама заявил: «Отплывая из Лиссабона, я поклялся не поворачивать назад. Всех, кто заикнется об этом, выброшу за борт». Тем не менее мятеж поднялся буквально на следующий день после того, как корабли, обогнув южную оконечность Африки, приблизились к ее восточному берегу. Матросы собрались на палубе и требовали повернуть обратно. И хотя их предупреждали, что бунтовщиков, потребовавших возвращения, король жестоко накажет, они полагали, что будущее наказание ничто перед опасностями незнакомого моря. Лишь один человек понимал, что возвратиться он не мо-

том португальскую каравеллу, возвращавшуюся из Гвинеи. Когда весной 1493 года Васко да Гама вернулся ко двору, там царило возбуждение. Поступили сообщения, что отвергнутый португальцами Колумб открыл новый путь в Индию. Жоан чувствовал себя обманутым. Все труды вот-вот пропадут даром. Исконные враги, кастильцы, первыми прорвутся к источникам восточных богатств. (То, что Колумб открыл вовсе не Индию, никто не знал и не узнает еще несколько лет.) Спешно готовилась новая экспедиция вокруг Африки. В 1495 году Жоан Манозель, прозванный Счастливым, вступил на португальский престол. Все полагали, что новую экспедицию в Индию возглавит Диаш. Но Манозель, как и Жоан, искал человека более исполнительного и настойчивого. Гаспар Корреа в написанной им в XVI веке истории открытия Индии сообщает:

«Однажды король сидел в зале, где работал за столом, давая приказания. Случайно король поднял глаза, когда по залу проходил Васко да Гама. Он был придворным, человеком благородного происхождения... скромным, смышленным и смелым... Король задержал на нем свой взор, сердце его дрогнуло, он подозвал его, и, когда тот преклонил колена, король сказал: «Буду рад, если вы возьметесь совершить поручение, где придется много потрудиться». Васко да Гама поцеловал руку короля и ответил: «Я, государь, слуга ваш и исполню любое поручение, хотя бы оно стоило мне жизни».

Когда Гаспар Корреа писал свою книгу, он уже знал, чем закончилось путешествие да Гамы, и потому неудивительно, что сердце короля «дрог-

нуло» при виде скромного и смышленного придворного. Коль истинные обстоятельства назначения остались историку неизвестными, была избрана наиболее впечатляющая версия. Однако «случайно замечать» Васко да Гама не требовалось. Если ему за три года до того поручали столь ответственное дело, как захват французских кораблей, значит, он был достаточно известен. Более того, в инструкциях да Гама была дана полная свобода заключать мир, торговать, объявлять войну от имени короля Португалии. Из этого следует, что ему доверяли. А Бартоломеу Диаш, рассчитывавший на этот пост, был назначен комендантом крепости на Гвинейском берегу, откуда мало кто возвращался живым.

8 июля 1497 года корабли да Гамы «Святой Гавриил», «Святой Рафаил» и «Беррио» покинули Португалию. Матросы и офицеры знали, что идут в Индию. При подборе команд старались учесть печальный опыт экспедиции Диаша и не допустить бунта на кораблях. Уже в пути Васко да Гама заявил: «Отплывая из Лиссабона, я поклялся не поворачивать назад. Всех, кто заикнется об этом, выброшу за борт». Тем не менее мятеж поднялся буквально на следующий день после того, как корабли, обогнув южную оконечность Африки, приблизились к ее восточному берегу. Матросы собрались на палубе и требовали повернуть обратно. И хотя их предупреждали, что бунтовщиков, потребовавших возвращения, король жестоко накажет, они полагали, что будущее наказание ничто перед опасностями незнакомого моря. Лишь один человек понимал, что возвратиться он не мо-

жет, что возвращение означает конец всему: карьере, мечтам о богатстве и славе.

Шторм утих, мятеж удалось подавить, но тогда возник заговор. Решено было упрямого командира связать и идти обратно, но не в Португалию, а в Испанию, и оттуда просить короля о помиловании. К заговору присоединились и офицеры, в том числе капитан и кормчий корабля «Беррио».

Предупрежденный о заговоре, Васко да Гама явился на «Беррио», пригласил главных заговорщиков в каюту и велел заковать их в кандалы. С помощью пыток узнали имена и других заговорщиков. Те также дали связать себя без сопротивления. А когда растерянные и обозленные матросы собрались на палубе, Васко да Гама вышел к ним и сказал, что на корабле больше нет ни капитана, ни кормчего, так что некому вести корабль назад, и лишь послушное следование за флагманским кораблем может спасти матросам жизнь.

25 ноября португальцы увидели устье реки и стада на ее берегу. Пастухи-африканцы, встретившие португальские шлюпки, были любопытны, но не враждебны. Португальцы выменяли у них быка и с удивлением отметили, что вкус его мяса такой же, как на родине. Знакомое поражает сильнее, когда ждешь чудес. Высаживаясь на берег, матросы увидели следы слонов и с опаской раздвигали кусты, ожидая встретить змею или льва. А через несколько недель бросили якорь у деревни, вожди которой, поднявшись на корабль, с презрением осмотрели бусы и дешевые украшения, восхищавшие их южных соседей. Они приказали привезти с берега тюки с материей, не худ-

шей, чем у португальцев, и дали понять, что им приходилось видеть корабли покрупнее.

Португальцам стало ясно, что отсюда начинаются те места, куда они так стремились. Река, у которой вожди отказались от бус, была названа Рио де Бонш Сингалеж — рекой Добрых Признаков. А 1 марта 1498 года показались окруженные пальмами белые дома города Мозамбик. Здесь начиналась страна зинджей, известная по арабским рукописям уже с X века. Зинджи не представляли единого этноса — среди них были предки нынешних народов, говорящих на языках суахили и банту. Зинджи умели обрабатывать железо, добывали слоновую кость, выращивали зерно и занимались торговлей. В записках арабского автора XII века аль-Идриси город зинджей Малинди характеризуется как большой населенный пункт, возле которого находятся железные рудники. Железо, пишет аль-Идриси, уходит в Индию, «где оно продается за большие деньги, ибо пользуется большим спросом и составляет предмет многочисленных торговых сделок». Восточная Африка была тесно втянута в торговый оборот восточного мира. Оружие сарацинов, воевавших с европейцами, было сделано из железа, которое добывали и плавил в Африке, закаляли в Индии, ковали в Иране и Аравии.

На восточном побережье Африки во времена Васко да Гамы существовало множество городов и торговых поселков, в которых жили не только зинджи, но и арабы и индийцы. Португалец Барбоша писал в 1501 году, что жители Малинди живут в красивых каменных домах, что «среди них

есть и черные и белые, все они великие менялы, торгуют тканями, золотом, слоновой костью и жемчугом... В это райское место каждый год приходит великое множество кораблей, груженных товарами». И в этот мир, обладавший многовековой культурой, ворвались неотесанные (по местным меркам) и жестокие португальцы. Они приходили торговать, но убивали, как только убеждались, что их за это не накажут. Ведь большинство местных жителей были мусульманами, а значит, для португальцев они стояли вне закона.

Султан Мозамбика, прибывший на борт флагманского корабля, поверил рассказам португальцев, что корабли принадлежат маврам из Северной Африки, с благодарностью принял подарки и согласился дать лоцманов.

Португальцы торопились. Их обман мог открыться в любую минуту. Когда султан сошел на берег, они отправились к островку, на котором жили лоцманы. Только успели спустить шлюпку, как увидели приближающиеся боевые ладьи мозамбикцев. Но на ладьях не было пушек, а корабли Васко да Гамы были отлично вооружены. Первый же залп отогнал воинов султана. Тем временем привезли лоцманов.

Встречный ветер не давал продолжить путь. На кораблях кончилась пресная вода. У источников стояла стража. Тогда Васко да Гама приказал расстрелять стражу из пушек, высадил десант и затем начал перехватывать все лодки и корабли, входившие в залив. Это случилось 23 марта 1498 года. В Индийский океан пришли пираты. Первой добычей оказалась лодка, груженная пузырьками с аро-

матной водой и арабскими книгами.

На следующий день ветер переменился, португальцы двинулись дальше и 7 апреля остановились у города Момбасы.

Три дня они вели себя как путешественники, не помышляющие ни о чем, кроме торговли. Но на четвертый день арабская лодка принесла в город весть об их бесчинствах в Мозамбике. Лоцманы сумели сбежать на берег, и Васко да Гама был разгневан. Не имея возможности начать войну со столь богатым и сильным городом, он начал пытать арабов, захваченных у Мозамбика.

13 апреля корабли Васко да Гамы покинули Момбасу. На другое утро были замечены два небольших судна. Когда португальцы настигли одно из них, все арабы — матросы и пассажиры — прыгали в воду. Надеясь найти среди них лоцмана, португальцы выловили их, а затем перебрались на их корабль и нашли там мешки с зерном, мясо, немного золота и молодую женщину — жену одного из пассажиров, богатого купца.

С пленниками на борту корабли Васко да Гамы вошли в порт Малинди. Положение было сложным: лоцмана все еще не было, а в Малинди уже знали о поведении португальцев в Момбасе и Мозамбике. Тогда да Гама, оставив захваченную в плен молодую женщину заложницей, высадил на берег ее мужа, велел ему сообщить султану Малинди о мирных намерениях португальцев. Султан, который враждовал с соседями, решил, что португальцы могут оказаться полезными союзниками. Он прислал провизию, обещал дать лоцманов, а потом и сам явился на борт. В ответ на это

да Гама отпустил всех пленников и возместил убытки, объяснив свое поведение ошибкой: он, мол, полагал, что лодка из Момбасы, а там на португальцев «предательски напали».

Через два дня на корабль прибыли лоцманы, которые должны были привести португальцев прямо в Индию. Теперь Васко да Гама был спокоен. Участники бунта старались не напоминать капитану-командиру о своих недавних грехах. Все были возбуждены ожиданием близкого обогащения.

Дальнейший путь занял чуть больше двадцати дней. 18 мая показалась вершина горы Эли на малабарском побережье, а на следующий день корабли Васко да Гамы встали на якорь у города Каликут.

Три дня стояли корабли на рейде Каликута, прежде чем пришло приглашение от каликутского государя — заморина.

Заморин решил сам купить весь португальский груз и продать взамен пряностей. Обмен был для португальцев выгоден — пряности здесь стоили в десятки раз дешевле, чем в Европе. Покидая Каликут 30 сентября, португальцы взяли в качестве заложников шестерых индийских купцов.

Далее португальские корабли пошли вдоль Малабарского побережья на север. Через несколько дней были замечены паруса. Капитан-командир послал один из кораблей наперехват. В трюмах еще оставалось много места, а так как продавать было больше нечего, да Гама решил грабить встречные суда.

Догнав индийские суда, португальцы захватили одно из них. Это была длинная парусная лодка, и

всего-то добра в ней — несколько кокосовых орехов и кувшины с пальмовым маслом.

Вскоре к португальским судам приблизилось несколько кораблей. На корме одного из них стоял высокий старик, который крикнул, что он пришел с миром. Васко да Гама отдал приказ подготовиться к abordажу, а тем временем пригласил старика к себе.

Старик оказался адмиралом флота султана Гоа, по происхождению гранадским евреем. Разговор тек вежливо и чинно, адмирал из Гоа пригласил адмирала из Лиссабона посетить его город. А пока шла беседа, португальцы тихо взобрались на борт индийского корабля и набросились на матросов. Тогда Васко да Гама сбросил маску вежливого хозяина, старика связали, сорвали с него одежды и начали избивать плетьюми, чтобы узнать, не подослан ли он какими-нибудь врагами.

Несмотря на жестокие пытки, адмирал из Гоа продолжал уверять, что прибыл лишь за тем, чтобы пригласить португальцев в свой город. Тогда Васко да Гама обещал сохранить ему жизнь, если он поможет захватить корабли его эскадры, стоявшие неподалеку.

Ночью на захваченном корабле, набитом португальцами, старика подвезли к кораблям. Он должен был кричать, что едет с друзьями. Когда же его корабль приставал к борту жертвы, португальцы перепрыгивали на борт и тотчас начинали резню.

Тех, кого нашли на судах, перебили; на тех, кто успел доплыть до берега и убежать в лес, устрои-

ли облаву. К вечеру набралось более ста пленных. Из них отобрали тридцать шесть, чтобы приковать их в трюмах к помпам, а остальных загнали на обрыв и изрубили мечами.

Обратный путь оказался длинным и тяжелым. Началась цинга, которая скосила многих матросов. Из всех капитанов лишь Паулу да Гама, удивительно отличавшийся от брата мягкостью и добротой, сам ухаживал за больными и умирающими. Если от Африки до Индии шли двадцать три дня, то из Индии к Африке плыли три месяца, и лишь 2 января 1499 года показался африканский берег. Португальцы сбились с курса и вышли значительно севернее Мозамбика, куда они стремились. Дальше путь лежал вдоль африканского берега.

У того места, где Васко да Гама раскрыл заговор, он собрал матросов и произнес речь. Заговорщики, которые все еще сидели в цепях, умоляли о прощении. Но Васко да Гама «с сожалением» сослался на клятву провести их в цепях по Лиссабону, которую он не мог нарушить.

18 сентября состоялся торжественный въезд Васко да Гамы в Лиссабон. Под звон колоколов команды кораблей, одетые в индийские драгоценные ткани, прошествовали, неся трофеи, к королевскому дворцу. В процессии шли закованные в кандалы заговорщики. Командир сдержал свою клятву.

Васко да Гама был осыпан почестями, получил титул дона и свой родной город Синеж в ленное владение. Правда, город ему так и не передали: тот принадлежал ордену Сантьяго, который выполнить королевскую волю не пожелал.

(И. В. Можейко7 В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Адмирал Кабрал

А в Португалии тут же начали готовить новую, из тринадцати кораблей, эскадру, но командовать ею поручили не Васко да Гама. Адмиралом был назначен Кабрал. Эта эскадра, ушедшая в море 9 марта 1500 года, вначале слишком отклонилась на запад, достигла берегов современной Бразилии и присоединила эту территорию, названную Землей Святого Креста, к владениям португальской короны. Повернув на восток, Кабрал пошел в Индию. Во время бури у мыса Доброй Надежды португальцы потеряли четыре корабля. На одном из них погиб все еще находившийся в опале Бартоломеу Диаш, назначенный комендантом еще не завоеванных золотых приисков в Софале.

13 сентября эскадра была в Каликуте. Однако здесь не обошлось без неприятностей. Васко да Гама был жесток, но, когда нужно, осторожен. Кабрал этими способностями не обладал. Ими не обладали и прибывшие с эскадрой в Индию монахи и купцы, вообразившие себя под защитой корабельных пушек хозяевами Каликута, наставниками в истинной вере и диктаторами на рынках. Сам Кабрал занялся мелким разбоем и гонялся за ма-

вританскими кораблями прямо в бухте Каликута.

Португальские купцы требовали, чтобы им отдавали все лучшие товары рынка, и старались вообще не допускать к торговле мусульманских купцов. Тогда в городе произошло восстание, и пятьдесят португальцев — все, кто находился на рынке и охранял лавки, — были перебиты.

Кабрал тут же принял ответные меры. Он сжег и потопил не только все мусульманские, но и все индусские корабли в бухте Каликута, а затем обстрелял сам город. Каликут был охвачен пожаром. После этого Кабрал отплыл в Кочин, правитель которого враждовал с каликутским заморином, и устроил там факторию. В Лиссабон эскадра вернулась в июле 1501 года.

Встреча была далеко не такой радостной, как рассчитывал Кабрал. Он потерял в пути половину кораблей, допустил гибель пятидесяти португальцев. Экспедиции в Индию должны были быть прибыльными, Кабрал же особых богатств не привез. И поэтому следующей эскадрой вновь командует Васко да Гама.

Васко да Гама уходил в новое плавание адмиралом Индии с наследственной ежегодной пенсией в триста тысяч рейсов. Основной целью его экспедиции был подрыв и, если возможно, полное уничтожение мавританской торговли в Индийском океане. Для этого с первого же дня пребывания там Васко да Гама стал выдавать пропуска кораблям, которым он счел нужным разрешить плавание. Все остальные были обречены на разграбление. Кроме того, да Гама предложил королю оставить часть эскадры у берегов Индии. Этот посто-

янный патруль должен был приучить местных торговцев к мысли, что хозяева Индийского океана — португальцы.

К индийскому побережью вышли недалеко от Гоа и последовали на юг. У острова Анжедива, где в прошлое плавание захватили гоанскую эскадру, увидели паруса лодок морского разбойника Тимоджи, спустили шлюпки, настигли пиратов в устье реки и сожгли их поселение.

Через несколько дней португальцы увидели в море паруса одинокого корабля. Это было крупное каликутское судно, возвращавшееся из Аравии с деньгами, вырученными за ежегодную торговлю, и более чем с четырьмястами паломниками, совершившими путешествие в Мекку.

Окружив судно, португальцы приказали ему бросить якорь и поднялись на борт. Далее последовал разговор между капитаном корабля и Васко да Гамой, который приводит в своей истории Гаспар Корреа:

«Португальцы поехали туда на лодках и целый день возили оттуда грузы на португальские корабли, пока не опустошили весь корабль. Капитан-командир запретил привозить с корабля мавров и потом велел сжечь корабль. Когда капитан корабля узнал об этом, он сказал:

— Господин, ты не выиграешь ничего, убив нас, прикажи заковать нас в кандалы и отвезти в Каликут. Если мы не нагрузим твоих кораблей бесплатно перцем и другими пряностями, сожги нас. Помни, что даже на войне щадят тех, кто сдается, а мы ведь не сопротивлялись вам, примени же к нам правила великодушия.

. А капитан-командир ответил:

— Тебя сожгут живьем... ничто не остановило бы меня предать тебя сотне смертей, если бы я мог это сделать».

После этого разговора Васко да Гама приказал отправить капитана каликутского судна обратно и поджечь судно. Но тут едва не произошла осечка.

Несмотря на то, что у индийцев и арабов было отобрано оружие, они, узнав о решении португальцев, с голыми руками бросились на тех матросов Васко да Гамы, которые еще не успели спуститься с лодки. Затем они обрубали якорный канат, надеясь, что ветер подгонит их корабль к берегу. Однако португальцы окружили корабль на лодках, потом взяли на abordаж и загнали всех его защитников в трюм. После этого они уже спокойно зажгли его и отошли на безопасное расстояние, чтобы наблюдать, как сгорят заживо семьсот человек, среди которых были сотни женщин и детей.

Но индийцы не сдавались. Им удалось взломать люки. Задыхаясь от дыма, люди бросились наверх. Один из участников плавания Васко да Гамы пишет: «Многие женщины метались, поднимая на руки своих маленьких детей, и, протягивая их к нам, старались возбудить в нас жалость к этим невинным».

Индийцам удалось сбить пламя. Казалось, что корабль избежит гибели. Тогда адмирал приказал расстреливать индийцев из всех корабельных орудий.

Один из португальских кораблей слишком близко подошел к обугленному остову каликут-

ского судна, и индийцы бросились на abordаж. Как говорит Гаспар Корреа, «они были храбрыми воинами и предпочитали погибнуть от мечей, чем сгореть живьем».

Наконец корабль медленно погрузился в море. Вот как заключает Гаспар Корреа свой рассказ: «Мавры плавали вокруг, а наши преследовали их на шлюпках и убивали копьями. Случилось так, что мавр, плывший в воде, нашел в воде копье. Он поднялся над водой насколько мог и швырнул копье в лодку. Копье пронзило и убило одного матроса. Это показалось мне замечательным случаем. Я записал его».

Устроив факторию в Кананоре, который признал власть португальцев, Васко да Гама со зловещим юмором заявил: «Я тороплюсь в Каликут, чтобы передать заморину богатые подарки за хороший прием, оказанный Кабралу». Каликут было решено стереть с лица земли, чтобы его судьба стала примером всем непокорным. Отделив несколько кораблей для того, чтобы патрулировать Малабарское побережье, захватывать и жечь все индийские корабли без португальских пропусков, адмирал Индии направился к Каликуту. Заморин уже знал о появлении португальцев и даже послал им два письма, в которых предлагал мир.

Когда эскадра вошла в бухту, та была пуста. Все корабли укрылись в устье реки.

В ответ на письма заморина и предложение возместить все убытки, понесенные Кабралом, да Гама ответил, что король Португалии может, если захочет, сделать заморином Каликута любое дерево. Условием мира он поставил изгнание из го-

рода всех мусульманских купцов. Заморин уверял португальцев, что четыре тысячи мусульман изгнать из города невозможно, что он сам готов приехать к Васко да Гаме и обсудить с ним этот вопрос. Однако все было напрасно.

Эскадра обстреливала город целые сутки и прервала бомбардировку только тогда, когда в расшатанных залпами корпусов кораблей появилась течь. В это время в гавань вошло двадцать четыре индийских корабля, на которых не подозревали о том, что творится в Каликуте. Все они, за исключением шести судов из Кананора, были тут же захвачены и разграблены. В плен попало более восьмисот моряков и торговцев.

Пленникам отрубили руки, уши и носы и свалили все это в лодку. Затем к адмиралу подвели посла заморина — верховного жреца Каликута, которого еще недавно португальцы принимали как главу местных христиан и который никакого отношения ни к маврам, ни к исламу не имел. Старому жрецу тоже отрубили нос, уши, руки и положили его, залитого кровью, в лодку. На грудь ему прикрепили письмо, в котором Васко да Гама советовал приготовить плов из содержимого лодки.

Передадим дальше слово Гаспару Корреа, спокойствию и обстоятельности которого можно только позавидовать:

«Когда так поступили со всеми индусами, он приказал связать их ноги вместе. У них не было рук, чтобы развязаться, а чтобы они не развязали путы друг другу зубами, он приказал выбить им зубы клепками из бочек... Потом их навалили кучей на корабль. Сверху адмирал велел покрыть их

циновками и пальмовыми листьями и, подняв паруса, пустить корабль по ветру к берегу, а сам приказал стрелять по нему. Там было более восьмисот мавров. Маленькую лодку, где был жрец и все уши и руки, он тоже приказал послать под парусами к берегу, запретив стрелять по ней. Корабли эти быстро добрались до берега, а там толпа начала спасать из огня тех, кто еще был живым, громко оплакивая их».

Даже на фоне жестокости, царившей в годы, когда горели костры инквизиции в Испании и Нидерландах, когда испанцы избивали инков и майя, эти поступки — явление из ряда вон выходящее. Это не единичный акт мести, а холодная политика. Действия Васко да Гамы нельзя оправдать религиозным рвением или ненавистью к исламу. Известно, что он хорошо обращался с правителем Малинди и с мусульманами из Кочина и Кананора, изъявившими готовность подчиниться. Ненависть его была избирательна, а посему говорить о каких-либо чувствах не приходится. Как-то, когда Васко да Гама попали в руки несколько индийцев, он решил использовать их в качестве живых мишеней в стрельбе из арбалетов, для чего приказал развесить пленных на реях головами вниз. К нему подбежал один из офицеров и сказал, что эти люди не только не мавры, но даже не индусы, а те самые местные христиане, которых столь упорно разыскивали португальцы. Васко да Гама велел позвать священника... и перед смертью христиан исповедали.

Когда каликутский заморин направил послов в Кочин, чтобы открыть глаза союзнику португаль-

цев на их дела, португальцы послов перехватили, отрезали им уши и носы, а на их место пришили собачьи и в таком виде вернули послов обратно. Заморин собрал флот и бросил его вдогонку за португальцами. Судьбу боя вновь решили португальские пушки. Флот индийцев был разбит.

Однако и Каликут, и некоторые другие индийские прибрежные государства, несмотря на поражение, боролись с удивительным упорством. Португальцам стало ясно, что придется держать в океане постоянный сильный флот, а для этого нужны крепости, на которых флот может базироваться.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Д'Алмейда и д'Альбукерки — португальские вице-короли

Индия была объявлена вице-королевством Португалии, и первый вице-король, д'Алмейда, отправился туда в 1505 году. Вмешавшись в династические распри в Килве, д'Алмейда посадил на престол своего ставленника и основал там крепость, в которой оставил полутысячный гарнизон. Он построил флоты в Софале и Мозамбике, разрушил до основания Момбасу, заключил союз с пиратом Тимоджи, услугами которого решил пользоваться против мусульманского судоходства.

К этому времени известия о зверствах португальцев вызвали возмущение в Передней Азии, и турецкий султан даже пригрозил, что разрушит все христианские святыни в Палестине и Сирии, если португальцы не прекратят террора.

От португальской политики пострадали не только мусульманские торговцы Ближнего Востока — это был удар и по христианской Венеции. Поэтому, когда египтяне стали собирать флот, чтобы разгромить португальцев в Индийском океане, их тайно поддерживали венецианские купцы. Из Венеции поступали корабельный лес и пушки, оттуда прибыли и советники.

В 1508 году египетский флот вышел в Красное море. Под Чаулом он настиг португальскую эскадру, которой командовал сын вице-короля. В бою португальская эскадра была уничтожена и ее командир погиб.

Вице-король собрал все свои силы. У португальцев было явное превосходство в артиллерии, их корабли были подвижнее и крепче, чем египетские. После ожесточенного боя с каликутско-египетским флотом д'Алмейда одержал победу, обеспечившую португальцам господство на морских путях в Индию.

В 1509 году, когда эскадра вице-короля возвращалась на родину, было решено наказать готтентотов, которые «посмели» сопротивляться, когда у них отбирали скот и захватывали рабов. Д'Алмейда сам возглавил карательный отряд. Однако, когда закованные в латы португальцы, преследуя врагов, отошли от берега, готтентотские пастухи сумели прогнать стада между берегом и порту-

гальцами. Португальцы были окружены и перебиты. Погиб и вице-король Индии.

Не так гладко, как хотелось бы португальцам, шли поначалу их дела и при следующем вице-короле — д'Альбукерки, который после захвата ряда арабских крепостей на берегах Аравийского моря по настоянию маршала Португалии Фернана де Коутиньо, специального посланника короля Манозля, предпринял новую акцию против Каликута. Маршал Португалии, второй человек в королевстве, желал обязательно войти во дворец заморина с хлыстом в руке. Существование непокоренного Каликута было вызовом португальскому могуществу.

Португальцы высадили на берег сильный десант и после упорного боя пробились во дворец. Де Коутиньо, верный своему обету, не выпускал из рук хлыста. Но когда португальцы бросились к сундукам и в подвалы, воины заморина окружили дворец и перебили всех португальцев, в том числе и маршала. Д'Альбукерки искал для португальцев в Индии надежную базу. Такой ему показался Гоа. Со второй попытки португальцы захватили город и перебили всех мусульман без различия пола и возраста. Превращенный в неприступную крепость, Гоа стал столицей португальских владений на Востоке.

В 1511 году д'Альбукерки захватил Малакку и тем самым замкнул на востоке цепь португальских крепостей в Индийском океане. На западе в 1514 году был захвачен Ормуз у входа в Персидский залив. Таким образом, всего через пятнадцать лет после возвращения Васко да Гамы из

первого путешествия Португалия стала хозяйкой Индийского океана. При д'Альбукерки она достигла вершины своего могущества. И хотя в последующие годы португальцы отыщут пути к Китаю и Японии и завладеют Молуккскими островами (теми Островами пряностей, к которым они так стремились), вся дальнейшая история их колониальной империи — медленное умирание. Д'Альбукерки был первым и последним строителем ее, последующие вице-короли — в лучшем случае защитниками. Остается добавить, что д'Альбукерки так и не увидел родины: его победили раны, климат и интриги придворных. Когда он уже был тяжело болен, ему сообщили, что в Гоа прибыл новый вице-король. Д'Альбукерки сразу стало хуже, и 8 ноября 1515 года он умер.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Антониу де Фария

Фернао Мендешу Пинту, молодому человеку двадцати трех лет, из-за какой-то темной истории пришлось срочно покинуть родную Португалию, и он отплыл 11 марта 1537 года в Индийский океан на борту одного из кораблей «небольшой армады». Командирами на кораблях были: «на «Королеве» — Педро да Сильва по прозвищу Петух,

сын адмирала Васко да Гамы; на «Святом Рохе» — дон Фернандо де Лима, сын Диего Лопеса де Лимы, который в следующем, 1538 году пал, защищая крепость Ормуз; на «Святой Варваре» — его двоюродный брат Жорже де Лима, который должен был занять пост коменданта Чаула; на «Морской пене» — его постоянный командир Лопо Вас Вогадо и, наконец, на «Галисийке», вместе с которой погиб впоследствии Педро Лопес де Соуза, — некий Мартин де Фрейтас, уроженец острова Мадеры, убитый в том же году в Дамане с находившимися там под его началом тридцатью пятью людьми». В Мозамбике армада застала на зимовке корабль «Святой Михаил». «Корабль этот отплыл впоследствии на родину с весьма ценным грузом, но на пути исчез бесследно, и по сию пору неизвестно, что с ним произошло, как за прегрешения наши это часто случалось на путях в Индию».

Так описал начало плавания сам Пинту, оставивший замечательную книгу о своих странствиях, в которой точное и увлекательное описание стран, окружающих Индийский океан, сочетается с фантазиями, достойными пера Рабле, и приключения, выпавшие на долю Пинту за много лет, перемежаются с чудесами, явно придуманными для того, чтобы удивить читателя. Книга вышла в свет в начале XVII века, после смерти ее автора, и сразу же стала сенсацией.

Пинту за двадцать лет побывал в Восточной Африке, в Индии, в Малакке, на Яве, плывал на пиратском корабле у берегов Вьетнама и Южного Китая, путешествовал по Сиаму, Бирме, попал в

Японию, на Молуккские острова — труднее сказать, где он в тех краях не был.

От многих других португальских фидалго, искателей славы и богатств в Южных морях, Мендеша Пинту отличает, конечно, в первую очередь то, что ему сказочно повезло. Он прожил двадцать лет в непрерывных походах, плаваниях, авантюрах и не умер от лихорадки, не утонул, не погиб в стычке. Вернее сказать так: он много раз тонул, умирал от лихорадки и других болезней, помирал от голода, погибал в стычках, но остался жив.

Не прошло и полувека с тех пор, как Васко да Гама увидел берег Индии, а португальцев уже никто не воспринимает здесь как загадочную, роковую силу. Они воюют и вступают в союзы с местными властителями, теряют крепости и строят новые, торгуют и грабят. С ними тоже воюют, и порой небезуспешно, с ними тоже торгуют, их тоже грабят, им мстят. К середине XVI века становится ясно, что безраздельными властителями Индийского океана португальцы не стали и не смогут стать. И с каждым годом все чаще португальские авантюристы начинают действовать на свой страх и риск — появляются частные торговцы, пираты, наемники, идущие на службу к султанам Малакки, королям Бирмы и Сиама.

Значительную часть книги Мендеша Пинту занимает рассказ о его плаваниях в Южных морях на корабле отважного пирата-мстителя де Фарири.

С португальским дворянином Антониу де Фарией Мендеш Пинту повстречался в Малакке, куда тот был послан с дипломатическим поручением. У благородного дворянина была и личная

цель: продать привезенные с собой индийские ткани. Что-то с продажей не ладилось, и тогда де Фария послушался совета знающих людей, которые сказали, что сделать это можно с большой выгодой в Лигоре, где раз в году объявляется беспошлинная торговля. Де Фария нанял небольшое судно, фактора, нескольких солдат. Там же разместились и мелкие купцы, в их числе Пинту. Все участники этой небольшой экспедиции рассчитывали на шестерную прибыль.

Когда судно пришло в Лигору, оказалось, что гавань переполнена кораблями, и пришлось бросить якорь в устье реки, что купцов и солдат беспокоило, потому что местные власти за пределами гавани безопасности не гарантировали.

Утром не успели португальцы поднять якорь, как рядом появилась большая джонка, с нее протянулись абордажные крюки, и в мгновение ока португальцы оказались во власти врагов. С джонки раздались выстрелы, посыпался град камней и копий. Лишь четверо португальцев, в том числе Пинту, успели прыгнуть за борт и, добравшись до берега, скрылись в кустарнике.

После долгих блужданий по топким берегам реки португальцы были спасены местными торговцами и узнали от них, что стали жертвой мусульманина Кожа Асена, который дал обет уничтожать португальцев, где бы он их ни встретил. Причина заключалась в том, что один португальский капитан захватил корабль, на котором возвращались из Мекки отец и два брата Кожа Асена, и убил их.

Когда де Фария узнал о судьбе товаров на об-

щую сумму двенадцать тысяч крузейро, он, по словам Пинту, «в течение получаса ничего не мог выговорить». Благородный дворянин был разорен, и положение усугублялось тем, что деньги, на которые он купил товары, были взяты в долг у молуккских купцов.

И тогда де Фария в присутствии множества португальцев поклялся на Евангелии, что отправится искать того, кто лишил его имущества, и с лихвой возместит убыток «по-хорошему или по-худому». Присутствующие одобрили этот порыв, и несколько молодых португальцев согласились разделить судьбу и будущее богатство да Фариин. Мендеш Пинту оказался среди них: у него, как и у де Фариин, не осталось ни гроша, и ссудить его деньгами в Малакке было некому.

Выйдя в море на небольшом корабле, де Фария взял курс на северо-запад, к берегам Тьямпы и Южного Китая. Будучи человеком любознательным, он, по словам Пинту, занимался по мере сил географическими исследованиями, интересовался флорой и фауной. Вообще Мендешу Пинту хочется показать де Фарию в самом лучшем свете. Ведь это «благородный» пират, он не просто гоняется за наживой, а мстит из благородных побуждений. Поэтому пират нападает только на тех «неверных», которые ведут себя неблагородно. Например, встречает он корабль, салютует ему, как положено, а «неверные» вместо вежливого ответа, «догадавшись, по-видимому, что мы португальцы, к которым они приязни не питали, вместо того, чтобы ответить нам подобным же образом, показали нам с кормовой надстройки не более не ме-

нее как — простите за выражение — голую задницу какого-то кафра... чем жестоко оскорбили Антониу де Фария».

Конечно, «оскорбленный» пират это так не оставил. После короткого боя почти все, кто был на борту корабля-оскорбителя, погибли, а пять оставшихся в живых, в том числе злосчастный кафр, были подвергнуты жестокой пытке, после чего им пробили черепа железными палками. Товаров на корабле было захвачено на сумму втрое большую, чем отобрал Кожа Асен, но мститель на этом не успокоился.

От приключения к приключению шел по Южным морям де Фария, и вскоре слухи о нем распространились так широко, что ему все труднее было находить места, где о нем еще не знали. Как-то пираты захотели зайти в один из портов, но им сообщили, что там приготовились их достойно встретить. Они бросились прочь, но пришлось задержаться из-за противного ветра. И вдруг на реке, в устье которой стоял корабль, появилась флотилия лодок. Пираты пришли в ужас, потому что решили, что это боевые лодки, посланные местным правителем. Однако им повезло: оказалось, что это просто богатая свадьба. Антониу де Фария тут же приказал расцветить свой корабль флагами и лентами, и флотилия, которая везла невесту, решила, что это корабль, на котором прибыл жених. Флотилия проследовала к противоположному берегу и остановилась в ожидании послов от жениха. Но послов не было, так как португальцы опасались засады.

Наступил вечер. Родственники невесты, удив-

ленные поведением «жениха», послали к нему на корабль почтенных старцев. Увидев приближающуюся лодку, пират приказал всем португальцам спрятаться внизу, оставив на палубе лишь китайских матросов, и когда старцы поднялись на борт, их схватили и связали. Лодку, в которой они приплыли, забросали горшками с порохом; тех, кто остался жив, выловили из воды и тоже бросили в трюм. Затем корабль де Фарии подошел к остальным лодкам и, напав на первую из них, в которой находилась невеста, взял ее на абордаж. Сопровращения ему не оказали никакого, так как там «были одни лишь гребцы и, если судить по одежде, еще шесть или семь почтенного вида людей, родственников, сопровождающих несчастную невесту и двух мальчиков, ее братьев».

Затем наступила очередь других лодок.

Благородный дворянин был на этот раз сравнительно добр. Когда ему надоели причитания пленников, Антониу де Фария, «убедившись, что это по большей части ни на что не пригодные старухи, высадил их всех на берег, удержав у себя только невесту и ее братишек, так как они были молоды, белолицы и пригожи собой, а также двадцать человек матросов, которые нам весьма пригодились». После этого пираты снялись с якоря и с помощью «поднявшегося милостью божьей ветра» умчались в открытое море, чтобы избежать неприятных последствий. И вовремя: вскоре они встретили флотилию из пяти кораблей, на одном из которых плыл к своему счастью жених. Но жених не заподозрил ничего неладного и добродушно ответил на приветствие португальского корабля.

Семь с половиной месяцев де Фария пиратствовал в Южных морях, пока не решил отправиться в Сиам перезимовать и с выгодой продать награбленное. Но тут начался шторм, прогнившие канаты рвались, как нитки, и перегруженные добычей корабли (а их у де Фарии было уже четыре) понесло на скалы. Они разбились, унося ко дну пиратов и пленных. Из девятисот пятидесяти человек, находившихся на кораблях, до необитаемого острова добралось чуть больше полусотни. Когда рассвело, оставшиеся в живых пираты увидели, что весь берег острова завален трупами и обломками кораблей. Ужас и отчаяние охватили их. Но в этот момент появился де Фария в красном китайском халате, который он снял с одного из мертвецов, и произнес краткую речь о том, что если господь счел нужным покарать пиратов, то скорбеть и обижаться не следует. Потери их составляют примерно пятьсот тысяч крузейро, следовательно, в ближайшем будущем надо добыть шестьсот тысяч. Пираты сразу воодушевились и занялись похоронами товарищей и спасением того, что выбрасывало море.

Так прошло две недели. Помощи свыше все не было, и голодные пираты бродили по берегу, ожидая смерти. Наконец, Бог, по мнению Пинту, явил свое благословение несчастным разбойникам: к острову приблизилось небольшое судно, вошло в реку и пришвартовалось к высокому берегу. Когда его команда сошла на берег и занялась заготовкой пресной воды и стиркой, пираты бросились на оставленный корабль, отдали швартовы и отплыли быстрее, чем команда успела сообразить, что

же произошло. А когда сообразила — было поздно. На всякий случай пираты выстрелили по ограбленным из пушки и отправились ужинать, благо ужин был уже готов.

В трюме пираты нашли много товаров и продуктов, а также мальчика лет двенадцати, сына хозяина корабля. Антониу де Фария был в прекрасном настроении и обещал любить мальчика, как собственного сына, чтобы утешить его за потерю отца. Мальчик, однако, попросил, чтобы ему позволили прыгнуть за борт и попытаться доплыть до острова: уж лучше утонуть, чем жить среди таких бессовестных людей. Пираты принялись «корить мальчика за то, что он говорит такие вещи, на что он ответил: «Я видел, как вы, наевшись, воздевали руки к небу и губами, лоснящимися от жира, возносили благодарение Господу, как люди, которые считают, что небу достаточно, если перед ним скалят зубы... но я-то знаю, что Всесильный не только повелевает нам шевелить губами, но и запрещает убивать и грабить. Его божественное правосудие вас жестоко покарает».

Сказав так, мальчик забился в угол и три дня ничего не ел. Что стало с ним потом, автор не сообщает. А пиратский корабль отправился срочно компенсировать пропажу пятисот тысяч крузейро и искать между делом, хотя и без особой настойчивости, Кожа Асена.

Обстоятельства пиратам благоприятствовали, особенно после того, как они встретились с кораблем под командованием Киай Панжана, китайца по происхождению, в команде которого было тридцать португальцев, китайцы, малайцы, япон-

цы. Объединив силы с «коллегами», де Фария напал на след Кожы Асена, и после отчаянного сражения союзники одолели врага, который пал в этом бою. Как пишет Пинту, «наши, воодушевленные именем Господа нашего Иисуса Христа, которого они беспрестанно призывали, и сознанием одержанной победы и приобретенной таким образом славы, покончили со всеми, за исключением пяти, которых они забрали живьем. Этих последних, перевязав им руки и ноги, бросили в трюм, чтобы допросить их под пыткой, но они перекусили друг другу горла из страха перед возможной казнью... Наши изрубили их в куски и выбросили за борт вместе с собакой Кожы Асеном».

Так Антониу де Фария выполнил свою клятву и отомстил за потерю двенадцати тысяч крузейро. Дальше были снова бури, снова тонули нагруженные пиратские корабли и снова де Фарии приходилось начинать все сначала. Приключения, грабежи и убийства тянутся на пятьдесят глав книги Пинту и начинают утомлять однообразием. В конце концов в августе 1542 года у берегов Южного Китая корабли де Фарии вновь попали в шторм, и в темноте Мендеш Пинту потерял из виду корабль де Фарии. Последнее, что он услышал, был крик: «Господи, смилуйся над нами!», отчего он заключил, что корыстный мститель тонет. Корабль же Мендеша Пинту разбился о скалы у берегов Китая, и Пинту попал в тюрьму.

Как выяснилось теперь, Пинту ошибся. Де Фария и на этот раз остался жив, потому что, как следует из завещания, умер он в Гоа — правда, так и не разбогатев. И если проклятия мальчика-

китайца, отца которого де Фария оставил на верную смерть на необитаемом острове, сбылись хоть частично, посмертное наказание для пирата, все время призывавшего господина на помощь, было суровым.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Френсис Дрейк

Вторая половина XVI века предвещала неизбежную схватку между Англией и Испанией. Мир, поделенный между Испанией и Португалией папской буллой, был закрыт для английских кораблей. Богатства Востока и Нового Света проплывали мимо кошель английских и голландских купцов; серебро, выкачанное испанцами из колоний, позволяло им вмешиваться в политику и внутренние дела всей Европы, в том числе и Британии. Решающая схватка состоится в конце века. Пока Англия еще слишком слаба, чтобы бросить вызов Испании. Но это не значит, что энергичная королева Елизавета и ее советники сидят сложа руки. Их политика, направленная на сокрушение величия католической Испании, предусматривает нанесение ударов испанцам везде, где только можно. И пиратство — один из путей к этому.

Английские, французские (гугенотские) и гол-

ландские капитаны, ведшие свои эскадры к сердцу испанских владений — в Карибское море — и нападавшие на тяжело груженные галеоны, на которых вывозились богатства Америки, не считали себя пиратами. Когда они возвращались домой, их встречали как героев; в снаряжении их кораблей с охотой участвовали вельможи и короли. Но война между пиратами и испанцами была беспощадной, и если пират попадал в руки врагов, живым он не уходил. Жестокость войны усиливалась тем, что, помимо материальных соображений, никогда не забывался религиозный аспект проблемы. Английские, голландские и французские протестанты были для испанцев еретиками хуже дикарей, исчадием ада. И эти чувства были взаимны.

С каждым годом нападать на испанские эскадры становилось труднее, потому что Испания укрепляла свои форпосты в Карибском море, а торговые галеоны теперь часто шли под охраной военных кораблей. Зато в огромной акватории Тихого океана, уже освоенной испанцами, пока не знали европейских соперников. И вот во второй половине XVI века в Англии возникает идея проникнуть по ту сторону Американского материка, куда приходили «золотые» галеоны с Филиппин и где в рудниках Перу добывалось серебро.

Френсис Дрейк, родившийся около 1540 года в Девоншире близ Тейвистока, был старшим из двенадцати детей фанатичного протестанта, который в начале пятидесятых годов XVI века переехал в Кент. Там многочисленное и бедное семейство обитало в протекающем, полуразвалившемся корабле. Корабль был первым домом, который по-

мнил Дрейк. В двенадцать лет он стал юнгой. Впоследствии Дрейк любил подчеркивать свое протестантское происхождение и ненависть к католикам. Воспитание Дрейк получил с помощью дальнего родственника сэра Джона Хоукинса, знатного вельможи и известного моряка. Юношей Дрейк принимал участие в плаваниях Хоукинса. В 1567 году он уже командует кораблем «Юдифь», который вместе с другими судами Хоукинса совершал нападения на испанцев у берегов Америки. Эскадра Хоукинса попала в засаду и была разгромлена. «Юдифи», поврежденной меньше других, удалось выбраться из бухты, и, бросив товарищей на произвол судьбы, Дрейк взял курс домой. Адмирал Хоукинс вынужден был сказать о своем протее: «Он бросил нас в минуту несчастья», однако впоследствии Дрейку удалось вернуть себе расположение влиятельного родственника.

В 1572 году Дрейк возвратился к американским берегам с двумя небольшими судами и совершил одну из первых пиратских десантных операций — ему удалось захватить испанский город Номбре де Диос, ограбить его и разрушить церкви. Но вывезти добычу не удалось. Налетевший шквал намочил порох, а сам Дрейк был ранен в ногу. Пришлось спасаться бегством. Затем он отправляется в путешествие, которое сразу выделило его из числа простых искателей приключений. Движимый идеей проникнуть к Тихому океану, он организует переход через Панамский перешеек. Индейцы провели его к высокому дереву, с которого он увидел голубую бесконечность Тихого океана.

И, как он потом уверял, он вознес в этот момент молитву, чтобы господь дал ему силы выйти в этот океан на английском корабле.

Правда, он не первым поднял английский флаг над Тихим океаном. Это было суждено сделать одному из его спутников по Панамскому походу — Джону Оксенхэму. Перетаскив с помощью индейцев через перешеек разобранный одномачтовый бот, какие обычно находились на больших судах для разведки и связи с берегом, Оксенхэм спустил его на воду уже в Тихом океане. Он успел потопить два испанских корабля, но вскоре был настигнут боевыми каравеллами и после короткого боя взят в плен и повешен.

Дрейк же, удовольствовавшись тем, что ограбил несколько сухопутных испанских караванов, возвратился в Атлантику. 9 августа 1573 года он уже в Плимуте, овеянный славой смельчака, знающего путь к незащищенным испанским владениям. Нельзя сказать, что Дрейк разбогател, но он предпочитал не разочаровывать слушателей: успех его следующего похода в значительной степени зависел от произведенного впечатления.

Этот невысокий, плотный здоровяк с очень широкими плечами и грудью казался моложе своих лет. У него были вьющиеся каштановые, коротко подстриженные волосы, острая бородка и пышные усы. Главным украшением круглого лица были широко открытые, веселые голубые глаза. Английский жизнеописатель Дрейка, Бенсон, отметил, что на всех его портретах «удивленный и в то же время настороженный взгляд, как будто он узнал только что о чем-то крайне важном и очень

смешном и тут же готов действовать, не исключено, что за чей-то счет». Как бы продолжая эту мысль, другой английский исследователь, Уилкинсон, говорит: «Это, без сомнения, самое внимательное и открытое лицо во всей портретной галерее елизаветинского времени». Лицо было открытым, но настороженным.

Готовясь к плаванию, Дрейк по-разному информировал различных людей о его целях. Королеву и ее ближайших помощников он хотел соблазнить возможностью найти путь к Молуккским островам и другим землям, до тех пор закрытым для англичан, и тем самым изменить баланс сил в борьбе за будущую империю. Перед людьми, которых он надеялся привлечь к финансированию своего плавания, он выдвигал соблазн сказочной добычи у тихоокеанских берегов Америки. А для всех остальных капитан Дрейк готовился отплыть... в Александрию.

Пайщиков для своего предприятия он подобрал солидных, и надо полагать, что кое-кто из них знал о действительной цели путешествия. Из всех документов, связанных с отплытием Дрейка, до нас дошел лишь обрывок письма, написанного компаньонами, в котором они, сообщая о своей доле в этом предприятии, просили канцлера лорда Бэгли получить заранее одобрение королевы, чтобы не упустить благоприятной возможности для отплытия. Среди компаньонов были адмирал флота Клинтон и могущественный граф Лестер, а также Кристофер Хаттон, «любимый партнер Ее Величества по танцам». Поэтому, хотя историки уверяют, что лорд Бэгли ничего о действительной

сути дела не знал, ибо полагал, что Англия еще не готова к конфликту с Испанией, и остерегался идти на рискованные шаги, королева Елизавета согласилась принять Дрейка перед отплытием. Может быть, тут сыграл свою роль доктор Ди, придворный эксперт в космогонии и картографии, а по совместительству и астролог. Ди полагал, что если обогнуть Южную Америку, то можно достичь берегов Австралии — не того континента, который мы знаем сегодня, а громадного южного материка, который, как полагали, должен занимать значительную часть Южного полушария, чтобы уравновесить земную массу Севера. Не исключено, что во время аудиенции Дрейк смог заинтересовать королеву и соблазном богатой добычи, которая ждет англичан у тихоокеанского берега испанских владений. Некоторые исследователи полагают, что королева, рассчитывая на прибыль, тоже приняла денежное участие в экспедиции.

Сам Дрейк вложил в предприятие тысячу фунтов стерлингов — внушительную по тем временам сумму, практически треть всех расходов. Рассчитывали, что королева отдаст ему один из своих кораблей. Но королева не захотела столь открыто связывать свое имя с «торговой поездкой в Александрию», которая могла закончиться совсем не у берегов Африки. Тогда пайщики приобрели новый восьмидесятитонный корабль «Елизавета». Дрейк снарядил «Пеликана», к тому же ему были приданы маленькая «Мэриголд» и два небольших вспомогательных судна, которые следовало потопить после того, как припасы, погруженные на них, будут использованы экспедицией. Наконец предус-

мотрительный Дрейк приказал положить в трюмы кораблей в разобранном виде четыре быстрых бота. Пушки тоже до поры до времени покоились в трюмах. Питание и одежда моряков были заготовлены тщательнее, чем обычно. Помимо сухарей и солонины — основы морского рациона, были взяты такие продукты, как чернослив, мед и сыр.

Весной 1577 года, когда приготовления к путешествию были в разгаре, адмирал (в действительности Дрейк еще не был адмиралом, просто так обычно именовали старшего из капитанов эскадры) вдруг исчез из Англии. Мало кто знал, что эти несколько недель он провел в Португалии, где встретился с крупнейшими картографами и штурманами того времени. Ему надо было раздобыть сведения из секретных лоцманских карт португальцев и испанцев и проверить, правда ли, что в Магеллановом проливе существует сильное течение, которое позволяет кораблям проходить из Атлантического океана в Тихий, но вернуться тем же проливом не дает.

Тайных лоцманских карт, связанных с путями через Тихий океан, Дрейку в Португалии достать не удалось, зато он смог встретиться со знаменитым картографом Дураде и приобрести у него новейшую и подробную карту. Достал он и общее руководство для португальских лоцманов, однако о Магеллановом проливе сведения в руководстве были краткими и ненадежными — ведь уже несколько десятилетий никто этим проливом не проходил.

Когда Дрейк вернулся из Португалии, подготовка к плаванию заканчивалась. Его пайщики

были деловыми людьми и не впервые снаряжали морскую экспедицию. Загоревший под португальским солнцем, оживленный адмирал вновь окунулся в светскую жизнь, проводил весело время, уверял всех, что отдыхал где-то на юге. Но за весельем скрывалось дело: он подбирал себе спутников. С матросами все обстояло сравнительно просто, но вот кандидатов на командные должности было так много, что выбрать нужного человека и не обидеть влиятельного казалось труднее, чем пересечь Атлантический океан. Дрейк считал, что может полностью положиться на своего брата и на старого друга Тома Доути. Остальные были взяты, потому что их нельзя было не взять; например, как откажешь в месте Уильяму Хоукинсу, племяннику самого Джона Хоукинса, бывшего начальника и одного из пайщиков?

Наконец, Дрейк, полагая, что внешний блеск способствует росту авторитета, приказал тщательно оборудовать и украсить свою каюту, заказал у лучших портных несколько камзолов для торжественных встреч и, помимо пажа (своего двоюродного брата Джона), раба-негра и лакея, в дополнение к обычным в таких экспедициях трубачу и барабанщику нанял еще трех музыкантов, которые должны были услаждать слух адмирала и поднимать настроение команды.

Всего на борту пяти маленьких суденышек было сто шестьдесят четыре человека, включая ряд знатных офицеров.

На островах Зеленого Мыса, скрываясь от португальцев в тихой бухте, набрали свежей воды. Потом, уже выйдя в открытое море, подстерегли

два португальских корабля, и Дрейк с удовольствием воспользовался случаем для того, чтобы вспомнить старое ремесло пирата, а также проверить в деле своих новых спутников. Но главное, на что он рассчитывал, нападая на португальцев, — это найти на кораблях секретные карты или взять в плен хорошего кормчего. Последнее ему удалось. Кормчий да Силва сначала отказывался вести корабли англичан к Бразилии и дальше на юг, но после порки стал более сговорчивым.

Теперь подошло время поставить команды кораблей в известность о цели путешествия. Капитаны знали пароль, набор сигналов, которыми следовало пользоваться, и пункты встречи на случай, если флот разбросает бурей. Основным сборным пунктом было побережье Чили в 30 градусах южной широты. Это, кстати, очевидное указание на то, что Дрейк, хотя некоторые историки до сих пор настаивают на обратном, не намеревался идти на поиски Австралии или к Молуккским островам, не пройдя сначала вдоль берегов Южной Америки и не проверив, насколько хорошо испанцы охраняют эти воды.

А в Англии всего через несколько дней после отплытия Дрейка королева Елизавета возвела в рыцарское достоинство Кристофера Хаттона. И хотя злые языки уверяли, что причиной тому были исключительно хореографические способности ее фаворита, более серьезные люди связывали это с начинанием Дрейка. Ведь не случайно герб Хаттона был украшен сверху изображением золотой лани, а Френсис Дрейк, как только достиг американских берегов, переименовал свой корабль «Пе-

ликан». Отныне он звался «Золотой ланью» и под этим именем вошел в историю.

Путешествие через Атлантический океан заняло пятьдесят четыре дня. Здесь очень пригодился португальский лоцман: путь на юго-запад, к бразильским берегам, был еще мало знаком англичанам. Дрейк проводил много времени над картами и в беседах с да Силвой, с которым он постепенно сблизился. Он также внимательно присматривался к экипажам кораблей, особенно к офицерам, не гнушаясь при этом и сплетнями. Именно тогда Дрейк узнал, что его старый друг Том Доути имел во время месячной стоянки на Темзе тайную беседу с противником путешествия лордом Бэгли. Вызывал подозрения и капитан «Елизаветы» Уинтер, сын одного из пайщиков, навязанный компаньоном. Когда эскадра достигла берегов Патагонии с их холодом, туманами и дождями, Дрейку донесли, что Уинтер сказал своему кормчему: «Если бы я знал раньше, что так выглядит Александрия, предпочел бы, чтобы меня избili кнутом за дезертирство.» Хотя это была шутка — Уинтер с самого начала знал, куда идет эскадра, — Дрейк запомнил эти слова: он не любил сомнительных шуток.

20 июля 1578 года увидели знак, оставленный Магелланом на том месте, где он подавил бунт и расправился с недовольными, неподалеку нашли человеческие кости. Дрейк также объявил, что раскрыл заговор, однако до сих пор никто не знает, существовал ли заговор на самом деле или Дрейк счел нужным его изобрести, чтобы припугнуть недовольных. Друг Дрейка, Доути, обвинен-

ный в измене, был обезглавлен тут же на берегу. Историки спорят, в чем же была вина Доути, вспоминают трогательные детали суда и казни, когда Дрейк и Доути, преклонив колена, получили отпущение грехов, обнялись и Доути отдал себя в руки палача. Дрейк надеялся, что теперь никто из капитанов не посмеет вести себя самостоятельно. Будущее показало, что он ошибался.

20 августа показался вход в Магелланов пролив, и корабли осторожно поползли меж мрачных, извилистых берегов. Дрейк искал могучее течение, увлекающее корабли из Атлантического океана в Тихий. Течения не было: оно было придумано испанцами, чтобы отпугнуть конкурентов.

Посреди Магелланова пролива Дрейк приказал пристать к берегу, срубить дерево и положить его в трюм, чтобы привезти королеве Англии как доказательство того, что он прошел пролив. Затем Дрейк высадился на один из островов в проливе и объявил его собственностью королевы.

7 сентября 1578 года английские корабли прошли Магелланов пролив, и сейчас же для Дрейка и его спутников начались суровые испытания. Через два дня после того, как корабли вышли в Тихий океан, налетела буря. Три недели корабли несло на юг. Сквозь туман и струи ливня Дрейк увидел скалы — возможно, мыс Горн, но так до конца дней и не узнал, что был близ южной оконечности материка.

Наконец шторм немного утих. Показались какие-то острова, на которых нашлась пресная вода. Корабли, все еще державшиеся вместе, снова взяли курс на север. Однако, как только они подошли

к Магелланову проливу, начался новый шторм. 30 сентября большие корабли потеряли из виду малютку «Мэриголд», которую занесло в Магелланов пролив. Она погибла на рифах, и никто с нее не спасся. В ту ночь пропала и «Елизавета». Прождав ее несколько дней, Дрейк приказал идти на север. Так «Золотая лань» осталась одна.

«Елизавета» укрылась в Магеллановом проливе и два дня стояла на якоре. Капитан Уинтер приказал зажечь на берегу большие костры, чтобы дать знак «Золотой лани». Затем, так как погода все еще была неустойчивой, Уинтер приказал перевести «Елизавету» поглубже в пролив, где она простояла еще неделю.

После долгих приключений Уинтер в июне 1579 года привел свой корабль в Англию, где был отдан под суд за то, что покинул адмирала. Не помогла и добыча, привезенная Уинтером, нападавшим на обратном пути на торговые суда. Его приговорили к повешению. Правда, с приведением приговора в исполнение медлили до тех пор, пока не вернулся сам Дрейк. Дрейк, торжествующий и великодушный, подарил ему жизнь.

Пока Уинтер, стоя на якоре в Магеллановом проливе, размышлял, что делать дальше, Дрейк вел корабль на север мимо неизвестных даже да Силве берегов. Неподалеку от современного города Консепсьон, понимая, что уже близки испанские владения, Дрейк пристал к берегу и дал команде отдохнуть. А через несколько дней, когда двинулись дальше, заметили пирогу. Плывший на ней индеец попытался скрыться, но его догнали, подняли на борт и первым делом накормили. Про-

шло несколько часов, прежде чем индеец не без помощи да Силвы понял, что он не у испанцев, а у их врагов. Это было приятным открытием для индейца. Его соплеменников уже многие годы убеждали, что у испанцев врагов нет, потому что они покорили все остальные народы. На радостях индеец предложил показать путь к гавани Сантьяго, где стоял испанский галион.

5 декабря благодаря новому союзнику «Золотая лань» проникла в гавань. Галион «Капитан», стоявший там, был не простым судном: за несколько лет до этого он стал флагманским кораблем эскадры Сармиенто де Гамбоа, открывшего Соломоновы острова. К галиону направилась лодка с «Золотой лани». При ее приближении на галионе забил барабан. Барабан не предупредил — он приветствовал. Испанцы были убеждены, что в гавани появился испанский корабль, — появление англичан было невероятным.

Восемнадцать англичан во главе с самим Дрейком спокойно пристали к галиону и с помощью испанцев поднялись на борт. Корабль был захвачен без единого выстрела. Лишь один из испанцев, опомнившись, бросился за борт, чтобы предупредить жителей городка и тех членов команды, которые были на берегу. Заметив это, Дрейк приказал загнать остальных испанцев в трюм и послал партию матросов на берег: надо было успеть туда раньше, чем испанцы спрячут ценности и скроются в холмах.

Вечером на борту «Золотой лани» был пир в честь начала пиратской кампании. Дрейк поклялся своим спутникам, что не уйдет из этих вод, по-

ка не соберет миллиона дукатов. Уже на «Капитане» было найдено тридцать семь тысяч золотых дукатов из Вальдивии да еще две тысячи бочонков хорошего вина. Вино придало бодрость команде, а Дрейк был более всего доволен тем, что капитан галиона не успел уничтожить секретные карты побережья. Дрейк щедро наградил индейца и приказал спустить его на берег в удобном для него месте. В войне с испанцами он намеревался опираться на их врагов.

Ободренный первым успехом, Дрейк велел собрать один из ботов и направился на нем на юг, надеясь встретить исчезнувшие корабли. Однако в условленном месте никого не было.

Путешествие продолжалось. У маленьких испанских поселений «Золотая лань» высаживала десанты и грабила их дочиста. Погода была хорошая, вина еще оставалось достаточно. В свободное время Дрейк и его паж много рисовали. Играл оркестр. Порой происходили забавные случаи. В порту Тарапача Дрейк отправил на берег партию моряков, и они увидели под деревом спящего испанца, рядом с которым лежал мешок. Англичане подкрались к спящему и унесли мешок, в котором оказалось тринадцать слитков серебра. Потом несколько дней матросы хохотали, представляя себе, как испанец проснется и будет спрашивать своего католического бога: куда могло деться серебро?

Им везло. То заметили на берегу небольшой караван вьючных лам, которые несли восемьсот фунтов серебра, то в бухте Арика ограбили три небольших судна и на одном из них нашли двести

бочонков с вином. Вино как раз кончалось — моряки «Золотой лани» обладали завидной способностью поглощать его. Раза два пришлось столкнуться с испанскими отрядами, но в таких случаях Дрейк предпочитал не испытывать судьбу.

Узнав, что неподалеку идет галион, груженный золотом, Дрейк бросился в погоню, но опоздал. До испанцев дошли слухи о ворвавшемся к ним в тыл английском пирате. Золото с галиона успели снять на берег, где его охранял внушительный отряд солдат. Солдаты звали Дрейка сойти к ним, обещая научить его сражаться. Дрейк не решился на бой и ушел в море. Чтобы отомстить испанцам, он отдал буксир, на котором тащил за собой «Капитана» и еще один испанский корабль, и пустил корабли по воле ветра и волн навстречу верной гибели.

На следующий день он ворвался в другой испанский порт, где стояли на якорях двенадцать кораблей. Уже опустилась ночь, и команды кораблей сошли на берег, отмечая какой-то праздник. Дрейк узнал, что в этот порт должен прийти галион, груженный серебром, и потому его матросы обыскивали корабль за кораблем, срубая мачты, чтобы, когда испанцы спохватятся, они не смогли броситься в погоню. Серебра нигде не было.

Взошла луна. При ее свете Дрейк увидел, как в бухту спокойно входит еще один корабль и становится на якорь рядом с «Золотой ланью». Это был корабль из Панамы. Дрейк тут же направил к нему шлюпку. Испанцы попрыгали за борт, но один из них попал в плен и, когда его привели к Дрейку, сообщил, что два дня назад они встретили тя-

жело нагруженный галион. Дрейк тут же поднял паруса и, взяв панамский корабль на буксир, бросился вдогонку. Моряки не спали уже сутки, но Дрейк, собрав их, сказал: «Кто первым увидит галион, получит в награду золотую цепь».

Незадолго до этого о появлении Дрейка у Тихоокеанского побережья узнал вице-король Перу в Лиме. Он долго не мог поверить, что это не выдумки перепуганных торговцев. Но все новые известия о нападениях английского пирата, доходившие до вице-короля, заставили его собрать двухтысячный отряд для защиты собственной персоны и послать два больших военных корабля в погоню за Дрейком. Эти-то корабли и увидели англичане на рассвете вместо ожидаемого «серебряного» галиона. У «Золотой лани» ход был слаб: она тащила на буксире панамский корабль, на котором находилось несколько английских матросов, обыскивавших трюмы и каюты. Дрейк крикнул, чтобы они немедленно садились в шлюпку и возвращались на «Лань». Но матросы были охвачены азартом грабежа. Только когда сам Дрейк, прыгнув в ялик, подплыл к трофею и поднялся на него с угрозами и бранью, матросы прекратили обыск, отдали буксир и вернулись на «Лань». И вовремя: испанцы шли без балласта и не смели поднять все паруса, а «Золотая лань» была нагружена и устойчива. Преследование длилось до рассвета, но потом испанцам пришлось повернуть обратно, потому что они в спешке не взяли с собой ни воды, ни пищи.

Вслед Дрейку были посланы еще два корабля, на этот раз с достаточным запасом провизии и во-

ды, но к тому времени «Золотая лань» была уже далеко. Испанцы долго не могли решить, куда направился Дрейк. Наконец возобладала точка зрения, что он стремится к Панаме. Туда и ушли преследователи. А Дрейк в поисках «серебряного» галиона продвигался прямо на север, продолжая по пути грабить торговые суда. Ему удалось также захватить вспомогательное судно, груженное канатами и тросами. Эта добыча была важнее, чем все вино Испании: «Золотая лань» находилась в море уже больше года, и ее снасти были в плачевном состоянии. На этом же судне нашли тяжелое золотое распятие, украшенное изумрудами. По возвращении в Англию Дрейк приказал вставить эти изумруды в золотую корону, которую он преподнес королеве.

1 марта 1579 года паж Джон Дрейк ворвался в каюту адмирала с криком: «На горизонте галион!» Сняв с шеи массивную золотую цепь, адмирал надел ее на подростка. Цепь достала ему до колен. Выбежав на палубу, Дрейк приказал сбросить за борт на тросах пустые бочки от вина, чтобы сбавить ход: он не хотел привлекать внимания галиона до тех пор, пока тому не будет поздно подготовиться к бою. «Золотая лань» еле плелась; видя это, испанцы сами направились к ней, решив, что это каботажное испанское судно, и надеясь узнать новости. Когда же между кораблями осталось несколько десятков метров, Дрейк потребовал от испанцев сдаться. Вахтенный офицер отказался это сделать. Дрейк дал сигнал, откинулись крышки пушечных портов, и раздался залп. Была свалена грот-мачта галиона, а один из лучников Дрейка —

он натренировал в стрельбе из лука нескольких моряков, не доверяя точности мушкетных выстрелов, — поразил стрелой выбежавшего на палубу капитана корабля. Через несколько минут все было кончено. Чтобы не терять времени (ведь Дрейк не знал, насколько близки преследователи), англичане загнали всех пленных испанцев в трюм, закрыли люки и, взяв трофей на буксир, пошли в открытое море. Двое суток они шли прямо в океан, пока не почувствовали себя в безопасности. Это были трудные два дня — мало кто спал на «Золотой лани». Под всякими предлогами моряки тянулись к корме, чтобы убедиться, что трофей послушно следует за «Ланью». Смотрели на небо, не приближается ли шторм; лазили в бочку, чтобы поглядеть, не настигает ли погоня.

Лишь на третье утро адмирал сам отправился с отобранными людьми на галион, чтобы обыскать его как следует. Галион оказался плавучей сокровищницей. На нем были найдены четырнадцать сундуков с серебряными монетами, восемьдесят фунтов золота и тысяча триста серебряных слитков, не говоря уж о драгоценных камнях и экзотических товарах. Всего, как подсчитал Дрейк, захваченный груз оценивался в четверть миллиона фунтов стерлингов, т. е. в сто раз превышал затраты на снаряжение экспедиции Дрейка. Один из современных исследователей полагает, что при переводе этой суммы в сегодняшний масштаб цен груз можно оценить более чем в пятьдесят миллионов долларов.

Любопытно, что местные испанские чиновники извлекли из грабежей Дрейка немалую выгоду.

Если суммировать доклады, посланные из Америки в Испанию, то окажется, что Дрейк награбил там двести сорок тонн серебра. Английские документы называют куда более точную, хотя и немалую, цифру — двадцать шесть тонн. Остальное серебро, списанное за счет Дрейка, осело в мешках испанских чиновников и торговцев. Кстати, никому при испанском дворе почему-то не пришло в голову, что погрузить двести сорок тонн серебра на корабль водоизмещением в сто тонн значило, по крайней мере, трижды его потопить.

На радостях Дрейк отпустил галион. Он вообще похвалялся тем, что не пролил кровь ни одного испанца, за исключением тех, кто погиб в честном бою. И хотя испанцы называли его драконом, известия о его благородстве в обращении с пленными стойко живут и сегодня, особенно в английской литературе. Однако, если обратиться к судьбе десятков испанских кораблей, захваченных и ограбленных Дрейком, нетрудно увидеть, что Дрейк был не менее жесток, чем другие пираты, лишь умнее и хитрее. Он выработал остроумную процедуру обращения с захваченными кораблями: приказывал рубить у них мачты и отправлял их плыть по воле волн. Нет, он не трогал испанцев — пусть их Бог о них позаботится. И неуправляемые корабли погибали в первый же шторм, или разбивались о скалы, или их уносило в океан...

Дрейк еще не был пресыщен добычей, но уже думал о том, как довести ее до дому. Задержав корабль Франсиско де Зарате, двоюродного брата могущественного герцога Медины, он оставил тому не только знаки ордена Сантьяго, но и почти

весь остальной груз, забрав лишь китайский фарфор и шелк. Извинившись за изъятие, Дрейк объяснил, что берет эти вещи для жены, которая очень просила его привезти китайский фарфор. Затем Дрейк и испанский вельможа обменялись подарками и разошлись.

По воспоминаниям Зарате, Дрейк был весел, хотя и прихрамывал из-за того, что в ногу попала пуля из испанской аркебузы. «Все люди Дрейка перед ним трепещут, — писал позднее Зарате, — и, когда он проходит по палубе, они приближаются к нему, лишь сняв шляпу и склонившись в поклоне до земли... С ним на корабле едут девять или десять кабальеро, все из знатных английских родов, но ни один из них не смеет надеть шляпу или сесть в его присутствии до тех пор, пока сам Дрейк их об этом не попросит. Ест он на золоте, и при этом играет оркестр». Вряд ли Дрейк годами поддерживал подобный декорум на маленьком корабле. Вернее всего, это была часть представления, до которых Дрейк был большой охотник. Надо полагать, что «кабальеро из знатных родов» надевали шляпы, как только очередной испанский вельможа покидал борт «Золотой лани», а матросы переставали кланяться до земли. По крайней мере, никто из спутников Дрейка о таких обычаях не пишет.

У берегов Мексики Дрейк отпустил трех испанцев, бывших у него в плену, а также лоцмана да Силву. Тот уходил с «Золотой лани» не желал, полагая, что лучше плен на английском корабле, чем застенки испанской инквизиции. Но Дрейк был непреклонен. Высадка пленных была частью

его плана: эти люди должны рассказать испанцам, что Дрейк намерен повернуть обратно и идти домой через Магелланов пролив.

Есть основания полагать, что из-за ухудшившегося состояния «Золотой лани» Дрейк хотел отказаться от визита в Калифорнию и поспешить напрямик к Молуккам. Но, отойдя от южноамериканских берегов, англичане долго не могли поймать попутный ветер, и Дрейк решил последовать советам испанских карт и направиться к северу в поисках пассата. Несколько недель «Золотая лань» шла на север среди налетевших холодных шквалов, пока, наконец, усилившаяся течь не вынудила ее повернуть на восток.

17 июня 1579 года показался берег, и Дрейк бросил якорь в тридцати милях от современного Сан-Франциско. Белые обрывы бухты (ныне бухта Дрейка) напомнили адмиралу берега Дувра. Осмотрев корабль, он увидел, что придется вытаскивать его на сушу и чинить как следует. На пустынном берегу Дрейк велел соорудить вал, а за валом поставить палатки из старых парусов. Пять недель чистили днище корабля, латали его, меняли такелаж и заодно занимались дипломатией, поскольку оказалось, что берега эти населены индейцами, которые еще не встречались с европейцами и не успели составить о них отрицательные мнения.

Почтение, которое индейцы оказывали Дрейку, прибывшему на «орле с белыми крыльями», как они называли «Золотую лань», вызвало у английского пирата суеверные опасения. Чтобы развеять чары, в случае если поведение индейцев — козни

дьявола, Дрейк приказал священнику Флетчеру прочесть молитву. К удивлению индейцев, белые люди опустились на колени, а потом стали хором петь. Этим они привели индейцев в восторг. Те пытались подпевать им и впоследствии часто требовали, чтобы Дрейк спел им что-нибудь. Петь для них адмирал не стал, но зато убедился, что дьявол здесь ни при чем, и успокоился.

Через несколько дней индейцы устроили торжественную церемонию, во время которой поднесли Дрейку головной убор из перьев и ожерелье из раковин. Таким образом они возвели его в ранг вождя племени, справедливо полагая, что такой могущественный вождь — полезное приобретение. Дрейк же счел, что индейцы передают свою страну под покровительство английской короны, принял знаки власти и обещал, что королева, которую он здесь представляет, с благодарностью присоединит эти земли к своим владениям. Так как стороны остались в неведении относительно действительных взаимных намерений, то все были крайне довольны. Когда ремонт был закончен и англичане собрались покинуть гостеприимную страну, Дрейк дал ей название «Новый Альбион», а также, как пишет Флетчер, «установил монумент в память нашего здесь пребывания, а именно плиту, прикрепленную к большому столбу, на которой он выгравировал имя Ее Величества, день и год нашего прибытия и слова о переходе провинции и ее людей под длань Ее Величества». (В тридцатых годах нашего века эта плита, давно ставшая частью легенды о Дрейке, была найдена случайным прохожим на одном из калифорнийских холмов.)

Дрейк был убежден, что ему удастся вернуться в Новый Альбион, и даже говорил одному из пленных испанцев: «Если бог не отнимет у меня жизнь, я вернусь сюда из Англии с шестью или семью галионами». По прибытии домой Дрейк передал королеве весть о том, что в состав ее владений входит новооткрытая земля. Елизавета согласилась с планом Дрейка послать в Калифорнию большую эскадру и построить там крепость. Дрейк был назначен президентом новой компании; было решено, «принимая во внимание его труды и жертвы, принесенные во время путешествия, назначить ему до конца жизни десятую часть прибыли с продажи товаров в этих краях. А когда там будут открыты золотые и серебряные рудники, то Ее Величество будет получать с них пятую часть золота и серебра».

Однако этот план в жизнь проведен не был. Испанские шпионы донесли своему королю о намерениях англичан, и уже в 1581 году испанский посол в Лондоне, испросив аудиенцию у Елизаветы, заявил ей, что, по сведениям, имеющимся у Испании, пресловутый Дрейк хочет отплыть в сторону испанских владений на десяти кораблях, и посему король Испании выражает свой протест. Англичане еще не были готовы к войне, и от экспедиции пришлось отказаться. Не исключено, что, сработай хуже испанские информаторы, неутомимый Дрейк вновь добрался бы до Калифорнии, основал там крепость и история Америки сложилась бы иначе.

Память о том, что Калифорния принадлежит Англии, сохранялась довольно долго. Еще в 1793

году английский путешественник Ванкувер удивил испанских чиновников в Калифорнии, упрямо называя эту колонию Новым Альбионом.

Путь через Тихий океан занял более трех месяцев. Хотя, в отличие от Магеллана, Дрейк твердо знал, что рано или поздно покажется земля, перенести это плавание было нелегко. И надо отдать должное командиру, чья предусмотрительность спасла жизнь многим морякам: настоящего голода на борту «Золотой лани» не было, и почти все вышедшие из Калифорнии дожили до того дня, когда 13 октября юнга закричал: «Земля!»

Очевидно, это был один из Каролинских островов. Только бросили якорь, как со всех сторон к «Лани» подошли катамараны, нагруженные, как будто англичан уже давно ждали, кокосовыми орехами и фруктами, верещащими поросятами и прочей провизией. На следующий день отплыть не удалось из-за того, что половина экипажа заболела — уж очень резкой оказалась перемена пищи.

А еще через два дня «Золотая лань» прошла мимо острова, на котором выращивали гвоздику. Вождь острова сказал, что он уже видел такие корабли, как «Лань», и знаком с португальцами. Итак, путь к пряностям, долгий, трудный и опасный, был завершён. До этого путь вел их от дома, а от этих низких, поросших кокосовыми пальмами незнакомых берегов начался путь домой — возвращение.

Сначала Дрейк решил зайти на остров Тидоре — один из известных центров пряностей. Но по дороге туда, когда «Золотая лань» остановилась у ост-

рова Мотир, принадлежавшего султану Тернате, на борт поднялся представитель султана и попросил встречи с Дрейком. Сведения о появлении английского корабля уже распространились по всему архипелагу, и здешние властители, которым были известны кое-какие перипетии европейской политики, решили использовать это появление в своих интересах — для борьбы с португальцами.

Дрейк тоже сразу оценил, какие возможности открываются перед англичанами. Выслушав представителя султана, он немедленно изменил курс, и через несколько дней «Золотую лань» уже торжественно встречали у берегов Тернате.

Навстречу «Лани» медленно выплыла флотилия боевых лодок—прау, на носу каждой из которых стояла медная пушка. В окружении военных прау плыли лодки, где под надушенными шелковыми навесами восседали вельможи.

Первым на борт английского корабля ступил брат султана, привезший дары от своего царственного родственника. На следующий день Дрейк ответил султану равной любезностью. К счастью, у него на борту тоже был брат, которого можно было отправить на берег во главе посольства.

Прием у султана произвел на гостей сильное впечатление. Султан восседал в приемном зале под вышитым золотом навесом, окруженный множеством придворных и шестьюдесятью мудрыми советниками. Страшного вида телохранители стояли за тронном, обнажив сабли, и паж обведал султана веером, украшенным сапфирами. Торжественность приема подчеркивалась тем, что рядом с тронном султана стояли турецкие послы в алых ха-

латах и высоких тюрбанах: победив португальцев, султан Тернате стал надеждой мусульманского мира, встревоженного португальскими захватами.

Дрейк мог радоваться своей предусмотрительности — расшитые камзолы, которые он приказал своим офицерам держать в сундучках и беречь от плесени, ничем не уступали одежде португальцев. Англичане платили султану за пряности награбленным золотом и серебром, платили щедро, и обе стороны — редкий случай в истории отношений азиатов с европейцами в те времена — были довольны друг другом и мечтали о том, чтобы эти отношения продолжить в будущем. Осторожные предупреждения турецких послов, знавших действительную цену заверениям европейцев в дружбе, не достигали ушей великого султана. Единственное, что омрачило пребывание Дрейка на Тернате, была невозможность посетить султана с визитом — Дрейка попросту не пустила на берег команда.

Отойдя на несколько дней от гостеприимного Тернате, англичане вытащили «Золотую лань» на берег какого-то островка и в последний раз занялись ремонтом. Все удивляло их здесь: и громадные летучие мыши, и светящиеся насекомые, превращавшие ночной лес в город в праздничном фейерверке, и вкус крабов, которые бегали по песку и даже взбирались на пальмы. Закончив ремонт, двинулись было дальше. И тут 9 января 1580 года путешествие чуть не закончилось трагически.

До сих пор судьба хранила «Лань», и она миновала сотни скал, не задев ни одной из них. А

здесь, как только отчалили от островка, налетели на риф. К счастью, днище выдержало, погода была тихая и остров близко. Дрейк приказал сбросить за борт восемь пушек и часть груза гвоздики. (Корабль был так нагружен, что Дрейк еще на Тернате вынужден был высадить матросов, взятых с испанских судов.) Восемь часов моряки пытались стащить корабль со скалы, и лишь изменившийся ветер помог им.

Приставала «Золотая лань» и к Яве, где состоялась встреча с местными владельцами. Весть о прибытии врагов португальцев неслась от острова к острову, обгоняя Дрейка; оказываемый прием убеждал в том, сколь велика в Индийском океане и Южных морях ненависть к португальцам и сколько замечательных возможностей открывается здесь для их конкурентов. Правда, в широкой известности, которую обрела в Индийском океане «Золотая лань», таилась и опасность: рано или поздно эти слухи должны были дойти и до португальцев. И уже на Яве Дрейка предупредили, что прибывшее недавно из Индии судно видело в океане несколько больших каравелл, спешащих сюда.

Сократив стоянку на Яве, Дрейк пустился напрямик через Индийский океан, стараясь держаться в стороне от торговых путей. Теперь у него была лишь одна цель — добраться до дому. Ни о каких пиратских набегах, ни о каких авантюрах и речи быть не могло. «Золотая лань» могла стать легкой и сказочно богатой добычей для любого португальского или испанского военного корабля. Наконец 26 сентября 1580 года, пробыв в плавании два года десять месяцев и одиннад-

цать дней, «Золотая лань» благополучно прибыла в Плимут. Дрейк стал первым капитаном, который обошел земной шар, сохранив при этом жизнь большинства матросов, ушедших с ним на «Пеликане». Ведь Магеллан, как известно, домой не вернулся.

Трудно преувеличить славу, доставшуюся на долю Дрейка. «Мой дорогой пират» называла его королева, вкладывая в эти слова все возможное расположение и благодарность к путешественнику. «Золотая лань» стала объектом поклонения. Более ста лет, пока не сгнила, стояла она у причала на Темзе, и ее как одну из самых главных достопримечательностей Англии показывали гостям. Из досок ее палубы было изготовлено кресло; подаренное королем Карлом II Оксфордскому университету, оно и ныне стоит там.

Сам Дрейк был осыпан почестями англичан и, естественно, проклятиями испанцев. Испанский посол в Лондоне официально именовал его «главным вором». Королева и лорды, умевшие смотреть в будущее, лишь улыбались. Королева не хотела еще начинать войну с Испанией.

В английских книгах о Дрейке рассказывается, что ранней весной следующего года королева во время торжественного приема подозвала к себе посла своего «возлюбленного брата», короля Испании, взяла его за руку, а другую свою руку возложила на плечо коленопреклоненному Дрейку и произнесла:

— Поднимись, сэръ Френсис Дрейк!

Так Дрейк стал рыцарем.

Посол не посмел вырвать руку.

Действительность была чуть прозаичнее. В последний момент королева передала меч французскому послу, который и завершил церемонию.

Дрейк еще не раз отличится на службе королевы. Он разгромит испанский флот в Кадисе, будет одним из победителей «Непобедимой армады» и умрет на борту корабля во время большого похода к берегам Латинской Америки.

В заключение — один парадоксальный факт. На памятнике Дрейку, стоящем в немецком городе Оффенбурге, великий пират изображен с цветком в руке. Это цветок картофеля. Надпись на постаменте гласит: «Сэру Френсису Дрейку, распространившему картофель в Европе. Миллионы земледельцев мира благословляют его бессмертную память. Это помощь беднякам, драгоценный дар Божий, облегчающий горькую нужду».

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Томас Кавендиш

Энтузиазм, охвативший Англию после возвращения «Золотой лани», способствовал тому, что у капитанов, объявивших о намерении следовать по стопам Дрейка, не было отбоя от желающих отправиться с ними. Да и самих таких капитанов было немало. Одни из них были удачливы, другие —

нет. Редко кому из них удавалось пройти дальше Карибского моря, и многие украсили собой виселицы в испанских владениях. Более других повезло Томасу Кавендишу, молодому вельможе, который сблизился с некоторыми из спутников Дрейка и начал склонять их принять участие в новом плавании, полагая, что их присутствие на борту — лучшая гарантия успеха.

Положение Кавендиша облегчилось тем, что Англия находилась в состоянии войны с Испанией и не надо было устраивать секрета из подготовки к путешествию. Продав свое имение, Кавендиш набрал достаточно денег, чтобы оборудовать два небольших корабля. Третий корабль был куплен компаньонами. Флагманский корабль звался «Желанием» и был в полтора раза больше «Золотой лани». Кроме него, в море вышли «Удовлетворение» водоизмещением шестьдесят тонн и «Хью Галант» — барк с косыми парусами водоизмещением сорок тонн. На барке плыл Френсис Притти, эсквайр, перу которого принадлежит отчет о путешествии, названный по обычаю тех времен длинно и помпезно: «Восхитительное и Благодатное путешествие богобоязненного мистера Томаса Кавендиша».

Кавендиш не пожалел денег и погрузил на корабль припасы на два года пути. Команду он набрал опытную: из ста двадцати трех матросов и офицеров каждый десятый побывал в плавании с Дрейком. В отличие от Дрейка, стремившегося показать своим спутникам, что, делясь с ними добычей, он оказывает им милость, Кавендиш еще до отплытия заключил соглашение с командой, в ко-

тором точно указывалась доля каждого в ожидаемых прибылях. Кавендиш полагал, что таким образом он избежит от возможных вспышек недовольства и попыток мятежа. Будущее, однако, не оправдало его надежд.

Сама королева официально прислала Кавендишу пожелания счастья в пути, и 21 июля 1586 года, менее чем через шесть лет после возвращения Дрейка, маленькая эскадра отправилась в путь.

Если не считать цинги, погубившей нескольких матросов, да неудачной стычки с африканцами у берегов Сьерра-Леоне, путешествие до Бразилии и дальше на юг прошло без особых приключений. В Магелланов пролив вошли 6 января 1587 года, и тут начались неожиданности.

По берегу бегали оборванные, изможденные люди, махали руками, звали на помощь. Когда их доставили на корабль, оказалось, что несчастных в общей сложности двадцать четыре человека, в том числе две женщины. Они были испанцами, но, вероятно, не слишком огорчились, узнав, что попали в плен к злейшим врагам, — настолько тяжелым было их положение. А виноват в постигших их бедах был не кто иной, как Френсис Дрейк.

Когда вести о деяниях Дрейка достигли Испании, король Филипп, как уже говорилось, решил принять меры. Был, в частности, издан декрет, по которому любое открытие в Америке объявлялось государственной тайной. Испанцев поразила та легкость, с которой Дрейк прошел пролив. Ведь после Магеллана никому не удавалось благополучно миновать его извилистый фарватер. Гибли

или возвращались ни с чем суда, ведомые лучшими кормчими. Не удалось пройти там и кораблям, посланным Кортесом. Для того чтобы решить эту загадку, вице-королю Перу было приказано снарядить специальную экспедицию под руководством толкового капитана.

Выбор пал на дона Педро Сармиенто, открывателя Соломоновых островов, флагманский корабль которого «Капитан» был не так давно захвачен Дрейком. Сармиенто не только нашел западный проход в залив, но и благополучно прошел его и привел свою эскадру в Испанию. Филипп II был доволен: Сармиенто был первым настоящим испанцем (Магеллан, португалец, не в счет), которому удалось пройти через пролив.

И тогда в голове Сармиенто родилась идея, соблазнившая Филиппа. Он предложил поставить в проливе крепость и закрыть его, таким образом, для чужих кораблей. Через три года эскадра Сармиенто, нагруженная припасами, с большим отрядом солдат и колонистов подошла к Магелланову проливу. У восточного входа в пролив было построено укрепление, названное «Номбре де Хесус». Оставив там гарнизон в сто пятьдесят солдат, Сармиенто проследовал далее и в самом узком месте пролива, в сорока пяти милях от первой крепости, заложил город и форт под названием «Эль Сьюдад дель Рей Фелиппе» — город короля Филиппа. Там Сармиенто поселил четыреста солдат и колонистов, а также тридцать женщин и снабдил их восьмимесячным запасом продовольствия. После этого он с чистым сердцем вернулся в Испанию, не подозревая, что открыл одну из самых

трагических страниц в истории испанской колонизации Нового Света.

Колония, основанная Сармиенто в проливе, просуществовала два года. Испанцы сначала пытались пахать каменистую землю и выращивать ячмень, привезенный с собой; но дожди смывали семена, а вялые ростки гибли под холодным ветром. Когда припасы подошли к концу, колонисты начали собирать улиток и раковины и попытались ловить рыбу. Они умирали от цинги и дизентерии, воевали с индейцами Огненной Земли, которые совершали на крепость набеги. Испанец Эрнандо, попавший на борт «Желания», рассказывал Кавендишу, что они «подыхали как собаки в своих одеждах и в своих домах», до тех пор пока воздух не пропитался смрадом настолько, что все, кто мог передвигаться, покинули крепость и побрели к Атлантическому побережью. Здесь они объединились с жителями первой крепости и еще целый год существовали кое-как, собирая то, что выбрасывал на берег океан, выкапывая корни и иногда подстреливая чаек.

Последние двадцать четыре оставшихся в живых испанца решили уж было пробираться пешком на север, к далеким испанским поселениям в устье Ла-Платы, когда появились паруса кораблей Кавендиша. С ужасом англичане слушали рассказы испанцев и, не найдя в бухте даже пресной воды, назвали ее Портом голода. Это название сохранилось за ней по сей день.

В городе короля Филиппа Эрнандо показал, где зарыты пушки. Пока в крепости еще сохранялось подобие дисциплины, последний ее комендант

приказал пушки спрятать. Англичане вырыли из земли эти орудия — калибр их был больше, чем у корабельных, и пушки пригодились затем в нападениях на испанские галионы.

Напоследок англичане обошли пустые дома. В распахнутые двери проникал зябкий ветер и шевелил остатки камзолов на скелетах идадьго. На дальних холмах горели костры — огнеземельцы наблюдали за кораблем, но не приближались. Хоронить останки испанцев англичане не стали.

По пути через пролив Эрнандо сказал Кавендишу, что где-то здесь на скалах лежит разбитый английский корабль. Оказалось, что это «Мэри-голд» — пропавший без вести корабль из эскадры Дрейка.

24 февраля 1587 года вышли в Тихий океан. Проплывая мимо берегов Чили, Кавендиш ежедневно устраивал боевые тревоги, не жалел пороха для обучения канониров и тщательно экзаменовал кормчих. Все виденное он заносил в журнал. Если Дрейк мчался вперед, чтобы открыть неизвестные земли, то Кавендиш добросовестно готовил почву для торговцев и воинов.

На чилийском берегу английский отряд встретил двести конных испанцев. Противники не решились на бой и завязали переговоры, во время которых, к негодованию Кавендиша, выступивший в роли переводчика Эрнандо перебежал к соотечественникам. Потом удалось захватить два испанских судна. Но, взяв с них добычу, Кавендиш не отпустил их, как делал ранее Дрейк. Шла война с Испанией, и Кавендиш сжег и корабли, и весь груз. Затем ему удалось захватить штурмом

город Пайту и сжечь в нем более двухсот домов.

Так англичане передвигались к северу, пока не захватили 9 июля испанский корабль, кормчий которого сказал, что вскоре в этих краях ожидают прибытия манильского галиона. Эта новость стоила всех испанских кораблей, вместе взятых.

Добычей английских и голландских пиратов были различные испанские и португальские корабли. Но наиболее желанным призом для любого пирата были манильский галион или каррака из Макао (Аомынь).

Датой «рождения» манильских галионов можно считать 1571 год, когда испанский король приказал для обеспечения надежности перевозок отправлять с Филиппин в Мексику лишь один корабль в году. Доверить такой ответственный рейс можно было, конечно, лишь очень вместительному и хорошо вооруженному кораблю. Правда, желание создать «сверхкорабль», который смог бы за один раз перевезти все ценности, накопленные в колонии за год, привело к тому, что на первом месте стояла вместимость галиона — скоростью и маневренностью пришлось пожертвовать. Кроме того, галионы практически не могли передвигаться при противном ветре. Но зато размеры их действительно поражали.

Груз манильского галиона состоял из золота, шелка, драгоценных камней (среди которых выделялись китайский жемчуг, бирманские рубины и сапфиры с Цейлона), слоновой кости, мускуса, ковров, благовоний, говорящих попугаев, резных шкатулок из сандалового дерева, китайского фарфора, пряностей и многого другого. Если все

складывалось благополучно, то поздней осенью галион бросал якорь в Акапулько, в Мексике, где его уже с нетерпением ждали и где в честь его прибытия устраивалась большая ежегодная ярмарка, на которую за сотни миль съезжались испанские купцы. Прибыли часто превышали двести процентов, и тот, кто выживал в путешествии, богател.

Весной следующего года галион отправлялся в обратный путь. Он вез на Филиппины новых чиновников, торговцев, искателей приключений, королевскую и частную почту, товары из Испании и, что самое главное, деньги, вырученные за товары манильских купцов, а также так называемую Реал Ситуадо — королевскую дотацию Филиппинам, жалованье солдатам и чиновникам, без которых колония не могла бы долго продержаться. Деньги помещались в окованных железом сундуках, и добраться до них можно было только через люк в капитанской каюте — иного пути в сокровищницу галиона не было. Всего в сундуках находилось до трех миллионов восьмидесяти тысяч монет (мексиканских долларов, или песо).

Обратный путь галиона был одним из наиболее тщательно охраняемых секретов испанской короны и, как свойственно таким секретам, вскоре стал достоянием пиратов. Галион шел на юг, пока не достигал широты 13 или 14 градусов, а затем брал курс на запад, к острову Гуам; отсюда начинался опасный отрезок пути, потому что в Южных морях появились голландские и английские пираты.

Другими знаменитыми кораблями XVI — XVII

веков были карраки из Макао. Карраками их называли голландцы и англичане, а португальцы, которым принадлежали эти корабли, именовали их так же, как испанцы манильские галионы, — нао.

Отличались карраки от манильских галионов размерами — их, пожалуй, можно назвать самыми крупными из тогдашних европейских судов. Каррака была слабо или вообще не вооружена, ее мореходные качества были еще хуже, чем у манильского галиона, зато она обладала устойчивостью в шторм и считалась почти непотопляемой.

Каррака была не меньшим соблазном для пиратов, чем манильский галион. Молва о богатствах, перевозимых на карраках, шла по всей Азии.

Итак, в XVI — XVII веках жертвами пиратов стали громадные тихоходные торговые корабли, из которых самыми знаменитыми и желанными были манильский галион и каррака из Макао. Кроме них, товары перевозились на галиотах, на ветах и других судах, среди которых не последнее место занимали корабли, построенные в Китае и Японии. Пираты же предпочитали выходить в море на небольших каравеллах или даже одномачтовых ботах водоизмещением не более двухсот тонн. Им не нужны были обширные трюмы, потому что серебро, золото и даже пряности занимали не так много места. Большая скорость, многочисленная отважная команда, готовая пойти на абордаж, разборные боты, которые, как собаки впереди охотника, носились впереди пиратского корабля, высматривая добычу, — все это

давало изрядные преимущества морским разбойникам.

4 ноября 1587 года, когда корабли Кавендиша, дрейфовавшие у берегов Калифорнии, почти потеряли надежду встретить манильский галион, матрос, сидевший в марсовой бочке, затрубил, а затем закричал: «Парус!» Вскоре с пиратских кораблей уже хорошо был виден галион, даже издали поражавший размерами. Это была «Святая Анна», о которой манильский епископ Доминго де Салазар сказал: «Это самый богатый из кораблей, который когда-либо покидал наши острова». Он был водоизмещением более семисот тонн.

«К вечеру мы догнали его и дали залп из всех наших больших пушек и затем выстрелили из всех мушкетов. Затем приблизились к этому кораблю — собственности короля Испании». Правда, первая попытка высадиться на галион не удалась. Тогда, пишет Притти, «мы подняли вновь паруса и еще раз выстрелили из всех пушек и мушкетов, убив и ранив многих. Но их капитан, будучи мужественным человеком, продолжал бой и не сдавался. Тогда наш генерал Кавендиш приказал трубить в трубы и этим воодушевлять наших людей, и мы еще раз выстрелили из всех пушек, пробив борта и убив многих людей».

Бой продолжался более пяти часов. Подвижные английские суда, вооруженные тяжелой артиллерией, смогли проломить ядрами борта галиона, и громадный корабль начал медленно погружаться. «И галион, подвергаясь опасности утонуть, потому что некоторые ядра поразили его ниже уровня воды, выбросил флаг сдачи и просил о милости, что-

бы наш генерал спас их жизни и взял их товары, и потому они сдались нам».

Кавендиш приказал капитану прибыть на шлюпке на «Желание» вместе с офицерами. Пленники были вынуждены сообщить о том, какие грузы они везут, и остались заложниками, а Кавендиш отправил на «Святую Анну» призовую команду, поднявшую там английский флаг и начавшую обыск. Пираты сразу же сняли с галиона сто двадцать две тысячи золотых монет, много шелка, благовоний, жемчуга, фарфора и других ценностей.

Так как Кавендиш дал слово помиловать испанцев, среди которых были женщины и дети, он взял галион на буксир и дотащил его до бухты Порто Сегуро, где испанцы сошли на берег. Кавендиш передал им паруса галиона, чтобы они могли сделать себе палатки, и некоторое количество досок, необходимых для постройки лодки. Затем грабеж галиона продолжился. Англичане выбирали лишь самое ценное. И тут оказалось, что правилами дележа, о которых договорились еще в Англии, отнюдь не все довольны.

Вот что говорится о последующих событиях в записях Притти: «Затем мы приступили к перевозке грузов и дележу нашего сокровища, выдавая каждому причитающуюся ему долю. Но во время дележа восьмого числа ноября месяца многие из команды начали бунтовать против нашего генерала, особенно те, кто был на «Удовлетворении», но тем не менее после некоторого времени они были успокоены».

Кавендишу удалось успокоить моряков, увели-

чив их долю за счет шелка, фарфора и пряностей; золото же он предпочел сохранить для себя и королевы.

Отправляясь через Тихий океан, Кавендиш забрал с галиона двух японцев и трех филиппинцев, а также португальца, который побывал в Кантоне. Теперь Кавендиш был обеспечен информацией куда лучше, чем Дрейк. Корабли Кавендиша были уже доверху нагружены, а на галионе оставалось еще более пятисот тонн ценных грузов. Чтобы не оставлять ничего испанцам, Кавендиш приказал полить палубу и надстройки «Святой Анны» смолой и поджечь галион.

Клубы серного дыма, охватившие судно, несли к песчаному пляжу, на котором столпились испанцы. Плакали женщины. Торговцы, еще вчера богатейшие люди Филиппин, отворачивались от моря: огонь подбирался к тюкам бесценного шелка и мешкам с гвоздикой.

Кавендиш приказал выстрелить из пушки, отдавая последний салют гибнущему галиону, который уже весь был охвачен пламенем.

«Мы с радостью поставили паруса, чтобы скорее достичь Англии с попутным ветром; но, когда опустилась ночь, мы потеряли из виду «Удовлетворение»... Мы полагали, что они обогнали нас, но никогда больше их не видели».

Вероятно, Кавендиш не слишком сокрушался, потеряв корабль, на котором он только что подавил бунт. Через несколько лет стало известно, что у Гавайских островов примерно в это время разбился небольшой европейский корабль, с которого никто не спасся. Возможно, это и было «Удовлетворение».

Итак, Кавендиш отправился к Островам пряностей, а известия о его набегах тем временем поплыли в Испанию. Епископ Манилы Салазар жаловался королю: «Английский мальчишка двадцати двух лет от роду с ничтожно маленьким кораблем с сорока или пятьюдесятью спутниками нанес нам столь огромный ущерб и уходит восвояси, хочоча над нами». Епископу было из-за чего метать громы и молнии: на борту «Святой Анны» находились и его товары. Епископу еще повезло, что его самого не оказалось на борту галиона. Не исключено, что Кавендиш захотел бы увезти в Англию столь любопытный трофей.

Пока испанцы, оставленные пиратами на пустынном берегу Калифорнии, изыскивали пути к спасению, Кавендиш спешил через океан. Как у Дрейка, у него оставался лишь один корабль, перегруженный добром и практически беззащитный перед любым большим военным кораблем испанцев либо португальцев. Но, в отличие от Дрейка, Кавендиш шел проторенными путями и потому решил несколько отклониться в сторону, чтобы познакомиться с главным испанским владением в Южных морях — Филиппинами.

По дороге остановились на Гуаме, где манильские галионы заправлялись пресной водой. Уходил оттуда Кавендиш быстрее, чем того желал бы, и на прощание обстрелял добродушных островитян из пушек. Правда, гуамцы уже были знакомы с действием аркебуз и пушек, так как встречались с испанцами, и при виде вспышки выстрела столь быстро ныряли в воду, что поразить их не удалось.

Затем показались Филиппины. Изображая из себя испанца, который послан манильским губернатором собирать дань с вождей племен, Кавендиш осторожно шел от острова к острову по длинной дуге архипелага. Только когда до Манилы оставалось несколько дней ходу, он открылся местным жителям, заявив, что он подданный всемогущей английской королевы и враг испанцев. Филиппинцы были обрадованы этим не меньше, чем султан Тернате — прибытием Дрейка. Они тут же стали уговаривать Кавендиша сообщая отправить походом на Манилу. Кавендиш вежливо отклонил это предложение, так как у него были несколько иные планы, однако одарил вождей острова Лусон награбленным у испанцев добром и расстался с ними в наилучших отношениях.

Манила в те годы была неукрепленным городом, потому что ей еще не грозили конкуренты. Помимо местных жителей, в ней обитало семьсот или восемьсот испанцев, которые весьма выгодно торговали с Макао, Китаем и малайскими государствами.

К разочарованию Кавендиша, когда он подошел к Маниле, оказалось, что о его прибытии уже оповещены. У входа в бухту стояли батареи, а берега патрулировали испанские отряды. Пришлось отказаться от набега на столицу Филиппин, и Кавендиш продолжал путешествие вдоль берегов Лусона, нанося его очертания на карту и наблюдая за тем, как по берегу скакали, чтобы не допустить высадки врага, испанские всадники да как вспыхивали огни на вершинах холмов, предупреждая о появлении английского пирата.

Наконец Кавендиш спустил шлюпку и отправил на ней пленного испанца с издевательским письмом к губернатору Филиппин, у которого как назло не было под рукой ни одного сильного корабля. В письме Кавендиш приказывал губернатору подготовить все золото, потому что он может ненадолго заглянуть в Манилу, а времени самому обыскивать дома и склады у него не будет. Единственное, что его удерживает от высадки, это то, что корабль его невелик и перегружен испанскими сокровищами.

Позволив себе развлечься подобным образом, Кавендиш покинул Филиппины и отправился к Индийскому океану. По дороге он бросил якорь в проливе между Явой и Суматрой, зная от спутников Дрейка, что местные государи хорошо относятся к врагам португальцев. Тут его ожидала непредвиденная встреча, которая имела прямое отношение к дальнейшим событиям.

Когда Кавендиш уведомил местного султана, что он хотел бы купить припасов на дорогу и согласен заплатить за них серебром и золотом, султан тут же выслал к нему навстречу несколько прау, груженных товарами. Командовали прау два португальца. Эти португальцы, поднявшись на борт, вели себя очень дружелюбно, и было видно, что они рады появлению Кавендиша. И не только потому, что португальцы недолго любили испанцев. Главное заключалось в том, что они в настоящий момент не были слугами португальского короля, а являлись наемниками султана. Не прошло и ста лет со дня открытия Индии, а португальские фидалго, чувствуя, как быстро кло-

нится к упадку Португальская империя, разбрелись по всей Юго-Восточной Азии, нанимаясь в армии и ко дворам местных властителей. Это был очень характерный и показательный факт, хотя неизвестно, смог ли тогда Кавендиш осознать его значение.

Притти записал в этот день в своем журнале: «Эти португалы приехали не к малой радости нашего генерала и всех остальных на корабле, потому что мы не видели ни одного христианина, который бы назвался нашим другом, уже целый год с половиной. Наш генерал отнесся к ним также хорошо, встретив их банкетами и музыкой. И они сказали, что не менее рады видеть нас, чем мы их. Они спрашивали, как дела у них в стране и что стало с доном Антонио, их королем, жив ли он еще или нет, — они так долго не имели вестей из Португалии, а испанцы сказали, что их король мертв».

На это Кавендиш ответил, что их король благополучно здравствует и пользуется расположением английской королевы и что он, Кавендиш, прибыл сюда по договоренности с португальским королем для того, чтобы топить испанские корабли, что и делает. А пустил он ко дну кораблей восемнадцать или двадцать, точно и не припомнит.

Португальцы были этим удовлетворены.

На прощание Кавендиш передал через португальцев их султану три пушки. На английских кораблях эти пушки были балластом, а подарок оказался царским — в будущем на этого султана можно было рассчитывать.

Что касается рассказов о короле Антонио и его

дружбе с королевой Елизаветой, то это была чистой воды ложь. Португалии как самостоятельного государства в те годы не существовало, и сведения, которыми располагали португальские наемники, были почти десятилетней давности. Еще в 1578 году португальский король Себастьян погиб во время военной экспедиции в Северную Африку. На португальский престол после его смерти претендовали два его родственника: дон Антонио, приор Мальтийского ордена, и король Испании Филипп II. Дона Антонио поддерживало большинство в португальских кортесах. Однако Филипп, заручившись поддержкой иезуитов и подкупив часть португальской знати, ввел в Португалию армию под командованием герцога Альбы. В апреле 1581 года кортесы под испанскими пушками провозгласили Филиппа королем Португалии. Вместе со страной в руки Филиппа перешли и португальские колонии. Получив испанцев в качестве «старших братьев», португальцы получили и их врагов: голландцев, которые добивались независимости, и англичан, готовившихся к решающим битвам с Филиппом.

Все это было известно Кавендишу, но делиться своими сведениями с «португалами» он не стал.

Все время, пока Кавендиш шел через Индийский океан, он приводил в порядок свои записи и уточнял карты. Он был трудолюбив и последователен и привез массу конкретных сведений не только об Америке, но и о Филиппинах, вдоль которых провел смелую разведывательную операцию, и о Яве.

На подходе к Плимуту «Желание» повстреча-

лось с фламандским кораблем, и Кавендиш узнал, что только что завершился разгром «Непобедимой армады», посланной королем Филиппом для покорения Англии. Пожалев, что судьба не позволила ему принять участие в столь славном деянии, Кавендиш принялся писать отчет правительству.

«Я прошел вдоль берегов Чили, Перу и Новой Испании, и везде я наносил большой вред. Я сжег и потопил девятнадцать кораблей, больших и малых. Все города и деревни, которые мне попадались на пути, я жег и разорял. И набрал большие богатства. Самым богатым из моей добычи был великий корабль короля, который я взял у Калифорнии, когда он шел с Филиппин. Это один из самых богатых товарами кораблей, которые когда-либо плавали в этих морях. От Калифорнии я направился к Филиппинам».

В донесении чувствуется стремление доказать, что и он, капитан Кавендиш, внес свою лепту в поражение Испании. Чаще всего здесь встречаются слова «сжег и потопил», «сжег и разорил». И надо сказать, что Кавендиш правильно оценивал свою роль в борьбе с испанцами. Понимали, сколь велика эта роль, и те, кто устроил ему по возвращении торжественную встречу на Темзе.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Голландские пираты — адмирал Рейенсен

Потеряв право считаться хозяевами Индийского океана, португальцы старались извлечь возможные выгоды из того, что им осталось. Не имея шансов на победу в открытых столкновениях с голландцами и англичанами, португальцы стали поборниками безопасности морей и свободы торговли. Все чаще жертвами пиратства становились их собственные корабли, потому что новые пираты (особенно голландцы) оказались куда более сильными, целеустремленными и беззастенчивыми.

Метод выдачи лицензий на право свободного прохода по морю, придуманный португальцами, был развит и усовершенствован голландцами и англичанами. Однако индийский или арабский корабль, даже получивший такую лицензию от голландцев, не был в безопасности при встрече с голландским пиратом. Английские же и португальские лицензии вообще никаким уважением голландцев не пользовались. В первой половине XVII века сильнейшими в Индийском океане были именно голландцы, они и творили суд и расправу.

Английские фактории и поселения на Востоке охранялись хуже, чем португальские и голландские, и англичане должны были из-за этого более других заигрывать с враждующими между собой местными властителями. Если же случались открытые столкновения с голландцами, то англичане либо сразу отступали, либо терпели поражение.

ние. Яркое тому подтверждение — судьба английской фактории на Амбоне, которую голландцы в 1623 году разрушили, а ее персонал — десять англичан и одиннадцать японцев — казнили.

Голландцы пытались достичь той же цели, что и португальцы, — создать монополию на торговлю пряностями. Но если португальцы подходили к этому довольно примитивно — они выкачивали из Азии все, что могли, не слишком заботясь о будущем, то голландцы были представителями уже другой эпохи. Рождался капитализм, и его законы диктовали некоторые особенности поведения голландцев. Добиваясь монополии, они при этом понимали, что не в их интересах вывозить в Европу неограниченное количество товаров. Пряности должны поступать в таком количестве, чтобы, перепродавая их в Европе, голландцы могли поддерживать цены на достаточно высоком уровне. При этом надо добиться и того, чтобы конкуренты не могли привезти в Европу те же товары и тем самым сбить на них цены. И потому голландское пиратство было главным образом антипортугальским и антианглийским.

В первую очередь следовало избавиться от европейских конкурентов, а для этого надо было полностью захватить центр пряностей — Молуккские острова — и контролировать поступление товаров у самого истока. Борьба за острова шла с переменным успехом, потому что португальцы уже успели там укрепиться. Голландцы захватывали и уничтожали португальские корабли, стремились вытеснить португальцев из их опорных пунктов.

В 1660 году первый голландский корабль добрался до берегов Японии, и Нидерланды вступили в борьбу с португальцами у дальнего форпоста их торговли.

26 сентября того же года жители самого восточного из португальских центров — Макао — увидели на горизонте паруса. В тот год кораблей из Гоа не ожидалось, и потому тревожно зазвонили колокола в доминиканских монастырях и иезуитской коллегии. Ополчение местных фидалго, привыкших к частым тревогам, собралось на набережной. Среди ополченцев было много негров: рабы португальцев обычно участвовали в отражении вражеских нападений. А тем временем ценное добро переносили в стоявшую на холме иезуитскую коллегию, считавшуюся цитаделью города.

Корабли оказались голландскими. Они попали в бурю, которая увела их в сторону от пункта назначения, и потому решили держать курс на Кантон. Однако вместо Кантона они увидели вдруг «большой город, весь построенный в испанском стиле». На кораблях догадались, что это Макао, множество слухов о богатстве которого достигало Нидерландов, но увидеть который пока не удавалось ни одному голландцу.

Голландский адмирал решил рискнуть. Он спустил на воду шлюпку, и она пошла к берегу под большим белым флагом. Однако капитан-майор дон Паулу да Португал решил в переговоры не вступать. Только что до Макао дошли вести о том, что голландцы напали на остров Тидоре (кстати, одним из кораблей эскадры, приблизившейся к Макао, командовал Якоб ван Нек, руководивший

этим нападением). Слухи о зверствах голландцев по отношению к португальским поселениям и кораблям также были слишком упорны, чтобы их игнорировать. Поэтому навстречу шлюпке вышли вооруженные лодки, без особого труда захватившие ее. На следующее утро самый маленький из кораблей эскадры неосторожно приблизился к внутренней гавани и также был захвачен. Пришлось голландцам после безуспешных попыток вернуть пленников уйти. Так, пожертвовав двадцатью матросами и офицерами, голландцы узнали последнюю из главных тайн португальцев на Востоке — их базу торговли с Японией.

А в Макао состоялся суд над двадцатью голландскими пленниками. Сегодня трудно сказать, много ли пиратов было среди голландцев. Но важно, что семнадцать из них сознались в том, что занимались пиратством и участвовали в нападениях на португальские корабли.

Всех сознавшихся в пиратстве приговорили к смерти. Затем к ним в камеры были допущены иезуиты, которые обещали помилование в случае, если голландцы перейдут в католицизм. Пленные не знали, что за несколько месяцев до того в Манильской бухте в плен к испанцам попало тринадцать голландских моряков с корабля Оливера ван Ноорта. Все тринадцать были обвинены в пиратстве и приговорены к смертной казни. Всем иезуиты обещали жизнь за обращение в католичество, и всем после этого обращения отрубили головы.

То же самое случилось с голландцами и в Макао. Несмотря на переход в католицизм, их казни-

ли, а иезуиты направили торжествующее письмо в Гоа, приплюсовав казненных к общему числу «обратившихся к истинной вере».

Ответ голландцев не заставил себя ждать. Вот что пишет хронист Макао о событиях 1603 года: «30 июля года шестьсот третьего, между одиннадцатью часами и полуднем, в город Макао прибыла сиамская джонка и принесла новости, что прошлым мартом каррака из Китая, которая шла в Малакку, захвачена голландцами в Сингапурском проливе. И в тот же самый вечер каррака, которая должна была уйти из Китая в Японию, подверглась нападению двух кораблей и бота, тех же самых врагов Христа, которые вошли в самый порт Макао и взяли на abordаж карраку без сопротивления, так как никого не было на борту, а все находились на берегу, готовясь к погрузке. И от этих двух прискорбных известий граждане Макао потеряли все свое имущество, которое как раз и находилось на этих кораблях, и все они попали в должники к японцам, так как купили там много товаров в кредит, и все португальцы оказались в таком положении, когда можно было просить милостыню».

Каррака, взятая в результате пиратского набега в бухту Макао небольших кораблей «Эразм» и «Нассау», была нагружена тысячью четыремястами тюками шелка, не говоря уж о прочих ценных товарах. Каррака «Святая Екатерина», захваченная голландцами близ Сингапура, имела водоизмещение тысячу пятьсот тонн. Общая сумма, вырученная за груз «Святой Екатерины» на торгах в Амстердаме, достигла трех с половиной миллио-

нов гульденов. На борту карраки было столько китайского фарфора, что китайскую посуду еще много лет называли в Голландии «карраковым фарфором».

Голландские капитаны основное внимание обращали на карраки из Макао — они были для них не менее желанной добычей, чем манильские галионы для англичан. В последующие годы захватить карраку им не удавалось, хотя в 1605 году голландскому адмиралу ван Варвику попался в бухте Питани корабль с богатым грузом, шедший из Макао в Малакку. В том же году голландцы захватили все португальские форпосты на Молукках, и спасла положение лишь испанская эскадра с Филиппин. Это был один из немногих случаев, когда уния Португалии и Испании помогла португальцам. Куда чаще она приносила им вред: ведь голландцы оправдывали свои нападения на португальцев тем, что они борются с Испанией.

На следующий год голландский адмирал Корнелис де Йонг в союзе с раджей Джохора осадил Малакку, но взять ее не смог. Малакку защищал гарнизон, состоявший из португальцев и японцев. Япония оставалась в стороне от борьбы, шедшей в Южных морях, но группы молодых воинов часто поступали наемниками к португальцам или их врагам. Осаду удалось снять эскадре, пришедшей из Гоа. После этого голландские корабли ушли в Тернате и в 1607 году отвоевали у испанцев восточную часть острова.

Нападение голландцев на Макао в 1622 году можно сравнить с такими пиратскими набегами, как нападение Моргана на Панаму или Дрейка и

Кавендиша на города Тихоокеанского побережья. Однако цели, которые преследовали голландцы, были в данном случае более широкими: они стремились не только разграбить склады и дома португальцев, но и лишить их, если удастся, крупной восточной базы на торговом пути в Японию.

Еще в 1614 году голландский колониальный деятель Ян Питерсзон Кун направил директорам Ост-Индийской компании доклад, в котором призывал выделить средства и флот для нападения на Манилу или Макао. Отмечая, что это можно будет сделать с помощью японских наемников, Кун подчеркивал, что в случае успеха голландцы расколют надвое Иберийскую колониальную империю и получат в руки «богатство и товары Китая, к которым стремится весь мир». Став в 1618 году генерал-губернатором Нидерландской Индии (так назывались владения Голландии на островах Малайского архипелага), Кун получил возможность приступить к осуществлению своего плана. Он полагал, что захватить Макао можно будет без особого труда — ведь удалось же в 1603 году похитить карраку прямо из бухты этого города. Было известно, что Макао даже не окружен стеной. Впрочем, для гарантии успеха голландцы обратились за помощью к англичанам, с которыми в этот момент не было открытой войны. Представитель английской Ост-Индской компании Роберт Кокс также направил в Европу меморандум, в котором следующим образом оправдывал выгоды совместного голландско-английского набега: «Совершенно ясно, что с малой опасностью для нашего флота мы можем взять и ограбить Амакон (Макао) в Ки-

тае, который населен португальцами. Город не окружен стенами. Король Китая им этого не позволяет, как не позволяет и строить укрепления и ставить пушки на бастионах... на этот счет я советовался с Президентом и Советом в Джакарте, и, если бы не то, что у меня только два небольших корабля, «Бык» и «Носорог», я мог бы сам совершить туда набег в этом году и захватить 17 галиотов, которые стояли на якоре в Макао, из которых два, направлявшихся в Японию, были полностью нагружены».

В конце 1621 года произошло событие, ускорившее набег на Макао. У берегов Малакки голландцы захватили торговое судно, на котором находился сундук с секретной перепиской между капитан-майором Макао и вице-королем Гоа. Жалобы капитан-майора на отсутствие гарнизона и укреплений, содержащиеся в его письмах, были последним аргументом, склонившим голландцев к походу.

Голландско-английская эскадра, во главе которой был поставлен голландский адмирал Рейенсен, состояла первоначально из восьми кораблей (половина их имела водоизмещение пятьсот тонн и более), вооруженных двумя сотнями орудий. Кун был доволен. Он даже написал директорам, что сожалеет, что не сможет возглавить лично «столь великолепную экспедицию».

В инструкциях, которые были даны Куном адмиралу Рейенсену, говорилось: «Макао всегда был открытым городом без гарнизона, который, хотя там и есть несколько слабых фортов, можно легко взять десантом в тысячу или полторы тысячи сол-

дат и превратить в крепость, которую мы могли бы защищать против всего мира». Важно отметить, однако, что инструкции адмиралу предусматривали и отказ от захвата Макао, если обстоятельства окажутся неблагоприятными. В таком случае он должен был захватить Пескадорские острова (Пэнхуледао), а если китайцы будут возражать против первой или второй акции или не захотят передать голландцам монополию на торговлю, то адмиралу предписывалось блокировать китайское побережье, захватывать, грабить и уничтожать все без исключения китайские корабли, а захваченные команды отсылать на Яву и продавать в рабство. Кун был убежден, что таким путем он подчинит себе не только португальские крепости, но и весь Китай, ибо, как он полагал, «китайцы не способны прислушаться к соображениям разума, но преклоняются перед грубой силой».

Чтобы увеличить силы нападавших, Кун приказал голландской эскадре, которая дежурила у Манилы, перехватывая и грабя испанские корабли, отрядить несколько судов Рейенсену. В этих условиях отпадала надобность в помощи двух английских кораблей, с которыми договорились раньше и которым очень хотелось принять участие в грабеже Макао. В отношении их Рейенсену были даны такие инструкции: если англичане захотят принять участие в боях, разрешить, однако на берег их ни в коем случае не допускать. Макао должен был стать голландским, и делиться добычей с англичанами голландцы не намеревались.

Слухи о набеге обгоняли эскадру, и по дороге — в Малаккском проливе и у вьетнамских берегов — к ней приставали все новые корабли. К Рейенсену присоединилась даже вольная пиратская джонка с пятьюдесятью японцами и сиамцами, которых также включили в десант.

В пути шли последние приготовления. Голландские солдаты и матросы десанта были разделены на три отряда по двести человек в каждом. Эти отряды — красный, синий и зеленый — получили соответствующего цвета повязки на рукава и знамена. Каждому отряду были приданы пушки, лекарь, носильщики пороха. Отдельно действовали японцы, сиамцы и малайцы.

У входа в бухту Макао эскадру поджидали еще четыре корабля. Правда, на следующий день выяснилось, что два английских корабля участвовать в сражении не будут. Когда Рейенсен призвал на борт их капитанов и сообщил, что им позволено лишь бомбардировать Макао, но сходить на берег нельзя, англичане заявили, что в таком случае предпочитают держать нейтралитет.

22 июня адмирал выслал на берег разведку, которая должна была пробраться в китайские кварталы и узнать, можно ли рассчитывать на помощь китайцев. Но кварталы были пусты. За день до этого все китайское население Макао — более десяти тысяч человек — покинуло город, обреченный на разграбление, и скрылось в соседних холмах.

На следующее утро три голландских корабля начали обстрел португальской батареи, расположенной у входа в бухту. Было разрушено несколько домов, но подавить батарею не удалось.

Голландские матросы кричали защитникам батареи, что завтра они войдут в город, изнасилуют всех женщин и перебьют всех мужчин. Естественно, такие заявления не вызывали у португальцев желания сдаться на милость победителей. В городе звенели колокола, монахи надевали подрясы панцири и кирасы. Вечером, когда бомбардировавшие батарею корабли присоединились к эскадре, начался фейерверк, заиграли трубы, забили барабаны — шел пир по случаю завтрашней победы. В ответ на это капитан-майор Макао Лопо Сарменто де Карвало приказал начать празднества на набережной, «чтобы враг понял, что у нас куда больше оснований радоваться, ввиду того что господь Бог осыпает нас куда большими милостями, чем наших противников». Впрочем, надежда на бога не помешала капитан-майору в сопровождении нескольких иезуитов объехать ночью посты и отдать распоряжения об особой охране мест возможной высадки.

Утром голландцы возобновили бомбардировку форта, однако и на этот раз действовали неудачно. Один из голландских кораблей был настолько поврежден огнем береговой батареи, что команде пришлось его покинуть. Но эта маленькая победа португальцев прошла почти незамеченной. В разгар артиллерийской дуэли восемьсот десантников на тридцати двух шлюпках и ботах под прикрытием корабельных пушек начали высадку на пляже у северо-восточной окраины города. Для того, чтобы португальцы не могли прицельно стрелять по лодкам, голландцы устроили дымовую завесу: несколько лодок с бочками влажного пороха было

выслано вперед, и черный дым покрыл воду у берега.

Против восьмисот нападавших, которыми командовал находившийся в их рядах адмирал Рейенсен, в неглубокой траншее разместились с заряженными мушкетами сто пятьдесят португальцев — почти все защитники города. Капитан-майор, пригибаясь, пробегал вдоль траншеи, повторяя приказ не открывать огня, пока голландцы не приблизятся.

Мушкетный залп встретил голландцев уже на берегу. И один из первых выстрелов ранил в живот самого адмирала. Командование принял следующий по старшинству капитан; потеряв сорок человек, голландцы захватили траншею и продолжали наступление. Однако португальцы не были разбиты: они успели вовремя покинуть позиции и в порядке отступали к городу.

Голландцы наступали стройными рядами под прикрытием огня корабельной артиллерии, и, казалось, ничто уже не остановит их наступление. Но тут на их пути оказался ручей, в котором в мирное время обычно стирали белье. Как раз до этого ручья могли долетать ядра из цитадели Макао — иезуитской коллегии. Здание коллегии еще не было достроено, но иезуиты установили на его стенах большую бомбарду и приготовились к бою весьма тщательно. Пушкарем у иезуитов был известный португальский математик (также иезуит) Падре Иеронимо Ро, и ему удалось послать ядро так метко, что оно угодило в бочку с порохом, которую голландцы несли с собой. Взрыв произошел в самом центре передового отряда.

Потрясенные числом жертв, голландцы остановились; после краткого совещания их командиры не решились штурмовать португальскую позицию в лоб, а повернули к холму, который господствовал над этой частью города. Однако в бамбуковой роще на их пути засели тридцать португальцев и около ста рабов-негров. Огонь, который они открыли по приблизившимся голландцам, был столь эффективен, что те вновь остановились.

Прошло уже три часа с начала боя, а десант все не мог приблизиться к городу. Снова состоялось совещание командиров, и был избран целью атаки еще один холм. Создавалось впечатление, что голландским командирам нужна хоть какая-то победа.

Но и второй холм оказался защищенным. Прячась за камнями, португальцы и их рабы наносили такие тяжелые потери карабкавшимся на холм голландцам, что те все чаще поглядывали на берег, где маячили шлюпки и мучился на раскаленном песке бездействующий резерв. И тут к защитникам холмов присоединились португальские артиллеристы, которых прислал командир батареи. Поняв, что перестрелка с голландскими кораблями никакого влияния на оборону города не оказывает, он снял половину пушкарей, раздал им мушкеты и приказал идти на помощь своим. Пушкарей было всего пятьдесят, но они подоспели в решающий момент. Увидев свежий отряд, капитан-майор Лопо Сарменто де Карвало поднял свою смешанную армию, больше половины которой составляли рабы и монахи, и бросил ее вниз, на уставших врагов.

Несмотря на численное превосходство, которое все еще имели голландцы, они были разбиты наголову. Разгром был усугублен гибелью в этот момент очередного голландского командующего и тем, что матросы в шлюпках, увидев бегущих в панике солдат, поспешили отгрести от берега, боясь, что беглецы потопят лодки. Погибло больше трехсот голландцев. Торжествующие победители добивали пленных — шел к закату день Святого Иоанна Крестителя, и монахи кричали: «Пленных не брать! Пусть этот день будет кровавым крещением для еретиков!». Погибло семь голландских капитанов. Нельзя не отметить важную роль, которую сыграли в сражении рабы. Благодарные им за это португальцы прямо на пляже, среди убитых голландцев и в виду последних шлюпок, спешивших к кораблям, отпускали рабов на волю.

В письмах, которые Кун и оставшиеся в живых голландские командиры слали в Амстердам, говорилось, будто победители голландцев не португальцы, а «орды диких негров», якобы многократно превосходившие численностью голландский десант. Сообщения, которые посыпались из Макао в Гоа и Лиссабон, зачастую также были далеки от правды. Каждая из участвовавших в обороне партий пыталась доказать, что именно ей принадлежит заслуга победы над голландцами. Особенно грызлись иезуиты и доминиканцы, которые вообще всегда враждовали между собой в Макао. Впрочем, и те и другие были едины, когда пытались доказать, что настоящий организатор обороны, капитан-майор Карвало, вообще ничего, кроме ошибок, в тот день не совершил. Враги Карва-

ло ссылались даже на то, что мать капитан-майора — «мавританка, дочка черного мавра и еврейки, — все об этом знают в Макао». Однако правительство Португалии не приняло во внимание столь роковые генетические огрехи старой сеньоры де Карвало, все пять сыновей которой были выдающимися военачальниками, и даже, назло всем клеветникам, наградило капитан-майора орденом Христа — высшим орденом Португалии. Как бы подытоживая многолетний спор о том, кто же победил голландцев, английский историк Боксер привел высказывание французского маршала Жоффра, который на вопрос, кто выиграл битву на Марне в первой мировой войне, ответил: «Нельзя сказать наверняка, кто ее выиграл, зато, если бы она была проиграна, можно сказать с уверенностью, что виновником был бы объявлен я». То же относится и к капитан-майору.

А пока в Амстердам и Лиссабон шли донесения о случившемся, голландская эскадра, не повторяя попыток захватить Макао, приступила к выполнению резервного плана. Был высажен десант на Пескадорские острова, и началась тотальная пиратская война против китайской морской торговли. Два года озлобленные поражением голландцы грабили и топили китайские джонки, а моряков вывозили на Яву, где продавали в рабство. На счету у голландской эскадры тысячи жизней ни в чем не повинных людей и сотни потопленных кораблей. Выгоду же из всего этого извлекли сидевшие в Пекине иезуиты, политика которых сводилась к частому повторению слов: «Мы же вас предупреждали».

Наконец, отрицательный эффект пиратской войны стал сказываться во всей Юго-Восточной Азии, ибо торговый мир Южных морей и Индийского океана был сложным и взаимосвязанным механизмом. Засевшие у Пескадор голландцы, естественно, не могли уничтожить все судоходство в Южных морях и тем более не могли заставить своих противников добровольно передать им монополию на торговлю. Скоро обнаружилось, что выгоду от пиратской деятельности голландцев получают португальцы и англичане, так как практически все государства Южной Азии были озлоблены против голландцев и стали поддерживать их соперников.

Среди критиков такой политики были и голландцы.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Капитан Якобс, Иероним Корнелис

«Батавия» была одним из самых больших кораблей голландской Ост-Индской компании — ближайшими аналогами ее можно считать португальские карраки. В начале 1629 года она вышла из Амстердама, имея на борту шестьсот пассажиров и членов команды, а также важные грузы и крупные суммы денег. Среди пассажиров были

чиновники и купцы, их семьи, отряд солдат. Командовал «Батавией» капитан Якобс, но действительным начальником экспедиции был старший фактор и доверенное лицо совета компании Франциск Пелсерт, который отвечал за сохранность груза и ценностей на сумму более двухсот тысяч гульденов. До Явы «Батавия» шла в составе небольшой эскадры.

Идея захватить судно возникла, очевидно, и у капитана Якобса, и у многих его подчиненных: уж очень соблазнительной была добыча. Капитан, вероятно, не собирался стать после этого профессиональным пиратом, а предполагал перейти на службу к португальцам. Пелсерт подозревал Якобса в опасных замыслах, но прямых улик не имел. Рассчитывать на команду он в такой ситуации не мог, зато в его распоряжении было несколько служащих компании и тридцать солдат, в том числе десять французских наемников. На стороне капитана были второй компанейский фактор и суперкарго Иероним Корнелис, старший боцман и большинство матросов. Часть команды предпочитала до поры до времени держать нейтралитет.

Чтобы было легче претворить в жизнь задуманное, заговорщики решили после выхода в Индийский океан отстать от эскадры и затеряться в океане. Пелсерт не скрывал, что не доверяет капитану, и настоял на том, чтобы ночная вахта состояла из преданных компании людей. Но вскоре после того, как корабли обогнули мыс Доброй Надежды, Пелсерт свалился в лихорадке, и капитану удалось осуществить свой план: в тумане «Батавия» оторвалась от эскадры.

Ободренные болезнью Пелсерта, заговорщики отложили переворот до того момента, когда фактор умрет. Неизвестно, насколько болезнь Пелсерта была действительной, а насколько — дипломатической: каждый вечер ему становилось так худо, что он не надеялся пережить ночь, но по утрам принимал доклады офицеров, хотя и не покидал постели. Так прошло две недели. Вот-вот могли показаться берега Явы, и это побуждало заговорщиков к действию. Но люди Пелсерта были начеку, а часть экипажа предпочитала соблюдать нейтралитет. Тогда решили пойти на провокацию.

На корабле находилась состоятельная голландская дама Корнелия Лукреция Янс, которая ехала в сопровождении служанки Жанте к своему мужу в Батавию. Капитан Якобс еще в начале путешествия обратил на нее внимание, но дама отвергла его ухаживания; после этого капитан переключил усилия на служанку и быстро добился взаимности. Теперь Иероним Корнелис должен был распусть слух, что Лукреция Янс ведьма, и подговорить матросов вымазать ее дегтем (капитан даже предложил изрезать ей лицо бритвой, но Корнелис его от этого отговорил). Рассчитывали был на то, что Пелсерт вынужден будет принять суровые меры против участников этой операции. Тогда за матросов вступятся остальные члены экипажа — между солдатами Пелсерта и моряками отношения были натянутыми.

Вечером, когда Пелсерт лежал у себя в каюте, матросы во главе со старшим боцманом ворвались в каюту Лукреции (дверь была не заперта — об

этом позаботилась Жанте) и вытащили ее на палубу. Надругавшись над Лукрецией, они затем вымазали ее дегтем и грязью. Священник, оказавшийся поблизости, бросился к Пелсерту, который поднялся с постели и вызвал стражу. К тому времени, когда он добрался, поддерживаемый помощниками, до палубы, солдаты уже разогнали матросов, а пассажирки помогли Лукреции вернуться в каюту.

Пелсерт не сомневался, что капитан, несмотря на свое показное возмущение происшедшим и клятвенные обещания строго наказать виновных, является зачинщиком всей этой истории. В ту же ночь Пелсерт пригласил трех верных офицеров на совет. На палубе, требуя утопить ведьму, шумели матросы. Арестовать их — значило сыграть на руку капитану, оставить безнаказанными — подорвать дисциплину, придать заговорщикам уверенность.

Пелсерт не успел прийти к какому-либо решению. Той же ночью «Батавия» налетела на рифы у небольшого архипелага, состоящего из скал и голых песчаных островков, в нескольких десятках миль от северного берега Австралии.

Якобс сообщил Пелсерту, что немедленной опасности кораблю нет и что он продержится на плаву, по крайней мере, до утра, однако пассажиров и солдат предложил перевезти на берег. Первую спущенную шлюпку разбило волнами о борт, за места в других шла драка. Наконец спустили благополучно шлюпку, в которую поспешили сойти Пелсерт и его офицеры; вслед за ними на берег отправился капитан. Старшим на тонущем кораб-

ле остался Корнелис. Пока матросы, разбив бочонки с вином, пировали, Корнелис поднял люк в полу каюты Пелсерта и спустился в кладовую, где хранились деньги и драгоценности. Там он взломал сундуки, надел на шею массивную золотую цепь, украшенную изумрудами, и позвал матросов. Те в восторге набивали монетами карманы. Это входило в планы Корнелиса. Теперь матросы были связаны круговой поручкой, так как совершили одно из самых серьезных преступлений — запустили руку в казну компании.

Не ведая о том, что творится на борту «Батавии», Пелсерт приказал в поисках воды обследовать остров, на который высадились потерпевшие кораблекрушение. Воды на острове не оказалось. Была послана шлюпка на соседний клочок земли, также оказавшийся безводным. Тогда несколько солдат, скототив плот, поплыли к большому острову, видневшемуся на горизонте.

Поняв, что расправиться с Пелсертом сейчас нельзя (тот все время находился в окружении верных людей), капитан предложил ему отправиться на поиски воды на боте. План Якобса заключался в том, чтобы убить Пелсерта, как только остров скроется из виду, а самому отправиться к Яве. Там он должен был сообщить, что «Батавия» погибла, а Пелсерт остался сторожить груз. Следующий шаг — получить корабль для спасения груза и людей и привести к месту катастрофы, где Корнелис должен все подготовить для его захвата. Потом можно будет забрать ценности и отправиться в плавание.

План был связан с определенным риском, но

имел и шансы на успех. Впрочем, Пелсерт, соглашаясь плыть с Якобсом, также надеялся как можно скорее добраться до Явы. Его беспокоила судьба сундуков с деньгами, а поиски воды стали только предлогом.

Команду бота подбирали капитан и старший боцман. Пелсерту команда не понравилась, и он под предлогом малочисленности экипажа бота взял с собой двух верных офицеров и пятерых солдат. Это не напугало капитана, потому что на боте у него было пятнадцать верных людей. На счастье Пелсерта, по пути им встретился возвращавшийся с большого острова плот с десятью солдатами. Несмотря на протесты Якобса, Пелсерт приказал солдатам перейти на бот. Так рухнули планы капитана. На большом острове воды не нашли, да, видно, и не очень старались найти. Бот тут же пошел на север, к Яве. В пути Якобс и не пытался убить Пелсерта. Охрана была надежна, и капитану пришлось смириться. Он даже начал заигрывать с Пелсертом, уверяя его, что не имел злых умыслов.

Путешествие до Явы оказалось очень трудным. Они прошли в открытом, переполненном людьми боте более полутора тысяч миль. В двух днях пути от цели бот повстречался с кораблем «Саардам» из эскадры, сопровождавшей «Батавию» до мыса Доброй Надежды.

Прибыв в столицу Нидерландской Индии — Батавию (основанную незадолго до этого на месте яванского города Джакарты), Пелсерт тут же направился к генерал-губернатору и доложил ему о случившемся и о своих опасениях. В тот же день

были арестованы боцман и матросы, виновные в нападении на Лукрецию Янс. Капитана Якобса оставили на свободе, но сообщили ему, что он находится под следствием по подозрению в подготовке мятежа и пиратского захвата корабля. Однако доказать это было почти невозможно, так как против капитана не имелось улик, а лишь показания Пелсерта. Пелсерт же мог обвинять капитана в заговоре, чтобы оправдать свое бегство. Кстати, Пелсерт получил от генерал-губернатора строгий выговор за то, что не пресек бунт в самом начале, а затем уплыл, оставив команду и пассажиров без начальника.

В команду «Саардама», направленного в спасательную экспедицию, включили водолазов для подъема груза и отряд солдат; во главе экспедиции поставили Пелсерта. Через пятьдесят дней «Саардам» подошел к месту катастрофы. На острове, где Пелсерт оставил потерпевших кораблекрушение, никого не было, однако с «Саардама» увидели клуб дыма, поднимающийся над большим островом. Направились туда. Навстречу выскочила лодка, в которой было четыре человека. Двое гребли; двое, раненые, лежали на дне. В одном из гребцов Пелсерт узнал солдата Хейса; поднявшись на борт корабля, тот сообщил, что на «Саардам» готовится нападение, что власть на островах находилась до последнего дня в руках Корнелиса, но сейчас перешла к некоему Лоосу...

Хейс не успел закончить рассказа, как показался большой плот с двумя десятками человек, увешанных драгоценностями и разодетых словно на маскарад. Плот приблизился к «Саардаму». По

знаку Пелсерта Хейс спрятался. Пелсерт подошел к борту и спросил у людей на плоту, где все остальные. Ему ответили, что все на дальнем острове, где нашли воду и устроили лагерь. На вопрос с плота, где капитан Якобс, Пелсерт ответил, что он остался в Батавии.

Убедившись, что на «Саардаме» готовы к бою, Пелсерт неожиданно для пассажиров плота приказал им сдаться. Те попытались было отойти от борта, но после первого же выстрела из пушки побросали оружие. Их связали, и «Саардам» направился к малому острову, где оставшиеся мятежники ждали, когда их сообщники приведут захваченный корабль. Взяв под стражу и этих, стали искать остальных потерпевших крушение. И велико было изумление Пелсерта и голландцев с «Саардама», когда они узнали, что из нескольких сот пассажиров «Батавии» — чиновников, купцов, женщин, детей — в живых осталось только сорок.

Из допросов мятежников и бесед с оставшимися в живых солдатами и пассажирами удалось выяснить, что произошло за три с небольшим месяца, миновавших со дня ухода бота.

Первые три недели прошли мирно: в устройстве жилищ, поисках воды и перевозе с обломков «Батавии» кое-какого добра. Потерпевшие крушение избрали совет, во главе которого встал Иероним Корнелис. Именно он через три недели начал проводить в жизнь план, задуманный им совместно с капитаном Якобсом.

4 июля один из солдат украл бочонок вина и напился пьяным. Корнелис потребовал смертной.

казни для провинившегося. Совет отказал, тогда Корнелис разогнал его и собрал новый, из послушных ему людей. Солдата казнили. На следующий день Корнелис отправил на поиски воды плот, а в команду включил десять верных матросов и четырех солдат, которым не доверял. Через несколько часов плот возвратился, и матросы доложили новому совету, что все четыре солдата, к сожалению, утонули.

Так началось истребление пассажиров «Батавии». Вскоре для этого была выработана простая процедура. Намеченную жертву отправляли куда-нибудь в сопровождении двух-трех верных людей и одного «нейтрала». Возвратясь, они докладывали, что с их спутником случилось несчастье — упал со скалы или утонул в море. Исполнителем приговора всегда назначали «нейтрала». Если он отказывался, его самого убивали, если соглашался, то становился одним из членов пиратской шайки, ибо кровавая порука связывала крепче денег или клятв.

Как-то в палатку к Корнелису вбежал юнга и сообщил, что только что видел, как два матроса убили третьего. Корнелис выслушал мальчика и сказал своему помощнику: «Успокой ребенка». Матрос вывел юнгу и одним ударом заколол его.

Пока шли первые убийства, Корнелис приказал привести к нему в палатку Лукрецию. Двенадцать дней она отказывалась стать любовницей диктатора острова. Тогда Корнелис решил показать ей, что шутить не намерен. Помощник Корнелиса притащил в его палатку сына одного из солдат и, на глазах у Лукреции перерезав ему горло, объя-

вил ей, что, если она будет упрямиться, ее ждет та же участь. Сам Корнелис в это время ужинал в соседней палатке с отцом и матерью мальчика и поднимал тосты за их здоровье и здоровье их сына.

Лукреция сдалась.

Постепенно пираты перестали таиться. Однажды Корнелис пригласил на ужин священника и его старшую дочь, приглянувшуюся одному из матросов. В это время несколько человек вошли в палатку, где оставалась жена священника и три его младшие дочери, и всех задушили. Когда пираты вернулись и доложили, что приказание исполнено, Корнелис велел священнику отправляться домой, а старшую дочь тут же передал матросу.

С каждым днем на острове оставалось все меньше людей. Здесь действовал таинственный закон страха, который через сотни лет заставлял людей послушно собираться в гетто и верить в то, что именно их помилуют; закон страха, который позволял подлецам всех времен безнаказанно истреблять свои жертвы, даже если последних было намного больше, чем преступников. Люди старались убедить себя, что жертвы пиратов в самом деле тонут или падают со скал, а если кого-то казнят, значит, этот человек заслуживает смерти. Безнаказанность делала Корнелиса и его помощников все более наглыми. Они уже верили в то, что никто не посмеет объединиться против них, и изобретали казни одна страшнее другой, чтобы окончательно запугать и без того покорных пассажиров. Однако случилось непредвиденное: эскала-

ция убийств натолкнулась на сопротивление. И это было началом конца пиратского ада. Несколько десятков человек, решивших не сдаваться бандитам; смогли выстоять.

Солдат Хейс, впоследствии добравшийся на шлюпке до «Саардама», в разгар террора был на большом острове, где с несколькими товарищами искал воду, в которой всегда ощущался недостаток. Он уже собирался вернуться обратно, когда ночью через пролив переплыл юнга и рассказал солдатам, что чудом спасся от Корнелиса, который всех убивает. Оружия у Хейса и его друзей почти не было, но на острове с каждым днем собиралось все больше людей. Все, в ком еще теплилось человеческое достоинство или хотя бы воля к жизни, преодолевали пролив на плотиках, на бревнах, а то и просто вплавь и присоединялись к Хейсу и его товарищам. Вскоре этих людей стало более тридцати.

Наступил день, когда на острове, где правил Корнелис, остались только пираты и несколько женщин да еще священник, во всем покорный пиратам, умоляющий лишь об одном — чтобы не убивали его последнюю дочь. В это время Корнелис узнал, что на маленьком островке по соседству нашли убежище десятка два женщин и юнг. В тот же день пираты снарядили туда карательную экспедицию и перерезали всех обитателей островка. Один из участников этой расправы впоследствии рассказал, что среди жертв была беременная женщина. Увидев ее, помощник Корнелиса отвел ее в сторону и сказал: «А ведь тебе, милая, тоже придется умереть». Женщина бросилась ему в но-

ги, умоляла не губить еще не родившегося ребенка. Пират вонзил ей в грудь кинжал.

Обшарив весь остров, пираты нашли трех юнг, спрятавшихся в кустах. Их взяли с собой и придумали такую казнь: тот из них, кто выкинет за борт товарищей, останется в живых. Один юнга оказался сильнее своих товарищей, и ему сохранили жизнь.

Наконец пираты заметили, что над большим островом поднимается столб дыма, и поняли, что там тоже скрываются беженцы. Корнелис предполагал, что среди них есть мужчины, и потому решил прибегнуть к хитрости. Он высадился на берег в сопровождении телохранителей и предложил спустившимся с холма Хейсу и его товарищу перейти на сторону пиратов, обещая сохранить им жизнь. Хейс отказался. Тогда Корнелис приказал своему телохранителю застрелить Хейса. Но тот не успел вскинуть мушкет, как из-за скалы вышло более двадцати мужчин. Корнелис испугался, так как не ожидал встретить здесь столько людей, способных дать отпор. Он стал отступать к воде, уверяя, что пошутил. Но ему не поверили. Солдаты набросились на телохранителей и перебили их, самого Корнелиса связали и увели с собой. Остальные пираты, наблюдавшие за событиями с плота, не пришли на помощь вождю, а поспешили обратно к своему острову, избрали «императором» матроса Лооса и, вооружившись, начали готовить штурм большого острова.

Судьба почти безоружных людей острова была предрешена. Пираты медленно оттесняли их в

холмы, но тут Хейс увидел паруса «Саардама» и успел отплыть на лодке ему навстречу.

Несколько дней водолазы доставали с «Батавии» сундуки с ценностями, которые не успели захватить мятежники. Одновременно с этим шел суд над пиратами. Большинство из них быстро во всем сознались, только Корнелис вел себя на допросах упрямо и лишь под пытками давал показания. Пелсерту важнее всего было добиться, чтобы Корнелис назвал вдохновителем заговора капитана Якобса, и эти показания он в конце концов получил.

Корнелиса и еще семерых пиратов повесили. Двоих высадили без пищи и воды на берег Австралии, и они стали, таким образом, первыми европейскими колонистами на материке и положили начало традиции посылать туда преступников. Остальных пиратов приговорили к различным наказаниям: протаскивали под килем, пороли плетьюми, но оставили в живых, потому что Голландии были нужны матросы и солдаты. Правда, по возвращении в Батавию генерал-губернатор пересмотрел приговор, и еще несколько пиратов повесили уже там. Причем юнги, как несовершеннолетние, тянули жребий, кому умереть на виселице, а кому получить двести плетей, что тоже равносильно смерти.

Хейс был произведен в прапорщики, остальные защитники большого острова получили не в зачет двухмесячное жалованье. Лукреция Янс, муж которой, не дождавшись ее прибытия, скончался от болезней, вскоре вышла замуж снова. Капитан Якобс был заключен в тюрьму; дальнейшая судь-

ба его неизвестна. Пелсерт, так и не вернувший себе расположения компании, погиб через год в одном из походов. Деньги и грузы, поднятые с «Батавии», пошли на закупку пряностей и ведение войн.

Правда, деньги были подняты не все. Из двенадцати сундуков два остались на дне. Один из них разбился во время катастрофы, и часть серебряных монет попала в руки матросов. Второй сундук остался цел, но водолазам с «Саардама» поднять его не удалось — он лежал, придавленный якорем и пушкой. Так как в сундуке оставалось больше двадцати тысяч монет, правительство Батавии не желало примириться с потерей. В 1644 году Тасману, отплывшему исследовать Австралию, было приказано этот сундук поднять. Тасман сундука не нашел.

Прошло более трехсот лет, прежде чем была предпринята следующая попытка. В 1963 году краболовы случайно нашли на рифах у одного из прибрежных островов бронзовую пушку с «Батавии». Так удалось вновь отыскать место гибели корабля. Экспедиция, работавшая там следующим летом, отыскала множество предметов с корабля, в том числе больше ста серебряных немецких талеров начала XVII века. Исследователи полагают, что это монеты из разбитого сундука. Целый же сундук, погребенный в песке, возможно, дожидается более удачливых охотников за кладами.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. —

Королевское пиратство

Пиратские действия голландцев породили ненависть к ним во всех странах Южной и Юго-Восточной Азии. Этим нередко пользовались их конкуренты, в первую очередь англичане, заключавшие выгодные соглашения с местными правителями. Бывало, однако, и так, что репрессии за голландское пиратство обрушивались на англичан. В 1623 году, например, индийские власти в Сурате опечатали склады основанной там английской фактории, заключили под стражу резидента английской Ост-Индской компании и всех факторов, и тем пришлось провести в тюрьме семь месяцев.

С тех пор жизнь и имущество англичан в Сурате и других факториях все время находились под угрозой. А когда англичанам все же удалось доказать, что они не имеют отношения к пиратству голландцев, опасность возникла с другой стороны.

В 1630 году, во время Тридцатилетней войны, король Англии Карл I направил в Красное море военный корабль «Морской конек» под командованием капитана Квейла с заданием захватывать корабли и грузы Испании и других стран, которые не состоят в союзе с Англией. Это государственное предприятие должно было не столько повредить

испанцам, сколько пополнить казну Англии — память о богатой добыче Дрейка и Кавендиша не давала покоя английскому королю. Оригинальность ситуации состояла в том, что в Красном море не было, да и не могло быть, испанцев, корабли которых в Индийский океан почти не заходили, и вопрос, кто является союзником Англии, а кто — нет, должен был решаться капитаном Квейлом на месте.

Добыча капитана была невелика, но среди захваченных им кораблей числилось индийское судно с Малабарского побережья. Как только весть о его захвате дошла до Сурата, факторам Ост-Индской компании предложили оплатить стоимость захваченных грузов, ибо индийцы вполне резонно разницы между коммерческими начинаниями английского короля и его подданных не видели. Англичане в Сурате были вынуждены внести требуемую сумму, после чего направили в Лондон жалобу на действия Квейла.

Дурной пример, однако, оказался заразительным. Через несколько лет постельничий короля Эндимион Портер снарядил на паях с двумя лондонскими торговцами — Бонеллом и Кайнстоном — два корабля, для которых получил корсарские патенты. Эти корабли должны были захватывать грузы всех кораблей, которые не находятся в союзе и дружбе с Англией. На всякий случай постельничий постарался, чтобы снаряжение этих кораблей прошло в тайне от лондонского совета Ост-Индской компании. У него были основания полагать, что этот поход совету не понравится.

В апреле 1635 года корабли отплыли в направ-

лении Красного моря. Один из них потонул у Коморских островов, зато второй сумел ограбить два индийских корабля, принадлежавших Великому Моголу. На одном из этих кораблей оказалось много товаров и денег, которые и были захвачены, несмотря на то, что у капитана ограбленного корабля имелся пропуск английской Ост-Индской компании, дававшей право на свободное плавание.

Вести об этом быстро достигли Сурата, и английские торговцы, напуганные перспективой нового тюремного заключения, срочно отправили к Красному морю компанейский корабль «Лебедь», который настиг пиратов. После короткого боя пираты выкинули белый флаг, однако с награбленными товарами расставаться не пожелали и привезли их в Лондон, где они были проданы с большой прибылью для постельничего и его компаньонов.

Ост-Индская компания обратилась к королю с жалобой, уверяя его, что урон, понесенный компанией, наносит вред интересам Англии. Король заявил, что крайне раздосадован происшедшим, и обещал направить Великому Моголу письмо с объяснениями. Пользуясь официально высказанной точкой зрения Его Величества, компания тут же обратилась в Адмиралтейский суд. Правда, господин постельничий не был упомянут в списке ответчиков — иск был вчинен Бонеллу и Кайнстону. Бонелл, почуяв неладное, сбежал во Францию. Кайнстона арестовали и посадили в тюрьму. Члены совета компании уже потирали руки, полагая, что им вернут награбленное, но тут особым королевским указом торговец был выпущен из тюрь-

мы, дело прекращено, и король заявил, что сам лично займется им на досуге. Досуга у него для этого так и не нашлось.

Тем временем компании пришлось вновь вступить в борьбу с постельничьим Портером. Оказалось, что он, обрадованный успехом пиратской экспедиции, пошел дальше: основал ассоциацию по торговле в Ост-Индии, то есть нарушил монополию Ост-Индской компании. И пока члены совета пытались с помощью придворных интриг убрать соперника, они узнали, что сам король внес десять тысяч фунтов стерлингов в начинание Портера.

Четыре корабля были снаряжены и посланы новой ассоциацией в Индийский океан. А еще через несколько недель стало известно, что опасения Ост-Индской компании более чем обоснованы: два индийских корабля были остановлены и ограблены пиратской шайкой, которая действовала от имени короля Англии в индийских водах. Более того, команды и пассажиры кораблей подверглись страшным пыткам, чтобы узнать, где спрятаны драгоценности.

Представители Ост-Индской компании в Сурате едва успели спрятать подальше деньги, как оказались в тюрьме. На этот раз они провели там два месяца и были отпущены только после уплаты в казну Сурата ста семидесяти рупий и клятвенного обещания уважать индийское судоходство.

Лишь начало гражданской войны в Англии и свержение Карла положили конец королевскому пиратству.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Антониу де Альбукерки Коэло

К концу XVII века от бывшего могущества Португальской империи остались только следы, но следы эти были весьма заметными. Португальцы контролировали громадные территории — Бразилию, Анголу, Мозамбик, сохраняли важные базы — Гоа, Макао, Тимор и многие другие. Португальские корабли продолжали пересекать моря, и воспоминание о славе великой державы влекло многих молодых людей из обедневшей и попавшей на задворки европейской политики Португалии в ее колониальные форпосты, превратившиеся в своеобразный колоритный мир, как бы законсервировавшийся в XVI веке.

Португальцы все чаще начинают искать счастья на службе азиатских монархов. В бирманской, сиамской и других восточных армиях португальские наемники становятся почти обязательной составной частью, а португальские авантюристы пускаются в самостоятельные предприятия. Де Бриту основывает собственное «царство» на юге Бирмы; Тибан становится «королем» пиратского острова Сандвип в Аракане.

Антониу де Альбукерки Коэло, родившийся в

1682 году, был сыном португальского вельможи Антониу де Альбукерки де Коэло де Карвало и мулатки из Пернамбуко Ангелы де Барриос, происхождение которой «сомнительно и туманно». Правда, ничего удивительного в этом не было, потому что незаконнорожденных детей у португальских вельмож насчитывалось множество, и постепенно даже самым строгим ревнителям чистоты крови пришлось научиться закрывать глаза на все увеличивающуюся долю «туземной» крови в жилах португальской аристократии. Так приходилось расплачиваться за поддержание империи. Это не исключало расовой непримиримости тех же вельмож, когда дело шло о недругах и покоренных.

Антониу получил образование в Португалии, стал капитаном морской пехоты и в этом качестве прибыл в Макао на борту корабля, который попал в шторм и был настолько поврежден, что ему пришлось встать в порту на длительный ремонт.

Офицеры фрегата сошли на берег, сняли там дома и зажили обычной жизнью португальских фидалго, в которой разгул и охота за деньгами сочетались с показной религиозностью. Последнее было необходимо, ибо в Макао, как и в других владениях Португалии, огромную роль играла католическая церковь. Здесь властвовали иезуиты и доминиканцы, которые, борясь между собой, держали в узде всю колонию.

Антониу де Альбукерки, любивший подчеркивать свое мифическое родство с давно умершим великим адмиралом, стал одним из светских львов Макао и через некоторое время начал охоту за

приданым, собственницей которого была сирота девяти лет от роду по имени Мария де Моура. Юный возраст сироты не спасал от борьбы за ее руку. Главными претендентами являлись Антониу де Альбукерки и лейтенант королевского фрегата дон Энрике де Норон. Оба бедны, настойчивы и кичились знатным происхождением. Невеста тем временем играла в куклы.

Женихи вскоре стали центром интриги, охватившей весь город. Сторону лейтенанта Энрике поддерживали богатая и властная бабушка девочки и доминиканцы, сторону Альбукерки — командир фрегата, епископ Макао и иезуиты. Борьба была позиционной до тех пор, пока Антониу с помощью верных друзей не украл Марию из дома и не обручился с ней в церкви святого Лаврентия.

По законам католицизма помолвка считается почти столь же нерасторжимой, как и брак, поэтому после церемонии девочку отвезли домой и сдали бабушке. Казалось, можно праздновать победу. Но бабушка призвала на помощь другого жениха, и начался второй акт драмы.

Через две недели на капитана Антониу де Альбукерки, ехавшего верхом по улице Макао, было совершено покушение. Выстрел из мушкета, правда, не очень меткий, был сделан из-за угла негром, в котором Альбукерки узнал раба своего соперника. Антониу бросился за негром, но догнать его не смог: в стене отворилась дверь, впустила негра и закрылась на щеколду, как только в нее стал ломиться капитан. Тогда Антониу снова вскочил на коня. И тут же из окна второго этажа

раздался еще один выстрел. Стрелял уже сам лейтенант Энрике, который оказался лучшим стрелком, чем его раб, и раздробил Антониу кость руки выше локтя. Едва держась в седле, Антониу поскакал к францисканскому монастырю, надеясь найти там убежище. У ворот монастыря Антониу настиг еще один раб лейтенанта, но Альбукерки уклонился от пули и, упав у дверей, был спасен от подбегавших с обнаженными шпагами друзей Энрике благочестивыми монахами, верными слугами епископа.

Капитан корабля в тот же вечер прислал Антониу охрану, и все попытки людей Энрике проникнуть за стены монастыря провалились. На некоторое время война затихла.

Но рука жениха не заживала. Она распухла, и от боли Альбукерки не мог заснуть. Ни городской хирург, ни лекарь с фрегата не могли помочь ему. Настоятель монастыря приказал готовить раненого к принятию святых даров. Невесте бабушка сказала, что она больше никогда не увидит Антониу и может начать готовиться к свадьбе с другим женихом. Девочка плакала и не хотела играть в куклы. Ей больше нравился смуглый и красивый Антониу, чем злой лейтенант, которого расхваливала бабушка.

В эти дни в Макао пришел корабль английской Ост-Индской компании, и иезуиты обратились к находившемуся на нем корабельному врачу, обещая, что орден хорошо оплатит его услуги, если он спасет жизнь Антониу де Альбукерки. У ордена были основания противиться успеху лейтенанта Энрике.

Осмотрев больного, врач передал иезуитам, что спасти жизнь Антонию, у которого уже началась гангрена, может лишь немедленная ампутация руки. Португальские врачи отказались помогать английскому коллеге. Иезуиты сообщили о своем согласии. Антонию попросил подождать с операцией до вечера и послал раба с запиской к Марии. В записке, написанной под диктовку монахом, он спрашивал невесту, сможет ли она стать женой однорукого фидалго. Лучшие рыцарские традиции были соблюдены. Мария, которая не умела еще писать, сообщила жениху в ответной записке, что она выйдет за него замуж, даже если у него не будет обеих ног. Эта записка была написана тем же иезуитом, который написал и отнес письмо Антонию. В хроники, которые велись монахами в Макао, была вставлена назидательная история о верности возлюбленных, обрученных католической церковью. А в городе распевали песенку:

Она не пригожа
Ни ликом, ни станом,
Но деньги девице
Красавца достанут.

Однако борьба еще не была окончена. Бабушка обратилась в сенат с просьбой о защите против Антонию, который-де намеревается похитить и увезти на фрегате ее внучку. Сенат был в растерянности. Узнав о его заседании, капитан фрегата высадил на берег десант, окруживший здание сената и дом бабушки. А когда сенат все-таки осмелился удовлетворить просьбу бабушки, сам епископ потребовал пересмотра дела.

Моряки с фрегата обшаривали город в поисках

лейтенанта Энрике, и тому пришлось спрятаться в доминиканском монастыре. Город был расколот на две фракции. Монахи враждующих орденов писали в Гоа и Лиссабон кляузы, но послать их не могли, потому что капитан фрегата на всякий случай блокировал порт и не позволял кораблям покидать Макао.

Губернатор города приказал взять штурмом доминиканский монастырь, но доминиканцы успели переправить Энрике в дом папского легата.

Борьба продолжалась до тех пор, пока в августе 1710 года Антониу не обвенчался с девочкой. Свадьба чуть не сорвалась: за истекший год у Альбукерки появился новый и весьма опасный соперник — Франсишку Лейите, который решил убить Антониу перед самым венчанием. Заговор не удался, потому что Франсишку по ошибке устроил засаду не перед той церковью, в которой проходило венчание; когда же он бросился по правильному адресу, оказалось, что Альбукерки уже успел окружить церковь отрядом моряков и солдат. Пока в храме шла торжественная церемония, у его дверей стояли с обнаженными шпагами и заряженными мушкетами два вражеских отряда. К тому моменту, когда венчание закончилось, моряки отогнали наемников Франсишку, и Антониу смог спокойно проследовать к себе домой. Так кончилась война за богатую сироту.

Семейная жизнь капитана де Альбукерки продолжалась четыре года. В 1712 году у Марии родилась дочь, которая через неделю умерла, а еще через два года родился мальчик. После родов умерла сама Мария. Она умирала под звуки бара-

банов, свирелей и китайских гонгов: Антониу по случаю рождения наследника устроил большой пир, и у дверей его дома шло представление китайской оперы. Гремели пушки с цитадели Сан Паулу до Монте, сверкали огни фейерверков. В разгар праздника к губернатору прибыл посланец от Антониу с просьбой прекратить салют: четырнадцатилетняя жена господина Антониу де Альбукерки, ставшего с помощью ее приданого одним из богатейших людей в Макао, скончалась.

Враги Антониу тем временем слали вице-королю в Гоа жалобы и доносы. Наконец в 1715 году последовал приказ арестовать вдовца и прислать его для суда в Гоа. Очевидно, в прошедшие годы Антониу занимался пиратством, потому что вице-король Гоа после следствия издал постановление, что Антониу виновен «в тираническом поведении не только по отношению к жителям Макао, но также к иностранным подданным, которые желают торговать с этим портом». К счастью для Антониу, вице-короля вскоре сменили. Новый вице-король, связанный с иезуитами, не только полностью оправдал Альбукерки, но и назначил его губернатором Макао.

Так Антониу де Альбукерки стал губернатором Макао и был не худшим из губернаторов этой колонии.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Капитан Шарп

В конце XVII века завершается пиратская эра в Карибском море. Все большее число пиратов откликается на амнистии, объявляемые английскими властями, и переходит к мирной жизни. А самый известный из них, Морган, даже принимает государственную должность и становится грозой своих прежних товарищей.

Раньше Англия и Голландия сами участвовали в пиратских действиях и поощряли пиратов, коль скоро те нападали на испанские корабли и города. Теперь у англичан (а в какой-то степени и у голландцев) появилось много собственных торговых интересов в Америке, и им порой было выгоднее торговать с испанцами, чем грабить их. Изменился и колониальный мир. Еще недавно он замыкался в стенах крепостей, за пределы которых европейцы выходили лишь в военные экспедиции или для сбора дани. Но с каждым годом население колоний росло и нападения пиратов встречали все больший отпор. Если за пик пиратской активности принять вторую половину XVII века, ознаменованную рейдами через Панамский перешеек, расцветом Порт-Ройяла и объединением пиратов в тысячные отряды, то тут уже нетрудно заметить признаки вырождения. Само столь неестественное для пиратов объединение в крупные отряды — свидетельство того, как трудно стало им действовать в одиночку.

Усиливающиеся преследования заставляют пиратов покидать привычные воды Карибского моря

и пытаться освоить новые районы. Они уходят на север, к Ньюфаундленду, они стремятся к берегам Африки, они все чаще выбираются в Тихий океан и все дальше углубляются в него. В дни, когда Дрейк и Кавендиш открывали пути через этот океан, обычным пиратам хватало добычи и в Атлантике. Путешественники не по призванию, пираты жили одним днем и идти за добычей на огромное расстояние могли решиться лишь в случае крайней необходимости. К концу XVII века эта необходимость возникла.

Поход, о котором сейчас пойдет речь, имеет по крайней мере четырех историографов. Среди них бывший врач, пират Лайонел Уэфер; сын фермера и сам бывший фермер, крупнейший из описателей пиратства Уильям Дампир; наконец, один из командиров похода капитан Шарп. Так что каждый шаг экспедиции, ставшей столь знаменитой именно из-за обилия написанных о ней книг, известен с разных точек зрения, что помогает представить, как все было на самом деле.

Они собрались с нескольких кораблей и решили повторить путь Моргана: пересечь по суше Панамский перешеек и напасть на испанцев на берегу Тихого океана. Когда-то Дрейк шел этим путем, не зная, что ждет его впереди. Пираты XVII века были осведомлены куда лучше своего знаменитого путешественника. Единственное, что было им неизвестно, это удастся ли ограбить испанский город Санта-Марию или придется кончить жизнь под испанскими пулями либо на виселице.

5 апреля 1680 года пиратский отряд общей чис-

ленностью около четырехсот человек, состоявший из экипажей семи кораблей (каждый экипаж, названный ротой, шел под командой своего капитана), отправился через джунгли на запад. С пиратами шли пятьдесят индейцев, у которых были с испанцами свои счеты. Вероятно, никому из пиратов и в голову не приходило, что путешествие приведет их в Индийский океан.

Санта-Марию взяли штурмом на рассвете. Пленных испанских солдат передали индейцам, чтобы те их казнили, а сами начали обыскивать город. Он был почти пуст: золото, добытое в находившихся неподалеку богатых копях, слухи о котором привлекли пиратов, за три дня до нападения переправили в Панаму. Тогда решили идти на Панаму. Это было заранее обреченной на неудачу авантюрой, потому что сейчас пиратов насчитывалось вчетверо меньше, чем десять лет назад в отряде Моргана, а Панама куда лучше укреплена, чем тогда. Кроме того, среди участников похода находилось достаточно писателей, но не было настоящего начальника. Один из пиратских капитанов, Коксон, вообще решил отправиться обратно, потому что завидовал избранному адмиралом Соукинсу; чтобы Коксон со своими людьми не покинул отряд, пришлось его самого избрать адмиралом.

Небогатую добычу, захваченную в Санта-Марии, пираты отправили под охраной двенадцати человек обратно через перешеек, а сами двинулись дальше на тридцати пяти каноэ и небольшом боте, который захватили на реке. Рингроуз, тщательно, час за часом отмечавший события, так

описывает один из дней — 19 апреля. На рассвете он проснулся от холода: за ночь он промок от дождя и все тело онемело. В десять утра, когда дождь уже кончился, его каноэ разбилось о скалу. В двенадцать дня ему удалось спасти жизнь пяти испанцам, попавшим к пиратам в плен; в час Рингроуз улучил минутку и зарисовал очертания берега. В четыре он продолжил путь. Вечером того же дня попал в плен к испанцам. В девять часов был приговорен к смерти, в десять его узнали спасенные утром испанцы, и Рингроуз получил помилование. В одиннадцать испанцы отпустили его на все четыре стороны. В двенадцать он попытался уснуть, но не смог, потому что промок и дрожал от холода. Чтобы отвлечься, он стал записывать в дневник события прошедшего дня.

На закате бот под командованием «ценителя морей, художника океанов, отважного командира, капитана Бартоломео Шарпа» (так называет себя сам Шарп) занял островок в Панамской бухте, а вскоре ему удалось захватить барк, на который перешли пираты с нескольких каноэ. На следующий день заметили еще один барк и погнались за ним, но барк обстрелял пиратов и ушел. Вскоре он прибыл в Панаму и сообщил губернатору, что пираты, о которых было известно с того момента, как они захватили Санта-Марию, уже близко.

Что делать с испанскими пленниками, долго не могли решить; потом, чтобы не кормить, отдали индейцам. (Но отнять у испанцев оружие забыли, и потому они прорвались через кольцо индейцев и ушли в джунгли.) Затем отправились дальше к Панаме и гребли всю ночь, чтобы пройти двадцать

миль через залив. Лишь «художник океанов» Шарп в темноте умудрился отстать от прочих, повернул обратно к безопасному острову и занялся грабежом жемчужного промысла. Там его спутники отыскивали вино, а сам Шарп — прекрасную испанку, и потому к сражению он опоздал.

Битва, развернувшаяся у стен Панамы, вошла в историю пиратства. Тридцать каноэ, в которых сидели меткие и отважные стрелки, сражались с тремя испанскими галионами и тремя барками и смогли победить. Испанские корабли без цели падали из тяжелых орудий по юрким суденьшкам, а от каждого ружейного залпа пиратов испанцы теряли десятки человек. Пираты в первую очередь целились в офицеров, рулевых и пушкарей, а также забрасывали испанцев ручными бомбами. Потом пираты взяли испанские корабли на абордаж, и лишь одному из них удалось укрыться под стенами Панамы. На один из кораблей пираты перенесли своих раненых, устроив там госпиталь, на второй забрались сами. А вечером, когда бой был закончен и победители, потеряв всего сорок человек, встали на якоря в миле от панамских бастионов, появился бот «ценителя морей». Капитан выразил радость по поводу победы своих спутников и присоединился к пиру на борту галиона «Благословенная Троица». На радостях на Шарпа не обиделись, тем более, что доли в захваченной здесь добыче ему не полагалось.

Пир удался, однако на следующее утро пираты рассорились. Добыча была не так уж велика — лишь корабли; золота и серебра опять не досталось. Самые горячие головы требовали тут же

штурмовать Панаму, но большинство отказалось. Коксон опять решил уйти и на этот раз выполнил свою угрозу. Командиром отряда, в котором осталось человек двести (к тому же еще не выздоровели раненые), вновь стал Соукинс.

Настроение несколько улучшилось, когда захватили корабль, который вез в Панаму жалованье. Каждому из оставшихся пиратов досталось по двести сорок семь монет. Потом снова потянулись дни без приключений. Чтобы занять ворчавших от безделья спутников, Соукинс предложил захватить небольшой городок Пуэбло-Нуэво, стоявший на реке в нескольких милях от берега. Правда, испанцы были предупреждены о нападении и перегородили реку поваленными деревьями. Пиратам пришлось оставить каноэ, в которых они поднимались по реке, и идти дальше по суше. Вскоре перед ними показался тын из толстых бревен, в щелях между которыми торчали дула мушкетов. Соукинс выхватил саблю, ибо, как писал Рингроуз, он «был человеком, которого ничто на свете не могло испугать», и начал рубить бревна. Тут его и убили. Шарп, который наступал во втором эшелоне, благополучно повернул обратно и приказал садиться в лодки. Так он стал адмиралом.

При утверждении Шарпа вожаком возникли разногласия. «Старики» резко протестовали, считая, что никакой добычи с ним не дождешься, ибо он отважен лишь на страницах дневника, который любит читать вслух матросам. Пришлось Шарпу поклясться, что каждый пират вернется из похода с тысячью фунтов стерлингов добычи. Это

обеспечило ему избрание, однако семьдесят пиратов отказались идти с ним. Они погрузились на один из трофейных кораблей и покинули лагерь. К счастью для нас, все три писателя остались с Шарпом на «Троице», а то пришлось бы черпать описание дальнейших событий из дневника Шарпа, где они излагались отнюдь не в соответствии с действительностью.

В течение следующих двух месяцев Шарп с удивительной изобретательностью придумывал предлоги, чтобы ничего не предпринимать. Так, во время стоянки у небольшого острова, где некогда останавливался Дрейк, Шарп убедил своих спутников, что именно здесь лежит золото, брошенное Дрейком за борт. Легенды о пиратских кладах рождались уже тогда, и уже тогда пираты разыскивали на затерявшихся в океане островах сундуки с золотом. Одна из легенд гласила, что Дрейк не смог погрузить на «Лань» все захваченное золото и выбросил часть его за борт, чтобы оно не досталось испанцам.

Неделю потратили на поиски золота. Делали это куда проще, чем в последующие века: смазывали жиром и патокой свинцовые грузила и опускали их на веревке за борт лодки, будучи глубоко уверены, что золотые монеты прилипнут к грузилам. Но ни одна монета не прилипла.

Потом Шарп сообщил матросам, что, по его сведениям, в небольшом неукрепленном поселке Ласирена много золота. Пираты бросились на поселок, но испанцы успели скрыться в лесу. В поселке ничего не нашли, кроме корзин с собранным урожаем клубники. Клубнику пираты съели и на-

писали испанцам письмо, что уйдут, если те заплатят выкуп. Испанцы платить выкуп не пожелали, за что поселок был сожжен.

Наконец, так и не разбогатев, пираты отправились к острову Хуан-Фернандес — одному из самых известных на свете клочков земли, прославленному и пиратами, и главным образом Даниэлем Дефо, ибо прототип его Робинзона Крузо — Селькирк — жил именно здесь.

На острове произошел бунт. Пираты сместили Шарпа, обвинив его в трусости и своекорыстии. Одним из аргументов, который приводили участники бунта, было то, что у них денег нет, а у Шарпа много. Деньги отняли, поделили, а Шарпа заковали в цепи и посадили в трюм. Выбрали адмиралом Джона Уотлинга и постановили взять штурмом город Арику. Перед уходом с острова увидели на горизонте паруса кораблей и, решив, что это испанцы их разыскивают, в такой спешке покинули остров, что забыли на берегу индейца Уильяма, который таким образом стал первым робинзоном на Хуан-Фернандесе.

Путешествие до Арики было скучным по вине нового адмирала, который запретил пить на берегу, велел по вечерам молиться и не разрешал по воскресеньям играть в кости. По дороге пристали к островку, чтобы расспросить замеченных на нем индейцев о богатствах Арики. Один из индейцев пиратам не понравился, его тут же объявили испанским шпионом и зарубили. Капитан Шарп, которого к этому времени выпустили из трюма, решил обратить на себя внимание. Он принес на место смерти индейца таз с водой, омыл в нем руки

и сказал: «Джентльмены! На мне нет крови этого старика, и я предупреждаю вас, что в Арике вы поплатитесь за это жестокое и бессмысленное преступление». Пираты встретили речь Шарпа смехом, но запомнили ее.

Из ста сорока человек, которые имелись в распоряжении Уотлинга (это было все, что осталось от экспедиции, отправившейся в поход через перешеек), сто были отобраны для штурма. Остальные оставались в лодках и должны были пригнать их по условному знаку.

Арика была защищена бастионами, на которых стояло двенадцать пушек; ее гарнизон составляли четыре роты испанских солдат, не считая ополчения, которое собиралось по тревоге. Зная, что по соседству появились пираты, жители города уже давно спрятали в тайниках все свои драгоценности. Тем не менее нападение противника стало для них неожиданным.

Отрядив сорок человек во главе с Шарпом штурмовать бастионы, Уотлинг повел остальных в город. Испанцев было больше, но силы уравнивались тем, что пираты слыли отличными стрелками. Через час Уотлингу удалось захватить центр города. Пираты отнесли своих раненых в церковь. Несколько человек пришлось выделить для охраны пленных, которых оказалось больше, чем пиратов. Но бой был окончен: в незанятой части города собиралось ополчение, а бастионы, как выяснилось, так и не сдались.

Пока пираты под командованием Уотлинга сражались на улицах города, сорок человек, которые должны были захватить бастионы, бездействова-

ли. Шарп, остановившись на безопасном расстоянии от бастионов, велел добровольцам подобраться к амбразурам и закидать защитников укреплений ручными бомбами. Это было исполнено, но бастионы не сдавались, и потому Шарп приказал отступить и ждать, как развернутся события.

В полдень Уотлинг сам начал штурм бастионов. Он велел погнать впереди пиратов сто испанских пленников, в том числе женщин и детей. Но испанцев это не смутило, и они открыли яростную стрельбу из пушек, расстреливая и своих, и чужих.

Пока у бастионов шел бой, защитники города воспользовались тем, что в самой Арике оставался лишь караул, который стерег пленных испанцев, напали на него и почти весь перебили. Уцелевшие пираты выбежали из города, стараясь привлечь внимание занятых штурмом бастионов товарищей. Вспомнив о том, что в церкви лежат раненые, Уотлинг стал пробиваться к ней, но был сражен пулей. Нескольким пиратам все же удалось добраться до церкви, и они, вбежав в нее, велели лекарям уводить хотя бы тех раненых, кто мог передвигаться. Но лекари в ответ лишь распевали песни. Как потом выяснилось, и врачи, и раненые успели напиться.

Когда оставшиеся в живых пираты прорвались к берегу, они вспомнили о предсказании Шарпа. А вспомнив, начали кричать, чтобы он принял командование.

Плотной стеной окружив Шарпа, пираты медленно отступали к месту, куда должны были подойти лодки. Между тем испанцы ворвались в

церковь и стали пытаться раненых, чтобы узнать, каким сигналом вызывать лодки. Узнав, что условный сигнал — два дыма, они тут же зажгли костры на бастионе, чтобы подманить лодки и лишить пиратов надежды на спасение. К счастью для пиратов, они увидели, что лодки проплывают мимо, и успели их перехватить.

Раненых испанцы замучили и перебили. Лишь врачам, в которых была большая нужда, сохранили жизнь.

В течение нескольких недель после этого Шарп крейсировал у берегов Южной Америки на галионе «Троица». Ему удалось захватить богатый корабль «Святой Петр», а потом и еще один — «Святой Росарио». История, связанная с захватом последнего, сделала Шарпа позднее предметом насмешек всех пиратов Карибского моря. Забрав с корабля вино и сундуки с серебряными монетами, люди Шарпа обнаружили, что трюм буквально набит слитками какого-то белого металла. Пираты заключили, что это — олово. Кто-то из них предложил перегрузить олово на «Троицу» и продать его потом тем же испанцам в ближайшем городе. Однако именно в этот момент адмирал заметил на захваченном корабле пассажирку — испанскую даму, которая была, как писал в своих воспоминаниях Шарп, «наипрекраснейшим созданием, которое когда-либо представало пред моими очами». Когда очаровательная испанка поняла, что страшный, но крайне галантный пират готов на все ради нее, она попросила об одной милости — немедленно отпустить корабль. И Шарп приказал своим людям довольствоваться сундуками с монетами.

ми, а олово и прочие товары не трогать. А так как обрадованные испанцы уговорили пиратов захватить с собой все вино, что было на борту, противники расстались, крайне довольные друг другом.

Впрочем, один из оловянных слитков взяли на корабль, чтобы лить из него пули. Когда порох завершился, пропившийся вчистую хозяин слитка продал остаток его за выпивку в Антигуа. Покупатель тут же спросил, нет ли у пирата еще такого олова. Олова не оказалось. Покупатель купил пирату бутылку вина, а затем перепродал остаток слитка за семьдесят пять фунтов стерлингов. К вечеру весь город, а через неделю все Карибское море хохотали над Шарпом и его молодцами, оставившими испанцам крупнейший груз серебра, который когда-либо попадал пиратам в руки. К тому же и с испанской стороны просочились вести о том, что прекрасная дама, очаровавшая пирата, получила от хозяев серебра богатое вознаграждение.

Путешествие Шарпа продолжалось еще несколько месяцев.

Он провел свой галион вокруг мыса Горн и добрался до Вест-Индии, где пришлось оставить корабль, чтобы не стать добычей английских фрегатов, снаряженных перешедшим на королевскую службу Морганом.

В конце концов пираты попали в Англию, где Шарп и несколько его спутников по требованию испанского посла были арестованы. Шарп нанял адвокатов, которым удалось доказать, что его действия были защитой от нападений испанцев. Пиратов оправдали.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Дампир

Еще до истории с серебром часть пиратов, не любивших Шарпа, отделилась от него. Среди них был Дампир.

В начале своей карьеры Дампир слыл самым заурядным пиратом, и даже обстоятельства, приведшие его к этому занятию, были обыденными. Он относился к тем беспокойным сынам Альбиона, которые покидали свой остров и отправлялись искать счастья и денег в Америку, не придавая особо важного значения тому, каким способом это достигается. Некоторое время он был лесорубом на берегу Центральной Америки. Лесорубы во многом подобны буканьерам. Они также жили в разбросанных по джунглям хижинам, также ненавидели испанцев, которые время от времени совершали набеги на побережье, вылавливая лесорубов и продавая их в рабство. Как и буканьеры, лесорубы служили одним из основных источников пополнения рядов пиратов; народ это был суровый, привыкший к тяготам жизни, закаленный и решительный.

Дампира сделали пиратом не испанцы, а ураган, разрушивший его хозяйство. Поэтому, когда

через несколько дней после урагана к побережью пристали два пиратских судна, Дампир и его разоренные товарищи записались на них матросами. Боевое крещение Дампир получил у городка Альварадо, жители которого оказали пиратам яростное сопротивление и, отступая, успели унести свое добро. Пришлось возвращаться ни с чем. Дампир расстался с новыми друзьями и решил, что никогда больше не займется таким невыгодным промыслом, как пиратство.

Уйдя из пиратов, Дампир вернулся к более тяжелому, но надежному труду лесоруба и еще год валил деревья, пока не скопил денег на покупку фермы в Англии. На рождество 1679 года Дампир отправился на Ямайку и там оформил покупку фермы в Дорсетшире. Ожидая попутного корабля в Англию, он встретил старого знакомого, капитана Хобби, который уговорил Дампира сопровождать его переводчиком в небольшом плавании, обещая долю прибыли от продажи товаров лесорубам.

По дороге корабль зашел в бухту Негрил на Ямайке набрать воды и тут обнаружил несколько пиратских кораблей. Пираты собрались в тихой бухте, чтобы обсудить важную проблему: как избежать железной хватки Моргана и куда направить свой путь. На английский корабль никто из них внимания не обратил: его товары не представляли ценности для пиратов, к тому же капитан корабля был знаком им, а на его борту было немало бывших пиратов. Когда матросы мистера Хобби узнали, что пираты решили пересечь Панамский перешеек и напасть на испанские города на

Тихоокеанском побережье, они тут же покинули своего капитана и, соблазненные блеском испанского золота, ушли в пиратскую вольницу. Три дня Дампир боролся с искушением, наконец не выдержал и тоже присоединился к пиратам. Так он очутился в экспедиции, о которой говорилось в начале.

Путь от Ямайки до Арики Дампир прошел в качестве рядового пирата. Расставшись с Шарпом, Дампир вернулся в Порт-Ройял и некоторое время оставался там, занимаясь обработкой своих записей, а потом присоединился к спутнику по походу — капитану Куку и плывал на его корабле «Месть». Однажды во время поисков манильского галиона «Месть» отнесло далеко к югу. Стало так холодно, что пираты «обнаружили, что могут выпивать по три кварты бренди на человека каждый день и притом совсем не пьянеть». Этот факт настолько потряс команду, что его занесли в судовой журнал.

Когда шторм утих и потребление бренди вошло в норму, взяли курс на север, в теплые края, и вскоре догнали английского пирата Джона Итона, который присоединился к ним на своем двадцатипестипушечном «Николасе». Оба корабля пошли к острову Хуан-Фернандес.

Подойдя к острову, увидели дым: кто-то жег костер, стараясь привлечь внимание кораблей. Бросили якорь и спустили шлюпки. На берегу стоял человек в звериных шкурах с копьём в руке. Увидев пиратов, он сказал по-английски, что очень рад встретить их и что он убил к их приезду несколько коз и готов угостить гостей на славу.

Человек был индейцем, и его поведение настолько изумило пиратов, что они лишились дара речи. Но тут подошла вторая шлюпка, в которой был Дампир, и индеец, отбросив копье, кинулся в раскрытые объятия пирата.

Это был Уильям, которого в спешке забыли на острове четыре года назад. Четыре года он прожил на Хуан-Фернандесе — и не только выжил, но и доказал, что человек может не опуститься даже в таких условиях.

В отличие от Робинзона Крузо, Уильям остался на острове без всяких припасов, и судьба не выкидывала ему не берег ящиков с нужными вещами. Правда, у Уильяма были нож и мушкет. Поразмыслив, он превратил нож в пилу, дуло мушкета распилил этой пилой на несколько частей и из получившихся кусков изготовил себе рыболовные крючки, гарпуны, наконечники копий и новый длинный нож. Таким образом, Уильям был полностью снаряжен для жизни на необитаемом острове, построил себе дом, развел коз и даже удачно скрывался от облав, которые устраивали на него испанцы.

Уильям присоединился к старым друзьям. После того как корабли привели в порядок, путешествие продолжалось.

Нельзя сказать, что пиратам совсем не попадалось добычи. Но все захваченные корабли как назло оказывались груженными мукой, сахаром и тому подобными товарами. Запасы муки пираты отвезли на Галапагосские острова, где спрятали на черный день. За время стоянки на островах нанесли их на карту и дали им всем названия.

Испанцы уже были осведомлены о прибытии пиратов, и все близлежащее побережье Южной Америки охватила тревога. Неожиданно умер капитан Кук, и его повезли на берег хоронить. На высадившихся на берег пиратов напали испанцы, и те еле успели добежать до моря, прыгнуть в воду и доплыть до скалы, верхушка которой чуть поднималась над водой в нескольких десятках метров от берега. Испанцы за ними не последовали и вскоре вообще удалились повыше, к деревьям.

Пираты сидели на скале, пели песни и ждали, когда за ними приедут с кораблей, стоявших в нескольких милях от этого места. Постепенно вода поднималась. Тут пираты перестали петь, так как поняли, почему испанцы не принимают никаких мер, чтобы достать их со скалы. Оказалось, что в прилив скалу покрывает на два метра водой. Когда пираты стояли уже по пояс в воде и молились, понимая, что пришел их последний час, показалась лодка, в которой сидел Дампир, встревоженный долгим отсутствием товарищей.

Вместо Кука капитаном «Мести» избрали Эдуарда Дэвиса, но добычи все не было. Еще одна попытка захватить испанское поселение провалилась, и тогда корабли пиратов расстались. «Николас» пошел через Тихий океан на запад, а «Мечь», на которой остался Дампир, решила попытаться счастья у берегов Перу.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Капитан Итон

Может быть, отдельные пираты и попадали в Индийский океан раньше, но, вероятно, «Николас» капитана Итона был первым кораблем, принадлежавшим к братству карибских пиратов, который пересек Тихий океан и приплыл в Азию с востока. Он был началом той волны, которая вскоре вынесла в Индийский океан большинство наиболее известных пиратов Атлантики и лет через десять превратила эти края в центр пиратской вольницы.

14 марта 1686 года капитан Итон появился у острова Гуам. Испанскому губернатору, пожелавшему узнать, что за корабль подошел к острову, Итон сообщил, что «Николас» снаряжен на деньги одного высокопоставленного француза для исследований и открытий в дальних морях, а на Гуам зашел за провизией и свежей водой. Губернатор удовлетворился ответом и пригласил пиратов на берег. Губернатору было тоскливо и порой страшно находиться на острове с маленьким гарнизоном, окруженным враждебными островитянами. Лишь иногда сюда заходил манильский галион или какой-либо другой корабль с Филиппин.

После визита Итона к губернатору тот послал пиратам в подарок десять поросят, сладкий картофель, бананы и папайю.

В качестве ответной любезности «французский исследователь» отправил губернатору кольцо с бриллиантом, недавно снятое с испанского капитана. Губернатор попросил у пиратов пороха, что-

бы отбивать нападения гуамцев. Итон послал два бочонка и получил в ответ полтораста золотых монет. Итон гордо отверг золото, и тогда губернатор послал ему в подарок кольцо с бриллиантом, втрое большим, чем полученный. Это кольцо было снято с пальца убитого не так давно в этих краях английского капитана. Потом губернатор послал еще больше поросят и фруктов, а пираты в благодарность напали на гуамцев и перебили их великое множество. Когда же гуамцы предложили пиратам объединиться и выгнать с острова испанцев, Итон с негодованием отверг это предложение.

С Гуама Итон привел свой корабль в Кантон, где надолго задержался для ремонта корабля. В это время в Кантонскую бухту вошло тринадцать больших китайских джонок, груженных шелком, — начиналась ярмарка. Итон предложил своим спутникам захватить безоружные джонки. По прибытии в Англию, уверял он, этот шелк можно будет продать за бешеные деньги. Пираты выслушали капитана и ответили ему, что при всем уважении к Итону они никогда не опустятся до того, чтобы торговать тряпками. Если бы на джонках было золото или хотя бы серебро, они бы пожертвовали всем, чтобы его заполучить. Но тряпки — никогда.

Пришлось отправиться к Маниле, чтобы попытаться захватить манильский галион или какой-нибудь другой корабль, груженный серебром. Такой корабль удалось найти, но, хотя «Николас» гнался за ним через все Южно-Китайское море, догнать его не удалось: у испанского корабля был

хороший ход, а пираты давно не имели возможности вытащить свое судно на берег и откилывать его. Постепенно «Николас» отстал, и пришлось отказаться от добычи. Это горькое разочарование привело к тому, что пираты пристали к берегу Северного Калимантана, сняли с корабля пушки, установили их вокруг стоянки, затем вытащили на берег корабль и занялись килеванием.

В декабре 1685 года «Николас» взял курс на Тимор — одно из немногих мест в Азии, где еще сохранялось португальское владычество. Но и на Тиморе, и у его берегов никакой добычи им не встречалось. Поблизости были голландские корабли (юго-западная часть Тимора в это время уже принадлежала голландцам), но на них пираты нападать не решались: корабли были отлично вооружены и голландские моряки умели стрелять не хуже пиратов.

У Тимора пираты поссорились. Долгое путешествие не принесло никакой выгоды. Двадцать пиратов решили, что с них хватит приключений, и потребовали возвращения домой. Итон отпустил их, и они, купив на Тиморе бот, отплыли на Яву. В Батавии пираты купили себе места на голландском корабле и в марте 1686 года прибыли в Англию — без денег, без добычи, но совершив почти кругосветное путешествие. Что касается Итона, то о нем больше ничего не известно.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Капитан Сван

«Месть» капитана Дэвиса, на которой находился Дампир, осталась у американского берега и вскоре встретила «Лебеденка» под командованием начинающего пирата Свана (что значит по-английски «лебедь»). Капитан Сван стал пиратом по вине Дэвиса и Итона, бесчинства которых настолько вывели из себя вице-короля Перу, что тот приказал уничтожить все каботажные суда у берегов Перу, заколоть или отогнать внутрь материка весь скот и уничтожить продовольствие, чтобы пиратам нечем было поживиться. В то же время в Лиме спешно снаряжалась эскадра из десяти фрегатов, чтобы поймать пиратов. Поэтому, когда английский торговый корабль «Лебеденок», принадлежавший группе пайщиков, прибыл сюда, торговать с ним никто не стал — хорошо еще, что испанцы его не захватили. Пока капитан Сван размышлял, что ему делать (а происходило это возле Панамского перешейка), на берегу показался отряд пиратов. Команда «Лебеденка» быстро поддалась уговорам пиратов бросить торговлю и начать грабеж. Пираты завладели кораблем. Капитану Свану предоставлялась возможность принять мученическую смерть, отстаивая неприкосновенность добра хозяев корабля, либо высадиться на берег и в одиночестве достигнуть испанского города. Он предпочел третий путь — присоединился к пиратам и сохранил командование кораблем.

Большую часть товаров выкинули за борт, дру-

гие Сван, проявив завидную сметку, продал пиратам в кредит. Теперь путь в Лондон Свану был заказан.

Объединившись, «Месть» и «Лебеденок» захватили испанский корабль, и на него перешла часть пиратов. Теперь у пиратов было три корабля, и они решили напасть на испанский караван, который шел с Филиппин в Панаму, Перу и Чили, а затем, обогнув мыс Горн, должен был уйти в Атлантику.

Когда пиратские корабли встали на якоря неподалеку от Панамы, к ним подошел еще один пират, француз, за небольшое вознаграждение предложивший капитанам корсарские удостоверения, которыми успешно торговал французский губернатор одного из островов Вест-Индии. С приходом французского корабля и нескольких пиратских ботов число пиратов превысило тысячу, и начались разговоры о том, что неплохо бы взять Панаму штурмом. Но предприятие это было слишком рискованным; кроме того, пришло известие, что испанский караван уже близко.

Пираты напали на испанскую эскадру, однако успеха добиться не смогли. Испанский адмирал, умело маневрируя, заставил пиратский флот растянуться, и испанцы смогли воспользоваться своим преимуществом в тяжелой артиллерии. В результате испанцы продолжали свой путь, а пираты рассеялись во все стороны. К месту сбора пришло чуть более четырехсот пиратов, и они решили впредь на испанские эскадры не нападать, а грабить небольшие города.

В последующие недели пираты захватили не-

сколько испанских поселений, разорили и сожгли их, но стоящей добычи нигде не обнаружили. Неудачи заставили Свана покинуть американские воды и отправиться через Тихий океан к берегам Азии. На «Лебеденка» перешел и Дампир.

Путешествие через Тихий океан оказалось очень долгим, причем в пути матросы не видели ни одной птицы и не смогли поймать ни единой рыбы. Несмотря на уверения Дампира, что океан не безбрежен, ими овладело суеверное чувство, что они уже никогда не увидят земли. Свану с трудом удалось удержать экипаж от открытого бунта. Через пятьдесят дней пути показался Гуам. Там все было без изменений. Так же испанский губернатор враждовал с гуамцами и так же принял пиратов доброжелательно и обменялся с ними дарами. Губернатор уверил Свана, что неподалеку, на острове Минданао в Филиппинском архипелаге, они найдут множество провианта.

Еще через двадцать дней пути показался Минданао. «Лебеденок» бросил якорь близ города, в котором жил султан. На крепостных стенах, окружавших его дворец, стояло двадцать пушек; в городе было много ювелиров, кузнецов, плотников; на верфи строились крупные корабли. Султан уговаривал Свана остаться и защищать его землю от голландцев, которые стремились покорить Южные Филиппины. Брат султана, раджа Лаут, также не раз беседовал с капитаном Сваном.

Время шло. Продовольствие все реже привозили с берега, ни о какой добыче и речи быть не могло, и пираты начали ворчать и требовать продол-

жения плавания. Впрочем, так были настроены не все. Некоторые пираты, которым надоели сражения, решили, что местные жены ничем не хуже оставшихся дома, и предпочитали вообще поселиться здесь.

Наконец Сван согласился поднять якорь и назначил отплытие на 13 января 1687 года. Ночь перед отплытием Сван провел на берегу, в доме раджи Лаута. Наступило утро. На корабле, как было условлено, подняли якорь и дали два выстрела из пушки, чтобы поторопить капитана и остальных ночевавших на берегу пиратов. Но никто не отозвался. Подождали еще час, затем кто-то вспомнил, как недавно капитан сокрушался, что в Англию ему вернуться невозможно. Пираты решили, что оставшиеся не придут, и ушли, недосятавшись капитана и еще сорока четырех человек. А раджа Лаут счел их недурным прибавлением к армии султана. Через несколько лет Дампиру сказали, что Сван и его люди вмешались в междоусобицу на острове и были перебиты.

Охотиться за манильским галионом было уже поздно, поэтому «Лебеденок» обогнул Филиппины с запада и пристал к острову Миндоро. Весну и начало лета пираты курсировали в Сиамском заливе, нападая на местные суда, но большую часть времени проводили на якоре у различных островов. Наконец 4 июня попробовали снова пойти к Маниле, однако встречные ветры и штормы заставили до осени оставаться вблизи Китая. Снова манильский галион благополучно избег встречи с пиратами, и тем ничего не оставалось, как возвра-

щаться домой. Долго спорили, какой выбрать путь, и решили наконец идти не Малаккским проливом, где можно было встретить английские или голландские военные корабли, а отправиться южнее, мимо Молуккских островов и Тимора.

4 января следующего, 1688 года пираты подошли к берегам Австралии. Австралия была уже знакома голландцам, и их корабли туда заходили, но для английских пиратов Австралия, или, как ее тогда называли, Новая Голландия, была землей неизвестной. В Австралии пиратам не понравилось. Дампир писал, что ее обитатели — самые жалкие существа во всей вселенной: нет у них ни домов, ни фруктов, ни скота и живут они, собирая ракушки. Не оказалось у австралийцев и никаких правителей, и, что совсем огорчило пиратов, они отказались носить воду на «Лебеденка», хотя пираты предлагали им за это монеты и куски железа.

Покинув Австралию, «Лебеденок» взял курс на северо-запад и через несколько недель достиг Никобарских островов. Здесь произошла очередная ссора. Как пишет Дампир, «мистер Холл, мистер Амброз и я преисполнились желанием покинуть эту неблагоприятную и буйную команду, в составе которой мы плавали столь долго, и сошли на берег, чтобы самим добраться до Аче». «Лебеденок» же отправился на запад.

Дальнейшие приключения Дампира в Индийском океане не связаны с пиратством. Он и его спутники в компании четырех малайцев и случайного попутчика-португальца вышли в море на небольшой лодке и, буквально чудом пережив

страшный шторм, добрались до султаната Аче на севере Суматры. Здесь Дампир занялся торговлей, но, насколько можно судить по его запискам, не преуспел в этом. Он ходил на местном судне в Тонкин и вернулся в Аче в 1689 году. Затем отбыл в Малакку, оттуда в Мадрас, где жил пять месяцев как свободный купец; не разбогатев, вернулся на Суматру. Дампир был человеком неумеренной энергии и любознательности, замечательным рассказчиком и наблюдательным натуралистом, но пиратом и купцом он был заурядным. Если посчитать, сколько посетил он стран, даже трудно поверить, что за несколько лет плаваний он нажил лишь... половину «туземного» принца и половину его престарелой матери.

Вот как Дампир рассказывает о приобретении этой необыкновенной собственности: «В июле 1689 года знаменитый татуированный принц и его мать были куплены на Минданао мистером Мууди. Когда же я и мистер Мууди расстались, он продал мне половину собственности на раскрашенного принца и его мать и оставил их на мое попечение. Эти странные люди родились на острове Миогус, на котором много золота и пряностей. Когда принц однажды выплыл на каноэ ловить рыбу со своими родителями, они были взяты в плен жителями Минданао, которые продали их переводчику раджи Лаута, при котором принц, а также его мать жили как рабы пять лет, после чего переводчик продал их мистеру Мууди за пятьдесят долларов.

Этот принц был удивительно татуирован на груди, спине и на передней стороне ног. Через не-

которое время доктор Мууди продал мне и остальную часть собственности на принца и его мать, но мать очень скоро скончалась, и мне пришлось приложить очень много сил, чтобы ее сын не умер с горя».

Вот с этим-то принцем Дампир и приехал в Англию. Он знает (и впоследствии напишет об этом в своей книге), что принц — вовсе не принц, а рыбак, но сейчас для него этот татуированный островитянин — последняя возможность нажиться. Дампир возит принца по городам и показывает его за деньги. Но и тут ему не везет. Приходится продать половину принца другому дельцу. Это тоже не помогло, потому что принц умер в Оксфорде от оспы.

Тогда Дампир решает издать записки о своих путешествиях. Ведь он более десяти лет почти не покидал палубы корабля и знает Америку и Азию лучше любого своего современника. Притом он талантливый писатель — его книги будут потом переведены на все европейские языки. Пока, однако, он бедствует и экономит на всем, чтобы купить бумаги и чернил.

Дампир так никогда и не разбогател. Но когда вышла в свет его первая книга, он прославился, и эта слава толкнула его к новым приключениям.

Сочетание литературного успеха, славы пирата и высокого покровительства (Дампир посвятил свой труд первому лорду Адмиралтейства) привело к тому, что на какое-то время Дампир стал как бы «вторым Дрейком». Английская корона решила, что именно такой человек нужен ей, чтобы пройти к берегам Новой Голландии, навести ужас

на конкурентов и открыть новые земли и рынки. И в 1699 году положение Дампира резко меняется — он получает под командование корабль королевского флота, вооруженный двенадцатью пушками, с командой из пятидесяти военных моряков.

Когда новый королевский капитан вышел в море, обнаружилось, что правы были пираты, а не покровители Дампира. Руководителем он оказался плохим. Дампир был спесив, нерешителен и, как сказали бы сегодня, рефлексивен. Команда почувствовала это сразу. В первом же порту Дампир узнал, что моряки ждут, когда он сойдет на берег, чтобы обрубить якорный канат и уйти в море без него. И хотя Дампиру удалось дойти до австралийских берегов и открыть ряд неизвестных островов, он вел себя как пират, а не как исследователь. Он искал добычу и, не обнаружив ее, расстреливал из пушек мирные селения. К тому же он каждую минуту менял свои решения. В довершение всех бед его корабль погиб на обратном пути, и команде пришлось добираться домой кто как сможет.

Полное отсутствие ожидаемой добычи, как ни странно, не вызвало в Англии открытого возмущения или разочарования Дампиром. Новая книга с интереснейшими описаниями встреченных земель лишь убедила колеблющихся, что ее автор — выдающийся путешественник. Слава о нем гремела по всей Европе. Следует отметить, что в своих книгах (и это неудивительно) Дампир выступает как хладнокровный и разумный капитан. Правда, нельзя не признать, что при полном неумении ру-

ководить людьми, при всегдашней заботе о добыче и неумении ее получить. Дампир был незаурядным мореходом, примером чему может служить безостановочный переход в 1699 году от берегов Бразилии до Австралии.

После завершения первого официального путешествия к Дампиру обратились некие состоятельные джентльмены, которые хотели использовать его по прямому назначению — в качестве пирата. Они предложили ему снарядить экспедицию для грабежа испанских и французских кораблей, благо началась война с Испанией и Францией и нападение на их корабли стало делом вполне законным.

Путешествие, в которое Дампир отправился в 1702 году, было еще более неудачным, чем первое. Но опять о неудаче его можно было говорить лишь условно. Да, Дампир перессорился со всеми своими спутниками; да, из-за его нерешительности неоднократно уходила богатейшая добыча; да, он чуть было не загубил всю экспедицию, и остается удивляться, почему спутники не выбросили его за борт. Но при этом он снова обошел полмира на корабле, который был в таком жутком состоянии, что при ремонте плотники заливали дыры от ядер испанского галиона смолой, так как боялись, что гвозди будут проваливаться в насквозь прогнившие борта. Он не привез добычи, потому что даже то небольшое, что удалось раздобыть в испанских поселках, отобрали голландцы в Батавии, арестовавшие Дампира и его команду и конфисковавшие корабль. Это был чисто пиратский акт со стороны голландцев, которые предпочитали быть

беспощадными к любому конкуренту, полагая, что, пока в Европе будут разбираться на высшем уровне, кто прав, а кто виноват, они сохранят монополию на торговлю пряностями.

И опять, вернувшись в 1705 году на родину нищим, Дампир написал о своем путешествии книгу. Она была настолько интересна, что даже королева Анна приняла его и выразила искреннее сочувствие его несчастьям и горячее восхищение его литературными талантами. Однако никто не хотел больше доверять ему своих кораблей, и он дошел в своей бедности до того, что готов был наняться в любом качестве в любую корсарскую экспедицию. Когда в 1708 году такого рода экспедиция под командованием Вудса Роджерса состоялась, Дампир согласился занять в ней второстепенный и скорее почетный, чем реальный, пост главного штурмана. Вудс Роджерс, человек умный и деловой, рассудил, что Дампир должен принести экспедиции двойную пользу — как опытный штурман, знающий Южные моря и Тихий океан, и как «великий, знаменитый, непобедимый» пират, имя которого должно наводить ужас на испанцев. Роджерс был прав: книги Дампира были переведены в Испании, о его предыдущей экспедиции ходили в Америке преувеличенные и неправдоподобные, но пугающие слухи, на его счет списывались испанцами потери от других пиратов. Герой книги опять вытеснил реального автора.

Это путешествие, закончившееся в 1711 году, было весьма прибыльным, в частности, из-за того, что Дампир не имел в нем никакой власти. После

возвращения из плавания он ушел на покой и умер в 1715 году.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Тит

Теперь вернемся на несколько лет назад и проследим судьбу «Лебеденка» после того, как Дампир покинул его на Никобарских островах, расстроившись со своими спутниками.

Команда «Лебеденка» еще не оставила надежды разбогатеть, и для этого с Никобар корабль взял курс на Цейлон. К Цейлону, однако, не дали подойти противные ветры, и корабль принесло к берегам Индии. Здесь в команде произошел очередной раскол. Часть пиратов сошла на берег и, наслышавшись от португальских наемников, как хорошо платят европейцам в армии Великого Могола, отправилась пешком на север Индии, чтобы наняться на военную службу. Несколько месяцев пираты служили в армии индийцев, пока не обнаружили, что платят им далеко не так много, как хотелось бы, а доходных войн армия не ведет. Тогда пираты службу бросили и отправились искать счастья сами по себе. Они разделились на небольшие банды и грабили индийские города и деревни, пока не были выловлены и не

кончили свои дни в тюрьмах и на виселицах.

«Лебеденок» же отправился дальше. Пираты хотели достичь Красного моря, так как слышали, что там много кораблей. По дороге они встретили большой португальский корабль и ограбили его. Перегруженный добычей, «Лебеденок» не мог пройти до Красного моря, и было решено отправиться к Мадагаскару, чтобы основать там базу для дальнейших набегов. Правда, через некоторое время новому капитану «Лебеденка» Раду показалось (возможно, не без оснований), что команда злоумышляет против него. Чтобы опередить события, он с шестью верными друзьями ночью сбежал на шлюпке и через несколько дней был подобран судном, шедшим в Нью-Йорк. Через два месяца эти семеро пиратов завершили кругосветное путешествие.

«Лебеденком» стал командовать пират Тит. Вскоре встретили корабль еще одного карибского пирата, Найта, также решившего уйти из опасных вод Карибского моря в сравнительно спокойный Индийский океан. Пираты хотели было объединиться, однако, когда Тит показал своему старому товарищу, в каком состоянии находится «Лебеденок», Найт понял, что Тит и его спутники ему только помеха. И, чтобы не возиться с их спасением, он той же ночью покинул их и исчез.

Титу и его команде удалось все же добраться до мадагаскарского берега. Здесь, в бухте Святого Августина, их корабль, немного не дойдя до берега, скрылся под водой. Пираты выбрались на берег, вытащили некоторые припасы и пушки и основали в бухте поселение, ставшее впоследст-

вии одной из самых знаменитых пиратских баз.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Пираты на Мадагаскаре

К тому времени, когда Тит и его спутники поселились на Мадагаскаре, в Индийском океане было уже немало бывших карибских пиратов. Однако среди них не только писателей, но и вообще грамотных было немного, так что трудно сказать с точностью, когда и каким путем пришли они в Индийский океан. Известно, что причинами их появления были ухудшение условий для грабежа в Атлантике и достигшие их ушей слухи о богатых и незащищенных азиатских кораблях, пересекающих Индийский океан и идущих к Красному морю. Вероятно, обычный путь пиратов пролегал вокруг мыса Доброй Надежды к Мадагаскару, а затем к Индии или Красному морю. Тихий океан пересекали немногие. Во-первых, большинство пиратов уже у западного побережья Америки кончали плохо: их, как правило, вылавливали и казнили испанцы, усилившие охрану побережья. Во-вторых, переход через Тихий океан был тяжел и долог. Зато Атлантика уже освоена, пираты знали господствующие там ветры, течения и сравнительно легко и быстро добирались до африканских бере-

гов. Многие из них, еще базируясь в Карибском море, занимались работоторговлей, так что рейсы к Африке были для них обычным делом. А кое-кто из них при этом даже не раз бывал в Индийском океане.

Пираты, пришедшие из Карибского моря в Индийский океан, нуждались в базах, на которые они могли бы свозить награбленное и куда бы приезжали не очень щепетильные торговцы. На первых порах пираты стремились к Красному морю, в узкой горловине которого можно было встретить индийские и арабские корабли — легкую добычу для тех, кто привык сражаться с испанскими фрегатами и галионами. Но острова в тех краях были либо лишены растительности и воды, либо уже заняты французами, либо, наконец, населены воинственными племенами. Часто пираты задерживались на Сокотре, Коморских или Сейшельских островах, но затем все-таки спускались к югу и основательно устраивались на Мадагаскаре. И хотя пиратский Мадагаскар никогда не получил такой всемирной известности, как Порт-Ройял или Тортуга, в его истории в XVII — XVIII веках встречаются интересные имена и драматические события.

Джон Хэнд

Карибские пираты, пришедшие двумя волнами (в восьмидесятых годах XVII и десятых годах XVIII века) в Индийский океан, встретили здесь

коллег — чаще всего англичан или голландцев, начинавших карьеру нередко в качестве торговцев или служащих одной из Ост-Индских компаний.

В 1683 году из Лондона в Бразилию отплыл корабль «Бристоль», которым командовал Джон Хэнд. Дойдя до Мадейры, Хэнд собрал команду и сообщил ей, что намерен пиратствовать в Южных морях. Немногие испуганные голоса были заглушены одобрением большинства моряков, и «Бристоль» проследовал в Индийский океан.

Остановившись ненадолго на Мадагаскаре, Хэнд затем поспешил к Суматре, полагая, что пиратство можно сочетать с торговлей. На Суматре Хэнд обнаружил, что местные жители не хотят продавать ему пряности по ценам, назначенным им самим. Тогда он сунул в карман пистолет со взведенным курком и отправился учить непокорных. Однако в тот момент, когда он вытаскивал пистолет из кармана, раздался выстрел, и Хэнд, прострелив себе ногу, вышел из игры.

В том же году четыре англичанина и два голландца взошли в качестве пассажиров на индийский корабль, следовавший из Персидского залива в Сурат с возвращавшимися из Мекки паломниками и серебром, вырученным за проданные на Ближнем Востоке товары. По дороге европейцы убили владельца корабля и двух его жен, а остальных индийцев побросали за борт, за исключением шестерых матросов, которых оставили для черной работы. Затем они направились к порту Гоноре, на подходе к которому за ненадобностью выбросили за борт и последних индийцев. Однако

не рассчитали: один из матросов смог добраться до берега и сообщить местным властям о судьбе корабля. Вскоре индийцы поймали и казнили пиратов.

Капитан Райт

В 1686 году два корабля, которые совершали свои нападения под английским флагом (это, впрочем, еще ничего не доказывало, так как могло быть камуфляжем голландцев или французов), захватили в Красном море несколько индийских судов и ограбили их в общей сложности на сумму шестьсот тысяч рупий. Корабли были из Сурата, где находилась английская фактория. В Сурате поднялось возмущение, население требовало выгнать англичан из Индии. Возмущение подогревалось голландцами и французами, видевшими в нем удобный случай избавиться от конкурентов. Англичанам все-таки удалось оправдаться, используя при этом одно обстоятельство. Компанейский корабль «Цезарь» под командованием капитана Райта как раз в эти дни встретился в море с пятью пиратскими кораблями, которые напали на него, подняв французские флаги. Райт вез подкрепление английским войскам в Индии, и потому у него были мушкетеры, что было важно в сражении с пиратами, основное преимущество которых заключалось в умении владеть ручным оружием.

Пока расстояние между «Цезарем» и преследователями было значительным, капитан приказал

подготовить к бою орудийную палубу (для чего пришлось, в частности, выбросить за борт три тысячи фунтов хлеба, хранившегося там) и послал мушкетеров на реи. Приблизившись к «Цезарю», пираты открыли огонь, а затем попытались взять англичан на abordаж. Однако пиратские корабли лишь мешали друг другу, а огонь английских мушкетеров наносил тем временем серьезный урон орудийной прислуге пиратов. В конце концов пираты отказались от преследования, и «Цезарь» пришел в Бомбей, демонстрируя следы жаркого боя, которые английские торговцы могли приводить в качестве примера своей беспощадной борьбы с пиратством.

Датские пираты

В 1687 году Сурата достигли вести о том, что два пиратских корабля под датским флагом (а у датчан в то время были собственные торговые поселения в Индии) грабят индийские корабли между Суратом и Бомбеем и даже останавливают английские корабли (но не грабят их). Находившиеся в это время в Сурате английский военный корабль «Феникс» и военный корабль компании «Кент» тут же отправились на поиски разбойников. Они увидели в море четыре корабля и после двухдневного преследования обнаружили, что это и есть два датских пирата, которые ведут с собой два захваченных ими индийских корабля. Датчане показали английскому капитану корсарские лицензии, вы-

данные датской Ост-Индской компанией, которая поручила им охотиться за индийскими кораблями в отместку за убытки, понесенные датчанами в Индии. Английский капитан отпустил датчан, ибо рассудил, что пребывание в океане датских пиратов, которые англичан хоть и задерживают, но не грабят, выгодно, так как направляет против датчан гнев индийских властей.

Джеймс Гиллиам, Джон Стил

Пиратов с каждым годом становилось все больше. В 1687 году неизвестный английский пират разграбил португальскую факторию в Персидском заливе. Близ Телличери появился ирландский пират Филипп Бибингтон на «Прекрасной Мэри». Армянский корабль, шедший из Гоа в Мадрас с португальским пропуском, был захвачен пиратами, и им досталось двадцать тысяч рупий.

Перечисление подобных случаев можно продолжать долго. Наиболее опасными районами стали Малабарское побережье, Персидский залив, Красное море и Мозамбикский пролив. Кроме того, пять пиратских кораблей охотились за добычей у берегов Суматры.

В 1689 году к острову Святой Елены пристали пиратские корабли, возвращавшиеся из Индийского океана. Два из них были английскими, один — голландским. Они были так перегружены добычей, что с трудом могли маневрировать и им было опасно даже небольшое волнение. Жителей остро-

ва потрясло то, что изношенные паруса пираты заменили шелковыми. Это было яркое зрелище — корабли под блестящими разноцветными шелковыми парусами.

Подобные слухи, широко расходившиеся по морям и океанам, будоражили воображение моряков.

Пираты редко попадались в плен, но тем не менее известен случай, когда индийцам удалось заманить их в ловушку. Некий Джеймс Гиллиам остановился у индийского города для торговли награбленным и возобновления припасов. Местный раджа, недавно пострадавший от пиратов, понял, что из себя представляет команда этого судна, и пригласил ее на пир к себе во дворец. Гиллиам явился в сопровождении двадцати человек, вооруженных мушкетами. Пираты, полагавшие, что их хозяева ничего не подозревают, поддались уговорам продемонстрировать свое стрелковое искусство. Как только они разрядили мушкеты, последовало приглашение к столу. Пираты хотели задержаться, чтобы перезарядить оружие, но их успокоили, что это можно сделать и после пира. Когда они сидели за столом, ворвалась стража и пиратов схватили. Попав в плен, Гиллиам написал письмо (из которого и известно о его судьбе) агенту компании в Сурате, заявляя, что, как британский подданный, он имеет право на защиту соотечественников и просит выкупить его из плена. Агент, однако, понимал, что стоит ему хоть как-то выразить озабоченность судьбой пиратов, и он поставит себя в весьма неловкое положение. В интересах компании он тут же отрекся от Гиллиама.

После этого пленных пиратов отослали ко двору Великого Могола Аурангзеба, и дальнейшая их судьба неизвестна. Вряд ли их казнили. Чаще всего подобных пленников брали в индийскую армию в качестве артиллеристов и стрелков.

В 1692 году английской Ост-Индской компании удалось получить от короля разрешение задерживать в морях всех пиратов и держать их в тюрьме до тех пор, пока король не выскажет своего мнения. Последняя оговорка была сделана потому, что Ост-Индская компания была склонна хватать не пиратов, а конкурентов — вольных торговцев или представителей других английских компаний — и расправляться с ними на месте, чтобы замести следы. Что касается пиратов, то это постановление мало что дало, потому что пиратские корабли, как правило, были легче и быстрее компанейских. Кроме того, гонки за пиратами могли дорого обойтись компании, потому что и ее моряки были не прочь поменять службу на вольную пиратскую жизнь. Так, в 1694 году некий Джон Стил украд бот с фрегата «Рубин» и сбежал в море. К нему должны были присоединиться шестнадцать матросов, но их удалось разоблачить и арестовать. Сам же Стил получил убежище у французов и в течение двух лет пиратствовал у Малабарского берега, базируясь на французские фактории. Затем он счел, что достаточно разбогател, и вернулся в Англию, где через четыре года был узнан и арестован по представлению Ост-Индской компании. Однако найти свидетелей преступлений Стила не могли, и он был оправдан за недостатком улик.

В общей сложности число пиратских кораблей, действовавших одновременно в Индийском океане, вряд ли превышало два десятка. Чаще оно падало ниже этой цифры. Но в это же время сколько-то пиратских кораблей возвращалось в Англию, Голландию, Францию, Данию либо в Карибское море с награбленным добром, сколько-то, наоборот, спешило на восток из Атлантики, сколько-то стояло у северного берега Мадагаскара, устроив передышку либо ожидая торговцев, чтобы сбыть товары. Поэтому пиратский флот все время мог рассчитывать на подкрепление — лишь меньшая часть кораблей находилась на охоте. Это же усложняло и борьбу с пиратами. Индийские корабли бороться с ними не могли: в открытом море европейский пиратский корабль был маневренней да и вооружен лучше, чем индийский или арабский. Уничтожение же пиратского корабля европейскими военными фрегатами лишь освобождало место для другого пирата. До тех пор, пока пиратство было выгодным занятием, а противники пиратов не могли организовать регулярное патрулирование морских путей, разбойники продолжали свою охоту. Она облегчалась тем, что их враги были разобщены и порой склонны поддерживать пиратов или даже выдавать им корсарские лицензии в надежде подорвать этим позиции своих конкурентов.

Имена большинства пиратов до нас не дошли. Карьера их довольно быстротечна. Она продолжалась год-два, затем корабль тонул во время шторма, налетал на рифы или погибал в бою с военным фрегатом. Порой один удачный сезон завершал

карьеру пирата, который бросал опасное ремесло и становился торговцем либо землевладельцем. «Безымянность» их достигалась и тем, что при неудачах пираты были склонны менять капитанов, а если им попадался лучший корабль, чем их собственный, они переходили на него. Порой пираты враждовали и между собой, что тоже приводило к переменам кораблей и капитанов. Так что зачастую проследить за каким-либо кораблем или капитаном вообще невозможно. Если вспомнить о походе через Панамский перешеек, в котором участвовал Дампир, обнаружится, что командование у пиратов менялось несколько раз, а отряд то и дело раскалывался, объединялся и вновь делился.

Лишь самые выдающиеся капитаны, приобретшие репутацию счастливчиков и наиболее решительные и смелые, оставили свои имена в истории. Но если рядом с ними не было писателя или сами они не оставили записок, сведения о них можно почерпнуть лишь из переписки торговцев и отчетов капитанов военных фрегатов. Были, конечно, среди пиратов конца XVII — начала XVIII века и такие, имена которых ставят рядом с именами Моргана или Дрейка. Среди тех, кто действовал в основном в Индийском океане, наиболее известны Счастливчик Эвери, Кидд и Миссон.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Счастличик Эвери

Биографию Счастличика Эвери написал Даниэль Дефо. Пьеса о нем «Удачливый пират» пользовалась большим успехом в Англии в начале XVIII века. О нем было написано несколько книг, и во всех говорилось, что он сказочно разбогател, захватил в плен и заставил выйти за себя замуж индийскую принцессу, внучку Великого Могола.

Действительная биография Эвери разительно отличается от пьес и книг.

Первые правдивые сведения об Эвери сообщены голландцем ван Брооком, который несколько месяцев был в плену на борту пиратского корабля. Сблизившийся с пленником пират признался ему, что настоящая его фамилия Бриджмен, а псевдоним он принял, чтобы не бросить тень на своих родных. Ван Брук пишет, что Эвери, человек веселый, даже добродушный, часто жаловался на то, что в детстве его обижали родственники. Родился он в Плимуте и был сыном капитана торгового судна. В юности попал на флот, служил на разных кораблях, пока не стал капитаном торгового судна, на котором несколько раз ходил в Вест-Индию.

В 1694 году Бриджмен зачислен первым помощником капитана на английский фрегат «Карл II». В это время между Англией и Испанией был заключен мир, и обе страны объединились в борьбе с пиратами и контрабандистами. Функции эскадры, в которую входил «Карл II», были весьма непривычными для англичан: эскадра служила испан-

скому правительству для борьбы с французскими контрабандистами у берегов Перу. Жалованье морякам должны были платить испанцы, но те задерживали деньги. Три месяца английские корабли без дела стояли в гавани Ла-Корунья на севере Испании, и моряки открыто выражали недовольство. Момент был очень удачным для Бриджмена, который решил, что служба на государственных кораблях куда менее выгодна, чем свободное крейсерство. Матросы легко поддались уговорам первого помощника, и 30 мая капитана «Карла II» арестовали и заперли в каюте. Слухи о бунте достигли соседнего корабля «Джеймс», и оттуда была срочно отправлена шлюпка с вооруженными матросами, для того чтобы подавить мятеж. Как только матросы со шлюпки поднялись на борт, они присоединились к восставшим. После этого капитан «Джеймса» понял, что любая акция против «Карла» может привести к тому, что и его корабль перейдет в руки пиратов. Потому он воздержался от всяких действий. «Карл II» благополучно покинул бухту. Выйдя в море, корабль лег в дрейф, и с него спустили шлюпку, в которую перешли капитан и несколько офицеров, отказавшихся менять профессию. Тут же пираты переименовали корабль в «Причуду» — они были мастерами по придумыванию названий для своих кораблей — и отправились к Африке.

Тогда же Бриджмен и взял себе псевдоним. Если герой Жюль Верна назвал себя капитаном Немо («никто»), то Эвери (Every) переводится как «каждый», «всякий», «любой». Нарочитая прозаичность этого слова привела к тому, что во всех

последующих биографиях пирата авторы меняли первую букву на «А», чтобы имя приобретало неконкретное и потому романтическое звучание.

Несколько месяцев Эвери провел у берегов Гвинеи, где захватывал рабов. Здесь же он ограбил и сжег три английских и два датских корабля. Затем обошел мыс Доброй Надежды и появился в Индийском океане — его целью было добраться до Красного моря.

В мае 1695 года Эвери встретился в море с тремя английскими кораблями, которые погнались за ним, однако догнать не смогли. Тогда же Бомбея достигло письмо Эвери, его политическая программа:

«К сведению всех английских капитанов сообщаю, что прибыл сюда на линейном корабле «Причуда», бывшем «Карле» из состава испанской экспедиции, который покинул королевскую службу 7 мая прошлого года. Сегодня я командую кораблем в 46 пушек и 160 человек экипажа и намерен искать добычу, и притом пусть всем будет известно, что я никогда еще не нанес вреда ни одному англичанину или голландцу и не намерен этого делать до тех пор, пока остаюсь командиром судна. Потому и обращаюсь ко всем кораблям с просьбой при встрече со мной поднимать на бизань-мачте свой флаг, и я подниму в ответ свой и никогда не нанесу вам вреда. Если же вы этого не сделаете, то учтите, что мои люди решительны, храбры и одержимы желанием найти добычу, и, если я не буду знать заранее, с кем имею дело, помочь вам я не смогу.

Остаюсь друг всех англичан Генри Эвери.

Предупреждаю, что на Мохилле находится 160 вооруженных французов, которые дожидаются возможности раздобыть себе новый корабль, так что имейте в виду».

Письмо характерно смесью самоуверенности (да и трудно не быть самоуверенным, имея корабль, какого не было еще ни у одного пирата) и в то же время желания подстраховаться — мало ли как обернутся события в будущем. Эвери идет даже на то, чтобы предать своих французских коллег, что в общем-то не было принято среди пиратского братства.

В дальнейшем Эвери, очевидно, сдержал свое обещание и англичан не трогал (хотя в письме он солгал — мы знаем, что у Африки он нападал и на английские корабли). Однако его короткая карьера в Индийском океане нанесла все же ущерб его соотечественникам, так как немало способствовала озлоблению против англичан в Индии.

Обосновавшись на Мадагаскаре, Эвери избрал районом своей охоты Красное море. Известно, что летом 1695 года, помимо корабля Эвери, там находилось еще пять пиратских кораблей, из них три пришли из Карибского моря, и ими командовали известные пираты Мей, Фарелл и Уэйк. Эвери удалось ограбить несколько небольших индийских судов. К пленникам он относился очень жестоко — впрочем, этим он мало отличался от остальных пиратов. Принято было пытаться индийцев и арабов, так как пираты уверовали в то, что каждый «неверный» прячет где-то сокровища. И можно только удивляться долготерпению индийцев в Сурате и Бомбее, когда вместе с известиями

об очередном ограблении в город возвращались изувеченные индийцы.

К европейцам пираты относились не в пример лучше, и чаще всего англичанин или голландец, попавший к ним в плен, оставался цел и невредим. Одно из немногих исключений касается капитана Собриджа, который попал в плен к пиратам, когда плыл из Бомбея в Сурат на корабле, груженном арабскими конями. Капитан был так расстроен потерей ценного груза, что ругал пиратов не переставая. Наконец терпение пиратов истощилось, а так как они не были лишены чувства, которое теперь зовется «черным юмором», то зашили крикливому капитану рот суровыми нитками и привязали его к мачте, чтобы он наблюдал, как они грабят его корабль. Затем пираты сожгли корабль вместе с конями и лишь в последний момент перенесли Собриджа к себе на борт и разрешили разрезать нитки.

Эвери не ограничивался грабежом кораблей. В конце лета он напал на расположенный на сомалийском берегу город Махе, жители которого отказывались торговать с ним. В сентябре он захватил корабль из Сурата, а вернувшись к берегам Индии, настиг к северу от Бомбея «Великое сокровище» — корабль, принадлежавший самому Великому Моголу Аурангзебу. Захват последнего корабля и породил все легенды об Эвери.

Все биографы Эвери утверждают, что на борту корабля находилась внучка Аурангзеба, в которую Эвери влюбился с первого взгляда и на которой тут же женился, а затем увез ее на Мадагаскар. Однако существует отчет об ограблении «Ве-

ликого сокровища», принадлежащий перу индийского историка, который довольно подробно сообщает об обстоятельствах этого происшествия, но никаких родственников падишаха в связи с этим не упоминает. Да и удивительно было бы, если бы ни сам Аурангзеб, ни его губернаторы никак не откликнулись на столь тяжкое оскорбление, нанесенное семейству Великого Могола.

Корабль «Великое сокровище» был, как теперь говорят, приписан к порту Сурат. Он имел восемьдесят пушек, не считая другого вооружения, так что корабль считался самым крупным и хорошо вооруженным в Сурате и выходил в море без конвоя. К моменту встречи с Эвери корабль возвращался из Красного моря, везя выручку по окончании торгового сезона, превышавшую пять миллионов рупий в золоте и серебре. Кроме того, на борту корабля находилось несколько знатных женщин — паломниц к святым местам.

«Великое сокровище» был достаточно вооружен для того, чтобы отбить нападение обычного пирата, но Эвери имел военный корабль английского флота, вооруженный пятьюдесятью орудиями значительно большего калибра, чем те, что находились на борту «Великого сокровища». Экипаж Эвери, вооруженный мушкетами и отлично умеющий с ними обращаться, состоял из полутораста профессиональных моряков. Все эти обстоятельства компенсировали превосходство «Великого сокровища» в числе пушек и матросов. К тому же после первого залпа одна из пушек на «Сокровище» разорвалась, погибло много матросов, и это внесло растерянность в ряды защитников. Удач-

ным выстрелом была сбита грот-мачта «Сокровища», что еще более увеличило сумятицу на борту индийского корабля. Тогда Эвери приблизился к нему и бросил свою команду на абордаж.

В иных обстоятельствах это еще не означало поражения, так как на борту «Сокровища» находилось четыреста моряков, вооруженных саблями и в рукопашной не уступавших англичанам. Но капитан «Сокровища» Ибрагим-хан оказался трусом и, как только первые англичане появились на палубе его корабля, заперся в своей каюте. Другие офицеры последовали его примеру, спеша лучше спрятать свои деньги и драгоценности. При виде бегущих командиров матросы бросали оружие и сдавались. Через несколько минут корабль был захвачен и команда загнана в трюмы.

Но надежды капитана и офицеров на то, что Эвери ограничится выкупом и поспешит скрыться, опасаясь преследования, не оправдались. Эвери никуда не спешил. Грабеж «Сокровища» продолжался целую неделю. Корабль был обыскан и простукан так тщательно, что проверили даже киль. Одновременно с этим обезумевшие от размеров свалившегося на них богатства пираты предавались дикой оргии. Многих индийцев замучили до смерти, потому что жадность пиратов разгоралась с каждым днем. Некоторые из обещенных женщин бросились в море или зарезались. Наконец на восьмой день последний драгоценный камень, последняя серебряная монета были перегружены на «Причуду», и «Сокровище» оставили на произвол судьбы.

Можно представить, что происходило в Сурате,

когда в бухту вошел изуродованный, без грот-мачты, разграбленный корабль, когда мужья, пришедшие встретить своих жен, узнали, что их нет в живых.

Муфтий Сурата призвал к священной войне против англичан. Толпы бросились к английской фактории, и губернатор города едва успел поставить около нее охрану. Добро компании осталось нетронутым, и никого из англичан не убили, но все английские купцы в Сурате и Бомбее угодили в тюрьму и почти год по милости называвшего себя их другом Эвери сидели в кандалах. Был наложен запрет на торговлю всех европейцев в Сурате до тех пор, пока ими не будет обеспечена безопасность на морях. Кроме того, запрещалось носить на берегу оружие и разъезжать в паланкинах. Чтобы разрешить кризис, глава компании в Индии сэр Джон Гейер послал за счет компании из Бомбея эскадру для сопровождения индийского флота в Мокку. Грозу пронесло.

А Эвери уже не было в Индийском океане. Осенью 1695 года он прибыл на Багамские острова, где за сравнительно небольшую взятку получил разрешение губернатора спокойно распродать добычу. Каждый член команды получил свою долю, и пираты расселились среди других моряков. Часть из них осела на Багамах, некоторые отправились в другие места, кое-кто поступил снова на пиратские суда. Сам же Эвери превратил свою долю в драгоценности и приплыл в Англию как раз в те дни, когда известия о его делах достигли Лондона. Уже тогда рождались легенды о невероятных богатствах пирата, и впервые возникла

версия о его женитьбе на могольской принцессе. Немедленно была установлена огромная по тем временам награда за его поимку — пятьсот фунтов стерлингов. Кроме того, компания, со своей стороны, добавила к этой сумме четыре тысячи рупий, или пятьсот фунтов. Пожалуй, в те времена не было другого преступника, голова которого так высоко оценивалась.

Вскоре были пойманы несколько человек из команды Эвери.

19 октября 1696 года состоялся суд над ними, и тогда же был выдан ордер на арест их капитана. Но его так и не поймали.

Как пишет современник событий Джонсон, издавший в 1724 — 1726 годах двухтомную книгу «Всеобщая история грабежей и смертоубийств, совершенных самыми знаменитыми пиратами», Эвери, отлично сознавая, что награда за его поимку слишком велика, чтобы он мог кому-либо довериться, сменил имя и скрывался в трущобах, стараясь между тем продать принадлежавшие ему драгоценные камни. Торговец, которому он их показал, догадался, что они попали к Эвери незаконным путем, и шантажировал пирата, грозя предать. Эвери бежал в Ирландию, оставив драгоценности торговцу, и в конце концов нищим умер в Девоншире.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Капитан Кидд

Пример Эвери и, главное, легенды, связанные с его именем, а, возможно, также и рассказы его соратников, которыми те делились с товарищами в тавернах Багамских островов и Ямайки, способствовали усилению пиратства в Индийском океане.

Еще не был отдан приказ об аресте Эвери, как команда английского фрегата «Мокка», шедшего из Бомбея в Китай, взбунтовалась у берегов Суматры, убила капитана и, высадив в лодку двадцать семь офицеров и матросов, не пожелавших стать пиратами, отправилась на вольный промысел. Корабль был переименован в «Защиту».

В те же дни в Мадрасе стоял компанейский корабль «Иосиф». Пока его капитан завершал на берегу свои дела, команда обрубил якорный канат и ушла на поиски «Защиты». На Никобарских островах вкусившие вольной жизни моряки «Иосифа» сошли на берег, где быстро перепились. На борту остались только два человека: оружейник Джеймс Графф, присоединившийся к команде против своей воли, и матрос, который стал пиратом только потому, что ему было неудобно отставать от товарищей. Когда оружейник предложил увести корабль и таким образом заслужить прощение компании, матрос счел это предложение вполне разумным. Заговорщики вновь обрубил якорный канат и, по счастливому стечению обстоятельств, не зная основ навигации и даже не разбираясь в географии, а просто плывя в одном направлении, добрались до Суматры.

Судьба «Защиты» была иной. Правда, главаря пиратов вскоре убили (по одной версии, малайцы, по другой — свои же товарищи). Тогда командование принял Каллифорд, один из тех моряков, которые угнали из Мадраса корабль «Иосиф» и были оставлены на Никобарских островах оружейником Граффом. Каллифорд еще раз сменил название корабля, и «Защита» стала «Решением». В течение трех лет Каллифорд наводил ужас на торговцев, и поймать его никто не мог.

Сэр Джон Гейер слал из Бомбея в Лондон письма, в которых сообщал директорам компании, что не смеет отправить в море ни одного корабля из опасения, что он тут же переметнется к пиратам. Да и на суше, добавлял Гейер, нет ни одного солдата, которого он мог бы с чистым сердцем произвести в капралы. Появление у Малабарского побережья французского флота еще больше увеличило убытки компании, которые, по подсчетам Гейера, достигли за несколько последних лет миллиона фунтов стерлингов. Потери же индийских купцов значительно превышали эту сумму.

Английское правительство в ответ на просьбы Гейера предлагало ему справляться с пиратами своими силами: шла война с Францией, и флот был нужен у берегов Европы. Но выход, казалось, все же удалось найти: образовался синдикат, в который под вымышленными именами вошли канцлер Англии лорд Сомерс, лорд Орфорд, лорд Белламонт и другие лидеры партии вигов. Они решили послать в море корабль, который мог бы нанести серьезный ущерб французской торговле, а также уничтожить пиратство. Разумеется, надеж-

ды лордов на обогащение в результате этого предприятия были не последними из соображений, но главные цели были все же политическими: виги хотели показать, что они заботятся об интересах английских торговцев.

На деньги синдиката была снаряжена галера «Приключение», вооруженная тридцатью пушками и снабженная тридцатью парами весел. Командовать ею поручили капитану Кидду. Эта кандидатура была далеко не случайной, потому что Кидд уже имел опыт приватирства — он командовал кораблем в Вест-Индии — и был лично известен лорду Белламонту, которого как раз в это время назначили губернатором Нью-Йорка. Теперь король Англии приказал Кидду пресечь отплытие пиратов из Америки в Индийский океан, а также выдал ему лицензию на преследование пиратов в Индийском океане. За каждый уничтоженный пиратский корабль Кидд должен был получать по пятьдесят фунтов стерлингов.

Так капитан Кидд попал в центр интриги, участники которой, как отмечалось, хотели нажить политический капитал, демонстрируя готовность защищать интересы английской торговли. Вряд ли те, кто снаряжал «Приключение», верили, что Кидд сможет нанести серьезный урон французскому торговому судоходству и к тому же еще покончить с пиратством. Да и как могла галера разгромить пиратов, если у Эвери, к примеру, был пятидесятипушечный военный корабль, способный утопить «Приключение» за несколько минут.

В лицензии Кидду указывалось, что он должен

придерживаться обычных корсарских правил: вести судовой журнал, отмечая в нем все свои достижения, и отводить захваченные корабли в ближайший дружественный порт, где они будут проданы с аукциона в присутствии властей. Правила эти, однако, нарушались корсарами, потому что были непрактичны. Чаще всего корсар предпочитал получить с капитана корабля выкуп, так как опасался, что, обремененный грузом, он может сам стать жертвой противника по пути домой. Зачастую добычу сжигали или топили, и власти смотрели на это сквозь пальцы, за исключением тех случаев, когда корсару кто-нибудь хотел насолить. В конце концов строго придерживаться правил в пиратстве, даже одобренном официально, нельзя, иначе оно перестает быть пиратством. Немецкие подводные лодки в первую мировую войну топили торговые, пассажирские и госпитальные суда еще до того, как был отдан приказ о тотальной войне. И этому всегда находилось оправдание.

В мае 1696 года Кидд вышел из Плимута и взял курс на Нью-Йорк. По пути он захватил небольшой французский корабль, из-за чего ему пришлось вернуться обратно, чтобы по всем правилам оценить трофей и на полученные от его продажи деньги завершить снаряжение «Приключения». Синдикат (включая Кидда и команду) имел право на девять десятых добычи, одну десятую получала корона.

В Нью-Йорке Кидд довел численность команды до ста пятидесяти человек. А так как вербовка в те дни была весьма случайной, можно быть уве-

ренным, что среди новых матросов имелось немало недавних пиратов. Это, в общем, стало типично для всех кораблей того времени. И когда английский историк Джон Биддалф пишет в наши дни, что «люди покачивали головами, когда видели, насколько сомнительных людей Кидд набрал себе в команду», можно полагать, что здесь мы имеем дело с перенесением современной психологии на четверть тысячелетия назад. Более вероятно, что команда Кидда была не хуже и не лучше других — людей безупречной репутации просто неоткуда взять.

Пока продолжалось первое путешествие Кидда, Ост-Индская компания не прекращала просить правительство о присылке подкреплений в Индийский океан. Чтобы успокоить торговцев, Адмиралтейство выделило небольшую эскадру из четырех кораблей для сопровождения каравана торговых судов компании (правда, не далее чем до мыса Доброй Надежды и с приказом тотчас же вернуться в Европу). Эскадра должна была также посетить известные пиратские стоянки на западном берегу Африки и очистить их от пиратов, если таковые там обнаружатся.

К западу от мыса Доброй Надежды эскадра встречала шедший к Африке корабль, который, как уверял впоследствии командующий конвоем коммодор Уоррен, попытался избежать встречи с английскими кораблями. Уоррен направил два корабля за беглецом, которым оказался корабль «Приключение», следовавший под командованием капитана Кидда из Америки в Индийский океан. То, что капитан Кидд пытался избежать встречи с

эскадрой, дало позднейшим историкам основание утверждать, будто Кидд уже в это время задумал стать пиратом. Однако осторожность, которую проявил Кидд при виде эскадры, принадлежность которой установить издалека было невозможно, кажется нам естественной. Даже встреча с голландцами, не говоря уже о французах, могла для него плохо кончиться.

После того как недоразумение выяснилось, Уоррен пригласил корсара на борт своего корабля и предложил ему присоединиться к эскадре. Кидд согласился, но на просьбу отдать половину людей, так как команды Уоррена сильно пострадали от цинги, ответил отказом. Здесь также нет ничего подозрительного, хотя впоследствии и это было внесено в список обвинений против Кидда. Люди ему нужны были самому — команда пиратского корабля в среднем всегда превышала сто человек, так как основным боевым методом пиратов был абордаж. Для того чтобы бороться с пиратами их собственным оружием, Кидд нуждался в как можно большем числе людей.

Уоррен и Кидд почувствовали взаимную антипатию, и нет ничего удивительного в том, что после шести дней совместного плавания, когда наступил штиль, Кидд на веслах отделился от эскадры. В условиях, когда компания не решалась выпустить в море ни одного корабля, чтобы не подвергать своих служащих соблазну присоединиться к пиратам, такой поступок Кидда мог вызвать подозрение лишь одного рода. Может быть, Кидд действительно уже в то время вознамерился стать вольным пиратом, но весьма вероятно и другое:

помимо письменных инструкций, имел еще и тайные указания синдиката, которые разрешал ему «побаловаться» в водах Индийского океана. В пользу этого предположения говорит и дальнейшее поведение Кидда.

С Коморских островов Кидд проследовал к Мадагаскару. Как он указывал впоследствии, разгромить пиратов в их гнезде ему помешало лишь то, что все они были в этот момент в плавании. Некоторое время он крейсировал в Мозамбикском проливе, но ни на кого не нападал. Наконец Кидд пошел к северу, где у сомалийского берега ограбил прибрежную деревню, отобрав у жителей зерно. Это также еще не свидетельство его пиратских намерений, так как подобные реквизиции были приняты среди европейцев. Но вот следующие шаги Кидда явно показывают, что он решил пойти по стопам Эвери.

Обнаружив крупное индийское судно, Кидд бросился за ним в погоню, но наткнулся на английский фрегат, посланный конвоировать индийский флот. Завидев фрегат, Кидд тут же сбежал с поля боя. Далее Кидд проследовал к Бомбею и неподалеку от берега захватил бригантину «Мэри» из Сурата. Командовал бригантиной, принадлежавшей индийскому купцу, английский капитан Паркер. Его забрали на «Приключение», чтобы он служил там в качестве лоцмана. Известие об этом пиратском акте распространилось по всему Малабарскому побережью, и когда через неделю Кидд зашел в Карвар за водой и припасами, его там встретили враждебно. Английский фактор тут же потребовал освобождения Паркера. Кидд

покаялся, что ни о каком Паркере даже не слышал, однако восемь матросов Кидда, сбегав на берег, подробно изложили обстоятельства захвата бригантины. Заодно матросы сказали, что в команде Кидда нет согласия и что при первой же возможности борт «Приключения» покинут новые дезертиры.

Кидд ведет странную и не очень прибыльную жизнь. Он продолжает крейсировать у берегов Индии, ни на кого не нападая и все время нуждаясь в продовольствии, которым никто не хочет его снабжать. Свидетельство тому — его письмо, посланное 4 октября 1679 года английскому фактору в Каликуте:

«Сэр!

Я удивляюсь, почему Ваши люди боятся приближаться к нам, несмотря на то, что я принял все возможные меры, чтобы дать им понять, что я — англичанин и не намерен нападать на английские суда, и потому я взял на себя смелость написать это письмо и рассеять все подозрения. Я приплыл из Англии 15 месяцев назад с поручением короля известить пиратство в этих водах, а из Карвара я вышел месяц назад, так что, я полагаю, Вам уже известно, кто я такой, и мне ничего не надо, кроме дров и воды, и, если Вы прикажете мне их доставить, мы честно расплатимся с Вами за это, и я, со своей стороны, всегда рад сделать для Вас все, что в моих силах.

Уильям Кидд».

Кидд продолжает делать вид, что охотится за пиратами, но к этому времени он явно уже сжег за собой мосты и вряд ли мог надеяться, что ему

кто-нибудь поверит. Уже было известно, что он приставал к Лаккадивским островам и жестоко вел себя с тамошними жителями. Затем пришло сообщение, что он убил своего помощника. Этот помощник, который в некоторых источниках называется пушкарем Муром, якобы заявил Кидду, что тот погубил всю команду. Кидд запустил в него бочонком и раскроил Муру череп. Впоследствии на суде убийство Мура фигурировало в качестве одного из основных обвинений против Кидда.

Мы не знаем, велика ли была добыча Кидда в эти месяцы, — вести о нем лишь изредка достигали английских факторий. Осенью за Киддом погнались два португальских корабля, но ему удалось от них отбиться. В апреле следующего, 1698 года командир английского корабля доносил факторам, что за ним три дня гнался Кидд, но ему удалось уйти, пользуясь свежим ветром. Правда, через несколько недель этот корабль был задержан голландским пиратом, но тот отпустил его, забрав лишь паруса, в которых испытывал нужду.

Шел к концу второй год плавания Кидда в Индийском океане. Все это время он должен был не просто кормить сто пятьдесят человек, но и делать все возможное, чтобы они были довольны своей судьбой. А путь к этому один — грабить торговые суда.

Наконец счастье улыбнулось и Кидду. В начале 1698 года он настиг и захватил принадлежавший группе армянских купцов корабль «Кедахский купец», шедший из Бенгалии в Сурат. Капитаном на «Кедахском купце» был англичанин

Райт, пушкарем — француз, в команде было также два голландца. Правда, на борту «Купца» не обнаружено ни золота, ни серебра, вез он мануфактуру, но добыча, ничтожная на фоне трофеев Эвери, показалась Кидду и его команде богатой — стоимость груза «Кедахского купца» оценивалась в десять тысяч фунтов стерлингов. Четвертая часть добычи принадлежала капитану.

К несчастью для многострадальных английских торговцев в Сурате, владельцы «Кедахского купца» пользовались в городе большим влиянием. Понимая, чем грозит англичанам набег Кидда, сэр Джон Гейер тут же отправил агента к Великому Моголу, чтобы тот успел оправдаться от имени компании раньше, чем в столицу поступят жалобы из Сурата. Но агент не успел. В августе был издан указ, по которому материальная ответственность за грабежи возлагалась на англичан, французов и голландцев (владельцам «Кедахского купца», в частности, англичане должны были заплатить двести тысяч рупий). Напрасно голландцы и французы пытались убедить индийские власти, что во всем виноваты только англичане: губернатор рассудил, что европейцы добьются больших успехов в борьбе с пиратами, если объединят усилия.

Объявив о новом порядке компенсации за пиратские грабежи, индийцы приняли и другие меры: у ворот фактории в Сурате была выставлена стража, а все торговые операции европейцев в городе запрещены. Тогда сэр Джон Гейер срочно снарядил в Бомбее три военных корабля — фактически все, чем располагал, — и во главе этой эс-

кадры явился в Сурат. Там он навел пушки на крепость и послал к губернатору гонца объявить, что платить за пиратов англичане не будут. Чтобы подсластить пилюлю, Гейер выразил согласие конвоировать индийские караваны к Красному морю. Причиной столь решительных действий сэра Джона были полученные им сведения, что война в Европе кончилась и из Англии вышла военная эскадра для борьбы с пиратами и укрепления позиций Ост-Индской компании.

В конце концов был найден компромисс: губернатор уменьшил компенсацию, а европейцы подписали совместное обязательство бороться с пиратами в океане. Голландцы уплатили в казну губернатора семьдесят тысяч рупий и послали свою эскадру охранять вход в Красное море; англичане ограничились тридцатью тысячами рупий и начали патрулировать южную часть океана; французы, выплатив свою долю, послали военные корабли в Персидский залив.

Получив известие о подписании договора, пираты стали осторожнее. Для их действий в это время характерен такой эпизод. Три пиратских корабля, зайдя за провизией в Гоноре, увидели в бухте корабль компании. Пираты, которые могли бы в несколько минут покончить с противником, вместо этого послали англичанам письмо, в котором обещали не трогать их, если они позволят им забрать воду и продукты. Естественно, что командир компанейского корабля не стал проявлять излишней храбрости. В награду за хорошее к ним отношение пираты на прощание подарили англичанам только что захваченный и ограбленный

португальский корабль. Корабль был приведен в Бомбей, но сэр Джон Гейер, опасавшийся, что его вновь обвинят в дружбе с пиратами, тут же отослал его в Гоа, чтобы вернуть владельцам.

Таким образом, захват Киддом «Кедахского купца» вызвал взрыв возмущения в Индии и привел к усилению борьбы с пиратством в Индийском океане. Когда же вести об очередном закрытии английских факторий и гневе Великого Могола дошли до Англии, там тоже поднялась буря негодования. Оппозиция в парламенте сочла этот эпизод замечательным предлогом для того, чтобы ударить по вигам — членам синдиката и одновременно близким к королю вельможам. Ведь в синдикате, пославшем Кидда, участвовали, хотя под вымышленными именами (что не было секретом в Лондоне), такие лица, как лорд-канцлер и первый лорд Адмиралтейства. Преступления капитана Кидда стали объектом политической борьбы, и имя капитана было у всех на устах. Он стал воплощением пиратства, пиратом номер один, извергом без чести и совести и героем легенд, в которых он ограбил сотни судов и положил себе в карман миллионы фунтов стерлингов в золоте и серебре.

В январе 1699 года, после окончания войны с Францией, в Индийский океан была отправлена английская эскадра из четырех кораблей под командованием старого недоброжелателя Кидда — коммодора Уоррена. На борту кораблей находились королевские комиссары, имевшие право амнистировать добровольно сдавшихся пиратов. В приказе, данном комиссарам, был, однако, допол-

нительный пункт, по которому два слишком знаменитых пирата — Эвери и Кидд — амнистии не подлежали.

Коммодор Уоррен привел свою эскадру к Мадагаскару и здесь стал на якорь. Враждебных действий против пиратов он не открывал, а сначала выяснил обстановку.

Пиратских поселений на Мадагаскаре в то время было несколько, и далеко не все их жители разбойничали на морях. Многие из бывших пиратов, уйдя на покой, занялись торговлей и вели дела с купцами, приходившими из Индии; другие завели небольшие фермы; третьи поступили на службу к местным князькам, которые часто враждовали друг с другом. Отдельные пираты пытались даже завоевать собственные княжества, и порой пиратские отряды уходили в далекие сухопутные походы по острову.

Коммодор Уоррен поджидал возвращавшиеся с добычей пиратские корабли и предлагал им сдаться. Некоторые из пиратов согласились на амнистию; были амнистированы и те из сухопутных пиратов, которым надоела бродячая жизнь. Однако нельзя сказать, что появление Уоррена у острова внесло кардинальные изменения в жизнь пиратов. Большинство пиратских кораблей, узнав о гостях, предпочли переждать опасность вдали от Мадагаскара.

В ноябре 1699 года Уоррен заболел и умер, и его сменил капитан Литтлтон. Еще два месяца английская эскадра стояла у острова, и Литтлтон вел переговоры с пиратами. Действия Литтлтона вызвали недовольство купцов в Бомбее и Сурате,

которые полагали, что английская военная эскадра будет к пиратам беспощадна и в считанные дни положит пиратству конец. Современник событий Гамильтон писал, выражая, видимо, мнение многих торговцев: «По каким-то весьма веским причинам он их отпускал на волю. А так как им трудно было килевать свои большие корабли, он щедро помогал им, поставлял большие блоки и снаряжение для очистки». Надо полагать, что длительное пребывание у пиратских берегов сильно подорвало дисциплину на английских кораблях и разило не только матросов, которые часто дезертировали, но и офицеров. Известно, что Литтлтон вынужден был арестовать капитана одного из кораблей эскадры, так как тот, по полученным Литтлтоном сведениям, намеревался уйти со своим кораблем к пиратам.

За восемь месяцев пребывания у Мадагаскара и частых свиданий с главарями пиратов Литтлтон не арестовал ни одного морского разбойника. Единственным выстрелом, сделанным им, был салют из пяти залпов, когда вошел в бухту Сент-Мари. Этот факт Литтлтон зарегистрировал в своем судовом журнале, чтобы показать, что пираты относились к нему лучше, чем он к ним.

Известно, что Литтлтон расспрашивал пиратов об Эвери и Кидде. Но Эвери давно уже исчез из Индийского океана, а Кидд успел ускользнуть из-под самого носа Литтлтона. Капитан Каллифорд, сдавшийся по амнистии, рассказал Литтлтону, что видел Кидда несколько месяцев назад, когда тот заходил на Мадагаскар. Встретил его Каллифорд настороженно, так как знал об имевшейся у него

лицензии на поимку пиратов, и, хотя за годы пребывания Кидда в Индийском океане ни один пират от него не пострадал, предпочел держать пушки наготове. Кидд, по словам Каллифорда, клялся, что он такой же пират, как остальные, и в доказательство искренности своих слов подарил Каллифорду якорь и две пушки. У Кидда было в тот момент два корабля, однако «Приключение» настолько обветшало, что Кидд перешел на «Кедахского купца» и на нем ушел на юг.

В июне 1699 года Кидд привел свой корабль в Америку и остановился в Бостоне. Здесь он узнал, что объявлен пиратом, и, несколько смущенный этой новостью, отправил весть о своем прибытии старому знакомому, губернатору Нью-Йорка лорду Белламонту. Тем временем пираты срочно продали «Кедахского купца» и разделили добро. Кидд был уверен, что ему ничего не грозит, и даже послал ценный подарок жене губернатора, который как раз в эти дни размышлял, что ему делать. Наконец он решил не рисковать и, уверив Кидда, что арест — лишь формальная мера, отправил его в тюрьму. Восемь месяцев тянулась переписка между Нью-Йорком и Лондоном. Она до нас не дошла, и можно лишь предполагать, что лорд Белламонт выяснял отношение к Кидду своих высокопоставленных друзей — членов синдиката. Тем временем и в Лондоне шла какая-то подпольная игра. Существует, кстати, вполне реальная версия о том, что Кидд, отправляясь к нью-йоркскому губернатору, не чувствовал никакой вины перед синдикатом. А это могло произойти в том случае, если он передал Белламонту до-

лю, причитающуюся пайщикам. Это объясняет также и дальнейшие события: ведь после того как Кидда вытребовали в Лондон, он провел еще год в Ньюгейтской тюрьме, то есть прошло почти два года, прежде чем начался суд. Силы, которые пытались выволить Кидда из тюрьмы, были весьма влиятельны. Может быть, лордам и удалось бы спасти Кидда, если бы не продолжавшиеся политические дебаты. Когда в палате общин оппозиция потребовала суда над пайщиками «Приключения», пришлось пожертвовать Киддом — он стал костью, которую бросили оппозиционерам.

27 марта 1701 года Кидд был приведен в палату общин и допрошен в присутствии депутатов. Парламентариев интересовало в первую очередь, имел ли он секретные указания синдиката нападать на индийские корабли и куда он дел награбленные сокровища. Кидд был подготовлен к этому вопросу. Он не сказал ни слова, могущего быть истолкованным во вред лордам, взял всю вину на себя, и разочарованная палата передала его королевскому суду.

К тому времени были арестованы одиннадцать членов команды Кидда, и двое из них согласились быть королевскими свидетелями — в обмен на жизнь помогать обвинению.

На суде Кидду предъявили прежде всего обвинение в убийстве британского подданного Мура. Хотя Кидд доказывал, что убийство было непреднамеренным, суд признал его виновным в преднамеренном убийстве. Дальше Кидда можно было бы и не судить — виселица ему обеспечена. Но надо было успокоить общественное мнение, и

Кидда обвинили в пиратском нападении на «Кедахского купца». Капитан уверял, что корабль из Сурата имел французский пропуск, что ставило его в число врагов и делало законной добычей корсара. Более того, Кидд, поняв наконец, что члены синдиката его предали, перестал выгораживать их и сказал, что этот пропуск находится у лорда Белламонта, которому он как одному из пайщиков передал все документы и судовой журнал. Казалось бы, Белламонту было выгодно представить доказательства невиновности Кидда. Однако любая попытка гласно встать на защиту Кидда ставила под угрозу репутацию пайщиков. Выгоднее всего оказалось полностью отмежеваться от Кидда и признать его пиратом, обманувшим доверие членов синдиката.

В истории с французским пропуском, существование которого могло бы опровергнуть обвинение Кидда в пиратстве, многое осталось невыясненным. Кидд представил свидетелей, которые уверяли, что такой пропуск существовал. А когда судья обратился с тем же вопросом к армянскому негодянту, одному из владельцев «Кедахского купца», который присутствовал на суде в качестве свидетеля, тот сказал, что ничего об этом не знает, потому что к оформлению судовых документов отношения не имел. Все это позволяет предположить, что в данном вопросе Кидд не лгал.

Из одиннадцати членов команды Кидда оправданы были трое. Двое, как известно, купили себе жизнь, став свидетелями обвинения. А еще троим просто не повезло: они в свое время сдались по

амнистии, но суд решил, что амнистия на них не может распространяться, потому что при их сдаче не присутствовал специальный королевский комиссар. Таким образом, вместе с Киддом 12 мая 1701 года повесили еще шестерых пиратов с «Приключения».

Доля Кидда во всей добыче, конфискованная судом и переданная в 1705 году на нужды больницы в Гринвиче, составляла шесть с половиной тысяч фунтов — сумму, немалую по тем временам, но никак не фантастическую. Документы суда, в которых указываются число ограбленных Киддом кораблей и стоимость их грузов, убедительно свидетельствуют, что никаких иных сокровищ у Кидда быть не могло. Так что слухи о зарытых им на необитаемых островах сундуках с золотыми монетами — не более чем легенда, красивая, но недостоверная.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Томас Тью и Миссон

Пребывание Литтлтона у Мадагаскара не привело к существенному уменьшению пиратства в Индийском океане. Во-первых, он не мог пресечь прибытия новых разбойников из Карибского моря. Во-вторых, обещаниями амнистии воспользо-

лись, в основном, те пираты, которые и без того бросили или подумывали бросить это ремесло и, конечно, ухватились за представившуюся возможность вернуться домой за государственный счет.

Учитывая неутешительные итоги миссии Литтлтона, правительство Англии решило прибегнуть к более решительным методам. Было издано постановление, по которому пойманных пиратов теперь не надо отвозить в Лондон либо другой город, где находился королевский суд: чтобы вынести приговор, достаточно наличия семи англичан, из которых один должен быть губернатором, или членом совета колонии, или хотя бы командиром королевского судна. Прибавилось число патрульных кораблей Великобритании; охотой на пиратов занимались также голландцы и французы.

Хотя в результате принятых европейскими державами мер положение в Индийском океане несколько улучшилось, пиратские поселения на Мадагаскаре продолжали существовать. Самым необычным из них была колония в заливе Диего-Суарес, основанная пиратом Миссоном.

В начинании Миссона любопытным образом сочетались утопические теории Возрождения и революционно-уравнительные идеи наступающего XVIII века. Желание претворить эти концепции в жизнь привело Миссона к мысли использовать демократические традиции пиратских сообществ, не признающих различий, вызванных происхождением или богатством. В то время, о котором идет речь, пиратские сообщества, как и родственные им разбойничьи и казачьи вольницы, были несомненными генераторами уравнительных идей. И

если более ровное по составу казачество XVII века породило крестьянскую войну в России, то мобильное, разношерстное, многонациональное, закаленное в морских бурях и битвах общество пиратов смогло дать жизнь Либерталии — недолговечному, но благородному всплеску свободного разума.

Сведения о Миссоне можно почерпнуть в основном из его записок, включенных Джонсоном во «Всеобщую историю грабежей и смертоубийств». Другие упоминания о Миссоне немногочисленны и отрывочны: то его имя промелькнет в судебном отчете по делу Кидда, когда окажется, что в Либерталию убежало несколько человек с «Приключения», то всплывает в связи с деятельностью Тью. В общем, о Миссоне мы знаем крайне мало.

Родился он в Провансе в обеспеченной семье и получил хорошее по тем временам образование. В шестнадцать лет Миссон поступил на флот, где вскоре дослужился до офицерского звания. Во время стоянки в Генуе Миссон познакомился и вскоре подружился с молодым доминиканским монахом Караччиоли. Через некоторое время Караччиоли бросил монастырь и поступил матросом на корабль «Победа», где служил лейтенантом Миссон. Друзья решили никогда более не расставаться и посвятить жизнь освобождению людей от власти денег и сословий.

В следующие месяцы Миссон и Караччиоли плавали на «Победе», затем некоторое время служили на корсарском судне «Триумф» и, наконец, снова вернулись на «Победу».

В начале девяностых годов «Победа» была направлена на Мартинику с заданием охранять французское торговое судоходство от англичан. К тому времени многие моряки корабля уже находились под влиянием Миссона. Тогда же у Миссона и Караччиоли возникла идея стать пиратами. Подходящие обстоятельства для этого появились в результате тяжелого боя с английским корсаром у Мартиники. К моменту, когда французский корабль одержал победу, из всех его офицеров живых остался лишь Миссон. И как только корабль был приведен в порядок, он обратился к матросам с призывом бросить военную службу и стать вольными пиратами.

Несмотря на то, что Миссон был молод (вряд ли ему было более двадцати пяти лет), он был уже опытным моряком, а последующие события показали, что, раз избрав линию поведения, он последовательно и настойчиво проводил ее в жизнь. Целенаправленность Миссона выразилась уже в выборе флага — обязательной детали пиратских судов. Флаг, придуманный Караччиоли, был необычным: белый, с надписью «За бога и свободу». Молодые утописты сознавали, что именно в такой форме — в виде исполнения божественного предначертания — их стихийный коммунизм будет понятнее рядовым матросам.

Через несколько дней после захвата «Победы» пиратам встретился английский торговый корабль, который после короткого боя был взят на абордаж. Дальнейшие события привели английского капитана Батлера в изумление. В тот момент Миссону нужны были провизия и ром, кото-

рого требовали матросы. Миссон взял с английского корабля ровно столько, сколько необходимо, и не тронул остального груза, после чего Батлер приказал команде выстроиться на шканцах и трижды крикнуть «ура» в честь настоящих джентльменов Миссона и Караччиоли.

Миссон и в дальнейшем в большинстве случаев вел себя так же, как при первом столкновении: его пираты никого не убивали, не пытали и старались отбирать лишь те товары, которые были нужны для дальнейшего плавания. Вскоре пираты, энтузиазм которых подогревался речами Миссона и Караччиоли, осознали свою исключительность как апостолов новой жизни, и сознание это настолько поднимало их в собственных глазах, что у Миссона не возникало конфликтов с командой из-за добычи или по другим причинам.

Из Карибского моря «Победа» направилась к африканским берегам. По пути был захвачен голландский корабль с грузом невольников из Африки. На этот раз капитан Миссон не был снисходителен. Все ценности и товары, имевшиеся на борту, сняты и поделены между матросами. Кандалы разбиты, и невольников объявили свободными (затем их перевезли в Африку и отпустили на побережье). Часть команды голландского корабля присоединилась к Миссону, отчего через некоторое время возникли трения, так как порядки на борту «Победы» уж очень отличались от всего, с чем голландцам приходилось сталкиваться ранее. Но важно, что со временем Миссону удалось добиться полного подчинения от новичков. В дальнейшем Миссон следовал тем же принципам: ра-

боторговцев грабил без всякой жалости, а рабов всегда освобождал.

В Индийском океане Миссон сначала сделал своей базой остров Анжуан в группе Коморских островов, который был удобно расположен на пути к Красному морю. За время пребывания на Анжуане Миссон женился на сестре жены султана Маската и участвовал в войнах султаната. Есть основания полагать, что знатная арабка до самой своей гибели была с Миссоном неразлучна.

Когда Миссон перевел свою базу на Мадагаскар (причины его отказа от проведения социального эксперимента на Коморских островах неизвестны), он облюбовал бухту Диего-Суарес на северо-восточной оконечности острова (основные базы пиратов находились южнее). К тому времени братство располагало добычей, которая позволила устроить на берегу небольшое поселение Либерталию — первое в мире государство, построенное по принципам раннесоциалистических утопий.

Первыми жителями Либерталии стали сто с небольшим пиратов с «Победы», их жены, привезенные с Анжуана, и какое-то число африканцев — бывших португальских рабов. Кроме того, Миссон разослал письма пиратам «семи морей» с приглашением присоединиться к нему и строить Свободный город. Важно отметить, что призыв Миссона нашел отклик среди пиратов, и в короткий срок население Либерталии значительно выросло. О популярности уравнилельных идей Миссона можно судить хотя бы по таким документально подтвержденным фактам, как бегство в Либерталию

в 1697 году части экипажа «Приключение» Кидда или приход к Миссону известного карибского пирата Тью, который отдал республике свой корабль и верно служил ей до самого конца. Есть также основания полагать, что мадагаскарские пираты, жившие на других базах, к республике Миссона враждебности не питали. Во всяком случае, когда португальская эскадра через несколько лет после основания Либерталии пыталась уничтожить ее, на помощь Миссону пришли пиратские корабли из бухты Святого Августина.

Либерталия, стоявшая на берегу залива, была хорошо укреплена с моря, где ее прикрывали батареи на бастионах. Город состоял из небольших домиков, в которых обитали жители республики — либеры. Все они были равны независимо от цвета кожи или прошлых дел и заслуг. Миссон поощрял женитьбу пиратов на мальгашках, так как это соответствовало его идее создания всемирного свободного государства. С соседними племенами был заключен мир на том условии, что мальгаши предоставляют городу рабочую силу, а пираты защищают их от соседей и, если придется, от других пиратов.

В городе располагались мастерские и верфи (на них были построены, по крайней мере, два корабля — «Вперед» и «Свобода»), а вокруг него — сады и поля, где выращивались овощи и злаки. Частной собственности в республике не было — существовала общая городская казна, из которой по мере надобности черпались средства. Из нее же выдавались пенсии нетрудоспособным и старикам. Если корабли привозили добычу, то часть ее

шла в казну, а остальное делилось между гражданами Либерталии.

Управлял городом совет старейшин, выборы в который происходили раз в три года. Сам Миссон был избран главой государства — протектором, Караччиоли, потерявший в одном из боев ногу, — статс-секретарем, а командовал флотом капитан Тью.

Среди ограничений, которые налагались на жителей города, было запрещение употреблять бранные слова и играть в азартные игры. К сожалению, ни Миссон, ни кто-либо иной не пишут о том, как поддерживался порядок в Либерталии. Известно лишь, что опасных конфликтов в городе не происходило — может быть, потому, что пираты в силу своих традиций были привычны к выборной демократии, а флот республики достаточно часто выходил на охоту в море, чтобы город, во многом зависящий от внешнего снабжения, ни в чем не испытывал недостатка.

Когда Либерталия окрепла, Миссон начал думать о расширении ее владений. На кораблях, построенных на собственных верфях, он прошел вдоль восточного берега острова, снимая карту побережья. Вернулся он полный новых планов, привез много освобожденных рабов. Вскоре после этого Миссон во главе всего флота ушел на север, чтобы добыть деньги для новых начинаний. В городе остались в основном женщины, дети, старики и инвалиды. В этот-то момент республике был нанесен смертельный удар.

Как говорилось, либеры старались поддерживать с соседними племенами добрые отношения.

Однако если ближайшие соседи были связаны с Либерталией множеством семейных и личных уз, то жившие внутри острова племена воспринимали республику как обыкновенное поселение иностранцев и никаких теплых чувств к ней питать, разумеется, не могли. Воспользовавшись уходом Миссона со всем флотом, мальгаши напали на город. Нападение оказалось тем более успешным, что последовало с суши, тогда как укреплена Либерталия была в основном с моря.

После короткого боя защитники города были разгромлены. Лишь несколько пиратов успели добраться до единственного оставшегося в городе бота и уйти в море. Они захватили с собой часть городской казны, но жену Миссона спасти не смогли. Ее убили. Погиб и Караччиоли.

Через несколько дней Тью и Миссон вернулись в Либерталию. Город был полностью разграблен и разрушен. Лишь несколько человек, скрывшихся в соседних лесах, бродили среди развалин.

Пираты похоронили погибших, однако восстанавливать город не стали. Удар был настолько силен, что само место казалось им проклятым. Миссон и Тью решили идти в Америку и там все начать снова. В Мозамбикском проливе корабли разлучил шторм. Больше Миссона никто никогда не видел. Остались лишь его записки, которые подавленный случившимся капитан передал одному из спутников Тью. После его смерти их нашли в бумагах бывшего пирата, и Джонсон включил их во «Всеобщую историю».

Томас Тью, не найдя товарищей, высадился на одном из островов в западной части Индийского

океана и прожил там несколько лет, удалившись от дел. В конце концов спокойная жизнь ему надоела, он починил свой обветшавший корабль и решил еще раз попытать счастья в Красном море. Но времена уже были не те. Между 1710 и 1713 годами он погиб. По одной версии, он попал в плен к англичанам и был повешен, по другой — погиб в бою с индийским кораблем.

А о Либерталии, развалины которой быстро заросли колючим кустарником, надолго забыли.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Малабарские и арабские пираты

Малабарское побережье Индии было известно лучшим в Индии морякам, а раз так, то, разумеется, среди них были и пираты. Разница между этими занятиями была трудноуловима — чем оживленнее была торговля, чем больше кораблей проходило к Персидскому заливу, тем большим был соблазн захватить грузы этих кораблей. Малабарские пираты зачастую пользовались поддержкой местных правителей, которые предоставляли им убежище, помогали сбывать награбленное и получали с этого определенный процент прибыли, — ситуация, сходная с той, что складывалась в малайских проливах либо у берегов Китая, где пи-

ратство родилось вместе с торговлей и масштаб его зависел от размаха этой торговли.

Местное пиратство длительное время не грозило торговле истреблением. Малабарские пираты на своих лодках не нападали на большие корабли. Но революция в технике мореплавания, связанная с появлением европейских судов, а также нарушение естественного баланса сил европейскими пиратами, начиная с португальских грабителей и кончая карибскими буканьерами, привели к качественным изменениям в индийском пиратстве. С конца XVI века оно уже переплетается с борьбой против европейцев, которые, в свою очередь, склонны были именовать пиратами всех, кто не желал им покориться.

Столкновения с малабарскими пиратами, пиратами Гуджарата и Персидского залива почти не отмечены в документах европейских держав до конца XVII века. Но в 1683 году английский компанейский корабль «Президент» был атакован арабами Маската, причем в составе пиратской эскадры были два корабля европейского типа и четыре гораба (двухмачтовых корабля с малой осадкой). Горобы обычно подстерегали добычу в устьях рек или у отмелей, куда за ними не мог последовать глубоко сидящий океанский корабль. После ожесточенного боя «Президент», имевший преимущество в артиллерии, отбилсЯ от пиратов, потопив три гораба. В следующем году пираты окружили небольшую английскую шхуну, но во время боя она взорвалась. В 1685 году пираты приняли за торговый корабль английский фрегат «Феникс». Поняв свою ошибку, они попытались

уйти, не принимая боя, но капитан «Феникса» спустил шлюпки, чтобы взять пиратский гораб на abordаж. Пираты отбили атаку; тогда, отозвав шлюпки, капитан «Феникса» приказал расстрелять гораб из пушек. После второго залпа тот пошел ко дну. Из воды было подобрано лишь сорок человек — более сотни погибло.

Документы отмечают еще несколько случаев нападения арабских и малабарских пиратов на компанейские суда. Реальной опасности, впрочем, они не представляли, и это признавали даже директора английской Ост-Индской компании. В их письме, датированном 1699 годом, говорится: «Что касается малабарских и прочих пиратов, мы не видим оснований, почему не вести против них не только оборонительной, но и наступательной войны в случае, если они встретятся нам на пути. Но представляется непрактичным занимать малые корабли охотой за ними, так как они не опасны как разбойники и добыча, которую можно захватить у них, не стоит усилий».

В дальнейшем, однако, борьба с местным пиратством заняла значительное место в сводках компании, так как пиратами были объявлены маратхи Конаджи Ангрии.

Маратхские пираты

В 1698 году Конаджи Ангриа стал командующим флотом маратхов, воевавших с государством Великих Моголов. Англичане принимали участие в

этой борьбе на стороне Моголов. Конкретные причины возникновения вражды между Ангрией и англичанами нам неизвестны, но дату этого события можно установить довольно точно. В 1702 году компания обращается к Конаджи Англии с просьбой освободить небольшой корабль из Каликута с шестью англичанами на борту, попавший в плен к маратхам. В ответ Конаджи направил англичанам гневное письмо, в котором предупредил, что заставит их запомнить свое имя. Письмо явно ссылается на обстоятельства, известные англичанам. В еще одном сохранившемся письме командующего маратхским флотом говорится, что он оказывал англичанам немало услуг, однако они обманули его доверие, и впредь он намерен захватывать все английские корабли, где бы он их ни встретил.

После смерти известного предводителя маратхов Шиваджи в 1680 году государство маратхов переживало период разброда. Сын и преемник Шиваджи — раджа Самбуджи был разбит Моголами и казнен. Его сын — малолетний наследник престола Сахуджи был взят заложником и лишь после смерти Аурангзеба в 1707 году получил свободу. Но и после этого положение еще долго не могло стабилизироваться, так как Сахуджи не обладал талантами деда, а военачальники маратхов старались обрести самостоятельность. Среди них был и Конаджи Ангрия, ставший фактически независимым хозяином значительной части Малабарского побережья, защищенного со стороны суши труднопроходимыми лесистыми горами.

В ноябре 1712 года флот Конаджи Англии захватил два английских корабля, следовавших в

Бомбей. Один из них принадлежал самому губернатору Бомбея, на втором судне, груженном перцем и воском, направлялся со своей семьей в Бомбей фактор компании в Карваре мистер Чоун. В завязавшемся бою Чоун погиб, а его молодая жена, семнадцатилетняя Катрин, попала в плен к маратхам.

Через месяц маратхи прислали обратно всех пленных, за исключением миссис Чоун. Ее они согласны были отдать за выкуп — кто-то из английских пленников рассказал, что она очень богата. Остались в плену также капитан «Анны» и его помощники.

Ангрия, небольшое государство которого в то время переживало гражданскую войну (часть феодалов поднялась против своего сюзерена), был готов к миру с англичанами. Поэтому условия выкупа были согласованы довольно быстро, и лейтенант Макинтош, привезший в Колабу тридцать тысяч рупий, в конце февраля 1713 года вернулся в Бомбей со всеми пленниками. Вскоре Катрин родила сына, и совет колонии выделил ей тысячу рупий из имущества ее первого мужа, для того чтобы она могла снять себе дом и жить, как положено вдове фактора компании.

В 1715 году в Бомбей прибыл облеченный чрезвычайными полномочиями новый губернатор — Чарльз Бун. Он сразу же начал возводить стену вокруг Бомбея, облагая налогом на ее строительство индийских купцов, а также сооружать на верфи военные корабли — сравнительно небольшие, но быстроходные. Через два года в распоряжении Буна было уже девятнадцать фрегатов, галер и

брандеров. Этот флот имел один недостаток — на кораблях некому было служить. Не хватало офицеров, а в матросы приходилось нанимать португальцев, голландцев и даже индийцев. Надежность экипажей была сомнительна: при первой же возможности они могли стать пиратами или перебраться к маратхам. Но все-таки, имея эти корабли и мобилизуя по мере надобности суда, принадлежавшие частным английским торговцам, Бун смог перейти в наступление против тех индийских правителей, которых (справедливо либо несправедливо) обвиняли в пиратстве и которых, во всяком случае, «следовало проучить» за недостаточное уважение к интересам английских купцов.

Первая английская экспедиция — против одного из индийских княжеств недалеко от Сурата — кончилась полным провалом, так как ее руководители в разгар высадки перессорились между собой. Вскоре пришли известия, что раджа Сунды (на территории его княжества находился Карвар) предложил англичанам покинуть его землю. Подкрепление, посланное в Карвар из Бомбея, успело вовремя, и атака войск раджи на факторию была отбита. Тогда раджа обратился к другим средствам борьбы с врагом. Весной 1717 года им был захвачен бомбейский корабль, принадлежавший индийцу, но плывший под английским флагом. В мае был снят груз с потерпевшего крушение у самой фактории корабля «Елизавета».

Раджу решили как следует проучить: высадить десант и взять город Карвар штурмом. Для этого были посланы фрегат «Утренняя звезда» и пять

галер. Командовал экспедицией крупный торговец Гамильтон.

Штурмовать город решили с моря, не обращая внимания на сильный прибой. Командир десанта Стантон был смертельно пьян и, когда лодки одна за другой опрокинулись у самого берега, чуть не утонул — его вытащили уже потерявшим сознание. Когда моряки и солдаты, отплеываясь и выливая воду из мушкетов, вылезли на берег, их атаковала конница раджи. Разгром десанта был полным. Головы погибших офицеров выставили у ворот английской фактории в назидание спрятавшимся там европейцам. А попавшего в плен заместителя командира десанта Милфорда заставили (или соблазнили) перейти на службу к радже. Англичане запросили мира, но раджа заявил, что успокоится лишь в тот день, когда последний англичанин уйдет с его земли. Тогда англичане вызвали подкрепление и, в ожидании его, занялись грабежом: блокировали устье реки и перехватывали все местные суда, шедшие в Карвар. Сначала прибыло подкрепление из Гоа — португальские наемники. Но уже через несколько дней Гамильтон сообщил в Бомбей: «Солдаты из Гоа имели стычку с противником 28 сентября, в которой вели себя отважно, но, когда мы решили сжечь несколько деревень, они сообщили об этом противнику, а затем перебежали к нему с оружием и ручными бомбами».

Наконец прибыли основные силы. Теперь в отряде было до двух с половиной тысяч солдат и матросов, его поддерживали плавучие батареи. В четыре часа утра, лишь стало светать, почти пол-

торы тысячи англичан высадились на берег и начали медленно строиться в каре. Командовавший десантом офицер был обучен воевать по европейским законам, однако разношерстная публика, составлявшая его армию, плохо подчинялась командам. К тому времени, когда каре все же двинулось вперед, войска раджи открыли такой убийственный огонь, что первые ряды каре были уничтожены, погиб и командир отряда, а капитан Смит, к которому перешло командование, по словам Гамильтона, «содрал с себя красный камзол и пропал неизвестно куда». Десант обратился в бегство, и конники раджи изрубили почти триста человек.

Корабли англичан стояли в море, а фактория, в которой еще недавно жила Катрин, находилась милях в четырех вверх по реке, и сообщение с ней было затруднено. Там начался голод. Понимая, что вновь высаживать десант бессмысленно, а штурма фактория может не выдержать, англичане были готовы пойти на любые уступки. Но, как часто бывало в истории английского завоевания Индии, именно в момент близкой победы индийцев северные границы княжества перешел соседний государь и начал угрожать городу. 29 ноября был заключен мир, по которому восстанавливался статус-кво.

Экспедиция англичан против Карвара показала, что они еще не в состоянии вести войны даже со слабыми властителями. И как бы ни обвиняли англичане раджу Карвара в пиратстве для оправдания своего нападения на него, никто всерьез этому не верил. Захват раджей английских кораблей был оправдан даже в глазах командовавшего

экспедицией Гамильтона, который, кстати, после возвращения из похода оставил военную службу и вернулся к торговле. В докладе директорам Гамильтон сообщил, что считает фактора в Карваре Тейлора полностью ответственным за возникновение конфликта, ибо он неоднократно обманывал индийцев и своим вызывающим поведением довел раджу до ненависти к англичанам. Тейлор ответил обвинением в том, что Гамильтон по преступной небрежности не освободил факторию. Бомбейский совет на специальном заседании рассмотрел взаимные доносы и удовлетворился тем, что призвал Тейлора в будущем вести себя осмотрительно.

В 1717 году снова обострились отношения англичан с Ангрией, владения которого начинались у самого Бомбея. К сожалению, неизвестны хроники этой части государства маратхов, так что в изложении событий приходится ограничиваться материалами лишь одной из враждующих сторон.

Вскоре после получения известий о захвате Ангрией двух кораблей англичане решили прибегнуть к наступательной тактике. Бомбейский совет компании постановил провести экспедицию против крепости Герия, где находился один из захваченных маратхами кораблей. Приказ отряду, ушедшему к Герии на двадцати небольших судах — галиватах, включал следующие слова: «Если подвергнетесь атаке, отбейте ее силой и, если возможно будет, разорите его страну».

Подойдя к Герии, англичане блокировали ее, а затем рассыпались по окрестностям, грабя прибрежные города и деревни. Вот выдержки из до-

клада, представленного совету по завершении набега: «4 июня. Два галивата вернулись, разорив город в стране Англии, и привели шестнадцать пленных... 9 июня. Наши галиваты вернулись, потеряв из-за плохого командования более пятидесяти человек. Им удалось разорить один город Англии». Однако штурм самой крепости, в которой находилось всего сто защитников, не был успешным; понеся большие потери, англичане отплыли обратно в Бомбей.

В этом же году англичане дважды нападали на маратхский форт на острове Кеннери вблизи Бомбея. Оба штурма, изобиловавшие драматическими событиями, окончились неудачей.

После серии провалов Бун понял, что без существенной военной помощи из Англии справиться с сопротивлением индийских властителей невозможно. Он засыпал Лондон письмами, в которых утверждалось, что пираты полностью парализовали английскую торговлю в Бомбее. Ему поверили, и для охраны гавани из Англии был прислан шестидесятипушечный компанейский линейный корабль «Святой Георг». Однако корабль прибыл как будто специально для того, чтобы лишний раз подчеркнуть низкий класс компанейской службы. Когда после перехода из Англии «Святого Георга» вывели на мелкое место для килевания, нерасторопный капитан так плохо командовал этой привычной для моряков тех времен операцией, что корабль завалился на бок и переломился.

В довершение всех бед возобновилась вражда с португальцами, которым ранее принадлежал Бомбей и которые никак не могли примириться с его

потерей. Оставшиеся в городе португальские миссионеры вели себя, с точки зрения английских чиновников, отвратительно, подговаривая не слишком патриотичных служащих факторий и солдат переходить на службу Португалии. Бун выгнал из Бомбея всех католических миссионеров португальского происхождения и на их место призвал итальянцев во главе с епископом. В ответ на это вице-король Гоа запретил местным католикам признавать итальянских предателей и вообще решительно прервал с Бомбеем все отношения.

Открытая война с португальцами не входила в планы Буна, который терпел поражение за поражением в борьбе с Ангрией и которому как раз в это время нанесли чувствительные удары пираты с Мадагаскара. Количество пиратов в Индийском океане резко увеличилось после того, как Вудс Роджерс был назначен губернатором Багамских островов и прибыл туда во главе эскадры из шести военных кораблей, облеченный правом амнистировать пиратов, которые пожелают прекратить свой промысел, и жестоко карать всех, кто на этот призыв не откликнется. Пятеро пиратских капитанов со своими командами сдались Роджерсу, но наиболее отчаянные, в том числе Инглэнд, Ле Буше и другие, ушли в Индийский океан, где силы англичан и голландцев были не так велики, как в Карибском море.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Капитан Инглэнд, Тейлор и Оливье Ле Буше

Через два десятилетия после того, как в этих водах наводил ужас на торговцев Эвери и плавали Миссон с Тью, Индийский океан вновь стал центром пиратской активности. Стоило в 1717 и 1718 годах появиться близ Мадагаскара новым пиратским кораблям из Америки, как поселки ожили, в них строились новые дома и укрепления, а добыча, которую свозили сюда пираты, привлекала торговцев из Занзибара, Персидского залива и с Маскаренских островов. Пиратский Мадагаскар переживал второе рождение.

Первое крупное столкновение англичан с пиратами произошло в 1718 году. Компанейские корабли «Гринвич» и «Кассандра», шедшие из Сурата в Бомбей, узнали, что где-то по соседству знаменитый французский пират Оливье Ле Буше налетел на риф, потерял свой корабль и строит новый.

Капитаны английских судов Макрэ и Кирби решили отыскать пирата и взять его в плен. Однако не успели они отправиться на поиски Ле Буше, как показались паруса «Победы», корабля Инглэнда, и «Причуды», которой командовал Тейлор. Узнав пиратов, англичане обратились к находившемуся неподалеку голландскому кораблю, и тот обещал оказать помощь в бою. Капитаны уже подсчитывали премию, которую они получают за поимку пиратов.

Пираты подняли свои флаги — черный на грот-мачте, красный на фок-мачте и флаг с крестом

святого Георга на бизани. И тут нервы Кирби и голландского капитана не выдержали. Воспользовавшись легким бризом, они удалились, и «Кассандра» осталась одна против двух пиратских кораблей.

В начале боя несколько ядер с «Кассандры» попали в «Победу» ниже ватерлинии, отчего пиратскому кораблю пришлось временно выйти из боя. «Причуда» попыталась взять «Кассандру» на абордаж, но матросы Макрэ отбили эту атаку. Через три часа боя потери на «Кассандре» возросли настолько, что Макрэ решил выброситься на берег. «Причуда» погналась за «Кассандрой», и оба корабля сели на мель. Английские матросы отстреливались из последних сил, и, если бы остальные корабли пришли к ним на помощь, бой мог бы закончиться их победой — в какой-то момент, не выдержав огня с «Кассандры», пираты на «Причуде» очистили верхнюю палубу и скрылись внизу. Однако Кирби и голландец, наблюдавшие за боем с безопасного расстояния, избрали именно этот момент для того, чтобы поднять все паруса и устремиться к Бомбею. Зато Инглэнд не оставил своего товарища в трудную минуту и, посадив часть экипажа в шлюпки, направил их на помощь Тейлору. Увидев, что к пиратам приближается подкрепление, Макрэ понял, что дальнейшее сопротивление бесполезно, и приказал покинуть судно. Самого Макрэ вынесли на руках — он был контужен в голову мушкетной пулей. «Кассандра» потеряла убитыми и ранеными сорок человек. Пираты занялись грабежом «Кассандры», на борту которой было на семьдесят

пять тысяч фунтов стерлингов серебряных монет и много товаров.

Немного оправившись от контузии, Макрэ послал к пиратам матроса, чтобы предупредить, что он намеревается посетить их и договориться о выкупе «Кассандры». Среди пиратов было несколько человек, которые раньше плавали с ним и знали его как человека смелого и справедливого. Выслушав их, Инглэнд согласился принять Макрэ.

«Кассандра» была уже приведена в порядок. Инглэнд принял английского капитана на борту его собственного судна и угостил ужином из капитанских запасов. Но после ужина возникли осложнения. Инглэнд, давший слово, что не тронет Макрэ, поссорился с Тейлором, имевшим свои счеты с англичанами. Тот потребовал прикончить Макрэ. И неизвестно, чем кончился бы спор, если бы на палубе не раздались крики и сквозь толпу пиратов в каюту капитана не вошел увешанный пистолетами, грозного вида пират на деревянной ноге.

Одноногий пират обнял капитана Макрэ и поклялся самой страшной клятвой, что знает капитана как человека справедливого и честного. И пообещал сделать бифштекс из любого, кто посмеет поднять руку на Макрэ, даже если им будет сам капитан Тейлор. На этом инцидент закончился. Правда, Инглэнд, чтобы не ссориться с Тейлором, который понес большие потери в бою, передал ему «Кассандру», а капитану Макрэ в знак добро-го к нему отношения пираты подарили «Причуду» и часть груза «Кассандры».

Починив сильно пострадавшую «Причуду», Ма-

крэ отплыл на ней в Бомбей с сорока оставшимися у него моряками и солдатами. Путь до Бомбея занял пятьдесят дней — «Причуда» плохо слушалась руля, и ее далеко отнесло в океан. Лишь 26 октября «Причуда» вползла в Бомбейскую бухту. Там Макрэ не ждали: капитан сбежавшего корабля Кирби уверил всех, что «Кассандра» погибла в бою, а всех оставшихся в живых английских моряков пираты зарезали.

Сохранились записки плотника Ричарда Лазенби, которого пираты не отпустили вместе с Макрэ, а оставили в плену. Он рассказывает о дальнейших приключениях Инглэнда и Тейлора, о том, как пираты грабили и жгли индийские поселки и пытали их жителей, чтобы узнать, где спрятаны драгоценности. Он рассказывает также о друзьях пиратов, которых было немало на Малабарском побережье. Пираты, например, нередко заходили в голландскую факторию в Кочин, где продавали награбленное и закупали продовольствие. Голландцы даже предупреждали пиратов о маршрутах военных фрегатов и подсказывали, каким путем пройдут английские торговые корабли. Конкуренция заставляла голландцев, уступавших англичанам одну позицию за другой, идти на союз с кем угодно, лишь бы навредить Бомбею. Помогали пиратам и французы, которые, например, предоставляли места на кораблях, уходящих в Европу, тем из пиратов, кто полагал, что нажился достаточно, чтобы оставить опасное ремесло. Прежде чем плотник Лазенби смог последовать примеру этих пиратов, он стал свидетелем еще нескольких отважных дел Инглэнда.

Вскоре после возвращения Макрэ в Бомбей губернатор Бун собрал все английские корабли для взятия Герии. Командовал эскадрой мистер Браун, именовавшийся «адмиралом флота, главнокомандующим всеми вооруженными силами». Браун, однако, показал себя никуда не годным командующим, а большинство его капитанов — никуда не годными командирами. Одного из капитанов по пути пришлось даже заковать в кандалы, потому что ему с пьяных глаз показалось, что его корабль налетел на рифы, и он, прыгнув в шлюпку, бросился с этим сообщением к командующему. Вскоре появился и невредимый корабль без капитана. Командиры отрядов и капитаны перессорились между собой, и один из них, Эптон, жаловался компании, что ему ежедневно приходится усмирять бунты на корабле, «происходящие оттого, что офицеры ввязываются в пьяные драки». Он же сообщал, что два капитана дрались на кулаках перед носом у Брауна, который не посмел прекратить эту драку.

После месяца неудачных высадок и бесцельных бомбардировок совет офицеров флота отказался от штурма цитадели Ангрии и, чтобы хоть как-то компенсировать поражение, решил перейти к слабо укрепленному городку Диогуру. Но и этот поход провалился. Пришлось отказаться от дальнейших попыток разгромить маратхов и возвращаться в Бомбей.

Не успели корабли компании отойти от маратхской крепости, как на горизонте показались четыре корабля. Это были Инглэнд и Тейлор, которые вели за собой захваченных незадолго перед тем

два торговых судна. Вид приближающихся пиратов привел Брауна в полную растерянность, хотя под его командой находилась эскадра, по крайней мере, впятеро превосходящая по силе пиратов.

Браун не придумал ничего лучшего, как подойти поближе к бастионам маратхской крепости и стать там на якорь, с тем чтобы с наступлением темноты незаметно скрыться.

Пираты и не подумали бы нападать на столь большую европейскую эскадру, но они полагали, что под стенами крепости спрятался маратхский торговый флот, и решили подождать утра, чтобы выбрать себе добычу по вкусу.

Ночью английский флот поднял якоря и начал медленно вытягиваться в океан. В темноте корабли пиратов и англичан перемешались, и когда Инглэнд увидел, что мимо него проходит какой-то большой корабль, он приказал выстрелить.

Это был «Лондон» — флагманский корабль англичан, на котором было почти вдвое больше пушек и людей, чем у Инглэнда.

— Что за корабль? — крикнул с палубы капитан «Лондона».

— «Победа», — ответил Инглэнд. Он не знал, что в эскадре Брауна также был фрегат «Победа». Браун решил, что это его корабль, и начал отчитывать пирата за неосмотрительный выстрел. Это Инглэнда обидело. Он приказал дать залп из всех орудий, и начался бесполовый ночной бой, причем ни англичане, ни пираты, которые наконец поняли, в какой они попали переплет, не хотели сражаться всерьез. Пираты даже обрубили концы и бросили на произвол судьбы свои трофеи. Ин-

глэнд понимал, что скоро рассветет и тогда англичане его расстреляют. Но убежать он не любил. Он провел свой корабль сквозь английскую эскадру, паля с обоих бортов. Английский флот охватила паника. Корабли рассеялись во все стороны, а Браун даже спустил свой флаг.

Это зрелище так позабавило Инглэнда и Тейлора, что они решили потешить свои сердца. Пираты стали догонять один за другим английские фрегаты и линейные корабли и бомбардировать их до тех пор, пока жертва не бросалась к берегу. Ни разу за два дня, пока продолжалась эта потеха, английские корабли не попытались объединиться и отогнать пиратов. Как только очередной английский корабль спускал флаг и готов был сдаться, пираты оставляли его в покое и отправлялись за новой жертвой. Добычи на военных английских кораблях не было — вся эта операция проводилась для развлечения.

Английский флот рассыпался по разным гаваням, и лишь через пять недель потрепанным кораблям удалось вновь собраться в Бомбее.

Браун оправдывался тем, что его подвели офицеры. Губернатор Бун в наказание вновь отправил его в море во главе эскадры с приказанием забыть о войне с маратхами и охотиться только за Инглэндом и Тейлором. А для того чтобы экспедиция не провалилась, в помощники Брауну был дан Макрэ, который уже доказал, что пиратов не боится. Браун с облегчением передоверил ему командование эскадрой.

Отпраздновав в кругу голландцев в Кочине победу над англичанами и заодно продав захвачен-

ный корабль «Елизавета», пираты вновь вышли в море. И тут от капитана настигнутого ими небольшого корабля узнали, что из Бомбея на их поиски вышла большая эскадра, во главе которой стоит Макрэ. Это вывело пиратов из себя. Акции Инглэнда упали на корабле весьма низко — ведь была же возможность прикончить Макрэ, и прав, оказывается, был Тейлор, который этого требовал. А когда через несколько дней они встретились в море с эскадрой Макрэ, та погналась за ними столь решительно, что только через два дня пиратам удалось оторваться от преследователей.

После этого весь гнев пиратов обрушился на Инглэнда. Сначала его хотели повесить — пиратская вольница была скорой в своих решениях. Правда, потом припомнили заслуги Инглэнда и сохранили ему жизнь. Но простить ему, что он отпустил Макрэ на свободу, пираты не смогли. Инглэнд и три его друга, которые осмеливались защищать капитана, были высажены на необитаемом острове. Одним из четырех робинзонов был пират на деревянной ноге — прототип Джона Сильвера. Лишь через несколько месяцев пиратам удалось встретить рыбаков, которые отвезли их в деревню, а оттуда Инглэнд и его спутники добрались до Сент-Мари. Там Инглэнд с большим огорчением узнал, что за время его вынужденного бездействия Ле Буше, которого пираты пригласили в капитаны «Победы», и Тэйлор захватили такую добычу, которая даже не снилась Инглэнду.

Вице-король Гоа Конде да Эришейра после окончания трехлетнего срока службы отправился домой на семидесятипушечном линейном корабле.

Он вез в Португалию много драгоценных камней для сдачи в казну, а также собственные ценности. Уже подходили к мысу Доброй Надежды, когда начался страшный шторм. Корабль потерял две мачты, и пришлось выбросить за борт большинство орудий. Португальцы стали искать гавань, чтобы привести корабль в порядок. К голландским поселениям у мыса вице-король идти не решился, а взял курс обратно, к острову Бурбон из группы Маскаренских островов, принадлежащему французам. Там в гавани, близ французского форта, начался ремонт.

Тейлор и Ле Буше узнали о том, в каком плачевном состоянии находится португальский корабль, и решили воспользоваться этим. Операция была дерзкой: корабли пиратов вошли в гавань Бурбона, подняв английские флаги, и спокойно приблизились к португальцам, которые приветствовали их салютом, полагая, что это военные суда Ост-Индской компании. В ответ на салют зашедшие с обоих бортов пираты дали залп по португальцам, а затем, воспользовавшись суматохой, взяли корабль на абордаж.

Добыча была тем ценнее, что заключалась в основном в золоте и драгоценностях, занимавших немного места и не требовавших дополнительных операций по перепродаже.

Ле Буше решил отметить торжество как настоящий дворянин. Он встретился с французским губернатором острова, который не смел ни в чем отказать пиратам, и, дав ему денег, уговорил его устроить торжественный обед. На обеде Ле Буше сидел между губернатором и вице-королем и про-

износил тосты за дружбу. Тейлор на обед не явился: он делил свою часть добычи с матросами. Во «Всеобщей истории» Джонсона говорится, что матросы Тейлора хвастались тем, будто на долю каждого из них пришлось по тысяче фунтов стерлингов серебром и золотом, не считая драгоценных камней. Джонсон упоминает о том, что при дележе добычи одному из пиратов достался большой алмаз, тогда как его товарищи получили по нескольку меньших камней. Чтобы не отставать от товарищей, пират разбил свой алмаз молотком и стал счастливым обладателем пригоршни драгоценностей.

Тейлор, которому не по душе были светские наклонности Ле Буше, любил напоминать, что те же недостатки в характере Инглэнда дорого ему обошлись. Французский путешественник Бернарден де Сен-Пьер, посетивший остров Бурбон через пятьдесят лет после этих событий, сообщает, что предсказания Тейлора сбылись. После захвата сокровищ вице-короля Ле Буше решил оставить пиратский промысел и жить, как положено благородному человеку. Он купил поместье на Бурбоне и поселился там, будучи уверен в вечном расположении к нему и его богатству со стороны властей. Но через несколько лет, когда вторая волна пиратства пошла на убыль и французские губернаторы перестали трепетать перед разбойниками, Ле Буше был арестован, его имущество конфисковано, а сам он повешен.

Судьба Тейлора сложилась удачнее. Он продолжал свои плавания на «Кассандре» и через несколько месяцев после битвы у Бурбона, расстав-

шись с Ле Буше, напал на большой голландский корабль, захватил его и привел к Сент-Мари. Там большинство пиратов сошло на берег, чтобы отпраздновать очередную удачу, но голландцы вырвались из трюма, перебили охрану и увели свой корабль.

После этого инцидента Тейлор решил вернуться в родные карибские воды. Возвращение туда обычно означало добровольный конец пиратской карьеры — ведь большинство пиратов начинало свой путь именно там, и там у них оставались друзья. Прибыв в Портобелло в 1723 году, Тейлор начал переговоры с английскими властями об амнистии. Но переговоры зашли в тупик. Подозревая, что из переговоров ничего не получится, Тейлор на всякий случай держал пушки «Кассандры» в боевой готовности, и попытки англичан задержать его силой ни к чему не привели. А так как матросы Тейлора, разбогатев, продолжать старые занятия не желали, а набрать новую команду не было возможности, Тейлор отпустил пиратов на берег, а сам ушел к испанцам. Он передал им корабль и получил капитанский чин в испанском флоте. Командовал ли он старой «Кассандрой» или получил другое судно, неизвестно.

Дальнейшая судьба Инглэнда также неизвестна. Макрэ в знак признания его заслуг Ост-Индской компанией был назначен губернатором форта Святого Георга в Мадрасе, где показал себя не только энергичным губернатором, но и ловким торговцем. Когда через шесть лет он покинул Индию, его имущество оценивалось в сто тысяч фунтов стерлингов.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Пиратское царство на Мадагаскаре

Около 1712 года пиратам, тогда многочисленным и активным, пришла в голову мысль легализовать свою вольницу, встав под покровительство какой-нибудь европейской державы. Держава должна была быть достаточно сильной и воинственной и в то же время отдаленной, чтобы союз с ней пиратским интересам в Индийском океане не угрожал.

Посланец пиратского союза прибыл в Европу в 1713 году и вскоре пришел к выводу, что лучшим покровителем может стать шведский король Карл XII — воинственный, авантюристичный и нуждавшийся в союзниках. Посланец пиратов обратился к королю через шведского посла в Ганновере, сообщив (и это было чистой правдой), что шведов среди пиратов мало и что на шведские корабли пираты не нападают (за неимением таковых в Индийском океане). Карла в то время в Швеции не было, и просьбу посланца пиратов рассмотрел шведский сенат, но никакого решения не принял.

Тем временем положение пиратов на Мадагаскаре ухудшилось: начинался второй и последний упадок их поселений. Не дождавшись ответа от шведов, они послали в Европу новое посольство,

во главе которого поставили «адмирала» Каспара Моргана, однофамильца знаменитого разбойника.

На этот раз пиратскому посланцу удалось привлечь внимание Карла XII. «Адмирал» не скупился на обещания. Он предлагал устроить на Мадагаскаре фактории и передать королю громадные сокровища, якобы хранившиеся на острове.

Пираты для европейского государя были существами загадочными. Рассказы об их деяниях широко циркулировали в Европе, книги об их подвигах были нарасхват. Карл о пиратах был много слышан, но, разумеется, реального представления о них не имел. А так как он отчаянно нуждался в деньгах и людях, то поверил даже в легенды о сокровищах.

В июне 1718 года Карл подписывает пиратам охранную грамоту, в которой Морган объявляется наместником шведской короны на Мадагаскаре. Спешно снаряжается экспедиция для организации фактории и геологических изысканий. Что касается сокровищ, то Карл обещает рассматривать их как заем и платить пиратам проценты. Морган, со своей стороны, обещает королю выделить тридцать кораблей.

И тут Карл XII погибает. Экспедиция отменяется.

Проходит несколько лет. Швеция все так же нуждается в деньгах и кораблях. Неудивительно, что договор Карла с пиратами вспоминают, и правительство Ульрики Элеоноры, занявшей шведский престол, решает возобновить отношения с пиратским островом.

В большой тайне начинается подготовка экспе-

диции на Мадагаскар, во главе которой становится генерал-адъютант Ульрих.

Но эскадра еще не успела выйти в море, как прошла «утечка информации» и об экспедиции узнал Петр I.

Петр давно стремился найти путь в Индию. С этой целью он отправил через Среднюю Азию Бекovichа-Черкасского, но тот вместе со своим отрядом погиб в Хиве. Ведя войну с Персией, Петр также имел в виду открыть путь к Индии. Он снарядил корабли Беринга, он внимательно следил за английскими и французскими путешествиями в Индийский океан.

И вдруг в 1721 году при дворе Петра появился его старый знакомый, шаутбенахт (контр-адмирал) Вильстер, который воевал со шведами против датчан, с датчанами против шведов, бывал в России еще в 1714 году — в общем, профессиональный наемник и опытный моряк.

Петр принял Вильстера на русскую службу в чине вице-адмирала, и тот рассказал царю все, что знал о связях шведов с мадагаскарскими пиратами и о подготовке второй экспедиции к Мадагаскару. Петр внимательно выслушал Вильстера, однако, казалось бы, ничего не предпринял.

Тем временем подготовка экспедиция Ульриха закончилась, и его корабли, замаскированные под торговые суда, направились на юг и вскоре бросили якоря в испанском порту Кадис. Там шведская эскадра провела несколько месяцев, очевидно, ожидая пиратского посланца. На борту кораблей начались ссоры между офицерами, Ульрих унять их не смог и, так и не дождавшись пиратов, поспе-

шил назад, в Швецию, где его отдали под суд за срыв экспедиции.

В то время как Ульрих ждал пиратов у Кадиса, в Лондоне появилось еще одно действующее лицо этой истории — швед Наркрос. О нем известно, что он поступил на русскую службу в одно время с Вильстером, но, в отличие от последнего, неожиданно ушел в отставку и через несколько месяцев уехал в Лондон. Русский посланник в Англии Долгорукий сообщил Петру о распространившихся в Лондоне слухах, будто Наркрос прибыл из России с тайной миссией найти флибустьеров, которые искали протекции шведского короля. Видимо, Наркрос действовал неосторожно, и в Англии стало известно об интересе Петра к Мадагаскару, что вряд ли доставило удовольствие англичанам и голландцам.

К 1723 году Петербурга достигают вести о неудаче экспедиции Ульриха. Какие-то не дошедшие до нас сведения поступают и от разведчиков в Лондоне. Не исключено, что розысками следов мадагаскарских пиратов занимались, помимо Наркроса, и другие русские агенты.

Как только стало известно о провале экспедиции Ульриха, Петр вызывает в Петербург из Ревеля (Таллина) Вильстера. Он приказывает ему подготовить «экстракт» — свод всех сведений о пиратах и их отношениях со шведским двором. 4 июня 1723 года Вильстер представляет требуемый документ. Вряд ли столько времени заняло написание докладной — вероятно, Вильстер тоже собирал дополнительные сведения. Подготовка к экспедиции, очевидно, уже началась, хотя и в глу-

бокой тайне. Вильстер в записке сообщает имена рекомендованных им офицеров, и Петр на полях против иностранных фамилий помечает: «Офицеров перемешать с русскими, как говорено». Значит, об экспедиции уже говорилось.

И вновь наступает пауза, теперь на несколько месяцев. Вильстер возвращается в Ревель. Очевидно, экспедиция отложена.

Вдруг 3 ноября 1723 года начальник Ревельской эскадры Фан-Гофт получает приказ Петра срочно оснастить и вооружить для дальнего плавания два новых, только что построенных в Амстердаме фрегата: «Амстердам-Галей» и «Декронделивде».

Казалось бы, удобнее готовить экспедицию в Петербурге — на глазах царя. Но в ноябре Финский залив начинает замерзать, а загадочная срочность требует отправки эскадры незамедлительно. Поэтому, несмотря на плохую погоду, морозы и ветры, на Ревельском рейде начинается лихорадочная деятельность.

Приказ Петра отправлен в Ревель, а сведения о тайном путешествии уже мчатся в Европу. Голландский посол в Петербурге доносит своему правительству, что Петр готовит корабли, которые «пойдут в Испанию, а по другим слухам, может быть, в Ост-Индию».

На корабли назначены правительственные комиссары — капитан-лейтенант Мясной и капитан-поручик Кошелев. Правда, о цели плавания не знают еще ни комиссары, ни командиры фрегатов. Лишь в Атлантическом океане Вильстер должен им о ней объявить.

Спешка такова, что Петр велит генерал-адми-

ралу Апраксину — одному из трех человек в государстве, посвященных в тайну, — изготовить фрегаты к плаванию за десять дней.

8 ноября начинается погрузка, 14 ноября Фан-Гофт сообщает в Адмиралтейств-коллегию, что фрегаты будут готовы через три-четыре дня. 2 декабря Апраксин приказывает погрузить на фрегаты порох и отправить их в незамерзающую бухту Рогервик, в сорока семи верстах от Ревеля, куда они и прибывают 15 декабря.

Петр хотел превратить Рогервик в главный порт России. Поэтому в те дни в бухте шло большое строительство, которым командовал полковник Маврин. Именно к нему на квартиру неожиданно явился прокурор Адмиралтейств-коллегии Козлов и привез жильца, имени которого не знал даже хозяин дома. Так адмирал Вильстер прибыл к эскадре.

Вильстер маялся у окошка квартиры, выходящей к морю, глядел, как суется матросы и мастеровые, готовя фрегаты, и читал инструкцию Петра. В ней говорилось о встрече с мадагаскарскими пиратами: «...объявите о себе владеющему королю, что имеете от нас к нему комиссию посольства, и верющую грамоту, при сем приложенную, ему отдайте... А потом всяким образом тшчитесь, чтобы оногo короля склонить к езде в Россию».

Была и вторая инструкция, касающаяся отношений с Великим Моголом и возможности заключить с индийцами торговый договор.

Наконец корабли готовы к плаванию, но лишь формально. В трюмы насыпали столько песка, что некуда было грузить припасы. Все было настоль-

ко неладно, что вышедший из «заточения» и осмотревший корабли Вильстер 22 декабря писал Петру: трудно поверить, «что морской человек оные отправлял». Вильстер понимал, что вряд ли фрегаты в таком состоянии уйдут далеко. Понимал это и Апраксин. Но перечить Петру, который торопил с отправлением так, словно от этого зависела судьба государства, никто не посмел.

В море корабли встретил шторм. «Амстердам-Галей» дал такую течь, что помпы еле успевали откачивать воду. После нескольких дней борьбы с непогодой фрегаты 8 января 1724 года в самом плачевном состоянии добрались до Ревеля.

Вильстер убедился, что фрегатам до Мадагаскара не дойти, и направил Петру донесение, в котором просил выделить другие суда. Экспедиция, подготовленная за месяц, сорвалась.

Пока суд да дело, решили килевать «Амстердам-Галей», чтобы найти и устранить течь. Из корабля выгрузили балласт, но капитан Лоренс так плохо провел эту операцию, что фрегат лег на бок и затонул. На нижних палубах погибло шестнадцать матросов.

Получив письмо Вильстера, Петр не отменяет экспедицию.

Вильстер получает через Апраксина новый приказ: готовить к плаванию «Принца Евгения» или выбрать подходящий фрегат в Ревельском порту.

Суда были выбраны, но оказалось, что они не подшиты шерстью (в те времена полагали, что это — лучшая защита от моллюсков в теплых морях). На ревельских складах шерсти не оказалось,

пришлось искать ее по соседним городам. Январь прошел в этих заботах.

В феврале пришел новый приказ Петра: отменить экспедицию «до другого благоприятного времени».

Вероятнее всего, Петр получил от своей разведки в Лондоне сведения о том, что пиратское царство на Мадагаскаре — блеф. Академик Тарле полагает, что переубедить Петра мог и генерал Ульрих — командир неудавшейся шведской экспедиции. Ульрих — швед «эстляндской породы», к тому же он был очень сердит на шведское правительство. Возможно, Ульрих встречался в эти дни с Петром и рассказал ему о мадагаскарских пиратах. По крайней мере, существует письмо родственника ревельского вице-губернатора, в котором тот сообщает Апраксину, что Ульрих хочет увидеться с Петром и рассказать ему все, что знает о шведской экспедиции.

Вскоре Петр умер. И хотя те же самые фрегаты, что должны были идти к Мадагаскару, в последующие годы выходили в море и доходили, с другими целями, до Испании, в Индийском океане русские мореплаватели появились лишь через полвека.

И это была не государственная экспедиция.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Полковник Беневский

Камчатка лежала на краю России. Путь туда от Якутска занимал месяцы, а в некоторые времена года и вообще закрывался. Использовали ее в основном для того, чтобы сослать людей, от которых надо было отделаться навсегда. По мере того, как ширилось Российское государство, расширялась и география мест заточения. Лет за двести до описываемых событий краем земли были Соловецкие острова. Меньшикова уже сослают в Березово. Середина XVIII века видит ссыльных по всей Сибири. Затем приходит очередь Камчатки.

В начале семидесятых годов XVIII века в Большерецком остроге — крепостце на Камчатке — набралось девяносто ссыльных на семьдесят человек гарнизона. Ссыльные там были разные. Старик Турчанинов, бывший камер-лакей Анны Иоанновны, участвовал в заговоре 1742 года с целью возвращения на престол Иоанна Антоновича. У Турчанинова были вырваны ноздри и отрезан язык. Подпоручик Иоасаф Батулин, тоже немолодой уже человек, в 1749 году должен был со своей командой подавить бунт рабочих на фабрике Болотникова, а вместо этого решил с помощью солдат и мастеровых свергнуть Елизавету и возвести на престол ее племянника Петра. За это он разжалован в солдаты, но вновь дослужился до офицерского чина и вновь попытался добиться престола для Петра, опять же с помощью мастеровых. Он был уверен, что это пойдет народу на благо. Жизнь ему спасло лишь клятвенное обеща-

ние Елизаветы, данное в момент захвата ею власти, никого не казнить. Шестнадцать лет Батуриин провел в тюрьме. Его «протееже» за это время уже законным порядком вступил на престол, но Батурина не освободил. Потом царствовать начала Екатерина II, и лишь в 1769 году Батурина выпустили из Шлиссельбургской крепости и отправили в Сибирь.

Были среди ссыльных и предтечи декабристов — Степанов и Панов. Первый являлся членом русского «парламента» — Комиссии об Уложении, созданной Екатериной, когда она пыталась убедить Европу в своих намерениях создать из России просвещенное государство. После того как Комиссию распустили за ненадобностью, Ипполит Степанов, принадлежавший к «Левому крылу» оппозиции, был сослан в Сибирь.

В общем бараке — «обывательском доме» — жили несколько гвардейских офицеров — Хрущов, Панов, Гурьев, адмиралтейский лекарь Мейдер, пленный швед Винблан и, наконец, полковник Барской конфедерации Мориц Август Беневский. Этот тридцатилетний дворянин родом из Венгрии — небольшого роста, стройный, полный энергии — попал сначала в Казань, откуда сбежал и добрался до Балтийского моря; затем он был сослан в Тобольск и — позднее — в Охотск. Объединяла этих людей полная безнадежность их положения. Все они пользовались в Большерецке относительной свободой передвижения и возможностью договариваться между собой и строить планы освобождения. Побег по суше был бессмыслен, зато оставалось море. Для того чтобы идея

бегства через океан овладела ссыльными, нужно было, чтобы среди них появился человек, который сможет убедить их в реальности и даже неизбежности восстания. Беневский, прибывший в Большерецк вместе с Батуриным, Пановым и Степановым в сентябре 1770 года на небольшом галиоте «Святой Петр», имевший опыт по части побегов и не желающий влачить дни на краю земли, когда за морем лежат десятки стран, являлся таким человеком.

Ночью 27 апреля 1771 года ссыльные восстали. Коменданта, который пытался убить Беневского, ранил Панов. Работные набросились на него и добились. Повстанцы захватили склады, где хранились ясак и товары, а также галиот «Святой Петр». За товары расплачивались расписками Беневского, который именовал себя в них «пресветлейшей республики Польской резидент и Ея Императорского Величества Римского камергер, военный советник и регементарь».

Восставшие написали большое «Объявление» — политическую программу. Там говорилось: «В России начальники единое только имеют право делать людям несчастье, а помочь бедному человеку никакого уже права не имеют... Народ российский терпит единое тиранство...». Затем они выломали из прибрежного льда «Святого Петра» — небольшое судно длиной семнадцать и шириной шесть метров — и вышли в море.

Среди отправившихся в путь семидесяти человек были не только ссыльные, но и двадцать пять рабочих купца Холодилова вместе с приказчиком Чалошниковым, которые присоединились к вос-

ставшим, а также купцы, солдаты, матросы, промышленники и даже их жены. Приключения их описаны самим Беневским, выпустившим потом полную романтических измышлений книгу мемуаров, где он не столько описывал само восстание и путешествие на захваченном судне, сколько рисовал картину, которую должен показать современникам собственное величие. Но есть второй, более надежный источник — «Записки канцеляриста Рюмина». Этот журнал, вести который Рюмину помогали Судейкин и штурман Бочаров, попал к русскому резиденту в Париже Хоткинскому и был передан им в Иностранную коллегию, а после того как с ним ознакомилась императрица, сдан в архив и опубликован только в 1822 году.

Задача Беневского была нелегкой. Сам он стремился попасть в Европу, но намерения других путешественников не были столь определенными. На галиоте, буквально набитом людьми, уже через несколько дней начались разногласия. Беневский показывал своим спутникам зеленый конверт, уверяя, что в нем письмо цесаревича Павла австрийскому императору с просьбой руки его дочери. Письмо было рассчитано на тех, кто попал на Камчатку за участие в заговорах в пользу нелюбимого сына Екатерины или мог рассчитывать на его милость. В любом случае необходимо идти на юг, вдоль Курил. Карт не было. У путешественников оказался лишь отчет об экспедиции одного из немногих счастливых, которому удалось захватить манильский галион. С этой книги Хрущов рисовал кроки, а Чурин и Бочаров вели корабль.

В литературе принято считать Беневского личностью сомнительной, нечистой на руку и противопоставлять его «оппозиции», существовавшей на судне. Немалую роль в создании подобного мнения сыграла книга Беневского, в которой четко вырисовываются конкистадорские черты его характера. Вряд ли, однако, он был так плох, как его иногда изображают. Против этого свидетельствуют и его жизнь на Камчатке, где он вместе с Хрущовым учил русских детей арифметике и французскому языку, а камчадалов — русскому языку; и тот факт, что большая группа вполне самостоятельных и зачастую выдающихся людей признала его главенство; и судьба юноши Вани Устюжинова, любимого ученика Беневского, который разделил в будущем все его странствия и приключения. В вину Беневскому ставится продажа им «Святого Петра» в Китае, о чем речь пойдет дальше. Но ведь на галиоте невозможно было продолжать плавание, Беневский же, зафрахтовав на вырученные деньги два французских корабля, доставил беглецов в Европу. Наконец, Беневский был одним из авторов программного «Объявления», посланного в Петербург, именно он поднял восстание и убедил разношерстную команду уйти в холодное море на маленьком, пригодном лишь для прибрежных плаваний кораблике, без карт и лоций. Это было выдающееся путешествие, и заслуга в том, что оно удалось, не только штурманов, но и командира — Беневского.

Трудности в пути увеличивались тем, что не все на борту «Святого Петра» примкнули к вос-

ставшим добровольно. В первую очередь это касалось команды судна. Штурманские ученики Измайлов и Зябликов и матрос Фаронов договорились обрубить якорный канат, как только ссыльные сойдут где-нибудь на берег, и увести захваченный корабль, то есть повторить дело, которое удалось почти за сто лет до того у Никобарских островов верным Ост-Индской компании английским морякам. Но Беневский узнал об этом замысле и высадил главных заговорщиков на необитаемом острове, оставив им запас ржаной муки. Через несколько месяцев их сняло с острова промысловое судно.

Во время сильного шторма, разыгравшегося, когда корабль шел вдоль Курил, в трюме сорвались грузы и «Святой Петр» чуть не опрокинулся. Наконец добрались до острова, на котором жили японцы. Они отвели корабль ссыльных в удобную бухту, привезли воды, пшена, но на берег не пустили, хотя русские, знавшие по слухам, что японцы допускают в свою страну голландцев, пытались убедить их, что «Святой Петр» — судно голландское и идет в Нагасаки.

Хлеб испекли на другом японском острове, где их встретили радушно и даже снабдили свежими овощами. У этого острова беглецы простояли почти месяц, отдыхая от тяжелого пути.

16 августа галиот встал на якорь в бухте у Тайваня. На следующий день Панов и несколько промышленников с матросами поехали на берег за водой. Никаких неприятностей не ожидали, потому что бухту указали сами местные жители. Однако, пока набирали воду, на русских напали. Панова и

двоих промышленников убили, несколько человек ранили стрелами. Беневский бушевал: нападение казалось ему верхом вероломства. Он приказал обстрелять из пушки деревню и потопить проплывавшие мимо лодки. Весьма возможно, что нападение не было случайным. Известно, что португальцы и голландцы высаживались в тех местах, убивали местных жителей и увозили рабов.

Похоронив погибших на тайваньском берегу, отправились дальше и вскоре вновь попали в шторм. Через десять дней, когда шторм утих, никто не мог сказать, где находится корабль. Неожиданно появилась лодка, в которой был китаец. Он указал путь к берегу, и вскоре «Святой Петр» бросил якорь в бухте Макао. Половина пути была завершена. За лето неприспособленное к дальним плаваниям судно прошло от Камчатки до Южного Китая.

Было жарко. Над набережной португальского города покачивались пальмы, виднелись каменные особняки, купола соборов и стены монастырей. Фидалго в роскошных камзолах выходили к берегу поглядеть на корабль; купцы спешили к капитану узнать, нет ли на борту редких товаров. Беневский сидел у губернатора, разговаривал с ним по латыни, говорил полуправду: судно, уверял он, венгерское, поэтому языка моряков понять нельзя. На корабле Беневский приказал, чтобы, молясь, не крестились — еще не исчезла опасность погони. Многие Беневским были недовольны. Кое-кто уже раскаивался в содеянном, некоторым хотелось домой, подальше от этих пальм и теплых ливней.

Повод к раздору возник уже на берегу, когда русские разместились в большом доме, предоставленном губернатором. Беневский сообщил, что продал «Святого Петра» вместе с такелажем и пушками. Соображения у него были разумные. Первое из них состояло в том, что дальше на галиоте не пойдешь: и так лишь чудом добрались до Китая. Второе соображение было следующим: беглецов ищут и, пока доберешься на «Святом Петре» до Европы, могут задержать англичане или голландцы. В ответ на это Степанов, ставший во главе недовольных, предложил Беневского с поста командира убрать: нельзя доверять человеку, который продал русский корабль. Вряд ли, однако, продажа галиота была действительной причиной вражды. Просто противоречия, которые копились за месяцы плавания, вышли наружу, когда отдалась опасность погони.

Степанов пытался объяснить губернатору Макао, что корабль — собственность русского правительства и, как таковая, не может быть продан. Вероятно, в те дни у Степанова уже созрела мысль, что еще не все потеряно и, защищая интересы российской короны, он сможет добиться прощения. Находились среди беглецов и такие, как Чурин или Бочаров, которым «Святого Петра» было жалко как живую душу — он ведь честно потрудился и спас их. И вот теперь его продали. Раньше был свой корабль — свой дом. Теперь они бездомные. Беневского подобные соображения не беспокоили. Сентиментальных чувств к галиоту он не питал. Португальскому губернатору нужен корабль, и губернатор согласен

за него платить. Беневскому корабль был уже не нужен.

Натолкнувшись на сопротивление, Беневский вступил в переписку с командой: сочинял прокламации и зачитывал их в общей комнате дома. В первой из них говорилось: «Если искренне любите меня и почитать будете, то вам клянусь Богом, что моя искренность ежедневно доказана будет; если же, напротив, увижу, что ваши сердца затвердели и меня больше почитать не будете, то сами заключать можете, что от меня ожидать надлежит». Прокламация и горячая речь Беневского оказали свое действие. С ним согласились и постановили по-прежнему считать его командиром. Только Степанов упорствовал, решив до конца охранять интересы императрицы. Беневский написал еще одну прокламацию, в которой заверял: «Я буду вам заступою, и никакого оскорбления вам не будет, и ежели Бог нас в Европу принесет, то я вам обещаю, что вы довольны будете...».

Тогда Степанов нашел голландских агентов и через них послал жалобу китайскому императору. В ней он сообщал, что корабль захвачен обманом, что все люди на нем также обмануты, и требовал, чтобы Беневский, как вор и преступник, был схвачен.

А пока шла эта борьба, команду одолевали лихорадка и дизентерия. Климат был непривычный и вредный для северян. Умерли Турчанинов и Зябликов. Умер и человек, которому ссыльные были во многом обязаны своим спасением, — штурман Чурин. Беневский тем временем договорился о плавании в Европу. Денег, полученных за

пушнину и галиот, хватало с избытком. На китайских джонках добрались до Кантона, где уже ждали зафрахтованные французские корабли. Степанов остался в Макао.

Путешествие в Европу было трудным, хотя и не сравнимым с мучениями на борту «Святого Петра». В Индийском океане экипаж понес еще одну потерю — умер неутомимый бунтарь Иоасаф Батурич. Мучила жара. Смола кипела в пазах. Лекарю Мейдеру было немало работы, правда, однообразной — всем страждущим он пускал кровь. 16 марта 1772 года корабли пришли на Иль-де-Франс (так тогда назывался остров Маврикий) и запаслись водой. Во французских владениях Беневский чувствовал себя в безопасности: Франция в те годы была с Россией в плохих отношениях. Беневский встречался с французским губернатором, и тот рассказывал ему о Мадагаскаре. О беседах можно было только догадываться. Но вряд ли губернатор обошел в своих рассказах пиратское прошлое острова, его богатства и удобное расположение на пути из Европы в Индию. Беневский впоследствии писал: «Губернатор Иль-де-Франса своими рассказами о некоторых особенностях этого огромного и прекрасного острова вызвал у меня огромное желание ближе познакомиться с ним». А Беневский был человеком дела и разговора с губернатором не забыл.

7 июля беглецы благополучно добрались до Франции и сошли на берег, где, как пишет Рюмин, «определена нам была квартира и пища, и вина красного по бутылке в день».

Из семидесяти человек, отплывших с Камчат-

ки, во Францию прибыло тридцать семь мужчин и три женщины. Большинство из тридцати недостающих умерли. Девять человек были оставлены в дороге: четверо — на Курилах, Степанов — в Макао, а еще четверо — на Иль-де-Франсе в госпитале.

В этом путешествии, которое началось с восстания на Камчатке, все было первым. Это первый известный случай русского пиратства в Тихом океане (ибо в широком смысле слова действия ссыльных, захвативших корабль и ограбивших склады, были пиратскими), первый приход русского корабля в Макао, первое пересечение русскими экватора, первый переход русских через Индийский океан и т. д.

Беневский оставил спутников в порту, а сам отправился в Париж. Там он стал популярной фигурой во французских салонах — романтическим героем, вырвавшимся из страшной Сибири. Он предлагает французскому правительству завоевать Формозу (Тайвань), выгодно расположенную у берегов Китая. Однако Формоза не стояла в планах французской экспансии, а вот интересы в Индийском океане у Франции были значительные. Беневскому предложили попытаться счастья в Индийском океане, и он согласился возглавить экспедицию для покорения Мадагаскара.

Тем временем спутники Беневского начали беспокоиться, куда исчез их командир. Деньги кончились, и пора было решить, что делать дальше. Беневский прислал письмо из Парижа: «Ребята! Ваше письмо получил. До моего приезда ваша командировка отменена есть. После всякий мне свое на-

мерение скажет. До моего приезда живите благополучно. Я емь ваш приятель барон де-Беневский!».

Вскоре Беневский и в самом деле вернулся к спутникам. Он сдержал свои обещания, данные в прокламациях: довез их до Франции. Теперь, уладив собственную судьбу, он вернулся к ним с новыми идеями и планами. Он звал их завоевывать Мадагаскар.

Последнее собрание беглецов было коротким. Каждый принял решение еще до приезда Беневского, так что спорить было не о чем. Двенадцать человек, в том числе одна женщина, решили не расставаться с командиром. Среди них семеро рабочих, приказчик Чулошников, два матроса — Потолов и Андреянов (последний с женой) и верный ученик Беневского Устюжинов.

Тем, кто захотел вернуться в Россию, Беневский выписал подорожные до Парижа. Русский резидент во Франции Хотинский уже сообщил о беглецах в Петербург. Екатерина решила во избежание излишних толков проявить милосердие. К тому же невероятность плавания и лишения, выпавшие на долю беглецов, ее растрогали. Она была в курсе всех дел — недаром, как только журнал путешествия прибыл в Петербург, он был немедленно доставлен императрице, и она его внимательно прочла.

27 марта 1773 года семнадцать человек, решивших возвратиться на родину, пешком отправились через почти всю Францию в Париж и спустя месяц встретились там с русским резидентом. Еще несколько месяцев они прожили в Париже, ожидая бумаг из Петербурга, и 30 сентября 1773 года

шестнадцать мужчин и одна женщина, жена Рюмина, увидели форты Кронштадта. Вскоре все разъехались кто куда пожелал (желания, видимо, направлялись правительством — в центральной России никто не остался). Рюмин с женой и Судейкин отправились в Тобольск, остальные выбрали Иркутск или Охотск. Штурман Бочаров поначалу тоже уехал в Иркутск, но впоследствии вновь вышел в море и, встретившись во время плавания с участниками экспедиции Кука, рассказал им о своих приключениях.

Были среди беглецов и такие, кто не пожелал ни возвратиться в Россию, ни отправиться на завоевания Мадагаскара. Швед Винблан вернулся на родину, а Хрущов, Кузнецов и Мейдер поступили на французскую военную службу. Хрущов получил чин капитана, Кузнецов — поручика. Заметим, что Кузнецов был, в отличие от остальных, крестьянином, и потому можно встретить сомнения в том, мог ли он быстро овладеть французским языком. Но эта быстрота относительна. Кузнецов провел несколько месяцев на французском судне, а затем почти год прожил во Франции... Так что времени было достаточно.

Эскадра с переселенцами и войсками, на которой находились Беневский и его товарищи, отправилась на Мадагаскар 23 марта 1773 года и прибыла к северной части острова в начале февраля 1774 года. Следующие полтора года стали для Беневского очень трудными. Французские колониальные власти на Иль-Де-Франсе не были заинтересованы в поддержке мадагаскарской колонии, а без поддержки выдержать тяжесть климата,

враждебность мальгашей и необходимость кое-как перебиваться от корабля до корабля было почти невозможно. Кроме того, Беневскому не хватало действия, приключений. Несмотря на то что Беневский все же смог завоевать доверие мальгашей (есть даже сведения, что его провозгласили королем), через два года после прибытия на Мадагаскар он бросил основанный им Луисбург, взошел на палубу английского торгового судна и был таков. Во Францию, где его могли счесть за дезертира, он решил не возвращаться и поселился в Англии. Там Беневский прожил восемь лет, написав за это время свои ставшие широко известными записки — скорее авантюрный роман, чем документальное повествование.

Что стало с русскими, которые отправились с Беневским на Мадагаскар, неизвестно. Если, что вероятнее всего, они остались на острове, то, возможно, на Мадагаскаре и сегодня живут их потомки.

В Англию с Беневским прибыл только Устюжников, которому Беневский дал образование и который сопровождал своего кумира во всех его странствиях.

В апреле 1784 года Беневский уже в Соединенных Штатах Америки — недавно добившейся независимости, быстро богатеющей стране, торговцы которой начинают уже поглядывать по сторонам, рассчитывая принять участие в борьбе за Южные моря. И неудивительно, что Беневскому с его энергией и его прошлым удалось найти здесь сторонников. Богатый коммерческий дом в Балтиморе решает ссудить его деньгами на покорение

Мадагаскара. И в начале 1785 года Беневский вновь на острове.

Имеющиеся в нашем распоряжении отрывочные сведения о последнем путешествии Беневского на Мадагаскар не позволяют судить о том, каковы были его действительные планы. Хотел ли он стать королем Мадагаскара по примеру Плантагена и других пиратов? А может быть, он желал отомстить французам за те беды, которые обрушились на него, когда он правил частью острова от имени французского короля? Обо всем этом можно лишь гадать, внешняя же канва событий такова.

В январе 1785 года Беневский прибывает на Мадагаскар с небольшим отрядом, ни состав, ни численность которого неизвестны. Высаживается он где-то неподалеку от французских владений и сейчас же вступает в бой — вероятнее всего, с французами. В «Русской старине» за 1876 год об этом говорится так: «Но едва он успел высадиться на берег со своим незначительным конвоем, как капитан корабля, напуганный стрельбой на берегу, снялся с якоря и ушел в море, оставив таким образом Беневского на произвол судьбы».

Два месяца Беневский ждал возвращения судна, на котором остались припасы и оружие. В отряде, постепенно вымирающем от болезней, вскоре осталось лишь несколько человек. И тут мы видим Беневского во главе мальгашей, которым он предложил помочь изгнать с Мадагаскара французов. Надо полагать, что этот план у Беневского был с самого начала. Он не мог рассчитывать победить французов без помощи местных жителей.

Далее известно следующее: «Дикари приняли его предложение и стали охотно обучаться под его руководством разным маневрам. Первые их попытки нападения на французов увенчались успехом, но при втором нападении 23 мая 1786 года островитяне, запуганные наскоком французов с меткою стрельбой, разбежались, а Беневский, раненный пулей в грудь, умер на месте».

Так сорока пяти лет от роду погиб на Мадагаскаре пират и бунтарь.

Иван Устюжинов, которому в это время было 28 лет, по некоторым сведениям, попал к французам в плен и был отправлен на Иль-де-Франс, а оттуда в Париж. В 1789 году он уже в России, где поступает на гражданскую службу. Он прожил долго, и есть сообщения, что он оставил записки. Они пока не обнаружены, а жаль: ведь Устюжинов не расставался с Беневским пятнадцать лет и побывал во всех океанах и на всех, кроме Австралии и Антарктиды, материках.

Мемуары Беневского, вышедшие впервые в 1791 году, имели большой и несколько скандальный успех из-за склонности их автора к преувеличениям и частому пренебрежению фактами. Они выходили не раз на многих языках, попадали в Россию, но все-таки Беневский был более известен во Франции и Польше, чем в России, которая в его мемуарах описана недоброжелательно и не всегда правдиво. Он стал популярен в Европе в начале прошлого века, когда был большой спрос на романтических героев.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных

морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Мятежники с «Баунти»

Когда Беневский поднимал мальгашей на последний бой у укреплений Луисбурга, в канцеляриях английского Адмиралтейства уже составлялись рапорты и ведомости — к плаванию готовили небольшой корабль «Баунти».

На следующий год «Баунти» был готов выполнить необычное задание Адмиралтейства: собрать в Полинезии саженцы хлебного дерева и привезти их в Америку, чтобы там высадить в британских колониях. Во всем остальном рейс не представлял ничего необыкновенного — открытий от «Баунти» никто не ждал, подвигов тоже.

24 ноября 1787 года «Баунти» вышел в море. Из-за длительной штормовой погоды, препятствовавшей плаванию, корабль лишь в июле следующего года оказался в Индийском океане и, пройдя южнее Мадагаскара, взял курс на восток.

Вряд ли кто-нибудь на борту «Баунти» слышал о Беневском и его приключениях, и уж никто, конечно, не предполагал, что их кораблю уготована судьба, в чем-то похожая на судьбу «Святого Петра».

Командовал «Баунти» тридцатитрехлетний капитан Блай, кадровый моряк из хорошей семьи, с опытом кругосветных плаваний — он сопровож-

дал Кука в его третьем путешествии. Помимо матросов, на корабле были пять мичманов — семнадцатилетних юношей, ботаник, садовник, врач, штурман, штурманские помощники и плотники.

Об эпопее «Баунти» написаны сотни книг и статей, которые с разной степенью достоверности, с разными выводами и акцентами излагают и сами события, и — что для многих авторов важнее — их последствия, которые и в самом деле оказались куда долговечнее, чем результаты камчатского бунта.

В истории «Баунти» скорее два главных героя, а не три, как принято считать. Эти двое — лейтенант Блай и матрос Александр Смит, ровесник командира, который впоследствии именовал себя Джоном Адамсом. Третий герой — формальный вождь восстания штурманский помощник Флетчер Кристиен, несомненно, уступает характером двум первым.

Лейтенант (впоследствии капитан и адмирал) Блай — жесткий и сухой человек, склонный пренебрежительно относиться ко всем, кого считает ниже себя, гордец, обладающий железной волей, — был обречен, как показала его жизнь, постоянно вступать в конфликты с подчиненными. Его мужество и стойкость достойны уважения, в то же время он по натуре каратель, извлекающий очевидное удовольствие из права и возможности управлять другими людьми, унижая их.

Джон Адамс во время плавания остается в тени. Он опытный матрос, к нему нет претензий ни со стороны боцмана, ни со стороны командира. Он спокоен, выдержан, и матросы признают в нем че-

ловека, имеющего право командовать ими — то моральное право, которое достигается в постоянном и тесном общении, завоевывается не сразу и не требует никаких чинов, эполет или плети.

Третий герой, Кристиен, — интеллигентный молодой человек из бедной дворянской семьи, самолюбивый, образованный, добрый, порой нерешительный. Все эти качества выделяют его из числа прочих офицеров корабля как для Смита, старающегося сблизиться с ним, так и для Блая, которого все в Кристиене раздражает.

26 октября 1788 года «Баунти» бросил якорь у берегов Таити.

Остров Таити был открыт в 1606 году испанским капитаном де Киросом, затем потерян и открыт вновь за двадцать лет до прибытия «Баунти» англичанином Уоллисом. Первая же встреча англичан с островитянами закончилась боем, в котором пушки Уоллиса оказались сильнее таитянских пращей. Правда, капитан Кук, прибывший вслед за Уоллисом к острову, сделал все, чтобы конфликтов с таитянами впредь не возникало. Он подружился с одним из местных королей, и спутники Кука чувствовали себя на острове спокойно.

Таитян в то время, по подсчетам Кука, было около ста тысяч. Народ рослый, красивый, дружелюбный, не знавший до появления европейцев многих болезней (что впоследствии и послужило причиной его вымирания).

Сразу же по прибытии на Таити Блай почувствовал, как стремительно падает корабельная дисциплина. Свободные нравы, благодатный климат, неспешная, столь отличная от морской каторги

жизнь оказывали на команду ошеломляющее воздействие, и Блая приходилось все чаще прибегать к плети, чтобы выбить из матросов мечты о том, как бы остаться в этом земном раю. А времени для того, чтобы эти мечты появились и окрепли, было достаточно: найти, выкопать и пересадить в кадку тысячу саженцев — операция, требующая многих недель труда.

Опасения Блая оправдались 5 января 1789 года. В тот день пропала шлюпка, исчезли каптенармус и два матроса. Вскоре стало известно, что беглецы скрываются на острове Тетуроа, куда Блай сейчас же направился во главе вооруженного отряда.

Матросы и девушки-таитянки, которые бежали вместе с ними, были обнаружены в одной из хижин деревни. Блай приказал окружить хижину и предупредил, что, если беглецы не сдадутся, он прикажет хижину поджечь. Матросы сдались. Их связали, доставили на корабль и после экзекуции заковали в цепи и посадили в трюм.

Если этот урок и оказал воздействие на остальных матросов, многие из которых тоже обзавелись подругами, то лишь тем, что они поняли: бегство не спасет, надо придумать иной путь. Каким должен быть этот путь, лучше других представлял Джон Адамс. Но Джон Адамс пока молчал.

3 апреля 1789 года «Баунти» покинул Таити и взял курс на восток, к Америке. Снова начались тоскливые будни. С каждым проплывающим мимо кораблем и исчезающим в мареве островом Полинезии все нереальнее становилась мечта остаться в мире, где нет плетей и каторжного труда. Мат-

росами постепенно овладевали раздражение и ощущение невозвратимой потери, атмосфера на корабле все больше напоминала котел под давлением. Достаточно было незначительного конфликта, чтобы произошел взрыв. Однако Блай не желал этого понять и вел себя по-прежнему.

Признаки взрыва наметились через несколько дней после отплытия с Таити. Блай недосчитался нескольких кокосовых орехов и обвинил Кристиена в небрежности. Кристиен вспылил, и Блай отправил его под арест в каюту. Неожиданно на сцене появился всегда молчаливый Адамс. Матрос вступился за Кристиена, сказав, что тот в пропаже орехов не виновен. Блай, разумеется, оборвал наглеца. Но авторитет Джона Адамса, посмеявшегося перечесть самому командиру, еще более поднялся в глазах команды.

Через несколько дней остановились у острова Анамука. Среди островитян, подплывших к «Баунти», оказался некий Брэк, дезертир с какого-то европейского корабля. Он отлично прижился на острове и даже стал вождем одного из племен. Пример был очевиден и соблазнителен.

26 апреля Кристиен командовал партией, которая сошла на остров, чтобы набрать пресной воды. Островитяне напали на моряков, и Кристиену пришлось отступить. Блай вновь накинулся на штурманского помощника с бранью и обвинил его в трусости. За такие слова Кристиен мог бы вызвать Блая на дуэль, но не имел права — Блай был его командиром.

Ночью оскорбленный, мятущийся Кристиен нес вахту, обдумывая, что предпринять. Может быть,

спустить шлюпку и убежать? Неожиданно рядом оказался Адамс, который словно ждал этой минуты. Он предложил Кристиену возмутить команду и захватить корабль, уверяя, что матросы поддержат его. Момент был выбран удачно, предложение Адамса попало на благодатную почву.

В ту же ночь матросы захватили офицеров, спавших в каютах, связали их, и на рассвете следующего дня «Баунти» уже не принадлежал британской короне. Теперь это был вольный корабль.

Некоторые матросы предлагали убить Блая и других офицеров или хотя бы высадить их в ветхую, протекающую шлюпку, на которой им бы никогда не добраться до земли. Но Кристиен не мог пойти на это, хотя всем было ясно, что как только Блай доберется до суши, он примет все меры, чтобы настичь бунтовщиков. Адамс не возражал — в его интересах было поддерживать авторитет Кристиена, офицера, само присутствие которого на борту давало матросам уверенность в том, что они смогут управлять кораблем.

Блай и восемнадцать человек, решивших разделить его судьбу, спустились в единственную хорошую шлюпку, им выдали провиант, воду, палаш и одежду. Вскоре «Баунти» потерял шлюпку из виду.

Тому, что сделал в последующие недели Блай, с трудом можно найти аналогии в морской истории. На переполненной открытой шлюпке, почти без еды и воды, опасаясь высаживаться на островах, моряки прошли за полтора месяца несколько тысяч миль и достигли голландских владений на

Тиморе. Никто бы не остался в живых, если бы не железная воля Блая, собственноручно делившего дневные порции еды и питья, ни на секунду не упускавшего власть над кучкой изможденных людей. Сам же Блай вряд ли смог бы шесть недель обходиться почти без сна, если бы его не сжигали ненависть к бунтовщикам и стыд за оскорбление, которое нанесли ему, лейтенанту королевского флота, плебеи, выбросившие его за борт.

Когда Блай привел свою скорлупку в бухту, где стояли на якорях голландские корабли, он не разрешил своим спутникам сразу же пристать к берегу. Он приказал поднять флаг «терплю бедствие» и, лишь получив приглашение, вышел на берег, оставив остальных в шлюпке. Еле волоча ноги, он доплелся до старшего по чину и официально сообщил об обстоятельствах дела. Потом попросил разрешения его людям сойти на берег. Лишь когда разрешение было получено, Блай дал сигнал высаживаться. Он в любых обстоятельствах оставался военным офицером.

Большинство матросов, оставшихся на «Баунти», хотели одного — скорее вернуться на Таити, к друзьям и любимым девушкам, к беспечной и неспешной жизни. Адамс и Кристиен были против. Они знали Блая и верили в то, что он может совершить невероятное — остаться живым. И тогда месть его будет беспощадной.

Победили все-таки матросы. После неудачной попытки обосноваться на острове Тубуаи «Баунти» подошел к Таити и бросил якорь в незнакомой бухте. Затем потянулись желанные и, казалось бы, ничем не омраченные дни. «Баунти» стал как

бы продолжением деревень. Таитяне не покидали его, а матросы совершенно забыли о дисциплине и вообще обо всем, включая грядущее возмездие. Кристиена эта анархия смущала. Он совсем уж было решил взять бот и уйти на нем по следам Блая, как Адамс, который смотрел в завтрашний день, предложил ему взять моряков, которые еще не полностью порвали с действительностью, и уйти на «Баунти» дальше, оставив здесь тех, кому эта идея не по душе.

С Адамсом и Кристиеном согласились уйти с Таити шесть матросов и мичман Юнг. Кроме того, обманом, пригласив на пир на борт корабля, моряки взяли с собой десять таитянок и восемь таитян, чтобы обосноваться навсегда на необитаемом острове. Кристиен даже знал, на каком, — он выбрал небольшой остров Питкэрн, открытый капитаном Картеретом.

13 июня 1790 года «Баунти» бросил якорь у Питкэрна. С корабля все перенесли на берег, а остров, чтобы случайно не заметили с моря, сожгли. Таким образом, робинзоны были отрезаны от остального мира.

Возмездие между тем настигло тех, кто остался на Таити. В марте 1791 года к берегу подошел английский военный фрегат «Пандора».

Первым увидел его мичман Хейвуд, проводивший последние недели на берегу, ожидая именно этого часа. Чувство вины, тоска по дому заставляли его не думать о грядущем наказании — лишь бы вернуться домой. Впрочем, он рассчитывал на снисхождение. Ни он, ни его друг мичман Стюарт активного участия в бунте не принимали, они по-

просту не решились в последний момент перейти в перегруженную шлюпку Блая.

Хейвуд побежал за Стюартом, который, в отличие от него, не столь обрадовался прибытию фрегата. Он страстно любил свою жену — таитянку Пегги. Ему было восемнадцать лет, Пегги — чуть меньше. Все же после краткого раздумья Стюарт присоединился к Хейвуду, и они на пироге погребли к «Пандоре».

«Пандора», которой командовал мрачный и жестокий капитан Эдварс, уже месяц разыскивала бунтовщиков по Океании, прежде чем пришла на Таити. Как только мичманы поднялись на борт, их заковали в кандалы и бросили в трюм.

Когда через некоторое время туда же прибыл король этой части острова, вместо ожидаемого дружеского приема он получил выговор от Эдварса за то, что скрывает бунтовщиков и врагов Англии. Король был оскорблен тем, что его гости, которые вот уж год живут здесь, обманули его. Поэтому он тут же послал своих людей с англичанами, и те в несколько дней разыскали и привезли на «Пандору» всех беглецов.

Пленников было четырнадцать. Их посадили в большую клетку на палубе, и таитянские жены могли подходить к прутьям и смотреть на своих мужей. Пегги Стюарт, которая приплыла на «Пандору» с новорожденной девочкой, отказывалась отойти от клетки, и ее каждую ночь отрывали от решетки и бросали в пирогу. С рассветом она уже ждала разрешения вновь подняться на борт.

Еще три месяца «Пандора» рыскала по архипелагу в поисках «Баунти». Внезапно ночью у Боль-

шого Барьерного рифа она попала в шквал, ее бросило на рифы, и в образовавшуюся пробоину хлынула вода. Парус под пробоину подвести не удалось, помпы не справлялись. К семи утра вода подступала ко второй палубе. Пришлось спускать шлюпки.

Пленники метались по клетке, умоляя расковать их и пустить по шлюпкам. Эдварс поставил у клетки час вых и приказал стрелять, если кто-либо из бунтовщиков попытается выбраться наружу.

Уже занеся ногу над бортом, Эдварс обернулся к бунтовщикам:

— Будьте прокляты, собаки!

Жуткие крики погибающих догоняли моряков с «Пандоры». Люди старались делать вид, что не слышат их. Вдруг боцман Мультион не выдержал. Он попросил офицера, командующего шлюпкой, вернуться к кораблю. И офицер вернулся. Мультион взобрался на «Пандору» и стал железным ломом разламывать клетку. Судовой оружейник крикнул ему из шлюпки, что ключи от кандалов остались в его каюте. Капитан Эдварс уже отплыл далеко от тонущего корабля и не видел того, что происходило на «Пандоре».

История как бы еще раз проигрывала тему: Блай — Адамс, жестокость — благородство.

Пока Мультион бегал за ключами, «Пандора», сровнявшись бортами с водой, начала опрокидываться. Мультион спокойно, словно на суше, расковал одного за другим матросов. Стоя на палубе, они по очереди протягивали к нему руки. Шлюпка отошла от борта, чтобы не попасть в водоворот.

Освобожденные пленники прыгали в воду иплыли к шлюпке.

Мультион не успел расковать четверых пленников и погиб с ними вместе. Среди погибших был мичман Стюарт.

Погибая, потому что уступил свою очередь одному из матросов, Стюарт не знал, что Пегги уже несколько дней как умерла от горя. Она ничего не ела и лишь плакала, сидя на берегу. Девочку взяли и воспитали родственники.

Спасшиеся с «Пандоры» повторили путешествие Блая; правда, оно было короче и в шлюпках было достаточно припасов. 15 сентября жители голландской фактории на Тиморе вновь увидели шлюпки с английского корабля.

Суд над мятежниками состоялся в сентябре 1792 года. Трех активных участников бунта повесили. Мичмана Хейвуда, приговорив к смерти, затем помиловали.

Блай продолжал службу в королевском флоте и впоследствии несколько раз отличился. В 1795 году благодаря его решительности и жестокости было подавлено восстание в английской военной эскадре, стоявшей в устье Темзы. Он же произведен в капитаны второго ранга. В 1805 году он стал губернатором Нового Южного Уэльса в Австралии и через некоторое время драконовскими мерами довел колонию до восстания. Блая посадили в тюрьму, где он просидел два года, а затем выслан домой. После этого Блай был произведен в контр-адмиралы; в 1814 году, после победы над Наполеоном, стал вице-адмиралом. Умер Блай в 1817 году.

Он был еще жив, хотя и не у дел, когда обнаружили следы Адамса и Кристиена. В 1814 году английские фрегаты «Бритон» и «Тангус» подошли к острову Питкэрн, который считался необитаемым. Но оказалось, что часть острова распахана и недалеко от берега стоят аккуратные хижины. Несколько лодок прорвались сквозь полосу прибоя, и на борт фрегата поднялись высокие голубоглазые молодые люди. Они вежливо поздоровались с командиром и на довольно правильном английском языке спросили, не встречал ли он в Англии человека по имени Уильям Блай.

И тогда капитан фрегата понял, что через двадцать пять лет он случайно напал на след мятежников с «Баунти», которых давно считали погибшими.

— А знаете ли вы Флетчера Кристиена? — спросил капитан.

— Конечно, — ответил один из юношей. — Вот его сын Пятница-Флетчер-Октябрь Кристиен.

Оказалось, что к тому времени из десяти моряков в живых остался лишь Джон Адамс, старейшина небольшого поселка, населенного детьми моряков. Остальные погибли, причем по собственной вине.

Через некоторое время после прибытия на остров начались трения между англичанами и таитянами из-за женщин. Трагедии ревности, предательства, засады, чудесные спасения, когда любящие жены предупреждали мужей об опасности, привели к тому, что после периода «гражданских войн» в живых остались лишь Юнг и Адамс. Юнг умер в 1800 году. И Адамс решил посвятить остат-

ки дней своих тому, чтобы учить многочисленных детей своих товарищей всему, что знал.

Шло время, дети выросли, переженались, у них появились свои дети, но беспрекословное почитание вождя острова Джона Адамса привело к созданию странной патриархальной общины, известия о которой, когда достигли Англии, произвели фурор. Идеальное общество в затерянном мире — трагическая и трогательная история! Королева Виктория через несколько лет пошлет туда пианино, туда будут приезжать гости и миссионеры, слава об острове Питкэрн разнесется по всей Европе.

С тех пор в жизни острова произошло много событий. Бывали периоды, когда население его увеличивалось настолько, что остров не мог всех прокормить и его жителей вывозили то на Таити, то на Норфольк. Но по прошествии нескольких лет потомки беглецов с «Баунти» неизменно возвращались домой. Они живут там и сейчас — странное полинезийское племя с фамилиями Мак-Кой, Адамс, Кристиен, Юнг...

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Приватеры и корсары

Англо-французские войны в Индии, разразившиеся в середине XVIII века, не только привели к окончательному крушению европейского «вольного пиратства» в Индийском океане, но и возвестили о начале новой колониальной эры. Французские и английские полки сражались на равнинах Южной Индии не ради создания новых факторий и баз, а с целью прямого захвата княжеств и султанатов.

Пиратов в Индийском океане сменили корсары и приватеры. Среди них особенно выделялись французские корсары, продолжившие традиции Жана Бара и его сподвижников по подвигам в Ла-Манше и на Атлантическом побережье в конце XVII века. Корсары подчинялись строгим законам, по которым они должны были приводить захваченный корабль в порт и продавать его там на аукционе. Им доставалась лишь часть добычи, в то время как львиную долю получали владельцы корабля и государственная казна.

Корсарство не могло существовать в мирное время. Уже миновали годы, когда в Индийском океане безраздельно господствовало право сильного. Теперь в передышках между войнами корабли конкурирующих Ост-Индских компаний смело заходили в чужие порты и бросали якоря у чужих факторий. Их не грабили — для расправы с конкурентами приходилось искать иные, более сложные, но порой не менее жестокие пути. Зато когда начиналась война, торговые корабли становились законной добычей для любого охотника, будь

он военным кораблем либо специально снаряженным для такой цели корсаром.

В годы первой англо-французской войны в Индии, в середине XVIII века, корсарство было не очень развито, но в конце века корсары заставили о себе говорить.

В 1789 году во Франции началась революция. Вскоре на страну со всех сторон двинулись армии врагов. Франция оборонялась сразу на нескольких фронтах. Вновь вспыхнула война и в Индийском океане: англичане хотели воспользоваться случаем, чтобы полностью изгнать из этого района французов, в руках которых после первой войны осталось лишь несколько факторий на побережье Индии и ряд островов в центре Индийского океана. Впоследствии в войну вступила Голландия, попавшая в зависимость от Франции. В эти годы французский военный флот был значительно слабее английского, и потому так важны стали для Франции действия ее корсаров.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Робер Сюркуф

Мир рыбаков и матросов Дюнкерка и Сен-Мало дал Франции многих корсаров. С именами Жана Бара, Жака Кассара, Труина и Сюркуфа связаны

не только пиратские подвиги, но и слава французского флота. Первые трое сражались в XVII веке в Ла-Манше и Бискайском заливе. Сюркуф жил значительно позже, и, не будь революции и войны, оставаться ему работорговцем или, может быть, пиратом средней руки. Знаменитостью его сделали чрезвычайные обстоятельства.

Робер Сюркуф происходил из богатой семьи моряков Сен-Мало. Богатство было особого рода: прадедом и тезкой нашего героя являлся известный корсар начала XVIII века Робер Сюркуф, воевавший у берегов Перу. С материнской стороны его близким родственником был Ла Барбине, разбогатевший в корсарских походах.

Мальчику хотели дать достойное буржуазное образование, но непоседливый Робер в 1789 году, в возрасте пятнадцати лет, записался добровольцем на корабль «Аврора», уходивший в Индийский океан. Семья должна была довольствоваться обещанием старого знакомого, капитана «Авроры» Тардиве, присмотреть за юнгой.

«Аврора» слыла «честным» торговым кораблем, не имевшим никакого отношения к пиратам или к разбойникам. С сегодняшней точки зрения, однако, капитан Тардиве и его экипаж были преступниками самого отвратительного толка, и опыт, почерпнутый юным Сюркуфом во время этого путешествия, вряд ли можно признать полезным.

На пути к французским владениям в Индийском океане «Аврора» пристала к африканскому берегу в месте, где возвышалась приземистая старинная португальская крепость. К кораблю под-

плыл на шлюпке толстый самоуверенный португалец, которого капитан Тардиве, вежливо поддерживая под руку, провел к себе в каюту. На следующий день на борт «Авроры» были доставлены шестьсот рабов, предназначенных для плантаций острова Бурбон. Роберу, который помогал загонять невольников в специально оборудованные для перевозки живого товара трюмы, капитан объяснил, как важны эти работники для плантаций французских островов. Робер запомнил: он отличался деловым складом характера и завидным самообладанием.

Неподалеку от мадагаскарского берега «Аврора» попала в шторм. Ее отнесло к западу и разбило о скалы Африки. Капитан, команда и пассажиры, ехавшие в колонии, были спасены. Рабов оставили на борту. Никто не догадался в суматохе отпереть люки трюмов.

Через несколько дней шторм утих, и моряки вернулись к разбитому кораблю. Капитан Тардиве полагал, что «Аврору» можно будет починить, но для того чтобы в этом убедиться, следовало проникнуть в трюмы и исследовать днище.

Люки открыли с трудом, потому что груда трупов, словно рой ос, была привалена к люкам снизу: люди старались пробиться к тонкой щели — единственному источнику воздуха. Взломать люки невольники не смогли: на работорговых судах они обшивались железом.

Когда все трупы, наконец, выбросили в море, оказалось, что починить «Аврору» не удастся. Пришлось нанять арабскую фелюгу, чтобы плыть на ней дальше. Капитан был доволен Сюркуфом,

который показал себя в уборке трупов с лучшей стороны. Капитан не унывал. Убытки велики, но их всегда можно возместить — негров в Африке достаточно.

На Иль-де-Франсе капитан расстался с пассажирами и получил под командование другой корабль — «Реванш». Тардиве уже знал, что может положиться на Робера, и взял его к себе вторым помощником. Проплавав с Тардиве чуть больше года, Сюркуф решил бросить капитана — тот был неудачлив. Его преследовали бури, крушения, убытки. Сюркуф нанялся на другое работорговое судно и еще несколько месяцев изучал ремесло — покупал и перевозил невольников.

Сюркуфу уже семнадцать. Он два с лишним года плавает в Индийском океане. Ему надоело помогать другим богачам, оставаясь бедным. Но кто здесь доверит корабль мальчишке? И Сюркуф возвращается во Францию. Там он обращается к родственникам и друзьям, уговаривает их купить небольшой бриг «Креол» и сделать его капитаном. И в 1792 году он вновь отправляется в Индийский океан.

Сюркуф знал, что Конвент революционной Франции отменил рабство и объявил работорговлю незаконной. Указ об этом был направлен и губернатору острова Бурбон. Но то, что было понятно членам Конвента в Париже, казалось нарушением всех норм жизни плантаторам французских владений в Индийском океане. Отмена рабства грозила плантаторам разорением. Поэтому единственной реакцией на постановление Конвента было повышение цен на рабов. А губернатор,

опубликовав декларацию, тут же закрыл глаза на работорговлю.

К тому времени, когда Робер Сюркуф вернулся на своем бриге, ситуация в работорговле несколько изменилась. В дело вмешались англичане. Не потому, что они были явными противниками рабства — в их колониях тоже использовались невольники. Но коль скоро Англия находилась с Францией в состоянии войны, англичане организовали блокаду французских владений в Индийском океане, и она оказалась куда эффективнее, чем постановление Конвента и неискренние запреты губернатора. В результате несколько кораблей, перевозивших рабов из Африки, были задержаны и конфискованы англичанами. Сюркуф, как и другие работорговцы, счел более благоразумным отсиживаться в Бурбоне, а не рисковать бригом.

Возмущенные плантаторы, однако, требовали более активных действий. Всем было известно, что силы англичан невелики и что им приходится рассредоточивать корабли по всему океану, охраняя свои коммуникации от Калькутты до мыса Доброй Надежды. Под давлением плантаторов губернатор Бурбона согласился на то, чтобы все наличные французские суда, усиленные добровольцами, совершили нападение на английский блокирующий отряд. В распоряжении французов были два военных фрегата, кроме того, удалось вооружить два больших торговых судна, на одном из которых, «Жане Барте», ушел и доброволец Робер Сюркуф. Бой окончился успешно — английская блокада снята, и французы перешли в наступление.

После этого боя Сюркуф понял, что куда выгоднее, а главное, благороднее заниматься ремеслом корсара, чем возить в трюмах рабов из Африки. И он решил начать охоту за английскими торговыми судами.

Однако здесь возникли трудности. Чтобы получить патент корсара, следовало внести залог и найти поручителей. Это делалось для того, чтобы под видом корсаров в море не уходили мелкие разбойники, которым было все равно, на кого нападать, и которые чаще угрожали собственному, чем враждебному, судоходству.

Судя по последующим событиям, у Робера были на Реюньоне (так с 1794 года стал называться остров Бурбон) не только друзья, но и враги. Ехать же в поисках денег во Францию стало невозможно: Сюркуф уже исчерпал там кредит. За месяцы, проведенные в порту, он тоже не разбогател. И потому Сюркуф решает совершить еще несколько рейсов в Африку за рабами, чтобы заработать денег на залог.

В этом не было ничего удивительного, поскольку после снятия английской блокады работорговцы возобновили рейды в Африку и никто их за это не преследовал. Но, вероятно, Сюркуф чем-то не угодил губернатору. Не успел он выйти в море, как последовал приказ: «Креола» по возвращении немедленно задержать и капитана арестовать как работорговца и злостного нарушителя Декларации прав человека. Возможно, впрочем, что губернатор решил пожертвовать юным моряком, чтобы продемонстрировать Парижу свое служебное рвение.

Известие об ордере на свой арест Сюркуф получил от друга, придя на Мадагаскар. Иной бы отказался от покупки рабов, но Сюркуф набил трюмы невольниками и спокойно проследовал к Реюньону. Правда, он принял меры предосторожности. Верные люди должны были ждать его ночью у одной из бухт острова, куда «Креол» и приблизился. Невольников отправили на берег на шлюпках, а Сюркуф на следующий день смело вошел в порт и бросил якорь. Полиция ждала Сюркуфа. Власти действовали даже расторопнее, чем Робер ожидал. Команда не успела привести трюмы в порядок, как комиссар полиции с помощниками взшел на борт брига и, осмотрев его, предложил капитану следовать за ним в тюрьму.

Отрицать свое участие в работоторговле было бы трудно: низкие нары, снабженные ножными кандалами; котлы для варки риса, которым кормили рабов. Да и в трюме стоял специфический запах — след многодневного пребывания в душной тюрьме двух сотен измученных людей.

Сюркуф не стал спорить. Он лишь позволил себе пригласить комиссара и его спутников в каюту, чтобы позавтракать, ибо хозяину и гостям предстоял долгий и трудный день. Стол в каюте ломился от яств, и проголодавшийся комиссар проявил естественную человеческую слабость.

Пока Сюркуф поил гостей, его помощники, следуя инструкции, принялись за дело. Сначала один из них, сославшись на приказ комиссара, отослал на берег шлюпку, на которой полицейские прибыли на «Креол». Затем был поднят якорь и поставлены паруса. Все приказы отдавались шепотом, и

многочисленная, хорошо вооруженная команда судна действовала дружно и слаженно. Потом пришлось пережить тревожные минуты, пока бриг проходил под самым бортом французского фрегата и под пушками береговых батарей, стерегущих вход в порт. Наконец «Креол» оказался в открытом море.

Когда океанская качка стала заметной, комиссар встревожился и потребовал, чтобы его выпустили на палубу. Берег был еще ясно виден, но помощи оттуда ждать не приходилось. Взбешенный комиссар забыл о щедром угощении и потребовал, чтобы его немедленно отвезли обратно в порт, иначе Сюркуфа ждут большие неприятности. Стоявшие вокруг матросы с пистолетами и мушкетерами, однако, не проявляли признаков страха, растерянности или желания подчиниться приказу.

Двадцатилетний капитан вежливо ответил комиссару, что именно нежелание подвергать себя большим неприятностям заставило его решиться на небольшую морскую прогулку. Более того, теперь он намерен вернуться за новой партией рабов к африканскому берегу, где и оставит комиссара и его спутников. Ибо тем, кто так заботится о свободе негров, несомненно, будет приятно провести остаток своих дней в их обществе. А пока «Креол» идет к Африке, он в полном распоряжении гостей, которые могут пользоваться его кухней, винным погребом и прочими услугами.

До вечера бушевал комиссар, но бриг держал курс в открытое море. Сюркуф ждал темноты, чтобы незаметно повернуть обратно: в его планы

визит к берегам Африки не входил. К вечеру начался шторм, и комиссару пришлось пережить неприятные часы, когда бриг кидало с волны на волну. Это сделало комиссара более стоворчивым. Он разорвал уже заготовленное обвинение Сюркуфа в работорговле и похищении должностного лица и составил акт, в котором информировал губернатора, что тщательный осмотр судна доказал полную беспочвенность обвинений гражданина Сюркуфа в работорговле. Более того, когда случайно оборвался якорный канат и «Креол» был унесен в море, комиссар провел несколько дней в компании Робера Сюркуфа и может засвидетельствовать его высокий профессиональный и моральный уровень.

Сюркуф отпустил пленников через неделю. Он стоял у берега и торговался с правительством острова, пока не получил полного прощения. Тогда он расстался с комиссаром.

Власти Реюньона выполнили соглашение: Сюркуф остался на свободе. Его лишь предупредили, что следующая попытка отправиться в Африку за рабами кончится плохо. А когда Сюркуф обратился к губернатору за разрешением на корсарство, тот отказал ему. Мальчишку можно было простить, но помогать ему губернатор не намеревался.

Сюркуф не стал спорить. Он снова вышел в море, но не на «Креоле», а на «Скромнице» — быстрой шхуне водоизмещением менее двухсот тонн, вооруженной четырьмя шестифунтовыми пушками. Сюркуф решил все же стать корсаром, а тихоходный «Креол» не был приспособлен для

пиратских набегов. Решение, принятое Сюркуфом, ставило его в положение пирата. Поэтому в первые дни плавания команда «Скромницы» — тридцать человек — не была в курсе планов капитана.

Чтобы не обострять отношений с губернатором, Сюркуф подрядился взять на Сейшельских островах груз риса и черепаховых панцирей. Но поблизости дежурили два английских корабля, и пришлось уйти в море, не взяв груза. Тогда Сюркуф и объявил команде, что собирается стать корсаром. Матросы полностью поддержали капитана, и Сюркуф направился на восток, потому что в западной части океана было больше английских военных судов, встреч с которыми Сюркуф избегал.

Долгое время никого не удавалось найти — то жертва была не по зубам, то ускользала от молодого пирата. Наконец догнали и захватили без всякого сопротивления небольшой английский корабль «Пингвин», который шел с грузом тика из Бирмы в Индию. Сюркуф посадил на него призывную команду и направил трофей своим ходом на Реюньон. Этим поступком Сюркуф объявлял своим друзьям и недругам, что намерен оставаться в рамках закона.

Следующий трофей Сюркуфа был куда более ценным, чем первый, — голландский корабль, груженный рисом, перцем, сахаром и слитками золота. Когда Сюркуф объявил, что голландец тоже будет отправлен в Реюньон, на «Скромнице» поднялся ропот. Сюркуф, однако, сумел убедить команду в том, что чистое пиратство уже изжило себя. Рано или поздно, говорил он, они попадутся

и погибнут. Зато как корсары они имеют право и на долю в добыче, и на убежище, и, наконец, на славу и уважение. Кораблю всегда нужна база и возможность распорядиться добычей. Но где можно продать восемьсот тонн риса и двести тонн перца, не возбудив подозрений? Пусть же торгует товарами французское правительство, и да здравствует республика!

Осмелев, Сюркуф взял курс на север, к устью Ганга, и 19 января 1796 года увидел там караван из трех судов. Два торговца следовали по фарватеру вслед за лоцманским бригом к Калькутте. Сюркуф поднял английский флаг и спокойно приблизился к каравану. Когда до лоцманского брига оставалось несколько метров, французы выстрелили из пушки, и лоцманы поспешили сдаться: они никак не ожидали встретить врага у самых стен Калькутты. Не составило труда захватить и остальные корабли.

Лоцманский бриг был крепким, новым судном, и Сюркуф перенес на него пушки и свой флаг. Теперь уже четыре корабля, принадлежащих Сюркуфу, ползли по океану к Реюньону. Его собственная команда не была ослаблена отделением призовых групп, потому что на каждом из захваченных кораблей нашлось несколько моряков, согласных присоединиться к корсарам, и Сюркуф взял их к себе на борт.

Переименовав лоцманский бриг в «Картье» — в честь земляка Сюркуфа, открывателя Ньюфаундленда, — капитан вновь отправился в путь и вскоре захватил большой корабль «Диана», груженный рисом. Приз был настолько велик, что Сюр-

куф решил не искушать судьбу и конвоировать его домой сам, тем более что он не имел вестей с Реюньона и не знал, добрались ли туда захваченные ранее корабли.

На следующий день, впрочем, Сюркуфу пришлось отказаться от своего замысла: он увидел стоявший на якоре большой корабль под английским флагом, вооруженный множеством пушек. Казалось бы, Сюркуф должен был поспешить в открытое море: на борту брига оставалось менее двадцати моряков, остальные стерегли команду «Дианы». Но корсар решил извлечь выгоду из явной невыгоды своего положения. Дело в том, что большинство команды «Дианы» составляли ласкары — индийские матросы, которые славились как отчаянные моряки. Сюркуф приказал немедленно перевезти часть ласкаров на «Картье» и заменил ими своих людей у парусов. Теперь его корабль управлялся пленными матросами, а все французы были готовы к бою.

Сюркуфу даже не пришлось поднимать для маскировки английский флаг. С «Тритона», как назывался английский корабль, сразу узнали калькуттский лоцманский бриг и сигналами подозвали его поближе, чтобы узнать новости. Была середина дня, большинство команды и пассажиров «Тритона» находилось внизу, прячась от палящих лучей полуденного солнца. Ветер почти совсем упал. Сюркуф понял, что его смелый план удастся как нельзя лучше. «Картье» подошел к самому борту «Тритона», и Сюркуф во главе девятнадцати пиратов неожиданно перепрыгнул на палубу англичан. Первым делом пираты захлопнули люки, от-

резав команду внизу, и обезоружили вахтенных. Сто пятьдесят человек попали в плен к двадцати.

Правда, в последний момент капитан и несколько офицеров, из тех, кто был наверху, успели прыгнуть в шлюпку, спущенную у противоположного борта и потому не замеченную Сюркуфом. Однако шлюпка не успела уйти далеко. Огнем из пушечек капитан и два матроса были убиты, остальные сдались.

На «Тритоне» находилось двадцать шесть пушек и много ценных грузов. Сюркуф был вынужден решать известную задачу о волке, козе и капусте, ибо с помощью двадцати спутников он намеревался провести через половину океана три корабля с двумя сотнями пленников. Выиграл в этой ситуации капитан «Дианы». Сюркуф вызвал его к себе и предложил отпустить его за выкуп при условии, что он возьмет на борт команду и пассажиров «Тритона». Английский капитан тут же согласился на все условия и даже уступил Сюркуфу сверх договоренности часть ласкаров.

Через несколько дней показался Реюньон. На подходе к порту на обоих кораблях были подняты французские флаги: Сюркуф не хотел попасть под огонь своих же батарей. Брошен якорь. Молодой капитан приказывает спустить шлюпку, а сам внимательно смотрит, стоят ли в гавани его призы? Да, вот он узнает один корабль, другой, третий...

В тот же день Сюркуф был поставлен в известность не забывшим недавнего унижения комиссаром полиции, что по приказу губернатора Маларте все его призы конфискованы и обращены в соб-

ственность республики, так как Сюркуф не является корсаром. Правда, ему объявлены прощение и благодарность за то, что с его помощью колония избегла голода и казна значительно обогатилась. Если же Сюркуф будет жаловаться, то губернатор распорядится арестовать его и судить как пирата.

Губернатор, видимо, рассчитывал на то, что пират смирится с потерей: Франция далеко, а большинство денег за продажу трофеев осело в карманах чиновников. Однако возмущенный Сюркуф не сдался и на первом же корабле отправился во Францию.

На его счастье, Директория весьма благожелательно рассмотрела его жалобу. Возможно, сыграли свою роль письма врагов губернатора, привезенные Сюркуфом, может быть, произвели впечатление цифры трофеев и обещания не меньших прибылей в будущем, да и сам Сюркуф мог произвести благоприятное впечатление на членов Директории, нуждавшихся в средствах и желавших развить каперство в прежних масштабах, когда подвиги Жана Барта наносили значительный ущерб врагам Франции. Осудить Сюркуфа значило испортить отношения с другими корсарами, да и с судовладельцами, которые предоставляли корсарам корабли и снаряжение.

Сюркуфу присуждались двадцать семь тысяч ливров из стоимости проданных товаров; в соответствии с законом награждались и другие участники рейда. Основанием для такого решения было то, что Сюркуф в свое время по всем правилам обращался с просьбой выдать ему патент на корсарство и не получил его не по своей вине.

А Сюркуф, пока шло судебное разбирательство, влюбился в Мари Блез, красавицу из зажиточной бретонской семьи, и заявил, что намерен в дальнейшем жить на берегу, чтобы не выпускать из виду прекрасных глаз своей возлюбленной. Правда, счастье длилось не столь долго, как хотел бы молодой пират, ибо его добыча значительно уступала состоянию семьи Блезов и другие соискатели руки Мари Блез, хотя и не были столь красивы и мужественны, как корсар, превосходили его богатством. Тогда Сюркуф взял с возлюбленной слово, что она дождетя его, и в июле 1798 года отправился в поход за деньгами, чтобы удовлетворить претензии семейства Блезов.

Сюркуф покидал Нант на «Клариссе», специально построенной как корсарский корабль. «Кларисса» была сравнительно невелика, но очень быстроходна, вооружена четырнадцатью двенадцатифунтовыми пушками, и ее экипаж насчитывал сто сорок человек — испытанных моряков, рыбаков и контрабандистов. Старшим офицером был назначен младший брат Сюркуфа — Никола.

Будущий тесть приехал в Нант, осмотрел «Клариссу» и, убедившись в серьезности намерений Сюркуфа, пожелал ему доброго пути, поклявшись, что последит, чтобы невеста дождалась возвращения Робера. Комиссар Директории в Нанте торжественно вручил Сюркуфу документы, из которых явствовало, что он находится на службе республики в качестве корсара, а также набор республиканских флагов и вымпелов.

Несмотря на торжественные проводы и уве-

ренность матросов в том, что десятки английских кораблей сдадутся, как только увидят трехцветный флаг Сюркуфа, добыча избегала корсара. Желая оправдать свою репутацию, обычно осторожный Сюркуф приказал напасть на первый же английский корабль, встреченный у берегов Африки, несмотря на то, что тот был велик и хорошо вооружен. Артиллерийская дуэль продолжалась три часа, и «Клариссе» пришлось покинуть поле боя, лишившись фок-мачты. К счастью для корсаров, англичане в этом бою также потерпели значительный урон и преследовать противника не стали.

Пришлось зайти в Рио-де-Жанейро, чтобы поставить новую мачту и паруса. Там же улыбнулось счастье. У берега был захвачен небольшой бриг, на который Сюркуф перевел офицера и шестерых матросов, приказав им вернуться на трофее в Нант и поведать о начале победного шествия по морям. С офицером Сюркуф отправил и письмо возлюбленной. Письмо написал младший брат: Робер ненавидел всяческую писанину.

Губернатор Маларте был вынужден принять своего врага и признать его документы. Сюркуф мог торжествовать: губернатор вновь унижен.

В следующем году Сюркуф крейсировал у берегов Суматры. После тяжелого боя он захватил два английского корабля, потом задержал датский корабль (под предлогом того, что на его борту были товары, принадлежавшие англичанам), без единого выстрела овладел большим португальским судном с грузом пряностей и пошел в Бенгальский залив, где за четыре года до того столь

блистательно победил «Гритона». Он полагал, что англичане будут искать его восточнее, а он тем временем сможет безнаказанно действовать у самых ворот Калькутты.

Сюркуфу действительно удалось захватить здесь два судна и отправить их на Реюньон; однако через месяц после начала действий у Ганга его выследил английский фрегат «Сибилла». Началась погоня, во время которой Сюркуф приказал бросить за борт часть пушек, чтобы облегчить «Клариссу». Наступила ночь, и в темноте «Клариссе» удалось скрыться от погони.

Эпизод с «Сибиллой» показывает, что Сюркуф, упоенный успехами, стал беспечнее относиться к опасности. Когда утром выяснилось, что «Кларисса» ушла от погони, корсары сразу успокоились и, вместо того чтобы покинуть опасную зону, вернулись на старое место. И тут же, словно по волшебству, в лучах поднявшегося солнца показались паруса торгового корабля.

Сюркуф приказал догнать его. Корабль поднял американский флаг. Тем хуже для него: если он идет в Калькутту, значит, торгует с англичанами. Сюркуф дал предупредительный выстрел и велел команде готовиться к абордажу. Американец послушно спустил паруса. Казалось, богатая добыча сама идет в руки.

Одного не учел Сюркуф: «Сибилла» не ушла далеко. Предупредительный выстрел, далеко разнесшийся по гладкой поверхности океана, был истолкован ее капитаном правильно: значит, корсар не бежал, а снова вышел на охоту. «Сибилла» бросилась на выстрел, и Сюркуф, узнавший издали

паруса своего врага, оставил американца и повернул в открытое море.

Но и на этот раз Сюркуф не ушел из Бенгальского залива. Встречи с «Сибиллой» произошли 29 и 30 декабря 1799 года, а уже в первый день нового года корсар совершил удивительный по дерзости набег.

В Калькутте знали о присутствии Сюркуфа, и потому, когда английский корабль «Джейн» вышел в море, направляясь в Бомбей, он не решился идти в одиночку, а подождал, пока к нему присоединятся два больших корабля, следовавших тем же курсом. В устье Ганга тревогу англичан усилил американский корабль, капитан которого рассказал, как чудом спасся от французского корсара.

Так и шли все вместе. Днем встретили «Сибиллу», которая продолжала поиски Сюркуфа. Ночь прошла спокойно. На рассвете капитан «Джейн» увидел, что его корабль отстал миль на пять от двух других кораблей, но это его не очень беспокоило, потому что в случае опасности те всегда могли вернуться. И тут показался незнакомый парус. Незвестный корабль приблизился весьма осторожно. Это была «Кларисса». Поняв, что перед ним торговцы, Сюркуф направился к отставшей «Джейн», капитан которой тут же приказал палить из пушки, чтобы привлечь внимание остальных судов. Но те, хотя и слышали выстрелы, предпочли продолжать путь. «Джейн» была оставлена на произвол судьбы, всего с одной шестифунтовой пушкой. Неравный бой продолжался до тех пор, пока на «Джейн» оставались ядра. По-

следний выстрел сделали, зарядив пушку мушкетными пулями.

Налетел неожиданный шквал, и большие английские корабли, все еще продолжавшие делать вид, что ничего не случилось, вынуждены были убрать часть парусов. Капитан «Джейн» приказал парусов не убирать. Казалось, «Джейн» вот-вот догонит трусливых спутников, но Сюркуф тоже не сбавлял хода и вскоре настиг и захватил «Джейн».

Сюркуф был горд этим боем: ведь он вел его на глазах больших английских кораблей и каждую минуту могла появиться «Сибилла» или какой-нибудь другой английский фрегат. Капитану «Джейн» Сюркуф великодушно вернул шпагу — тот сражался до последней возможности. Потом спросил: а что это за корабли на горизонте? Почему не пришли на помощь? Англичанин ответил, что это его соотечественники. Сюркуф сказал: «Если бы они попались мне в руки, я повесил бы их за предательство».

Вместе с «Джейн» и захваченным ранее кораблем, который дрейфовал в открытом море, ожидая корсара, Сюркуф пошел к Реюньону. «Кларисса» была сильно потрепана боями и непогодой, но тем не менее, когда на обратном пути встретились два американских корабля, Сюркуф предложил им сдаться. Один из американцев спустил флаг, другой после короткой перестрелки сумел уйти.

Сдав призы, Сюркуф поспешил в море. На этот раз ему пришлось оставить в порту «Клариссу» — ее ремонт требовал времени. Судовладельцы наперебой предлагали свои корабли удачливому корсару, и Сюркуф тут же вышел в море на «Уве-

ренности», причем, помимо команды из ста человек, губернатор по собственной инициативе выделил ему двадцать пять солдат — лучших стрелков острова.

В это время отделился от Сюркуфа его младший брат. Он тоже решил попытать счастья и приобрел небольшой корабль для самостоятельного плавания.

Счастье не сопутствовало Никола Сюркуфу, который, захватив всего один корабль, в ноябре 1800 года был побежден в бою английским фрегатом и попал в плен к англичанам. Захватили англичане и «Клариссу», которая во второй половине года вышла в плавание под командованием другого корсара.

Робер же ушел на Иль-де-Франс, где переоборудовал свое новое судно, чтобы можно было не опасаться английских фрегатов, и провел учения команды. Бенгальский залив патрулировали англичане, у Суматры дежурил американский фрегат «Эссекс» — возможности корсаров в Индийском океане с каждым днем сокращались. Поразмыслив, Робер отправился к цейлонским берегам. В первые же дни удалось захватить несколько английских судов, груженных пряностями и другими товарами. Трофеи были столь велики, что Сюркуф обратился к запрещенному методу: вместо того чтобы отвозить призы во французские владения, он брал с них выкуп. Но даже при том, что несколько кораблей было отпущено, команда Сюркуфа уже через неделю уменьшилась почти вдвое. С этой командой удалось захватить большой, переделанный из военного фрегата и соот-

ветственно вооруженный английский корабль «Кент». В английских газетах помещались ужасные рассказы о зверствах Сюркуфа, но они были в основном домыслами газетчиков, не желавших примириться с безнаказанностью французского корсара.

Теперь можно возвращаться домой и просить руки прекрасной Мари Блез. Распродав товары и получив свою долю, Сюркуф повел «Уверенность» к берегам Франции.

Свадьба Мари Блез с корсаром, капитал которого составлял два миллиона франков, состоялась в Сен-Мало. К этому торжеству гражданин Робер Сюркуф получил подарок от правительства Франции — патент на офицерский чин. Нельзя сказать, чтобы эта честь порадовала Сюркуфа, но его родственники были довольны, потому что уже двести лет высшим признанием заслуг корсара во Франции считалось внесение его в списки офицеров флота. Правда, в то время наступил мир с Англией и услуги Сюркуфа Франции не требовались. Однако мир длился недолго. Снова началась война, и Сюркуф был вызван в Париж, где стал одним из первых кавалеров ордена Почетного легиона. При личной встрече с Наполеоном Сюркуф получил предложение принять под свою команду небольшую эскадру быстроходных судов для охоты за торговыми судами англичан в Индийском океане. Предложение лестное, но корсар отказался. Дело в том, что командовал всем французским флотом в Индийском океане адмирал Линуа, а Сюркуф был о нем низкого мнения. Наполеон не стал настаивать, тем более что Сюркуф обещал на

свой счет вооружить несколько каперских судов и отправить их в море. Одним из кораблей командовал младший брат, которого удалось выручить из английского плена во время краткого мира.

Так Сюркуф остался во Франции и лишь стриг купоны с прибылей своих пяти кораблей. Но в 1806 году пришло известие о поражении адмирала Линуа и взятии его в плен англичанами. Как только Сюркуф узнал, что этот близкий друг губернатора Маларте потерпел поражение, он тут же вышел в море на специально оборудованном корабле водоизмещением четыреста тонн. Теперь, когда он был предоставлен самому себе, Сюркуф решил еще раз попытаться счастья. На пути вокруг Африки Сюркуф, придававший большое значение подготовке экипажа, по несколько часов в день учил моряков стрелять из пистолетов и драться на шпагах. Он даже не пожалел денег на то, чтобы нанять специальных инструкторов, понимая, что в корсарском ремесле главное — уметь брать корабли на abordаж.

Прибытие Сюркуфа в Индийский океан было встречено французами с энтузиазмом. К этому времени английская блокада практически прервала все связи с Европой, и французским владениям в Индийском океане угрожал голод. От Сюркуфа ждали, что он в одиночку прорвет блокаду и обеспечит острова продовольствием. И он постарался оправдать ожидания соотечественников. Уже само его имя стало залогом успеха. Английские торговцы готовы были сдаться Сюркуфу без боя, да и военные фрегаты предпочитали в одиночку не встречаться с ним.

За три осенних месяца 1806 года Сюркуф захватил и привел на острова четырнадцать английских кораблей с рисом. Опасность голода была устранена, а Сюркуф получил свою долю от продажи кораблей, которая увеличила его состояние еще на несколько сот тысяч франков. Размер потерь англичан отражен в докладной записке калькуттских торговцев английскому Адмиралтейству от 10 декабря 1807 года, в которой утверждается, что страховые компании были вынуждены уплатить собственникам английских кораблей, пострадавших от действий корсаров, почти триста тысяч фунтов стерлингов.

Но и англичане не теряли времени даром. Французские корсары, ободренные примером Сюркуфа, потеряли осторожность и вскоре один за другим стали жертвами английских военных эскадр. Кроме того, были потоплены либо взяты в плен почти все французские военные корабли, которые охраняли коммуникации или сами охотились за английскими торговцами. Военные силы французов уменьшились настолько, что губернатор приказал офицеру французского флота Сюркуфу передать свой корабль правительству в качестве военного фрегата. После этого, не в силах отказаться от мести старому врагу, он назначил Сюркуфа командиром изношенного линейного корабля «Карл».

Фрегат Сюркуфа ушел в корсарский рейд под командованием старого спутника и помощника Сюркуфа — Потье, а сам он скрепя сердце был вынужден перейти на «Карла». Формально трудно было жаловаться: мало кто из корсаров мог по-

хвастаться тем, что в тридцатилетнем возрасте стал командиром линейного корабля. Унизительным не само назначение, а задание, которое получил Сюркуф.

Дело в том, что Потье нагнал у берегов Индии и после тяжелого боя захватил громадный португальский корабль «Зачатие святого Антония» водоизмещением тысяча пятьсот тонн и с командой, превышавшей пятьсот человек. Сюркуфу было приказано отвезти пленных во Францию. Такое задание в момент, когда каждый французский моряк нужен на месте, можно объяснить лишь ненавистью губернатора к счастливому корсару. Команда линейного корабля «Карл» была сбродом, списанным с других кораблей, причем чуть ли не половину ее составляли португальцы, которые в свое время попали в плен и согласились служить Франции. Сюркуф пытался убедить губернатора, что с такой командой и таким числом пленных на борту корабль скорее всего кончит свой путь в Лиссабоне уже в качестве португальского судна, а сам Сюркуф и его офицеры будут выброшены за борт. Губернатор отказался слушать Сюркуфа. Он не имел ничего против такого конца корсара.

Тогда Сюркуф принял вызов. 21 ноября 1807 года он вышел в море в сопровождении лоцманского судна. Как только корабль покинул бухту, Сюркуф приказал лоцманскому судну подойти к «Карлу» и, угрожая утопить его, передал на борт маленького корабля большинство португальцев. Теперь опасность бунта уменьшилась.

Путешествие во Францию заняло больше года. Несколько раз Сюркуфу лишь чудом удавалось

ускользнуть от англичан. К глубокому разочарованию губернатора, весенняя почта 1809 года принесла сообщение о том, что линейный корабль «Карл» под командованием Робера Сюркуфа благополучно прибыл во Францию.

С тех пор Сюркуф уже не выходил на корсарский промысел.

Это не значит, что он полностью порвал со старым ремеслом. Он снаряжал за свой счет корсаров, подбирал команды, и считается, что девятнадцать его кораблей одновременно уходили в пиратские рейды. А когда в 1814 году был заключен мир, Сюркуф присягнул на верность новому королю и, сняв с кораблей пушки, превратил их в торговые суда. Несколько самых крупных из них, переоборудовав, он послал к Мадагаскару для торговли неграми. Декларация прав человека после реставрации была благополучно забыта, а рабы для сахарных плантаций требовались, как и прежде.

Сюркуф умер в 1827 году в окружении детей и родственников, будучи одним из самых богатых и солидных судовладельцев Франции.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Коммодор Ламберт

Наполеоновские войны оказались удобным предлогом для англичан, имевших к тому времени значительный перевес на море над соперниками, чтобы реализовать территориальные приобретения. И действия отдельных французских корсаров, как бы успешны ни были, изменить общей ситуации не могли.

К исходу наполеоновских войн Франция лишилась большинства владений в Индийском океане. То же случилось с Голландией — союзницей Франции.

Уже в 1800 году английская эскадра блокировала Батавию, однако для высадки сил не хватило. Попытки прибывшего на Яву в 1808 году в качестве генерал-губернатора горячего поклонника Наполеона маршала Дэндельса укрепить военное положение Нидерландской Индии, восстановить разгромленный англичанами флот, создать «туземную» армию привели лишь к разорению колонии и обострению отношений голландцев с независимыми и полузависимыми султанатами.

В течение нескольких лет англичане ограничивались блокадой Явы, но в 1810 году генерал-губернатор Британской Индии лорд Минто получил из Лондона приказ овладеть последним крупным оплотом наполеоновской коалиции в Индийском океане.

В начале августа 1811 года английский флот из ста кораблей, имея на борту более двенадцати тысяч солдат десанта, подошел к Батавии. Из-за

ошибок бездарного французского генерала Жюмеля, который командовал обороной города, Батавия пала мгновенно. Голландский генерал-губернатор Янссенс (Дэндельс к этому времени был отозван в Европу) отступил в Центральную Яву. Но и там ему не удалось продолжить сопротивление: агитация англичан привела к тому, что «туземные» солдаты колониальной армии перебили многих голландских офицеров, и генерал-губернатору пришлось просить мира.

Таким образом, к 1812 году англичане стали безраздельно господствовать на всем Индийском океане.

На этом этапе пиратство в том виде, в каком оно существовало еще в начале XVIII века, прекращается. Английский флот в Индийском океане стал настолько мощным, что бороться с ним пиратским кораблям было не под силу. С установлением мира исчезли и корсары. Британия надежно защищала свои владения.

Но пиратство полностью не исчезло. Оно приняло лишь новые формы и, как в XV — XVI веках, стало составной частью колониальной экспансии. В роли пиратов начали выступать в первую очередь сами англичане, а пиратские акты служить средством к увеличению империи.

В 1826 году, после первой англо-бирманской войны, Великобритания отняла у Бирмы основные порты, кроме Рангуна — молодого города, стоящего у дельты Иравади, основной реки Бирмы.

Рангун быстро рос. Через него из Бирмы вывозили рис, тиковое дерево, шеллак, драгоценные камни. В Рангуне обосновалась большая междуна-

родная колония торговцев и авантюристов, и первую скрипку в ней играли английские дельцы.

В 1851 году возник конфликт между рангунскими властями и британскими подданными. В Калькутту поступили жалобы от двух английских капитанов — Шеппарда и Льюиса. Капитаны были задержаны бирманцами, потому что против них имелись серьезные обвинения. Шеппард обвинялся в том, что убил бирманского лоцмана, а Льюис — одного из членов команды. Вина обоих доказана, но, поскольку они были британскими подданными, их лишь заставили уплатить штраф и выпустили из тюрьмы. И вот теперь капитаны, сообщая сумму штрафов, требовали вдвое большей компенсации.

Заняться урегулированием конфликта должен был английский комиссар, который сидел неподалеку, в порту Муолмейн, и заботился об интересах британских подданных в Бирме. Однако генерал-губернатор Британской Индии лорд Дальхузи решил, что лучше других разобрат, кто прав, а кто виноват, сможет коммодор Ламберт — заместитель командующего морскими силами Ост-Индской компании. Его и направляют в Рангун на фрегате королевского флота «Лисица».

Инструкции Ламберту были туманны, но никаких воинственных действий ему не дозволялось. Приказ гласил: «Направиться в Рангун для поддержания договора в Яндабо и коммерческого договора 1826 года (договоры, явившиеся следствием победы англичан в первой англо-бирманской войне), потребовать полной компенсации за несправедливости и оскорбления, которыми были под-

вергнуты вышеупомянутые британские подданные».

Бирманцы, мягко говоря, удивились, когда 25 ноября 1851 года в реку Рангун вошла английская эскадра, состоявшая из трех парусных и двух паровых военных кораблей во главе с фрегатом «Лишица».

Первая официальная встреча commodора состоялась не с бирманским губернатором, а с английскими купцами, у которых появление эскадры вызвало небывалый подъем: они поняли, что им представляется прекрасный случай потребовать от бирманцев возмещения за все, что было и чего не было.

Составление коллективной петиции из двадцати восьми пунктов, по которым купцы имели претензии к бирманцам, заняло целые сутки. Ламберт получил ее 27 ноября и на следующий день направил бирманскому двору ультиматум: сместить губернатора и вознаградить британских подданных. Выдвижение подобных требований не входило в данные ему инструкции, поэтому Ламберт решил на всякий случай подстраховаться. Уже на второй день по прибытии в Рангун он отрядил один из кораблей в Калькутту и не нем отправил своего переводчика с жалобами торговцев. В Калькутте удивились или сделали вид, что удивились. Переводчик объяснил свое появление следующим образом: «Коммодор, кажется, думает, что, когда генерал-губернатор Индии узнает о новых случаях дурного поведения губернатора Рангуна, он, генерал-губернатор, не будет считать удовлетворительным только разрешение дел

Шеппарда и Льюиса, а может предпринять дальнейшие шаги».

На заседании Индийского совета инициатива коммодора встретила возражения. Жалобы торговцев были явно вздорны и в большинстве явно надуманны, и члены совета высказали сомнение в необходимости и целесообразности новой войны. Ждали выступления самого генерал-губернатора. Казалось, он должен резче всех выступать против коммодора, ибо тот нарушил его письменные инструкции. Этого, однако, не случилось. Дальхузи заявил, что коммодор действовал «благо разумно», и члены совета были вынуждены замолчать.

В Рангун было отправлено письмо коммодору Ламберту: если ответ бирманского правительства вас не удовлетворит, погрузите на суда всех британских подданных и произведите эвакуацию их из Бирмы. Однако неожиданно для Ламберта послание из бирманской столицы гласило: все требования коммодора приняты, губернатор смещен, претензии торговцев будут благожелательно рассмотрены.

Тогда начинается следующее действие. Сначала — по сценарию для зрителей. Генерал-губернатор выступает с речью, в которой выражает полное удовлетворение ответом бирманского правительства. Все хорошо, Ламберту пора отправляться домой. Идет уже январь, и делать ему в Рангуне больше нечего. И тут, очевидно, начинается вновь действовать второй, негласный сценарий.

Ламберт не уходит, он чего-то ждет, он недоволен благоприятным развитием событий. Прибывает новый губернатор. Ламберт, как уверяют, ожи-

дал, что губернатор сразу отправится к нему на борт, чтобы засвидетельствовать свое почтение. На самом деле Ламберт этого ожидать не мог: Бирма все еще оставалась независимой страной. Тогда коммодор устраивает провокацию, послав к губернатору нескольких офицеров верхом на конях, в полдень. Все эти детали немаловажны. Во-первых, по бирманским обычаям, нельзя въезжать верхом во двор губернатора; во-вторых, губернатор ведет прием только утром; в-третьих, приехал не сам коммодор, а подчиненные ему офицеры. Требование, с которым они явились, также было вызывающим: уплатить компенсацию в десять тысяч рупий.

Губернатор, как и следовало ожидать, офицеров не принял. Ламберт счел это оскорблением и сделал то, что должен был предпринять лишь в случае отрицательного ответа бирманского двора: приказал всем британским подданным перейти на английские корабли.

Торговцы бросились на корабли, волоча тюки и сундуки с добром и деньгами. Ламберт тут же отправляет письмо британскому правительству: ввиду оскорбительного поведения нового губернатора по отношению к Великобритании он вынужден, по инструкции, полученной от своего начальства, прервать отношения с Бирмой и объявить блокаду. Затем Ламберт совершает пиратский набег. Он давно уже присмотрел среди судов, стоявших у рангунских причалов, наиболее крупное, принадлежавшее бирманскому монарху. Судно было захвачено, взято на буксир, и с трофеем эскадра начала медленно продвигаться к морю.

Терпение бирманцев наконец истощилось. Ни угроза блокады, ни отъезд торговцев, ни оскорбление губернатора — ничто так не поразило их, как пиратский акт, совершенный на виду у всего города. Впоследствии в официальных бирманских письмах и нотах не раз говорилось, что великая нация не может воровать корабли. Бирманцы даже оставляли англичанам лазейку, ставя под сомнение, был ли Ламберт послом, за которого себя выдавал.

Пиратский акт был осужден английским правительством. Премьер-министр лорд Дерби с сожалением констатировал, выступая в парламенте, что коммодор Ламберт нарушил инструкцию, захватив торговое судно. А генерал-губернатор написал своему другу письмо, в котором говорилось: «Нет сомнения, что Ламберт, захватив королевский корабль в прямом противоречии с моими указаниями, стал непосредственной причиной войны».

Ламберт приказал эскадре остановиться в виду города Даллы. Губернатор Даллы, почтенный старик, дважды приезжал на фрегат и от имени бирманского правительства просил вернуть похищенное судно. Ламберт куражился. Сначала он требовал письменного извинения от губернатора Рангуна. Губернатор письмо прислал, но Ламберта оно не удовлетворило. Не откликнулся он и на приглашение рангунского губернатора возобновить переговоры. Но стоять дальше он не мог. Его корабли полны беженцами, их надо поить и кормить, дни шли, а повода к военным действиям все не было.

И тут повезло. В новом письме губернатор Рангуна, подтверждая свое желание встретиться с коммодором, предупредил его, чтобы он не уводил похищенный корабль в открытое море. Узнав о решении губернатора воспрепятствовать уводу корабля, Ламберт имел все основания обрадоваться: бирманские пушки были не чета английским. Коммодор сейчас же отдал приказ следовать вниз по реке, к бирманским батареям, сторожившим устье.

Коммодор стоял на носу фрегата, с надеждой глядя в подзорную трубу на вал, скрывающий бирманскую батарею. Больше всего он боялся, что артиллеристы почему-либо не выполнят угрозу губернатора. Но тут над валом поднялось облачко дыма, и ядро, выпущенное из бирманской пушки, упало в воду. Ламберт с облегчением вздохнул и взмахнул шпагой, приказывая открыть огонь.

Два часа пушки английской эскадры обстреливали бирманские батареи, а когда полностью сровняли их с землей, перенесли огонь на торговые суда, что стояли у входа в реку, затем на доки и прекратили канонаду только тогда, когда уже не по чему было стрелять. Бирманцы потеряли береговые укрепления, несколько кораблей, доки и более трехсот человек убитыми.

На следующий день губернатор Рангуна, все еще надеясь на мирное разрешение конфликта, направил Ламберту новое письмо, в котором соглашался на все его требования. Коммодор не стал отвечать. Дело было сделано, и он взял курс на Калькутту.

Генерал-губернатор Дальхузи сурово осудил

самоуправство Ламберта. Но никакого наказания коммодору не последовало. Тот остался на старом посту. Оба сценария продолжали дополнять друг друга.

Дальше все шло по обычным правилам колониальной войны. Дальхузи заявил, что письмо губернатора Рангуна (в котором тот соглашался на все требования англичан) не оставляет никакой альтернативы, кроме получения репараций силой оружия. И добавил: «Мы не можем допустить, чтобы нам где бы то ни было на Востоке указали на дверь».

Последовал еще один ультиматум, в котором, в частности, требовалась контрибуция в десять миллионов рупий (в нее входила стоимость подготовки к еще не начавшейся войне). Бирманцы ультиматум приняли, однако через несколько недель англичане все же высадились в Бирме и после короткой кампании отняли у нее все южные провинции.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Джеймс Брук и филиппинские пираты

Этот человек обладал романтической и в то же время внушительной внешностью. Было в нем что-то байроновское, и в его мозгу часто возника-

ли грандиозные идеи и планы. Личность незаурядная, сочетавшая авантюристические склонности с любовью к естественным наукам. В общем, Джеймс Брук ни в коем случае не подходил ни под одну категорию колониального англичанина, и это сказалось на его карьере, сделавшей его одним из наиболее известных людей в Англии середины XIX века.

Джеймс Брук, национальный герой, «победитель пиратов», белый раджа, основатель династии, был сыном зажиточного служащего колониальной администрации в Индии. Он не получил формального образования, а пользовался услугами домашних учителей. Молодым человеком будущий раджа поступил на службу в армию и отличился во время операций в Ассаме в первую англо-бирманскую войну. Полученное в 1826 году под Рангуном ранение заставило его покинуть военную службу. Некоторое время он провел в Англии, а в 1830 году отправился в Китай и на пути туда впервые увидел Малайский архипелаг.

«Красота Малайского архипелага, — пишет английский историк Холл, — и опустошения, нанесенные пиратами и междоусобными войнами, произвели на него столь сильное впечатление, что, когда умер его отец, оставив ему крупное наследство, он истратил это наследство на яхту «Роялист» водоизмещением 140 тонн, подготовил отборную команду и в 1839 году прибыл на Борнео с непосредственной целью вести исследования и научную работу».

О своем намерении вести исследования Брук писал в дневнике, который, как и положено днев-

нику политика, должен был скрыть от потомства его истинные намерения. В словах Холла есть очевидное противоречие: если Брук прибыл на Борнео (Калимантан), потому что на него произвели сильное впечатление опустошения, нанесенные пиратами и междоусобными войнами, то причем тут научные наблюдения? А если он прибыл для научных наблюдений на яхте с тщательно подобранным экипажем, то как же получилось, что за военную помощь в подавлении восстания дяде султана Брунея Муда Хашиму Брук получил от него право управлять областью Саравак на Северном Калимантане?

«Брук не только подавил восстание, но и завоевал преданность малайцев и даяков, которые долго страдали от плохого управления Брунея. После некоторой отсрочки, вызванной сопротивлением губернатора, он в сентябре 1841 года получил назначение и в следующем году был утвержден султаном. С заметным успехом занимаясь внедрением справедливого и гуманного управления на вверенной ему территории, Брук настойчиво пытался заинтересовать английское правительство в Брунее», — пишет Холл.

«Внедрение справедливого и гуманного управления» заключалось в том, чтобы установить мир и обуздать пиратов — морских даяков. И для того чтобы понять и оценить деятельность борца с пиратством Джеймса Брука, надо обратиться к самому пиратству.

Узкие проливы между лесистыми берегами Малакки, Калимантана и Суматры более двух тысячелетий были оживленной торговой доро-

гой, вдоль которой создавались и гибли десятки государств, по которой шли грузы из Римской империи в Китай, пряности с Молуккских островов, товары из Тьямпы и Фунани, королевств Явы и Суматры, Цейлона и Индии. И испокон веку жители прибрежных районов, торговцы и отличные мореплаватели, не гнушались пиратством. Пиратство не было предосудительным занятием, как не было позором в средневековой Европе напасть на владения соседнего феодала. Государства в этих местах порой боролись с пиратами, порой покровительствовали им. Пираты срослись с торговлей, они были, по выражению малайского хрониста, «блохами на собаке» — а какая собака без блох?

Перед появлением в этих местах европейцев пиратов держали в узде малаккские султаны и другие государства. Однако португальцы, а потом в еще большей степени голландцы нарушили привычное равновесие сил. Голландцы, упрочивая свое господство в Индонезии, уничтожали местные правительства и вносили дезорганизацию в веками установившиеся отношения. В расцвете своего могущества голландская колониальная держава могла преследовать пиратов, но к концу XVIII века голландцы уже потеряли монополию на власть в этом районе. Когда же в борьбу вмешалась Англия и начала одно за другим уничтожать государства Малакки, отряды пиратов усилились за счет оставшихся не у дел, разоренных и озлобленных малайских воинов и торговцев. Положение в проливах стало настолько серьезным, что европейцы не на шутку встревожились. В англо-голландском договоре 1824 года, по которому

все острова к югу от Малаккского пролива входили в сферу влияния Нидерландов, а Малаккский полуостров — в зону преимущественных интересов Англии, говорилось: «Статья V. Их Величества согласны действительно сотрудничать в искоренении пиратства в своих владениях: они не будут предоставлять убежище судам, замешанным в пиратстве, и разрешать стоянку или продажу кораблей, захваченных пиратами, в своих портах».

Пожалуй, самыми известными и опасными для местного судоходства пиратами были моро, или илланы, с островов Сулу, входящих ныне в Филиппины. В тех же краях, на острове Минданао, обитали лагуны, или «пираты из Лагуны». Эти племена, «викинги Южных морей», выходили на пиратский промысел, как выходят рыбаки на пугину. Их подвижные и юркие прау водоизмещением до ста тонн, на которых помещалось по сорок-шестьдесят человек, стаями бродили у извилистых берегов, подстерегая добычу — небольшие каботажные суда. Большим европейским кораблям прау пиратов не были опасны, и английскому или голландскому судоходству они не мешали. Это также было одной из причин, почему европейцы начали настоящую борьбу с местными пиратами лишь в XIX веке, когда перешли к упорядоченной эксплуатации колоний.

Прау пиратов расходились обычно в двух направлениях. Они совершали набеги на Филиппинские острова, захватывая рабов и добычу. Испанцы неоднократно устраивали против них карательные экспедиции, сжигали деревни, но искоренить пиратство не могли. Вторым направлением

набегов были Малаккский пролив, берега Суматры и Калимантана. Больше всего пиратов скапливалось на путях, ведущих в быстро растущий Сингапур, который словно магнит притягивал к себе суда из многих стран. Поэтому с каждым годом все больше пиратских прау собиралось на подступах к городу, и к началу тридцатых годов английская торговля уже начала ощущать убытки от пиратских нападений на мелкие суда, свозившие к Сингапуру сырье. Явившись причиной роста пиратства в Малаккском проливе, англичане и голландцы стали его косвенной жертвой.

Значительной группой пиратов были также малайские морские разбойники с архипелага Риау-Лингга, острова Каримон и других островов у южного конца Малаккского пролива. Косвенное участие в пиратских набегах принимали владельцы этих островов. Получая долю с доходов пиратов, они давали им за это убежище и позволяли торговать в своих владениях рабами и добычей. Так развороченный колонизаторами мир пытался жить по своим древним законам и даже пользоваться обстоятельствами, созданными европейцами.

Договор 1824 года в течение ряда лет оставался в основном на бумаге. Голландцы боролись с малайскими пиратами, испанцы — с пиратами Сулу, но делали они это лишь в своих районах. Англичане же долгое время не могли обрушиться на неуловимых пиратов, потому что для этого надо было организовать патрулирование проливов, а лондонское правительство Ост-Индской компании не желало тратить на это средств.

В начале тридцатых годов бугские и китайские торговцы не раз жаловались в Сингапур, что прекратят туда рейсы, потому что теряют слишком много джонок и сампанов. В 1832 году по просьбе китайских купцов им было разрешено на собственные средства снарядить четыре военные джонки для охраны морского пути. Забеспокоились и европейские торговцы: цены на товары, привозимые в Сингапур, росли и доходы англичан ощутимо падали. В итоге родилась совместная петиция европейских и китайских купцов правительству Британской Индии об усилении охраны проливов. Такая же петиция в 1835 году послана в английский парламент.

Наконец в Малаккский пролив были направлены военный корабль «Андромаха», затем еще два военных корабля и три канонерки. В их задачу входила не столько охрана путей, сколько нападение на предполагаемые центры пиратства. Например, эти корабли совершили набег на остров Галанг и разрушили город на нем. Никто не намеревался найти мирный выход из положения — была объявлена война, и в этой войне пираты не имели шансов на победу.

С 1837 года в проливах постоянно дежурила английская эскадра, в том числе один пароход. Его появление открыло новую страницу в борьбе с пиратством: если от больших парусных судов пираты еще могли ускользнуть, пользуясь маневренностью прау, то против парохода, не зависевшего от ветра, они были бессильны. А для того, чтобы английские капитаны не ленились, ввели цену за голову каждого пирата. Цена была достаточно вы-

сокой, и это привело к тому, что английские моряки сами стали заниматься пиратством: если не хватало пиратов, то можно было охотиться за мирными прау, тем более что и прау одинаковы, и люди на них одеты схоже.

Морские даяки — ибаны — появились на севере громадного острова Калимантан примерно в XVI веке. Пришли они из южных районов острова и постепенно заселили верховья рек, впадающих в Малаккский пролив. Ибаны встретили на этих реках лишь разрозненные, родственные им по происхождению племена и постепенно ассимилировали их или вытеснили из речных долин. Лет через двести ибаны уже контролировали большую часть Саравака, за исключением прибрежных районов, где были малайские поселения. Ибаны разводили рис, охотились. Жили они в длинных домах, где размещался весь род или небольшое племя.

Это был гордый, непокорный народ, воины которого наводили ужас на соседние племена. Ибаны были охотниками за головами: до недавнего времени юноша ибанов не мог считаться мужчиной до тех пор, пока не приносил домой голову врага. Выйдя из рек в море, ибаны скоро освоили мореходство настолько, что вошли в историю как «морские дьяволы», и это название сохранилось за ними в литературе до сих пор.

Когда небольшие прау ибанов стали выходить к побережью, чаще всего во время войн между племенами или набегов на врагов, малайские вожди стали использовать ибанов в своих интересах. Они указывали воинственным даякам, куда направить

лодки, и забирали у них добычу, так как ибаны не интересовались ни шелком, ни пряностями. Для них главной ценностью были медные котлы, соль, оружие и головы врагов.

Вот с этими даяками и столкнулся Джеймс Брук.

За помощь, оказанную Муда Хашиму, Брук получил (хотя и не сразу, и не без возражения со стороны султана) право собирать налоги с Саравака. Для того чтобы понять значение этой привилегии, достаточно взглянуть на карту.

Если южная часть Калимантана принадлежала в прошлом веке голландцам, то северная треть острова подчинялась султану Брунея. Она была передана ему султаном Малакки еще до прихода португальцев, после распада островной империи Маджапахит в начале XVI века. Сам Бруней и расположенный неподалеку островок Лабуан составляли лишь малую часть султаната. К западу и востоку от Брунея лежали обширные области — Саравак и Сабах, населенные независимыми племенами, над которыми власть брунейских султанов была чисто номинальной. А с ослаблением султаната, раздираемого борьбой нескольких партий малайских аристократов, связи между брунейскими властями и жителями внутренних областей Саравака настолько нарушилась, что в Брунее вряд ли представляли себе, сколько у них подданных в Сараваке и чем они занимаются. Дань в Бруней поступала лишь с прибрежных деревень, и чиновники, назначаемые султаном, не отваживались заглядывать внутрь острова.

Брук, обладавший небольшим отрядом, но гро-

мадным запасом энергии, должен был решить, как укрепиться в области, отданной под его контроль. У него было немало недоброжелателей в самом Брунее, которые не без оснований опасались, что зря ему дали палец — он может отхватить и всю руку. Не хотели платить дань новому радже и малайские торговцы, и владельцы прибрежных деревень. Тогда Брук решил припугнуть своих новых подданных.

В Сингапуре, куда он часто ездил, чтобы устроить торговые дела и заручиться поддержкой влиятельных лиц, Брук уверял торговцев и чиновников, что Саравак — гнездо самых опасных пиратов в малайских водах. Это было неправдой, потому что ибаны появлялись в море от случая к случаю, пиратство не было их основным занятием и ни в какое сравнение с настоящими пиратами они не шли. Тем не менее Брук не уставал говорить и писать (а писать он любил — недаром им составлено несколько томов мемуаров), что крестовый поход против «диких пиратов» — одна из основных целей его пребывания в Сараваке. Он утверждал также, что пираты действуют не сами по себе, а по приказу малайских торговцев, что покровительствуют пиратам придворные брунейского султана и даже, возможно, сам султан. Тем самым пиратами и пособниками пиратов Брук объявлял всех, кто был против его господства в Сараваке. Ибаны его интересовали менее всего, так как в торговле они не участвовали. Был, впрочем, у белого раджи план и относительно ибанов, который позже осуществился: зная, что ибаны — отличные воины, Брук рас-

считывал со временем создать из них армию.

Готовясь к войне, Брук штурмовал Индию и Лондон требованиями признать его официальным представителем Великобритании, что дало бы ему возможность рассчитывать на английскую военную помощь. В этом ему помогали друзья в Англии, которые обивали пороги высоких кабинетов и заказывали статьи во влиятельных газетах, создавая романтический образ бескорыстного патриота. В Англии, охваченной угаром строительства империи, их агитация вызывала благожелательный отклик, и в ноябре 1844 года английское правительство признало Брука «британским агентом на Борнео».

Известие о том, что он — должностное лицо, Брук получил в марте 1845 года. Но и до этого он не терял времени даром. Сингапурские власти, правда, не хотели оказывать ему поддержки, боясь осложнений с малайцами и голландцами. Последние с большим подозрением поглядывали на деятельность англичанина на севере принадлежащего им острова и присылали гневные ноты, указывая, что по договору 1824 года все земли южнее Малаккского пролива передавались Голландии. Голландцам отвечали, что географически Северный Калимантан расположен севернее Сингапура, но довод был неубедительным, потому что остров лежал все-таки к югу от пролива.

Не получив поддержки от официального Сингапура, Брук сблизился с капитанами английских военных кораблей и сумел уговорить одного из них, Генри Кеппела, командира восемнадцатипушечного фрегата «Дидона», отправиться в набег

на ибанов. Кеппелу было обещано достаточное количество призовых голов даяков, чтобы обогатиться. И Кеппел решил рискнуть. Объявив начальству, что уходит бороться с пиратами к островам Сулу, он взял курс на Саравак.

Правда, вскоре выяснилось, что Кеппел не многим рисковал. Среди его начальников были друзья Брука, которые желали помочь ему в обход официальных каналов. Когда Кеппел вернулся в Сингапур, он не был наказан за самовольный поступок. Свидетельство тому — письмо Брука, где говорится: «К чести Кеппела, следует признать, что он совершил все на свою собственную ответственность, и я счастлив добавить, что он получил благодарность и одобрение своим действиям со стороны командующего».

«Дидона» с Бруком на борту вошла в гавань городка Кучинг — столицы Саравака — в мае 1843 года. По дороге туда встретили несколько прау, и Кеппел велел открыть по ним огонь. Лодки бросились врассыпную. Топя их одну за другой, моряки вылавливали людей из воды, чтобы представить их головы как трофеи. Но тут выяснилось, что в лодках были не пираты, а мирная делегация с островов Риау. Через несколько дней настигли еще три прау и убили двадцать человек. Неизвестно, какие из голов по возвращении Кеппел представил в качестве пиратских, зато известно, что Адмиралтейский суд в Сингапуре присудил команде «Дидоны» семьсот девяносто пять фунтов стерлингов награды.

В помощь Кеппелу Брук собрал отряд из местных малайцев и сухопутных даяков, и 11 июня

1843 года, когда фрегат подошел к устью реки Сарибас, пятьсот англичан и малайцев погрузились в шлюпки и лодки и начали подниматься по мелкой реке. Ибаны уже знали, что на них идут англичане, и перегородили реку поваленными деревьями. Разобрав завалы, экспедиция достигла стоявшей на берегу крепостцы ибанов. Взять укрепление, однако, удалось лишь с помощью ибанов из враждебного племени. Брук и в дальнейшем всегда старался в своих экспедициях использовать вражду племен.

Удачный поход увеличивал шансы Брука в переговорах с султаном, у которого он намеревался выторговать новые области. Он записал в дневнике: «Хорошо бы получить еще дюжину речных долин за Сараваком». Единственное, что огорчало Брука, — это отъезд Кеппела. Правда, через год Кеппел вернулся, и они с Бруком организовали еще одну экспедицию. Когда отряд осадил укрепление на реке Скранг, ибаны, воспользовавшись тем, что авангард отряда оторвался от остальных сил, забросали камнями и потопили лодки, а нападающих перебили стрелами. В этом бою ибанами командовал вождь по имени Рентап.

После этого карательного набега политика Брука на время изменилась. Его главным врагом становится султан Брунея, противившийся созданию империи Брука. В новых планах, в которые входила и смена султана (на эту роль Брук намечал своего друга Муда Хашима), белый раджа не последнее место отводил ибанам. В дневнике появляется запись: «Если придется остаться без всякой поддержки, я должен буду стать вождем дая-

ков и с помощью моего влияния бороться с интригами. Канонерка, двенадцать больших лодок с шестифунтовыми пушками и ружьями да еще двести прау даяков станут внушительной силой, и эта сила может мне понадобиться в случае, если Муда Хашима в Брунее победят».

К концу 1845 года самые тяжелые предчувствия Джеймса Брука оправдались. Заговорщики, которых, возможно, поддерживал сам султан, убили Муда Хашима и его брата — единственных союзников Брука в Брунее. Брук сначала не мог поверить случившемуся. Когда же никаких сомнений не оставалось, Брук разразился гневной тирадой против султана и его окружения: «Он убил наших друзей, верных друзей правительства Ее Величества, только потому, что они были нашими друзьями, — другого повода не было».

С легкой руки Брука султан Брунея объявляется покровителем пиратов, его ближайшие помощники — пиратами, а все сторонники независимости Брунея — «пиратской партией». А какие могут быть разговоры с пиратами? За пиратские головы платят фунтами стерлингов. Осечки быть не должно. И, как пишет Холл, «триумф пиратской партии в Брунее в 1846 году был кратковременным».

На помощь Бруку была прислана эскадра адмирала Кокрейна, в которую вошли все корабли, базировавшиеся в проливах. Войдя в устье реки, на которой стоит Бруней, Кокрейн и Брук предложили султану капитулировать. Султан не ответил, и английские корабли обстреляли город, высадили десант. После короткого боя маленькая армия

султана была разгромлена, а сам он бежал. Когда через несколько дней султан сдался и принял требования англичан, ему разрешили вернуться в столицу. За это пришлось подарить англичанам остров Лабуан, передать все права на Саравак радже Брука и подписать унижительный договор.

Теперь Брук мог с триумфом отправиться в Англию. Он блистал на приемах, его портреты украшали страницы иллюстрированных журналов. Королева возвела раджу в рыцарское достоинство, а правительство назначило его «губернатором Лабуана, комиссаром и генеральным консулом при султанате и независимых вождах Борнео». Брук стал действительным хозяином части острова и мог рассчитывать на помощь британской короны в случае, если кто-нибудь ему не покорится.

Для дальнейших планов важно было и то, что у Брука появились в Лондоне весьма состоятельные поклонники и поклонницы, и то, что с ним в Кучинг ехали молодые люди, глядевшие с обожанием на раджу, а также многочисленные родственники, которые должны были обеспечить продолжение рода Брука. Английское правительство, конечно, предпочло бы иметь в лице Брука просто исполнительного чиновника, но сам он видел себя родоначальником могучей азиатской белой династии. Впрочем, все награды и достижения отступали на второй план перед главным: вез его на остров военный фрегат королевского флота «Меандр», специально оборудованный для операций в устьях мелких рек и снабженный многочисленными шлюпками, каждая из которых несла на носу небольшую пушку. А командовал «Меандром»

старый приятель, охотник за «пиратскими головами» Генри Кеппел.

Сингапурское начальство, однако, вновь начало ставить палки в столь отлично смазанные в Лондоне колеса. Едва Брук собрался полностью лишить независимости ибанов, как из Сингапура последовал приказ: фрегат «Меандр» передать в распоряжение командования для операций против настоящих пиратов, а не для налаживания личных дел раджи. Возвышению Брука в Сингапуре завидовали. В то время, как чиновники тянули колониальную лямку, он выкроил себе княжество да еще стал сэром.

После отчаянной переписки с Сингапуром и Лондоном и заявлений, что пираты вот-вот лишат Англию ее приобретений, Брук все-таки смог добиться своего. В июле 1849 года несколько паровых катеров и пароходов, а также двадцать союзных Бруку прау подошли к устьям Сарибаса и Криана. Всего в распоряжении Брука было более двух тысяч человек и несколько пушек.

Когда белый раджа узнал, что флотилия легких лодок ибанов вышла навстречу карательной экспедиции, решено было окружить морских даяков. Прау и катера Брука притаились у устьев рек, а пароход «Немезида» встал в открытом море так, чтобы в случае необходимости можно было двинуться в любой пункт боя.

Перед рассветом следующего дня при полной луне лодки ибанов проскочили засаду у устья Криана и неожиданно для себя столкнулись с основными силами Брука. Ослепив ибанов ракетами, Брук и его союзники начали стрельбу из ору-

дий и ружей. В тыл ибанам ударили прау, таившиеся в засаде. Началась бойня.

Семнадцать лодок вырвались в открытое море, но здесь их уже поджидала «Немезида». Капитан парохода докладывал о том, что произошло далее: «поравнявшись с ними, я дал бортовой залп картечью, а так как ближайшая прау была уже в двадцати-тридцати ярдах, то все члены команды открыли прицельный огонь из ручного оружия. Мы продолжали преследование... и лишь некоторые из них в жалком состоянии смогли выбраться на берег, где стали легкой добычей для отряда туземных лодок под командованием мистера Стила из Саравака, который хорошо поработал, не мешая нашему огню.

Затем мы догнали пять прау, которые продолжали держать курс на Батанг Лупра, и настигли их по очереди залпами, осыпая картечью и пулями до тех пор, пока они не проплыли мимо нас, подобно беспомощным бревнам, и на них не осталось ни одной живой души, так как их команды были перебиты, если не успели броситься в море, надеясь доплыть до берега, но вряд ли кому-нибудь это удалось».

По заключению Адмиралтейского суда в Сингапуре, в бою участвовало две тысячи сто сорок пиратов на восьмидесяти восьми лодках, из них пятьсот было убито. Английским морякам, принимавшим участие в бою, было вручено двадцать тысяч семьсот фунтов стерлингов награды. Однако впоследствии Джеймс Брук заявил, что лишь триста пиратов из трех тысяч семисот было убито, но более пятисот погибло потом, пробиваясь

сквозь джунгли домой, либо умерев от голода, либо попав в засады союзников Брука. Казалось бы, зачем Бруку преуменьшать потери пиратов, уменьшать число голов, за которые его помощники получили награды? Дело в том, что «миротворца» Брука обвинили в зверском избиении ибанов, и обвинили не даяки, не малайцы, а англичане. До сего дня английским историкам, благожелательно настроенным к Бруку, приходится защищать его так, как это делает, например, Холл: «Потери были бы по крайней мере втрое больше, если бы Брук сознательно не дал бежать большему числу людей».

Операция на этом не была закончена. Суда Брука поднимались по рекам, сравнивая с землей длинные дома ибанов. Имущество ибанов становилось собственностью белого раджи и его союзников; более того, Брук приказал отобрать все имущество (вплоть до гонгов, медных котлов и посуды) у тех племен, которые, живя неподалеку от реки, не мешали ибанам спускаться к морю.

Ибаны были разбиты и ограблены, но не покорены. Брук понимал, что походы против них можно продолжать до бесконечности, но они все равно не сдадутся. Тогда Брук решил построить укрепления в устьях всех рек, на которых жили ибаны, и посадить в каждую из крепостей гарнизон малайцев во главе с начальником из числа молодых английских добровольцев. Крепости будут останавливать прау ибанов, если те решатся выйти в море, и не пропустят торговцев, которые захотят подняться к ибанам с моря. Из всех продуктов внешнего мира ибаны больше всего нуждались

в соли. Если перехватывать соль, ибаны должны стать смиренными и покорными. Так Брук установил блокаду побережья Саравака.

Резкая критика в Англии варварских методов Брука, к которой присоединились и многие его бывшие соратники, привела все же к тому, что Бруку пришлось сложить с себя звание губернатора Лабуана и генерального консула. Более того, приехала комиссия для расследования деятельности белого раджи. Хотя она и оправдала его (не оправдать Брука значило обвинить само правительство), но признала его не более чем вассалом брунейского султана и поставила на вид английскому военному флоту то, что он во время резни ибанов участвовал в бою наравне с союзниками Брука и этим уронил достоинство британского флота.

Брук был подавлен неблагодарностью родины, да и позиции его в самом Брунее пошатнулись: многие малайские вожди справедливо усмотрели в приезде комиссии и отказе Брука от почетных постов признак его ослабления. У них появилась надежда, что белый раджа в конце концов оставит их в покое.

Но до этого дело не дошло. Среди родственников, привлеченных славой Брука и поселившихся в Кучинге, был племянник Брука — Чарльз Энтони Джонсон, из династических соображений взявший фамилию дяди и известный в истории Саравака как Чарльз Брук.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. —

Чарльз Брук

Чарльз Брук был врожденным авантюристом. В двенадцать лет он убежал из школы и поступил юнгой на корабль, в пятнадцать, будучи матросом на известном уже фрегате «Дидона», впервые стрелял по ибанам. В 1852 году он ушел из флота и прибыл ко двору дяди. В отличие от Джеймса, Чарльз Брук был необразован, неотесан, не любил речей, приемов и прессы. Он согласился уехать в одну из крепостей в стране ибанов и там создавать могущество будущей державы Бруков.

В 1853 году Джеймс Брук привел войска из Кучинга и вместе с племянником повел их против Рентапа — того самого вождя ибанов, который нанес первое поражение белому радже. Бой не привел к победе, и Джеймс Брук, потеряв надежду победить Рентапа, хотел начать переговоры. Вот тут впервые показал себя Чарльз. «Я недолюбиваю деспотизм, — объяснил он свой отказ от переговоров, — но и терпимость по отношению к даякам должна иметь границы. Они ведь как дети: доброта и жесткость должны быть неразделимы в обращении с этим народом».

На следующий год более сильная экспедиция смогла взять приступом длинный дом Рентапа, вождь даяков был ранен, но успел уйти в горы.

Сидя в одиночестве в крепости, Чарльз приду-

мал лозунг, которому и решил следовать: «Только даяк может убить даяка». Целый год он разрабатывал новую тактику, набирал и обучал современному бою отряды. Пробный поход должен был состояться против ибанов одной из далеких рек, которые совсем недавно пришли из внутренних областей острова и еще не сталкивались с европейцами.

Армия Чарльза насчитывала около трехсот малайцев и две или три тысячи даяков, которым были обещаны головы врагов. Передвигалась армия по джунглям строем «птица», изобретенным Чарльзом. «Клюв» птицы состоял из надежного авангарда малайцев. Племена ибанов образовали «крылья», причем между крыльями также была прослойка малайцев, чтобы даяки не могли объединиться против «белого господина».

Поход был удачен. Чарльз доносил дяде: «Двадцать пять длинных домов разрушено. Объем захваченного имущества грандиозен. Пепел от сожженного нами риса достигал в некоторых местах фута толщины, и, когда мы уходили, дым еще не улегся».

Ибаны, перебитые во время этого похода, никогда не занимались пиратством и даже не выходили в море. Вся их вина заключалась в том, что молодому радже нужна была тренировка для будущих походов и добыча, чтобы наградить союзников. Союзным ибанам было дозволено отрезать головы врагам. Половина добычи, захваченной в деревнях, предназначалась молодому радже. По возвращении из похода он устроил аукцион, на котором продавались золотые украшения, медные котлы и другие «трофеи». Из этих средств Брук платил своей малайской гвардии.

После этой экспедиции усилилась рознь между племенами даяков. Ибаны, против которых был направлен удар, стали кровными врагами союзников Чарльза. Редкие стычки и засады в джунглях, о которых забывали, когда приходило время объединиться против общего врага, уступили место настоящим войнам. Чарльз добился того, чего не смог сделать Джеймс: даяки убивали даяков, и руководил этим англичанин.

Сам Чарльз получал от этой опасной и нелегкой походной жизни, от возможности решать судьбы других людей почти садистское наслаждение. Он был настоящим «королем джунглей», и его именем матери пугали детей. Он сам писал об этом через несколько лет: «Наша жизнь — не для семейного человека, имеющего вкус к светской роскоши или тихим вечерам у камелька. Самое радостное в нашей жизни — великолепная независимость от всех пут, связанная со значительной степенью власти и влияния на жизнь других представителей рода людского. Мы можем вместо тронов использовать вершины гор и обозревать широкие пространства дикого безмолвия, как халдеи смотрели на мир звезд».

Малограмотный пират в этих описаниях становится почти поэтом.

О Чарльзе и его «подвигах» было известно каждому в Сараваке и Брунее. Молодой раджа не собирался бороться со слухами. Он предпочитал быть ужасом всего острова, понимая, что такая слава здесь — половина победы.

В погоне за прибылью раджа Джеймс поощрял приезд в Саравак китайских кули, которые рабо-

тали в шахтах и исправно платили налоги. К 1857 году их набралось более четырех тысяч, и они все чаще проявляли недовольство условиями жизни и труда. Одну попытку китайцев восстать Брук подавил, но выступление 1857 года застало его врасплох, и восставшие ворвались в Кучинг.

Сам раджа едва успел убежать из столицы. Несколько англичан были убиты, остальных взяли в плен.

Когда с пленными встретился предводитель восставших, один из англичан, требуя, чтобы их отпустили, сказал, что в противном случае племянник раджи будет очень недоволен. Наступила пауза. Свидетель этих событий описывает дальнейшее так: «При упоминании имени мистера Джонсона (то есть Чарльза Брука — И. М.) воцарилось молчание и лица повстанцев стали бесстрастными. Они поглядели друг на друга, как будто только сейчас впервые вспомнили, что он, племянник раджи, был губернатором морских даяков и может напустить на них десять тысяч диких воинов. Наконец они пришли к решению послать ему письмо с просьбой не вмешиваться в их дела, а они обещали его не трогать». Письмо было отправлено, но события развивались так быстро, что Чарльз не успел на него ответить.

Пока он спешил к Кучингу на боевых прау, в гавань Кучинга вошел вооруженный пушками пароход компании Северного Борнео. Огнем орудий повстанцы были изгнаны из города, и десант с парохода, объединившись с освобожденными англичанами, начал преследовать плохо вооруженных и не умевших воевать шахтеров.

Тут и появились на сцене соблазненные богатой добычей и разрешением набрать сколько угодно голов наемники Чарльза Брука. По словам Чарльза, его армия провела свою работу «очень эффективно, хотя и не по правилам». Лишь небольшая часть шахтеров успела убежать в горы, и они погибли бы все, если бы не «предательство лесных даяков, которые пропустили китайцев через свою территорию».

На следующий день на разграбленном союзниками раджи рынке Кучинга толпились англичане и малайцы, наблюдая, как суровые воины ибанов высушивают над кострами головы повстанцев. Один из зрителей записал в дневнике: «Поджаривание голов было самым отвратительным событием в этом деле и заставило нас вспомнить, что все это — борьба одной группы дикарей с другой. Этот праздник отрицательно скажется на приобщении даяков к цивилизации и на росте благосостояния Саравака».

«Приобщение даяков к цивилизации», впрочем, вовсе не входило в планы Чарльза Брука. Они нужны были ему именно такими: суеверными, отсталыми, находившимися во власти древних, примитивных обычаев, разобщенными на враждующие племена и потому послушными.

Однако Чарльз не мог забыть, что не все ибаны покорны ему. В верховьях Сарибаса еще правил Рентап — непобедимый вождь, к которому стекались недовольные. И, восстановив на троне дядю, Чарльз начал готовить новую экспедицию против Рентапа.

В поход против крепости Рентапа, расположен-

ной на горе Садок, Чарльз повел более четырех тысяч человек на множестве лодок. На помощь к Рентапу подошли отряды ибанов из джунглей, но их все равно было в несколько раз меньше, чем нападающих. Кроме того, гвардия Чарльза, состоявшая из пятисот малайцев, была вооружена ружьями, а защитники горы Садок — копьями и луками. Но на их стороне были джунгли, где они знали каждый камень, каждое дерево.

После длительной битвы Чарльзу пришлось с позором отступить. Был тяжело ранен его заместитель, и погибло много малайцев. Когда бегущая в беспорядке армия белого раджи добралась до оставленных на берегу лодок, оказалось, что их унесло, когда внезапный ливень поднял уровень воды в реке. Последовало долгое путешествие вниз вдоль реки, во время которого тающая армия подвергалась атакам ибанов и теряла людей в мелких стычках и засадах.

Прошел еще год, и Чарльз вновь собрал армию для захвата крепости Рентапа. И вновь пришлось отступить.

В свой последний поход против Рентапа Чарльз Брук смог отправиться только в 1861 году, после того как с помощью интриг, обманов и карательных экспедиций Бруки сломили сопротивление малайцев в самом Брунее. Помимо увеличенной армии малайцев и ибанов, Брук привел с собой большой отряд китайских кули, которые прокладывали в джунглях дорогу, и добыл пушку большого калибра, специально рассчитанную на то, чтобы разрушить укрепления на горе Садок. Кроме того, Чарльз смог поодиночке разбить союзни-

ков Рентапа и заставил их сложить оружие при условии, что в качестве контрибуции они отдадут ему все ценности племен.

На этот раз положение Рентапа было безнадежным. Армия Чарльза превышала его силы вдесятеро. С небольшим отрядом верных соратников Рентап прорвался сквозь кольцо осаждавших и ушел в дальние горы. Там он поклялся, что никогда больше не посмотрит в лицо белому человеку.

Джеймс Брук писал племяннику, назначая его своим наследником: «По сравнению с тобой мы все дети в управлении даяками». Подводя итоги деятельности Чарльза, первый раджа заявил: «Его задача была успешно завершена полным разрушением последних попыток пиратствующих малайских вождей и их сподвижников из числа даяков с Сарибаса и из других мест. Сначала ему удалось привлечь часть этих даяков на сторону закона и порядка, а затем использовать их в качестве инструмента правого дела для обуздания соплеменников. В результате берега Саравака так же безопасны для торговцев, как и берега Англии, и безоружный человек может путешествовать без страха, что на него нападут».

Но дело было не в безопасности берегов. Бруки завоевали себе страну, и тут все средства были хороши.

Их держава просуществовала до конца второй мировой войны, когда английское правительство взяло ее под свой контроль. И лишь в 1963 году Саравак стал независимым в составе Федерации Малайзии.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

«Охотники за головами»

Во второй половине XIX века борьба за колонии между европейскими державами, утихшая было после наполеоновских войн, разгорается вновь.

Помимо Восточного Индокитая, где Франция быстро завоевывает прочные позиции, внимание начинают привлекать Африка и многочисленные острова Южных морей. Но островов тысячи, и власть европейских держав на многих из них чисто номинальная. В то же время на новых плантациях ощущается потребность в рабочих руках, на европейских рынках растет спрос на копру, перламутр и другие продукты островов. В результате в этом обширном мире возникают не менее обширные возможности для авантюристов.

Разбойничьи действия тех, кого называют пиратами Южных морей, по своим масштабам не могут соперничать с пиратством былых времен. Но в истории Океании эти пираты — авантюристы и работорговцы — сыграли существенную роль.

В 1847 году восемнадцатилетний американец Уильям Генри Хейс нанялся матросом на парусник, который совершал рейсы из Нью-Йорка в

Сан-Франциско вокруг мыса Горн. У него уже был некоторый опыт — с детских лет Хейс работал на барже отца на озере Эри. К 1849 году, когда в Калифорнии началась золотая лихорадка, Хейс дослужился до боцмана, а вскоре, хотя и не имел диплома, — до третьего помощника на бриге «Кантон», который перевозит пассажиров из Америки в Австралию, где тоже началась золотая лихорадка.

«Кантон» привез в Сидней золотоискателей, совершил два или три рейса на Тасманию за деревом, потом встал на прикол. Груза на обратный путь в Сан-Франциско достать не удалось. Решено было «Кантон» продать, но покупателя не нашлось. Хейс, который являлся не только первым помощником, но и совладельцем брига, предложил уйти из Сиднея с балластом и поискать счастья в других местах. 27 мая 1854 года бриг отплыл на Гуам, но после сорокасемидневного путешествия оказался в Сингапуре. Неизвестно, чем занимался «Кантон» почти два месяца, но важно, что именно в эти недели Хейс впервые познакомился с островами, на которых впоследствии развернулась его деятельность.

В Сингапуре «Кантон» все-таки был продан, и Хейс поспешил в Сан-Франциско, чтобы исполнить свою мечту — купить судно. В Сан-Франциско он отыскал старый барк «Оранто» водоизмещением сто пятьдесят тонн. Барк нужно было отремонтировать, и Хейс, все деньги которого ушли на покупку, вступает в пай с удачливым золотоискателем Джеем Коллинзом.

Хейсу, который уже получил прозвище Буй-

вол, двадцать шесть лет. Он высок, красив, отпустил небольшую рыжую бородку, но респектабельным его не назовешь. Он похож на золотоискателя из рассказов Джека Лондона — сила, уверенность в себе, благородные поступки и широкие жесты сочетаются в нем с грубостью, жаждой наживы и беззастенчивостью в выборе средств.

Отремонтированный барк был нагружен американскими товарами и отправился в Китай, где Хейс благополучно все распродал и должен был вернуться в Сан-Франциско, чтобы разделить прибыль с совладельцем судна. Однако в этот момент подвернулся соблазнительный случай, который оказал решительное влияние на дальнейшую карьеру Хейса.

В Сватоу на борт поднялся толстый китаец с длинной черной косой. Китайца сопровождали телохранители. После долгого вежливого разговора господин Тонг сделал предложение: отвезти в Сингапур партию китайских кули. Рейс обещал быть коротким и прибыльным, и Хейс раздумывал недолго. Через три дня «Оранто» отплыл в Сингапур. Трюмы и твиндек были набиты живым товаром.

В следующем году Хейс уже в Австралии. Там он занимается сомнительными сделками, а по его пятам несутся возмущенные кредиторы. В конце концов его корабль арестовывают и продают с торгов, но Хейс не унывает. Он отлично чувствует себя на берегу, находит время жениться и средства закатывать шикарные приемы. А когда, после долгих отсрочек, суд все-таки постановляет принять решительные меры против объявившего

себя банкротом капитана, он тайком покупает билеты для себя и молодой жены на идущий в Америку пароход «Адмелла», причем просит одного из своих друзей распусть слух, что Хейс бежал на другом корабле. И пока кредиторы догоняют ни в чем не повинный корабль и обыскивают его, пароход, на борту которого находятся Хейсы, проходит совсем рядом. Наблюдая за происходящим, Хейс снисходительно объясняет попутчикам, что перед их взором разворачивается редкое зрелище — помимка пиратского корабля.

В Сан-Франциско Хейсу удалось отыскать судовладельца, который не знал о его сомнительной репутации и поручил ему свой корабль. Но через несколько дней после отплытия знакомые сообщили судовладельцу о дурной славе капитана, и перепуганный хозяин, несмотря на то что на борту находился его агент, разослал в газеты письмо с просьбой арестовать Хейса. Все газеты от Рангуна до Гонолулу опубликовали письмо. По прибытии в Гонолулу Хейс был с позором изгнан с корабля, и молодоженам пришлось провести некоторое время на Гавайях, прежде чем какой-то миссионер одолжил им денег на проезд до Сан-Франциско.

В начале 1859 года Хейс вновь в Сан-Франциско. Неизвестно, на какие средства он там живет, но полгода о нем ничего не слышно. Всю весну и лето Хейс подолгу пропадает в порту. Но не у тех причалов, куда приходят чайные клиперы или большие пассажирские корабли. Он встречает китобойцев, пьет с рыбаками, заводит знакомство с барменами. Сюда дурная слава Хейса не дополз-

ла. Для новых друзей Буйвол — богатый золотоискатель, который ищет подходящую посудину, чтобы заняться делом.

...«Эллениту» пора было списывать на слом, однако хозяин поставил ее на прикол в дальнем углу порта. Когда Хейс впервые поднялся на борт, он подумал, что этот бриг ему не подойдет. Но затянувшееся пребывание в большом городе, нужда в деньгах, тоска по просторам Южных морей — все это заставило его еще раз вернуться на «Эллениту». Цена была бросовой — восемьсот долларов, дешевле, чем дерево, из которого она была сделана. Хозяин согласился получить наличными пятьсот, а на остальные взял расписку. Пятьсот долларов — это все, что было у Хейса. Но он соорудил на бриге каюты для пассажиров, раздобыл новый такелаж, запасся продовольствием, нанял команду — и все в кредит. Разумеется, никаких возможностей расплатиться с долгами не было, но, вероятно, его это не очень беспокоило.

Узнав, что день отплытия назначен и пассажиры, большей частью золотоискатели, уже собираются на борт, кредиторы попытались наложить арест на судно. Хейс нанял адвоката и пообещал ему значительный гонорар, если он сможет хотя бы на сутки притормозить действия кредиторов. Когда на следующий день, часов в девять утра, кредиторы сбежались в порт, «Элленита» уже миновала Золотые Ворота. На совещании кредиторов было решено нанять и пустить вдогонку бригу портовой буксир. Но дул свежий бриз, и буксир возвратился к вечеру, так и не настигнув «Эллениты».

Жалобу в суд, опубликованную в газетах Сан-Франциско, сочинил адвокат Хейса, который не только не получил гонорара, но и остался в дураках, защищая мошенника. Кредиторы предъявили Хейсу иск на четыре тысячи долларов, и в тот же день иск был направлен в Австралию с таким расчетом, чтобы судебный исполнитель встретил Хейса в гавани Сиднея. Однако судебный исполнитель так и не дождался «Эллениты», и Хейс тут был ни при чем.

Удрав из Сан-Франциско, «Элленита» вскоре встретилась с неблагоприятным ветром и лишь 15 сентября, после семнадцатидневного плавания, бросила якорь у острова Маун на Гавайях. Хейс продал взятые в Сан-Франциско бобы, картофель и лук и закупил сахар и кокосовое масло. Затем бриг пошел на юг, к берегам Зеленого материка.

Возможно, дряхлая «Элленита» и добралась бы до Австралии, но вскоре после отплытия с Гавайских островов она попала в шторм, и ее кое-как залатанные швы разошлись. К тому времени, когда «Элленита» пересекла экватор, вода поступала так быстро, что уже не только команда, но и все пассажиры, сменяя друг друга, непрерывно вычерпывали ведрами воду. Ближайшей землей был архипелаг Самоа, куда Хейс и взял курс. Однако 16 октября стало ясно, что и до Самоа «Эллените» не дойти. Вода затопила трюмы, погубила груз, плескалась в пассажирских каютах. Капитан приказал сделать плот, так как в единственной имевшейся шлюпке все уместиться не могли: шлюпка рассчитана на двенадцать человек, а на борту вместе с пассажирами было двадцать шесть. Пока

сооружали плот, Хейс приказал перейти в шлюпку женщинам и детям.

Шлюпка, в которой, кроме женщин, должны были находиться капитан, помощник и еще несколько пассажиров, взяла плот на буксир. Хейс сошел с «Эллениты» последним. Палуба уже почти поровнялась с водой, и Хейс просто шагнул в шлюпку, а гребцы поспешили отгresti от судна, чтобы не затянуло в воронку.

Ночью налетел шквал и порвал трос, соединявший шлюпку с плотом. С рассветом плот обнаружить не удалось, и Хейс поспешил в Самоа, куда прибыл через четыре дня. В то время на эти острова, формально независимые, претендовали несколько европейских держав. Борьба закончилась победой Германии, превратившей архипелаг в колонию и потерявшей его после первой мировой войны.

Потерпевшие кораблекрушение прибыли в Апию, главный город на Самоа, 16 ноября 1859 года. Там в американском консульстве Хейс под присягой дал показания о причинах и обстоятельствах гибели «Эллениты», а также сообщил, что жители деревни, куда по пути зашла шлюпка, украли у него мешок с деньгами. Неизвестно, насколько эти показания были правдивы, но ни с кем Хейс так и не расплатился, в том числе, несмотря на судебный процесс, и с теми из пассажиров и членов команды, кто дал ему деньги на сохранение.

В Сиднее, куда Хейс прибыл с Самоа, его ждал судебный исполнитель с ордером на конфискацию «Эллениты». В последующие недели Хейс был за-

нят. Его привлекли к суду по нескольким обвинениям, в том числе за попытку соблазнить во время путешествия пятнадцатилетнюю пассажирку, за отказ вернуть деньги пассажирам и так далее. Одновременно Хейс вел дискуссию в газетах, стараясь ответить на каждую статью, порочащую его имя.

От уголовных обвинений за отсутствием прямых доказательств Хейсу удалось избавиться, но пришлось сесть в долговую тюрьму в связи с иском кредиторов. В тюрьме, однако, он провел всего два дня. Он подал заявление о банкротстве, и, так как некому было поручиться за него и некому оплатить его долги, австралийские власти решили отпустить его на все четыре стороны.

19 января 1860 года Хейс вышел из тюрьмы. Имущество его состояло из секстанта, оцененного в тридцать шиллингов и не подлежащего конфискации как орудие труда. С планами разбогатеть на море пришлось временно расстаться, и Хейс становится... певцом. Присоединившись к бродячей труппе «Негры-менестрели», он больше года разъезжает по австралийским городкам. В начале 1861 года Хейс встречает старых друзей и рассказывает им, что мечтает вернуться в море и уже придумал, как это сделать.

Неподалеку от Сиднея жил на своем ранчо некий Сэм Клифт, попавший в Австралию в 1818 году не по доброй воле, а в качестве каторжника. С тех пор Клифт остепенился, стал одним из самых богатых овцеводов в округе и столпом местного общества. Вот с этим-то Клифтом Хейс и подружился. Больше того, в Хейса влюбилась дочь ов-

цевода, и бывший капитан не стал утруждать ее рассказами о своей жене и детях, оставшихся в Сан-Франциско. Хейс обручился с мисс Клифт и в качестве подарка к предстоящей свадьбе получил барк «Лонцестон» водоизмещением триста двадцать восемь тонн. Так Хейс снова стал капитаном.

Вскоре Хейс, сопровождаемый напутственными пожеланиями старика Клифта, юной невесты и друзей-певцов, погрузил в Ньюкасле уголь и ушел в Бомбей. Но до Бомбея он не добрался. Через три месяца в газетах различных портов появилось письмо, подписанное дельцами Батавии. В нем говорилось, что некоторое время назад в Батавию прибыло из Австралии судно «Лонцестон». Оно выгрузило там уголь и подрядилось отвезти в Сингапур груз на общую сумму сто тысяч долларов. Как только «Лонцестон» вышел из порта, купцы, доверившие капитану Хейсу груз, спохватились: а не тот ли это Хейс, о котором столько говорили год назад? Оказалось — тот. Хейса принялись разыскивать, чтобы получить груз обратно. Но тут следы потерялись. И никто не знает, что он делал в течение следующего года. Ясно только, что он не вернулся в Сидней, не женился на мисс Клифт, не вернул батавским купцам их сто тысяч долларов.

Вероятнее всего, в те месяцы, когда никакой информации о Хейсе не поступало, он курсировал в Южно-Китайском море вдали от бдительного ока судебных исполнителей. Лишь одно из приключений Хейса того времени стало достоянием гласности.

В период своих незарегистрированных плаваний на «свадебном подарке» Клифта Хейс зашел в Китай, где взял на борт несколько сот кули для плантаций в Северной Австралии. Помимо платы за провоз кули, он получил еще по десять долларов с головы для того, чтобы уплатить таможенникам иммиграционный сбор. Платить Хейс не хотел и потому придумал следующее.

Когда «Лонцестон» приблизился к порту назначения, Хейс велел притопить трюмы. Перепуганные кули высыпали на палубу и сбились там. Трюк был совершен в тот момент, когда на горизонте показался торговый корабль (по другой версии, портовый буксир). Хейс подал сигнал бедствия и, когда судно подошло ближе, сообщил, что скоро пойдет ко дну, но, беспокоясь за судьбу не умеющих плавать пассажиров, он просит принять их на борт, за что заплатит по три доллара с головы спасенных. Как только корабль с китайцами на борту скрылся из глаз, заработали помпы, были подняты паруса и «Лонцестон» взял курс в открытое море. Так Хейс избежал нежелательной встречи с портовыми властями, выполнил обязательство доставить кули до места назначения и прикарманил несколько тысяч долларов портовых сборов.

Конечно, действия Хейса кажутся почти невинными по сравнению с бандитизмом его предшественников, но времена изменились. Эскапады Хейса довольно быстро получили широкую огласку, за ним охотились, его преследовали, что, впрочем, не мешало ему продолжать свою деятельность в течение многих лет.

Неизвестно, где и как Хейс расстался с «Лондестоном» и почему он через год вновь оказался на берегу в роли эстрадного певца. Потом будут новые корабли, катастрофы, еще одна женитьба, крушение корабля, при котором погибнут его жена и ребенок; некоторое время Хейс будет владельцем театра на приисках в Новой Зеландии и, наконец, станет работорговцем.

Уильям Бойд и капитан Таунс

Среди австралийских богачей сороковых годов XIX века выделялся некий Уильям Бойд. Бывший биржевой маклер, он появился в Австралии с небольшим флотом из двух пароходов и трех яхт и начал заниматься китобойным промыслом и скупать землю. К 1844 году он был уже владельцем более двух миллионов акров пастбищ, разводил овец и экспортировал шерсть в Европу. В то время пастухам и другим рабочим в Австралии было принято платить тридцать фунтов в год. Бойд срезал зарплату втрое.

Сэмюэл Сидней в книге «Три колонии Австралии» пишет: «Бойд был настолько непопулярен среди рабочих... что не осмеливался один посещать свои фермы, и полицейский магистрат выделил для него наряд полиции, сопровождавший Бойда во время ежегодных объездов».

Ни австралийцы европейского происхождения, ни аборигены работать на Бойда не желали. Тогда Бойд решил поставить на широкую ногу похи-

щение жителей Южных морей, которым за работу можно было почти ничего не платить: островитяне, как правило, даже не знали еще, что такое деньги.

Вскоре Бойд разорился на своих спекуляциях, но ввоз рабов в Австралию не прекратился. Новым толчком к этому послужила гражданская война в США. Боевые действия шли большей частью в хлопкопроизводящих районах, и производство хлопка резко сократилось. Однако мировые потребности в хлопке росли, и начался хлопковый бум, на котором наживались плантаторы Австралии. Сложилась парадоксальная ситуация: борясь с рабством у себя дома, американские республиканцы способствовали развитию рабства в Южных морях. Спрос на дешевую рабочую силу не прекратился и после окончания хлопкового бума. Хлопковые поля в Квинсленде были перепаханы и засажены сахарным тростником. И снова потребовались рабочие.

Наиболее одиозной фигурой из плантаторов-рабовладельцев Австралии был, пожалуй, капитан Таунс, имевший, помимо больших плантаций, и собственный флот. Принадлежавшая ему шхуна «Черный пес» считалась самым быстроходным судном в Южных морях. Таунсу в его начинаниях помогал Росс Льюин, бывший английский военный моряк, самый крупный «специалист» по добыче рабочей силы. И если сегодня пишут о работорговле в Южных морях, то обычно вспоминают Хейса, Льюина и Пиза — зловещую троицу, проклятую писателями и историками. А Бойд и Таунс, которые финансировали пиратские налеты,

остались в памяти австралийцев как пионеры, закладывавшие основы благосостояния материка. В честь Таунса даже назван город — Таунсвилл.

Сохранились документы, связанные с одним из рейсов принадлежавшего Таунсу корабля «Дон-Жуан». Командовал кораблем капитан Грубер, а в качестве главного вербовщика выступал Росс Льюин. Любопытно привести выдержку из инструкций Таунса, которые, в отличие от устных указаний, могли стать достоянием гласности и потому отличались фантастическим лицемерием.

«Сначала вы посетите те острова, которые вам знакомы, и объясните туземцам, в чем состоит ваша задача, а именно нанять для меня от пятидесяти до ста мужчин. Я предпочитаю парней от 14 до 18 лет. Но в партии должны быть и экземпляры постарше, которые могли бы влиять на молодежь в момент вербовки. Вербуй людей, точно объясните им, что они должны будут делать: работать на хлопковых плантациях. У них будут хорошие хижины и добрый господин, который их будет защищать, и обещайте, что возвратите их через двенадцать месяцев домой, а может, даже и через шесть месяцев, и что вы все время будете находиться вместе с ними, чтобы переводить для них и все объяснять, и что им будут платить товарами и вещами из расчета десять шиллингов в месяц... В заключение я напоминаю вам о моем искреннем желании, чтобы с туземцами обращались с максимальной добротой и чтобы ни в коем случае ни один из членов экипажа не позволял себе по отношению к ним дурных поступков. Я буду удовлетворен, если вы раздобудете пятьде-

сят мужчин и мальчиков, но еще более буду доволен, если вы привезете семьдесят штук, разумеется, если судно сможет перевезти такое количество с комфортом, и я ни в коем случае не разрешаю перевозить туземцев в тесноте».

Помимо инструкции, капитаны вербовочных судов Таунса снабжались письмами к миссионерам. В этих письмах Таунс представляет себя в качестве ближайшего помощника миссионеров, намеренного предоставить «туземцам» возможность пожить в цивилизованных условиях: «Я сделаю больше для цивилизации туземцев за год, чем вам удастся сделать за десять лет. Они воочию убедятся, что представляет собой цивилизация, и постараются следовать этому примеру».

В действительности, однако, и сами методы вербовщиков, и условия, в которых перевозили островитян, а затем содержали их на плантациях, были настолько бесчеловечны, что правительства штатов Австралии с середины шестидесятых годов были вынуждены принимать меры, направленные на успокоение общественного мнения. Например, в 1868 году правительство штата Квинсленд издало Акт о полинезийских рабочих (к этому времени называемых обычно «канаками»), в котором старалось упорядочить вербовку, перевозку и использование островитян. Однако случай с кораблем «Дафни» в 1869 году показал, что этот указ не более чем пустая бумажка. Это вынуждено признать, в частности, Австралийская энциклопедия, которая говорит, что «недостатки Акта явно обнаружались в знаменитом деле “Дафни”».

В апреле 1869 года британский паровой фрегат «Розарио» стоял на якоре у островов Фиджи. Фрегат должен был наблюдать за порядком в Южных морях, защищать интересы Великобритании и следить за происками европейских конкурентов. В обязанности его входил и досмотр кораблей, которые могли показаться подозрительными.

Капитану Пальмеру показалась подозрительной шхуна «Дафни» водоизмещением меньше пятидесяти тонн. Капитан шхуны Даджет и его помощник Причард (партнер Росса Льюина) предъявили документы, согласно которым правительство штата Квинсленд поручало им завербовать и привезти пятьдесят «туземных» рабочих. Когда капитан Пальмер и сопровождавший его британский консул взошли на борт «Дафни», они обнаружили, что «шхуна была оборудована, как африканское работорговое судно. В трюме помещалось сто туземцев, все они были совершенно голые, там не было даже ни единой циновки. Трюм был разделен на загородки, как для перевозки свиней, и, что удивительно, оказалось, что его инспектировал и выпустил в море правительственный чиновник штата Квинсленд».

В трюме площадью пятьдесят квадратных метров сто человек были заперты в течение двадцати одного дня!

Британский офицер был шокирован столь откровенным бандитизмом. «Дафни» была конфискована, капитан и вербовщики арестованы. Но по прибытии в Австралию работорговцы были выпущены до суда на свободу, и прокурор информиро-

вал Пальмера, что сомневается, удастся ли их осудить. Когда начался процесс, адвокат поведал слушателям и судьям, как несчастные «туземцы», которых злобный английский капитан вышвырнул со шхуны, плыли за ней, цепляясь за канаты, и умоляли не отправлять их домой, а отвезти на плантации. К концу первого дня заседания всем стало ясно, что виноваты не работоторговцы, которые хотели, чтобы «туземцы» жили в цивилизованной обстановке, а капитан Пальмер. Способствовало общей обстановке, пишет Пальмер, и то, что капитан «Дафни» Даджет являл собой трогательное зрелище — он был высоким стариком с длинными белыми волосами и настолько благородной осанкой, что казался скорее миссионером, нежели капитаном дальнего плавания.

Процесс кончился тем, что рабы признаны бережливыми рабочими, которые ехали в трюме, потому что там было теплее и спокойнее. Возмущенный капитан Пальмер апеллировал в Вице-Адмиралтейство, находившееся в Австралии; однако оно, поддержав приговор суда, приказало к тому же взыскать с Пальмера судебные издержки. Капитан вернулся в Англию и в свободное от вахт время написал книгу «Похищение в Южных морях», в которой описал все как было. Его гневное перо не пощадило ни плантаторов, ни сиднейских торговцев, ни государственных чиновников. Правительство Квинсленда было оскорблено, и в результате длительной тяжбы капитану Пальмеру пришлось дать обязательство изъять из книги при последующих изданиях наиболее острые места. Капитан надеялся, что судебные издержки с

него все-таки не взыщут, как-никак капитан королевского флота. Однако издержки в размере ста семидесяти девяти фунтов пяти шиллингов и пяти пенсов взыскали.

Росс Льюин, капитан Пиз и капитан Хейс

Капитан Хейс решил заняться работорговлей, купил бриг «Рона» и завязал деловые отношения с Пизом и Льюином.

Если Льюин был новым знакомым, то Пизу Хейс помог в Китае за несколько лет до того.

Капитан Пиз начинал свою карьеру, по крайней мере более или менее документированную ее часть, командуя китайским патрульным судном, которое должно было бороться с прибрежными пиратами. Уверяют, что Пиз нашел с пиратами общий язык и не мешал им, получая за это часть добычи. Если же кто-либо осмеливался встать у него на пути, то расправа была короткой. Однажды Пиз захватил китайскую джонку и выбросил за борт всю команду, за исключением капитана и его помощника. Привязав их за косы к мачтам лицом к лицу, он вручил им ножи и приказал драться до смерти. Когда они отказались, Пиз велел поймать двух крыс и привязать их к животам пленников. Испуганные моряки предпочли бой, и, когда один из них погиб, победителя выкинули за борт. Но Пиз не учел, что израненный китаец сохранил достаточно сил, чтобы доплыть до берега.

Там его, полуживого, подобрали, и он успел перед смертью все рассказать. Пиза выгнали со службы и отняли все награбленное добро. Когда капитан Хейс через несколько месяцев был в Шанхае (очевидно, это случилось в темный период крейсерства на «Лонгестоне»), он встретил на улице оборванного, нищего Пиза, и они плавали вместе до тех пор, пока Пиз не украл в Гонолулу шхуну «Водяная лилия».

Свой первый вербовочный рейс Хейс совершил на остров Ниуэ. Сюда Хейс заходил и раньше и даже оставил на берегу своего агента. Народ здесь жил мирный, и озлобление против работорговцев, распространившееся вскоре на всех «белых», еще не овладело островитянами. На этом и строилась тактика Хейса.

Корабль бросил якорь, и через некоторое время островитяне окружили его. Никто не мешал им взбираться на палубу. Когда на борту набралось шестьдесят человек, Хейс приказал поднять якорь и направился в открытое море.

Через неделю по острову распространился удивительный слух: коварный капитан возвращается. Все население острова собралось на берегу. С «Роны» спустили шлюпку, и капитан Хейс один, без охраны, подгреб к пляжу. Среди островитян стоял и мистер Хэд, агент Хейса, которому отъезд капитана причинил много неприятностей. На вопрос Хэда, что же произошло, Хейс ответил: «Я их предупредил, что мне пора отплывать. А они не пожелали оставить корабль. Не мог же я оставаться здесь целый месяц! Пришлось отплыть всем вместе». Хейс был совершенно серьезен, и

торговый агент не смог уловить и тени улыбки.

Затем Хейс обернулся к островитянам. «Ваши собратья, — сказал он, — живы и здоровы. Я их высадил на одном хорошем острове, потому что мы, катаясь по морю, отплыли так далеко, что у нас кончилась пища. Я вернулся за пищей, а ваши родственники ждут моего возвращения». Последним, самым решительным аргументом были слова: «Если бы я был в чем-нибудь виноват, неужели я решился бы один, без охраны, вернуться к вам и разговаривать с вами?»

Хейс умел убеждать. Не только жители острова Ниуэ, но и прожженные дельцы попадались на его открытую улыбку. В деревне поднялась суматоха — на корабль несли кокосовые орехи, мясо и другие продукты. Затем начался общий пир. А когда гости покинули деревню, в хижину к вождю вбежал один из воинов: «Бородатый капитан увез наших девушек!»

Оказывается, во время пира матросы Хейса так расхваливали прелести дальних стран, что несколько девушек решили убежать с ними. Кроме того, потихоньку собрались и ушли на корабль жены и невесты украденных ранее островитян. Когда оставшиеся в деревне жители добежали до берега, они увидели в отдалении огни уходящей «Роны». Они опоздали. На этот раз «Рона» увезла тридцать девушек и женщин. С тех пор капитан Хейс никогда не высаживался на острове Ниуэ.

На пути к Таити Хейс подобрал с необитаемого, безводного атолла остальных пленников и загнал всех в трюмы. Впоследствии он продал их с аукциона.

Доктор Ламберт, один из благороднейших людей в истории Южных морей, который побывал практически на всех островах Полинезии, Меланезии, Микронезии, бескорыстно леча островитян, в своей книге «Доктор в раю» рассказывает о встречах с многочисленными представителями «белого» мира на островах — авантюристами, изгнанниками, бандитами, миссионерами, моряками. Вот что он пишет о Хейсе: «Хейс очищал от людей целые острова и увозил их обитателей на верную смерть на полях и в шахтах Австралии, Фиджи и Южной Америки. Побочным его занятием были набеги на жемчужные плантации с конфискацией жемчуга и ныряльщиц. В открытом море он перекрашивал свой корабль для того, чтобы избавиться от возможного опознавания патрульным судном. Он часто в качестве наживки использовал хорошеньких девушек. Особенно соблазнительными были красавицы с Аитутаки. Он набирал несколько девушек и рассаживал их на палубе при подходе к отдаленному острову. Девушки завлекали молодежь, и наивные островитяне подплывали к борту, где их хватали и обращали в неволю».

Помимо «Роны», у Хейса в то время был и другой корабль — бригантина «Самоа», которая объезжала торговые станции Хейса на островах, собирая копру и перламутр. «Рона» была в плохом состоянии: как в свое время «Элленита», она забирала много воды, корпус прогнил — в тропиках суда быстро приходят в негодность. В середине мая 1869 года «Рону» пришлось оставить в море, и команда на двух шлюпках в течение двенадцати дней добиралась до ближайшего острова. Хейс,

хотя и был огорчен потерей очередного корабля с грузом, рассчитывал, что быстро наверстает упущенное, как только встретится с «Самоа». И надо же случиться такому совпадению: «Самоа» налетела на риф у того же острова Манихики, к которому пристали шлюпки с Хейсом и командой «Роны». Таким образом, на островке собрались команды обоих судов Хейса, и они вынуждены были сооружать из обломков «Самоа» лодку, в которую погрузились все сорок моряков, и с невероятными лишениями полтора месяца плыть до Апии.

Пришлось начинать все сначала. На этот раз Хейс зафрахтовал шхуну «Атлантик», взял часть своей проверенной в рискованных авантюрах команды и предложил желающим свои услуги. Желающий нашелся — плантатор с Фиджи Сиверайт. Хейс, сопровождаемый плантатором, тут же взял курс на Манихики, на котором он несколько месяцев тому назад строил лодку из обломков и где его хорошо знали и миссионер, и островитяне, помогавшие ему строить лодку и снабдившие бесплатно продовольствием.

Островитяне обрадовались, увидев Хейса, — все такого же веселого и добродушного. А Хейс особенно обрадовался, узнав, что они мечтают отправиться в гости к соседям на островок Ракаханга и приготовили для этой поездки много кокосовых орехов, шляп, циновок и других подарков. «Вы были добры ко мне, — заявил он вождю, — и я отплачу вам тем же. Я предлагаю даже отправиться всей деревней, не оставляя никого на острове. Будет, конечно, тесновато, но ведь до Ракаханги доберемся за день».

Все складывалось удачно для Хейса, однако на радостях он напился допьяна, начал буйствовать, обесчестил десятилетнюю девочку и в бессознательном состоянии был доставлен на борт командой, которая сочла за лучшее убраться из деревни. Наутро Хейс одумался, вернулся в деревню с подарками и извинениями, но островитяне уже не доверяли ему и, хотя не отказались от поездки на его корабле, женщин и детей решили оставить дома.

Они погрузили на борт «Атлантика» двадцать тысяч кокосовых орехов — почти весь урожай, множество циновок и, поддавшись все-таки на уговоры Хейса, согласились даже захватить с собой нескольких женщин и детей.

Когда берега острова слились с горизонтом, Хейс вышел на палубу. За ним шли два матроса с пистолетами в руках. Островитяне прервали песню и начали подниматься на ноги. Капитан не улыбался. «Этот белый господин, — сказал он, указав на Сиверайта, — будет теперь вашим хозяином. Вы едете на острова Фиджи, где много пищи и где вы будете работать, и вернетесь через год на ваш остров богатыми и много всего повидавшими».

Так как все островитяне в трюм не помещались, то большей частью они находились на палубе под надзором команды. Лишь когда проходили мимо какого-нибудь острова, их загоняли в трюм, где они часами стояли вплотную друг к другу, ожидая, пока остров скроется из глаз и капитан позволит им выйти наружу.

Аппетит приходит во время еды. Плантатор

Сиверайт был настолько потрясен простотой и остроумием операции, проведенной Хейсом, что упросил капитана набрать по пути еще два-три десятка рабов. Большая часть вымрет в первый же год, и лучше сразу привести столько, чтобы был запас. Хейс, которому деньги были нужны позарез, согласился и отправился к островам Пукапука (или Опасным островам), открытым в 1765 году капитаном Байроном — дедом великого поэта.

Здесь Хейс избрал новый путь вербовки. Он обратился прямо к местному миссионеру и с его помощью уговорил вождя отправиться с двадцатью мужчинами на остров неподалеку. Неизвестно, попался ли миссионер на удочку или был участником заговора, но еще двадцать рабов оказались на борту.

По дороге к Фиджи пришлось сделать остановку на острове Паго-Паго, чтобы набрать воды. Пленников под охраной отпускали партиями на берег, чтобы они могли вымыться, и одному из них, старику Моэте, удалось скрыться и добраться до вождя островка. Когда тот узнал, сколько полинезийцев захвачено Хейсом, он немедленно побежал к миссионеру (в те времена миссионеры жили практически на каждом острове). Миссионер, услышав, что вождь намерен напасть на корабль и силой освободить островитян, стал его отговаривать и обещал сам все узнать. Миссионер был в тяжелом положении. Если он даст Хейсу уйти безнаказанно, то пропадут все результаты его трудов по обращению островитян в христианство. Кто поверит после этого, что он не сообщник

работорговцев? Но идти против самого капитана Хейса...

Тут зашел на огонек плантатор Сиверайт, пребывавший в отличном расположении духа, так как выгодный рейс подходил к концу. И когда миссионер спросил его, не похищены ли «туземцы» обманом со своего острова, плантатор не счел нужным скрывать правду.

Вождь племени ждал неподалеку. Как только плантатор ушел, он вбежал в домик миссионера. Миссионер рассказал ему обо всем и опять просил не прибегать к оружию. Вождь согласился, так как у него уже был готов план спасения рабов. Удалось договориться с пленниками, что они будут послушны и постараются затянуть момент, когда надо будет спускаться в трюм, а потом по сигналу все разом бросятся в воду. Им навстречу выйдут лодки и помогут добраться до берега.

Так все и вышло. Пленники, запуганные и робкие, послушно вернулись на корабль и расселись на палубе. Команда была пьяна, капитан тоже, и никто не спешил загонять их в трюм. Да и те, кто был внизу, незаметно поднимались наверх. Неожиданно старик Моэте резко крикнул, и все, кто мог, попрыгали за борт.

Команда растерялась. Уже темнело, и стрелять по плывающим было бессмысленно, поэтому старались только ловить отставших и заталкивать их в трюм. В общей сложности смогли поймать десятка два человек. Возможно, Хейсу удалось бы сохранить, по крайней мере, этот остаток живого груза, но, на его беду, островитяне за последние годы многому научились. На берегу еще остава-

лась шлюпка с «Атлантика», а в ней помощник Хейса и несколько матросов. Они набирали пресную воду. Узнав от пленников, что спастись удалось не всем, вождь племени приказал захватить шлюпку.

Услышав крики с берега и выстрел, Хейс понял, что часть команды подверглась нападению. Рассвирепев, он спрыгнул в стоявшую у борта пустую лодку и, держа в каждой руке по револьверу, приказал матросу грести к берегу. Но вождь проявил тактическое чутье, стараясь при этом не нарушать обещания, данного миссионеру, который наблюдал за развитием действий с веранды своего дома. Навстречу лодке, в которой возвышался исторгавший проклятия пират, вождь послал другую, которая врезалась в лодку Хейса у берега. Хейс в этот момент целился в вождя и не заметил опасности. От толчка лодка перевернулась, и Хейс оказался в воде. Тут же островитяне навалились на него, и, прежде чем они вытащили его на песок, он успел нахлебаться соленой воды.

Так Хейс попал в плен. Его поместили в доме миссионера и послали гонца к английскому консулу на остров Тутуила с просьбой забрать пленника. Как консул ни отнекивался, делать было нечего — пришлось Хейса арестовать и отправить в Апию. Дело уже получило огласку, и даже в английском парламенте раздавались речи о том, что действия пиратов наносят непоправимый ущерб интересам Британской империи.

В Апии, куда прибыл арестованный Хейс, не было тюрьмы для европейцев, и, что с ним делать

далее, было неясно. Правда, существовал уже официальный доклад консула Тутуилы о том, что семеро из захваченных рабов умерли от жестокого обращения, а остальные находятся в плохом состоянии. Замолчать этот доклад, заверенный миссионером, было нельзя. Значит, следовало отправить Хейса в Сидней, где его ждало обвинение еще в нескольких преступлениях. И, конечно, Хейс не был заинтересован в том, чтобы возвращаться в Австралию.

Так шли недели. Чтобы оправдаться в случае будущих упреков, консул отправил командиру английского патрульного судна письмо с просьбой заглянуть в Апию и забрать арестованного. А арестованный тем временем жил в собственном доме со своей собственной третьей (или четвертой) женой, ходил в гости к соседям, принимал у себя консула и был принят у него. Правда, возможное появление английского военного судна беспокоило Хейса, и он принял меры, разослав по соседним островам с верными людьми письма. Ответ на них пришел весьма быстро.

«В Понапе после пира в честь окончания удачного похода за головами, — писала одна австралийская газета, — пират Пиз узнал, что его друг пират Хейс попал в тюрьму в Апии. Подняв на мачте американский флаг, Пиз ворвался в гавань Апии. Он бросился к тюрьме, сопровождаемый своими головорезами, перебил охрану и освободил Хейса».

История красивая, но действительность, хотя и не была столь картинна, немногим уступает ей.

Пиз в самом деле отмечал в Понапе, где у него

был дом, успех экспедиции. Экспедиция же была необычна даже для тех времен.

Подойдя к одному из Соломоновых островов, Пиз бросил якорь у деревни. Подождав, пока корабль окружат лодки со смеющимися островитянами, Пиз приказал команде кидать заранее заготовленные тяжелые камни. Камни пробивали днища лодок, а оставшихся в воде людей вытаскивали и тут же рубили им головы. Когда набралось более ста голов, трофеи были положены на солнце для просушки. Затем Пиз начал торговлю с вождями других островов, которые в обмен на головы отдавали ему «добровольных» рабов. Эта история докатилась до Англии и вызвала довольно жаркие дебаты в парламенте. В палате лордов лорд Карнарвон выразил глубокое сожаление по поводу того, что встречаются европейцы, которые, «для того чтобы способствовать своей законной деятельности, потекают ужасным и зверским обычаям туземцев». Другие члены палаты говорили о том же. Защищаясь от их нападок, министр по делам колоний заявил, стараясь не задеть интересов плантаторов: «Мы должны напомнить благородным лордам, что целью законов по упорядочению вербовки туземцев было не запрещение вербовки вообще и что мы достигнем наших целей лучше всего, если заставим каждое судно получать специальную лицензию». И корабли королевского флота получили указание следить, чтобы «туземцев» по возможности не убивали и не торговали их головами.

Отпраздновав свою удачу, Пиз взял курс на Самоа, вошел в гавань и встал на якорь. Конечно,

и речи быть не могло о штурме тюрьмы, хотя бы и потому, что ее не существовало. Хейс просто явился к консулу и попросил у него официально-го разрешения отправиться на корабль своего старого друга, чтобы наладить хронометр. Консул немедленно согласился. Хейс на глазах всей Апии попрощался с женой и уехал на шлюпке к Пизу. Через два часа Пиз поднял паруса и взял курс в открытое море. Правда, консулу не удалось убедить командира пришедшего вскоре в гавань английского патрульного судна, который намеревался отвезти Хейса в Сидней, в том, что он не состоял в сговоре с пиратами. Он был уволен с консульской службы, и всем членам его семейства впредь было запрещено занимать консульские должности.

После этих событий след Хейса на несколько месяцев теряется. Известно лишь, что они с Пизом некоторое время кружили в тех местах, совершая мелкие мошенничества. Например, на Ниуэ Пиз подделал документы и получил на триста фунтов стерлингов чужой копры, а на другом острове купил у английского торговца три тысячи клубней ямса и отплыл, не расплатившись. Том Данбабин пишет в книге «Работоторговцы Южных морей», что вскоре после этого Пиз был арестован за убийство торговца Купера и отдан под суд в Шанхае. Пиз был оправдан, но к тому времени, если верны дошедшие до нас слухи, Хейс уже ушел на его корабле. Какой-то купец предложил ему доставить в Гонконг (Сянган) груз риса. Хейс рис погрузил, но торговца «забыл» на берегу. Затем он продал рис в Гонконге и исчез.

Встретились ли пираты снова, мы не знаем. Смерть Пиза описывают по-разному. Данбабин сообщает, что в 1881 году Пиз плавал на «Лотосе» у Маршалловых островов: «Когда «Лотос» возвращался с Джалуиты на Эбон, команда, состоявшая из полинезийцев, взбунтовалась и выбросила Пиза за борт — видимо, не без веских на то причин. Шхуна шла медленно, и Пиз поплыл ей вслед, крича, чтобы канакки подобрали его. Тогда матросы выбросили за борт сундук Пиза и посоветовали возвратиться на Джалуиту на нем».

Иная версия изложена в статье, опубликованной в газете «Дейли Миррор» в 1958 году. В ней говорится, что в октябре 1874 года на берег острова Понапе была выброшена волнами измазанная запекшейся кровью пирога, в которой лежали шляпа и ржавое ружье. Островитяне, нашедшие пирогу, сразу узнали эти вещи — Пиз подолгу жил на острове.

Итак, когда, где и как погиб Пиз, неизвестно. Известно лишь наверняка, что уже в 1872 году хозяином его брига был Хейс, который переименовал его в «Леонору» (в честь одной из своих дочерей) и даже осмеливался появляться на нем в Апии, правда, только под американским флагом. Американский крейсер задержал «Леонору», и после трех дней расследования в вахтенном журнале крейсера появилась запись: «21 февраля 1872 года. Расследование дела брига «Леонора» завершено. Капитану Хейсу разрешено возобновить свои обязанности в качестве ее капитана и владельца». Жизнь Хейса протекала так же бурно, как и десять лет до того. Ему всегда нужны

были деньги, и он никогда не задумывался над тем, какими путями они к нему поступают. Он снова разбогател, завел себе еще одну жену, поселил торговых агентов на многих островах, ибо это было выгоднее, чем возить рабов. Но пирата окружали соблазны легкой наживы, и одолеть их он не мог.

Однажды Хейс взял груз на Гуаме, принадлежавшем тогда испанцам, и, судя по документам, срочно отправился в Апию. Но, как потом выяснилось, он лишь отошел от порта на небольшое расстояние и лег в дрейф. На третий день в сопровождении нескольких матросов он высадился на берег и направился к лесу. Однако дойти до леса Хейс не успел. Два десятка испанских солдат окружили его. И хотя Хейс клялся, что решил просто размяться на берегу, никто его не стал слушать: у испанцев были свидетели, что Хейс договорился с политическими ссыльными на Гуаме увезти их с острова по цене в двадцать четыре доллара с головы.

Так Хейс оказался в Маниле, на Филиппинах, в качестве... политического заключенного.

Известный путешественник капитан Слокам, который вскоре в одиночку за три года обойдет земной шар на яхте «Спрей», был в то время в Маниле. Он встречался с Хейсом раньше и, так как знал, что испанская тюрьма на Филиппинах далеко не рай, решил навестить заключенного и ободрить его. Но путешественник ошибся. Сочувствовать Хейсу не приходилось. Слокам застал пирата на веранде дома начальника тюрьмы, где тот мирно пил кофе и обсуждал с приехавшим к

нему в гости епископом Манилы вопросы религиозного свойства. За несколько дней до того Хейс, не потерявший к сорока шести годам предприимчивости и изобретательности, перешел в католичество, что сделало его весьма популярной фигурой в Маниле.

Еще через несколько дней Слокаму удалось увидеть, как во главе праздничной религиозной процессии по Маниле шагает босиком, неся длинную свечу, поседевший и приобретший в тюрьме благородный и несколько изможденный вид пират Хейс. А вскоре испанские власти в Маниле по настоянию епископа и других влиятельных лиц сняли с Хейса все обвинения и даже выдали ему бесплатный билет до Сан-Франциско.

Из Сан-Франциско Хейс вскоре снова вырвался. Ему удалось уговорить какого-то доверчивого дельца дать ему свою яхту «Лотос» для крайне выгодного плавания в Южные моря. По каким-то неизвестным причинам, которые дали историкам основания подозревать Хейса в очередном жульничестве, на борту яхты, помимо Хейса, его помощника Эльсона и матроса-норвежца Питера, оказалась жена владельца яхты.

Путешествие было нелегким. Хейс изводил придирами норвежца, из-за чего у них то и дело вспыхивали ссоры. Кулаки Хейса все еще были крепки, и норвежец выходил из ссор с синяками и ушибами. Смирялся и терпел.

В Апии Хейса встретили как долгожданного блудного сына. Ему рассказали и последнюю сенсационную новость. Росс Льювин, построивший себе крепость на Танне и удалившийся туда от

дел, убит. Убил его брат мальчика, которого Льювин застрелил за кражу банана. Восстановив деловые контакты, Хейс тут же пустился в объезд своих владений.

31 марта 1877 года яхта приближалась к острову Вознесения. Было десять часов вечера, и стояла полная тьма. Жена хозяина яхты, по-прежнему сопровождавшая Хейса, и помощник капитана были внизу. На палубе оставались лишь Хейс и норвежец. О том, что случилось, рассказывает со слов помощника капитана сан-францисская газета «Пост»: «Капитан говорил с рулевым о курсе. Возник спор, и капитан ушел вниз. Когда он поднялся через несколько минут, матрос ударил его по голове бревном. Хейс упал и тут же умер».

Судьба убийцы неизвестна. И даже неясно, убил ли он Хейса в гневе, доведенный до крайности избиениями и придирками, или причиной стала ревность.

После смерти Хейса появилось много рассказов о том, как он умер. Так как правда была банальна и некрасива, ее приукрашивали. Писали, что норвежец убил Хейса десятью выстрелами из револьвера и после каждого Хейс поднимался и не хотел умирать. Говорили, что его сожрали акулы...

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

ФЛИБУСТЬЕРСКОЕ МОРЕ

«Береговые братья»

Тортуга был крохотным клочком суши, неизвестным островком среди тысяч других. Колумб, проплыв мимо, не обратил на него внимания. Великий мореплаватель сошел на другом острове, расположенном по соседству с Тортугой, но несравненно большем по размеру. Индейцы, кстати, так и называли его — Большая Земля. Колумб, воткнув в него флаг своего короля и установив там крест, нарек его Эспаньолой. Позже флибустьеры окрестили его Санто-Доминго. Ныне это остров Гаити.

На Тортуге и Ямайке осели эти странные люди. Они вошли в историю под именем флибустьеров, а посему в годы расцвета их промысла воды, омывающие Центральную Америку, по праву называли Флибустьерским морем.

Французское слово флибустьер происходит от староанглийского флибьютор, или фрибьютор, или фрибутер, в свою очередь перешедшего из голландского фрисбутер или фрийбейтер — «вольный добытчик», иначе говоря — пират. Какая разница между пиратом, корсаром и флибустьером? Вновь обратимся к этимологии. Пират, от латинского пирата, в свою очередь идет от древнегреческого пейратес (корень пейран означает «пробовать», «пытаться», в значении пытаться свою

судьбу в море). Греки были отменными мореходами, знавшими все тонкости этого ремесла и связанной с ним деятельности. Пират — это морской разбойник, человек вне закона, грабивший кого ему заблагорассудится. Клюбер, автор «Истории права европейских народов», дает такое определение: «Пираты — это люди, занимающиеся воровством на море без всякого разрешения на то со стороны властей», а Фошиль в «Трактате о международном государственном праве» пишет: «Пиратство — это разбой на море». Что касается корсара, то этот человек не стоял вне закона. Он получал от своего государя жалованную грамоту или поручительство, разрешавшее ему «добывать» торговые суда противника. Одни корсары были капитанами королевского флота — Жан Бар, Дюгэ-Труэн, Форбен; другие, как Сюркуф, — капитанами торговых компаний.

Понятие флибустьер — географическое. Оно относится к пиратам, промышлявшим в Карибском море и Мексиканском заливе, причем они числились то пиратами, то корсарами в зависимости от того, имелось ли у них поручительство от властей или нет. Нередко поручительства выдавались от имени короля Франции или королевы Англии, хотя в большинстве случаев монархи не ведали об этом либо прикрывали лицемерными запретами собственные тайные приказы. Большинство флибустьеров обзаводилось поручительством для престижа, а также для того, чтобы в случае неудачи их не спутали с пиратами и не повесили без долгих рассуждений на рее. Самое забавное заключалось в том, что многие из держателей

этих королевских грамот не разумели никакой грамоты; так, историк Губерт Дешан рассказывает об одном разбойнике, именовавшем себя корсаром, а в качестве поручительства гордо предъявлявшем бумагу, подписанную безвестным датским чиновником и гласившую, что «подателю сего разрешено охотиться на диких коз».

Вздываясь над пронзительно голубым морем, Тортуга казалась спящей под солнцем черепахой. Колумб окрестил этот остров Черепахой из-за его формы, напоминавшей издали гигантскую черепаху, повернутую головой на запад, маленьким «хвостиком» на восток.

Северный берег Тортуги, состоявший из нагромождения скал, был обращен к открытому морю, а на юге, где берег устилал мягкий песок, через кишевший акулами пролив шириной пять-шесть морских миль лежала Эспаньола, Большая Земля.

Поначалу Эспаньола служила флибустьерам с Тортуги продовольственной базой: оттуда доставляли отличную говядину. Свежее мясо пираты закупали самым честным образом у буканьеров, осевших в северной части Большой Земли. То были как раз те самые иммигранты, о которых мы уже упомянули. Это они, дорвавшись после многодневного пути из Европы до мяса, начали с ненасытного обжорства. Скот на Эспаньоле водился в избытке, и флибустьеры часто приставали к берегу, чтобы обменять мясо на оружие и патроны. Оседлые жители быстро смекнули, что могут выручить от торговли гораздо больше, если сумеют предложить товар длительного хранения. Индейцы, сохранившиеся на Эспаньоле, обучили их

древнему способу консервирования. Они разрезали мясо на длинные ремни, солили его и укладывали не решетке на угли, называемые ими барбако. Мясо медленно коптилось там, обретая одновременно нежный вкус. Такое мясо индейцы называли букан, отсюда и слово буканьер — термин, который потом совершенно ошибочно стал употребляться как синоним флибустьера.

Хирург Эксмелин в своей книге довольно подробно описывает распорядок дня типичного буканьера. Встав на рассвете, они группами по пять-шесть охотников со сворой (речь идет о прирученных диких собаках) выходят на промысел. Диких быков на острове так много, что очень скоро собаки выгоняют одного зверя на опушку. Главарь группы стреляет в него из мушкета. Если бык не убит на месте, охотники преследуют его, догоняют и перерезают на ногах сухожилия. Затем добычу начинают свежевать, и только тут наступает время завтрака. Едва разделав быка, сотрапезники с наслаждением высасывают из костей мозг; еда эта сытная и вкусная. Покончив с завтраком, люди продолжают охотиться до полудня, после чего возвращаются в лагерь на обед; едят они жареное мясо и фрукты, вино куда более редкий гость на острове, нежели водка. После полудня готовят букан, чистят и вытягивают шкуры.

Одежда буканьеров приспособлена к нуждам их ремесла: испанское сомбреро с обрезанными краями (в широкополой шляпе не очень побегаешь по густому лесу), короткие штаны, грубая рубаха навыпуск, пояс и башмаки из сыромятной кожи. Вся одежда обычно настолько пропитана грязью и

кровью, что стоит колом. На поясе нож и пороховница.

Согласно свидетельствам старинных авторов, буканьеры делились на собственно буканьеров, охотившихся на быков, и охотников, добывавших диких свиней, из которых тоже готовился букан либо солонина. Но подобная специализация, судя по всему, соблюдалась не очень строго.

Буканьеры жили группами по четыре, пять, шесть человек в грубых хижинах из собачьих шкур, натянутых на колья и прикрытых сверху ветвями. В каждой группе все добро (весьма скудное, за исключением оружия и нескольких котелков) считалось общим владением, и, если один из членов группы погибал или умирал, остальные забирали имущество себе без лишних проволочек. Крохотные буканьерские общины назывались «матлотажами», ибо члены их хотя и не жили на судне, но именовали себя матросами («матлотами») и реже — компаньонами. В истории сохранилось другое наименование, пущенное в обиход буканьерами. С какого-то времени они стали называть себя «береговыми братьями», желая подчеркнуть узы братства не только внутри каждой группы, но и между всеми обитателями острова. Двери не запирались: замков на Тортуге и Эспаньоле не знали.

Закономерно возникает вопрос об их нравах. Эксмелин на этот счет изъясняется достаточно обтекаемо: «Буканьеры живут весьма вольно, свято храня верность друг другу». Судя по намекам современников, буканьеры брали себе индейских женщин в качестве наложниц, но в принци-

пе семейная жизнь на Эспаньоле была не в фаворе.

(Блон Ж. Великий час океанов. Т. 1. Флибустьерское море; Средиземное море; Индийский океан/ Пер. с фр. А. М. Григорьева. — М.: Славянка, 1993. — 543 с.)

Пьер Легран

К 1635 году уроженец Дьеппа Пьер Легран находился в Карибском море уже довольно долго, сколько точно — установить невозможно. Достоверно известно лишь, что в один прекрасный день января или февраля того года он крейсировал по спокойному морю на траверзе мыса Тибурон, западной оконечности Эспаньолы, на своем четырехпушечном люгере в компании двадцати восьми вооруженных до зубов молодчиков.

Судно, равно как и люди, находилось в плачевном состоянии: Легран упрямо вот уже которую неделю бороздил море, не разрешая пристать к берегу. Впустую! Порции стали урезать до крайности, воду выдавали чуть ли не по глотку — имеется в виду питьевую, поскольку в трюме воды было предостаточно, но то была забортная морская вода, которую приходилось безостановочно откачивать. И вот в таких обстоятельствах однажды к полудню они заметили три галиона, шедшие строем курсом норд, то есть на Кубу. Нападать на эту троицу было бы чистым безумием, и Пьер Легран с товарищами лишь с горечью глядели на уп-

львавшую богатую добычу — близок локоток, да не укусишь!

Три гордых галиона таяли на горизонте, когда рулевой, оглянувшись, вдруг заметил в противоположной стороне еще один парус. Галион шел один.

— Ну уж этот, — воскликнул Легран, — будет наш!

«Испанец» медленно двигался по левому борту против течения, подойти к нему не составляло никакого труда — надо было лишь пустить судно по воле ветра и волн.

Экипаж с превеликим восторгом встретил весть о предстоящем сражении. Однако по мере того, как галион, приближаясь, становился все более отчетливым, восторги умерялись, ибо кусок был, похоже, не по зубам. Четыре мачты, пузатый корпус, а главное, заметные невооруженным глазом многочисленные порты, сквозь которые торчали дула орудий, действовали отрезвляюще. Самые горячие головы, правда, кричали, что, чем крупнее корабль, тем жирнее добыча, но более опытные морские волки помалкивали.

Пьер Легран знал хорошо свою братию. Он спустился ненадолго в каюту судового хирурга, преданного ему до мозга костей, и отдал ему приказ, о котором экипаж узнал гораздо позже:

— Будем брать галион на абордаж. Все поднимутся на борт «испанца». Вы — самым последним. Но, прежде чем покинуть люгер, сделаете пробоину в днище. Пару раз стукнете топором, этого будет достаточно.

Вахтенные матросы на палубе «испанца» ни-

сколько не беспокоились появлением крохотного, неказистого люгера; о его приближении было доложено капитану, но тот даже не удосужился выйти из каюты, где играл в карты.

Все свободные от вахты матросы спали в кубрике или чинили дырявые робы. Лишь вахтенные, свесившись через борт, смотрели на суденышко, козьявкой прилепившееся к борту галиона. Что им надо, этим оборванцам? Наверное, хотят выклянчить остатки провизии, ничего иного просто невозможно было себе вообразить.

— Эй! Чего вы хотите?

Ответы были неразборчивы. Может показаться странным, что вахтенный офицер галиона не заподозрил ничего дурного. Впрочем, он вторично послал предупредить капитана и сейчас ожидал приказаний.

Все последовавшее затем произошло очень быстро в типичной для флибустьеров манере. На планширь галиона наброшены «кошки», нападающие мгновенно оказываются на палубе, вахтенные перебиты, не успев поднять тревоги; флибустьеры кидаются на корму, и вот уже капитан с изумлением видит наставленный на него пистолет. Три минуты спустя Пьер Легран громогласно возглашает с юта сбежавшемуся экипажу галиона:

— Пороховой погреб наш. При малейшем сопротивлении взлетите на воздух!

Испанцы были поражены еще больше, чем их капитан, ибо не видели рядом с галионом никакого судна: люгер, продырявленный хирургом, затонул в считанные минуты. Мгновение спустя весь экипаж захваченного корабля был загнан в трюм.

Из шикарной каюты в кормовой пристройке показывается, озираясь в недоумении, почтенный седовласый сеньор — вице-адмирал. Оказалось, что этот галион не обычный корабль, а флагман флота, доверху набитый богатствами и провизией, вооруженный пятьюдесятью четырьмя орудиями. Пираты были вне себя от радости, но Пьер Легран держал их в железной узде: нельзя допустить, чтобы они накинулись, как звери, на еду и вино.

— Готовиться к маневру!

С помощью нескольких испанцев флибустьеры обрасопили реи, и галион взял курс на Эспаньолу. Легран выбрал для стоянки тихую, уединенную бухточку, где выгрузил пленников: «Катитесь ко всем чертям!» Те немедля двинулись в глубь леса. Несколько добровольцев остались на борту у пиратов марсовыми.

Никаких подробностей неизвестно о состоявшемся в бухте совете. Известно лишь, что на нем было принято самое поразительное в истории флибустьерства решение.

Галион подобных размеров и с таким мощным вооружением мог бы стать в руках разбойников грозной плавучей крепостью, способной взять любую добычу и навести страх на все Карибское море. Он один был равен целому флоту. Но нет. Захватившие его пираты порешили отправиться на нем... в Европу.

Пьер Легран тут же взял курс на Францию и без приключений прибыл в Дьепп. Деньги, вырученные от продажи груза и самого галиона, были поделены между участниками так, что никто не оказался в обиде. Легран осел в Дьеппе, где зажил

как богатый буржуа — заветная мечта всех прошлых и нынешних уголовников. Что стало с его людьми, источники не указывают, но позволительно думать, что многие из голосовавших с капитаном за возвращение в родные пенаты остались на родине.

(Блон Ж. Великий час океанов. Т. 1. Флибустьерское море; Средиземное море; Индийский океан/ Пер. с фр. А. М. Григорьева. — М.: Славянка, 1993. — 543 с.)

Монбар Губитель

Будучи еще учеником колледжа, лангедокский дворянин Монбар жадно глотал книги крестителя индейцев Лас Касаса; говорят, что чуть ли не после каждой страницы Монбар восклицал: «Проклятые испанцы!» А участвуя в любительском спектакле на школьном празднике, он едва не задушил своего одноклассника, игравшего идадьго.

Чуть позже, когда между Францией и Испанией началась война, он уговорил своего дядю, капитана корсарского судна, взять его к себе на борт. Вперед, к Антильским островам! Едва на горизонте появился парус, Монбар бросился с вопросом: «Это не “испанец”?» Когда же корсары действительно заметили «испанца», дядя запер пылкого Монбара в каюте: «Иначе его прикончат при первом абордаже». Однако, как только борта судов столкнулись, молодой человек высадил дверь и, словно разъяренный бык, кинулся в самую гущу

битвы. Матросы вспоминали потом: «То был прямо архангел с мечом».

Архангела обычно представляют розовым и белокурим. Эсмелин же описывает Монбара человеком громадного роста, заросшим черным волосом, с кустистыми бровями. Вскоре этот дворянин появляется на Тортуге, куда дядя прибыл сбывать добычу. Флибустьеры его судна тут же предались гульбе. А Монбар, который пил одну лишь воду, не интересовался картами, а позже, судя по всему, оставался столь же равнодушным и к прекрасному полу, повел беседу с буканьерами с эспаньольского побережья.

— Дела стали совсем плохи, — жаловались охотники. — Испанцы то и дело тревожат набегами. Пока мы на охоте, они жгут дома и забирают букан. Надо бы устроить на них поход в центр острова.

— Чего вы ждете?!

Монбару было тогда, должно быть, лет семнадцать-восемнадцать; немудрено, что, когда он предложил буканьерам возглавить карательную экспедицию против испанцев, они отнеслись к пылкому юноше скептически. Как бы то ни было, Монбар прибыл на Эспаньолу, стал метко разить испанцев и освобождать захваченных ими в рабство индейцев, за что те перевозносили его до небес. Так осуществилась мечта лангедокского школяра.

Немного погодя мы видим Монбара капитаном судна, экипаж которого состоит целиком из беззаветно преданных ему индейцев. Захватывая испанский корабль, он выкидывал все и вся за

борт — ни пленников, ни добычи не оставалось после его битв. Монбар Губитель — под таким именем он вошел в историю пиратства.

Именно Монбару приписывают изобретение наиболее ужасных пыток.

Скажем, испанскому пленнику вспарывали живот, конец кишки прибивали к дереву, а затем начинали тыкать его горящим факелом под зад, заставляя бежать, разматывая внутренности. Смерть, увы, наступала не очень быстро.

Подробнейшее описание мук, якобы изобретенных Монбаром, непременно встречается в рассказах испанских хронистов XVII — XVIII веков, откуда они перекочевали в книги современных историков пиратства.

Немало черт Монбара, дошедших до нас, безусловно соответствовали истине, но в целом его облик тонет в море выдумок и легенд, откуда нелегко выудить правду; неизвестна и хронология событий — мы не знаем даже, в каком точно году отплыл в последний раз с Тортуги со своим экипажем верных индейцев, чтобы исчезнуть навеки. Старинные авторы говорят лишь, что Губитель сгинул со своими присными — возможно, на таинственных Елисейских полях, вымощенных черепами испанцев...

Блон Ж. Великий час океанов. Т. 1. Флибустьерское море; Средиземное море; Индийский океан/ Пер. с фр. А. М. Григорьева. — М.: Славянка, 1993. — 543 с.

Рок Бразилец

Примерно в те же героические времена на Тортуге появляется другой типичный герой — Рок по прозвищу Бразилец. Точно личность его неизвестна; более или менее достоверно установлено лишь, что родился он в нидерландском городе Гронингене, откуда семья его отца, негоцианта, переехала в Бразилию, где он жил до 1641 года, когда страну захватили португальцы. После этого он появляется в Вест-Индии и от случая к случаю находит пристанище на Тортуге.

Рок выглядит идеалом мужчины своего времени — гордый, суровый взор, крепко сбитое тело, храбрый воин и умелый кормчий, одинаково хорошо владеющий всеми видами оружия, в том числе и индейским луком. Разгуливал он всегда с обнаженной саблей под мышкой, и, ежели кто, к своему несчастью, осмеливался ему перечить по малейшему поводу, «он без затруднения перерубал его пополам».

Разумеется, он был беспощаден к испанцам, и самым большим удовольствием для него было «жечь их живьем, как свиней». В отличие от Монбара, он весьма падок до добычи, «неуемен в буйстве и разврате» — настоящий флибустьер.

На долю каждого героя непременно должны выпасть невзгоды. Вот и Рока во время нападения на побережье Кампече взяли в плен испанцы. Хитростью (а ею непременно должен быть наделен всякий флибустьер) ему удастся выпутаться из беды. Вместо того чтобы повесить его, испанцы отправ-

ляют Рока в Европу на борту галиона, где этот бывший поджариватель испанцев «завоевывает всеобщую любовь». Он поражает своих спутников по морскому путешествию умением бить из лука летающих рыб; они покупают у него свежую добычу, так что за время пути ему удается скопить пятьсот реалов, которыми он оплатил обратную дорогу во Флибустьерское море, где «долго еще продолжал совершать свои подвиги». Как и Монбар, он исчезает с горизонта в зените славы, и дата этого достославного события остается неведомой.

(Блон Ж. Великий час океанов. Т. 1. Флибустьерское море; Средиземное море; Индийский океан/ Пер. с фр. А. М. Григорьева. — М.: Славянка, 1993. — 543 с.)

Анри де Фонтенэ

Летом 1652 года до испанских властей на Кубе дошли вести о том, что Левассер, превратившийся в невыносимого тирана, был убит двумя помощниками губернатора — Мартеном и Тьебо, которые захватили власть на Черепахе. Немного времени спустя оба владетельных князька сдали без сопротивления свои полномочия новому губернатору господину Анри де Фонтенэ, назначенному в должность кавалером де Пуэнси. Этот Фонтенэ был «французским идалго», потомком старинного дворянского рода и рыцарем Мальтийского ордена. Он долго воевал с турками, обретя в этих сражениях много полезных навыков.

В последующие месяцы испанскому губернатору на Кубе пришлось по нескольку часов в день читать ошеломительные депеши и выслушивать гонцов, которые с вытянутыми физиономиями излагали тягостные вести:

— Два галиона, вышедшие из Пуэрто-Бельо в Гавану, подверглись нападению французских пиратов и были разграблены... Октябрьский флот перехвачен на выходе из пролива Гайя-де-ла-Плата — три галиона захвачены, один подожжен... Город Ла-Вега на Эспаньоле разорен отрядом, высадившимся на мысе Исабелла, на северном побережье острова. Другой отряд пиратов захватил все товары, доставленные на рынок в Барранкилью, возле Картахены... Еще один галион разграблен на пути между Картахеной и Пуэрто-Бельо; на обоих разбойничьих судах экипаж состоял из негров под командованием белых... Новое нападение на суше: ограблен Пуэрто-де-Гра-сиас...

Забрав бразды правления в свои руки, кавалер де Фонтенэ уверенно направлял удары французских флибустьеров. Этот потомок сиятельных аристократов стал кумиром оборванной пиратской братии. Из Мадрида, куда шли реляции о непрерывных потерях, грозно отчитывали наместников. Куба пыталась оправдываться: «Мы вооружаем галионы до крайней возможности». Это была ложь. Будь на галионах меньше нелегальных грузов и платных пассажиров, они могли бы взять на борт больше орудий и солдат. Но привычка к жульничеству и обману уже вошла в плоть и кровь управителей испанских заморских владе-

ний, золото отравило их души. Мадрид запросил однажды, почему ничего не сделано для искоренения зла на месте — почему не уничтожены базы противника?

— Мы обдумываем это.

Действительно, на столе у губернатора Кубы лежал план Бас-Тера, куда заносили сведения, полученные от лазутчиков и бежавших пленных. Кавалер де Фонтенэ, словно угадывая намерения испанцев, еще больше укрепил Гору: рабы и вербованные построили два бастиона по обе стороны площадки Скального форта, где установили дополнительные батареи.

— Сие ни в коей мере не обескураживает нас, — доложил губернатор Кубы в Мадрид.

Окончательное решение он принял летом или осенью 1653 года.

Испанская эскадра была составлена из пяти крупных галионов и десятка галиотов — мелких, но очень крепких суденышек. Выйдя из Гаваны, соединение обогнуло Кубу с северо-запада, а затем прошло мимо южного берега Ямайки и Эспаньолы, держась далеко от островов, дабы остаться незамеченным. Ночью флотилия втянулась в узкий пролив между Эспаньолой и Тортугой и ранним утром 10 января 1654 года подошла к Бас-Теру.

Прежде чем развернуться строем в виду вражеской гавани, эскадра разбилась надвое: четыре галиона и несколько галиотов двинулись прямо к порту, а остальные замерли на рейде. Загрохотали пушки Скального форта. Им ответили залпы испанских судов.

Огонь береговых батарей всегда более прицелен, а в описываемую эпоху разница была особенно чувствительной. Тем не менее, несмотря на сильный заградительный огонь, испанские корабли продолжали движение.

Плотные клубы черного дыма окутали Бас-Тер. Когда порывы ветра разгоняли его, испанцы могли видеть, как группы вооруженных людей спускались из форта к причалу, да и в самой гавани наблюдалось движение. Несколько флибустьерских судов отвалили от пирса, таща на буксире весельные шлюпки.

Испанские капитаны приняли меры, чтобы не дать пиратам пойти на абордаж. Однако, к своему удивлению, они узрели, что флибустьерские суда, не выходя из гавани... начали тонуть. Кавалер де Фонтенэ распорядился затопить их, чтобы не дать врагу подойти к берегу. Орудия форта изрыгали огонь. Казалось, предпринимать высадку десанта в таких условиях невозможно.

Но никто и не собирался этого делать: нападение на Бас-Тер в лоб было лишь отвлекающим маневром.

Пока грохотали пушки и все внимание было сосредоточено на гавани, оставшийся галион с несколькими галиотами тихонько исчезли с театра военных действий и приблизились к берегу в точке, отстоявшей примерно в одном лье к востоку от Бас-Тера. Берег там не был укреплен. С галиотов высадился штурмовой отряд с мулами, орудиями и ящиками с боеприпасами. Пушки и ящики тотчас погрузили на мулов, и отряд двинулся в глубь острова. Все было сделано так быстро и сла-

женно, что не оставалось никаких сомнений: операция тщательнейшим образом подготовлена, а возможно, и отрепетирована.

В точности неизвестно, каким способом испанцам удалось втащить пушки на крутые склоны южного побережья. Узенькие осыпающиеся тропки не позволяли подниматься там даже по двое в ряд, и французы жили в уверенности, что нападения с тыла не последует. Тем не менее факт остается фактом: испанцы установили на вершине соседней гряды батарею из десяти орудий и открыли огонь с тыла. Они рассчитывали, что внезапное и массированное нападение сломит сопротивление французов за несколько минут.

Но Фонтенэ громовым голосом приказал строить под огнем дополнительный бруствер.

В XVII веке бруствер клали из двух рядов бревен, а пространство между рядами, шириной около метра, заполняли землей. Техника эта была испытана к тому времени многократно да и в сущности мало изменилась за последующие века.

Испанские корабли били в упор изо всех орудий. Порт и селение Бас-Тер всю светлую часть дня находились под разрушительным огнем. Чтобы спасти остатки судов, губернатор распорядился вывести их из гавани и поставить между полутонувшими собратями. Колонисты и негодяи Черепахи без малейшего удовольствия лицезрели картину уничтожения своего имущества: ярким пламенем пылали их дома и набитые товаром склады. Вполне резонно предположить, что немалое число этих пацифистов страстно желало найти общий язык с испанцами. Фонтенэ держал

защитников форта в железной узде, проявляя личную отвагу. Когда ему сообщили, что на редут снизу явилась депутация жителей, которые хотят обратиться к нему, он поначалу решил, что горожане Бас-Тера пришли предложить свою помощь. Однако услышал он совсем другое.

— Мы полагаем, господин губернатор, что у нас нет иного выхода, кроме как капитулировать...

Глава депутации едва успел закончить фразу, как рухнул, сраженный pistolетным выстрелом в лицо. Остальные представители общественности бросились наутек.

К моменту нападения цейхгауз на Горе был битком набит порохом и ядрами. Но в трюмах испанских судов суммарный боезапас был в пять-шесть раз больше. Испанский адмирал, приказавший вначале считать ядра и меры пороха, облегченно вздохнул, когда убедился, что огонь французских батарей начал стихать. А затем вражеские орудия замолчали. Немного погодя ему доложили, что губернатор Тортуги готов вести переговоры о сдаче.

Фонтенэ добился почетных условий: побежденные сохранили знамена и личное оружие, никаких пленных — губернатору было разрешено покинуть остров с тремя сотнями солдат и негров. Испанцы даже позволили ему остаться на острове столько времени, сколько потребуется для подъема затопленных кораблей.

Солнце нещадно слепило глаза, когда кавалер де Фонтенэ во главе своего войска маршировал к порту сквозь строй испанских солдат, выстроенных в два ряда с оружием на изготовку. Над Го-

рой гордо развевался кастильский флаг. Большинство жителей Бас-Тера высыпали проводить своих прежних хозяев.

Все проходило в полном молчании; лишь когда шлюпки отвалили от берега, кто-то в толпе крикнул:

— До скорого!

(Блон Ж. Великий час океанов. Т. 1. Флибустьерское море; Средиземное море; Индийский океан/ Пер. с фр. А. М. Григорьева. — М.: Славянка, 1993. — 543 с.)

Жереми дю Россе

Весть о потере Тортуги дошла до Парижа весной 1654 года, не вызвав там никакого волнения. Францию все еще терзали раздоры Фронды, страна с любопытством приглядывалась к юному королю, которого только что венчали на царство в Реймсе. Единственными заинтересованными лицами были акционеры Компании островов Америки, горстка банкиров и негоциантов плюс несколько личностей из самых различных социальных слоев, объединенных лишь тем, что они побывали в свое время в Америке, а посему охотно искали общества друг друга. Среди них был и некто Жереми Дешан, обитатель перигорского имения Россе, младший отпрыск старинного дворянского рода. В этом качестве он не мог рассчитывать вступить во владение имением и жить на доходы с родовых земель. Поэтому в 1641 году он отправился в Вест-

Индию и жил на Тортуге до 1651 или 1652 года. Чтобы быть совсем точным, Жереми не просто жил, а плавал на одном из флибустьерских судов, возможно, даже командовал им. Вернувшись во Францию с тугой мощной, он зажил тихо — во всяком случае, на родине он не заставлял говорить о себе.

В 1654 году он узнал о потере Тортуги. Вскоре до него донеслись известия о неудачной попытке кавалера де Фонтенэ отбить остров (силы были слишком малы), после чего незадачливый губернатор возвратился во Францию, где спустя очень короткое время умер. Судя по всему, Жереми внимательно следил за всеми событиями в далеких краях. В ноябре 1656 года мы видим Жереми дю Россе в приемной государственного секретаря по вопросам коммерции, куда он явился с просьбой об аудиенции. Диалог, состоявшийся в кабинете секретаря, был предельно лапидарен:

— Кавалер де Фонтенэ скончался больше года назад, и его никто не заменил. Я покорнейше прошу назначить губернатором Тортуги меня.

— Но, позвольте, месье, остров не в наших руках.

— Знаю. Но я завладею им.

— Мы не имеем возможности ничем поспособствовать вам.

— Мне ничего и не требуется.

— Тогда извольте.

Рескрипт о назначении господина дю Россе покоится в архивах, он датирован 26 ноября 1656 года. Известно и сколько времени новоиспеченный наместник короля в заморских владениях провел

в Париже в тщетных попытках найти финансовую поддержку: два года. Это доказывает, что, во-первых, у младшего сына сохранилось кое-что на черный день, а во-вторых, что энтузиазм во Франции к освоению далекого края значительно поостыл. В конце концов дю Россе решил обойтись без помощи и ехать в одиночку. Он отправился из Парижа в Ла-Рошель.

Тогда это был самый крупный и самый оживленный французский порт на океане. Дю Россе повел в тавернах беседы со всякого рода искателями удачи. Человек он был, как все перигорцы, предприимчивый, а сверх того — умный и речистый, умеющий договориться с любым собеседником. В результате ему удалось склонить к отъезду человек тридцать молодцов, готовых следовать за ним хоть к чертям в пекло, и зафрахтовать судно, шедшее с грузом кож на Ямайку.

Жереми дю Россе был разговорчив, но он умел и молчать, когда требовалось, поэтому никто не узнал о демаршах, предпринятых им в Порт-Ройяле на Ямайке. Историки, однако, отыскиали в британских архивах переписку между Лондоном и колониями, из коей явствует, что, когда корабль прибыл к месту назначения, французцу удалось получить от губернатора Ямайки поручительство на вступление в должность губернатора Тортуги. Дю Россе, конечно же, ни словом не упомянул о том, что у него уже был подобный документ от короля Франции.

Покинув Порт-Ройял, он отправился со своим воинством на Марго, островок у западного побережья Санто-Доминго.

Дело в том, что рыцари удачи, вынужденные оставить Тортугу после нападения испанцев (1654), осели на западном побережье Санто-Доминго и на Марго, построив там несколько причалов и деревень; эти поселения образовали вкуче подобие независимой республики без верховной власти и писаного закона. Одну из гаваней они иронически назвали Пор-де-Пэ (Мирный порт), а всю вотчину — Кю-де-Сак (Тупик). Иными словами, конец авантюры.

Между тем их авантюра продолжалась. Множились лихие атаки на испанские галионы и пиратские вылазки малыми группами. Сплавливать добычу флибустьеры ездили на Сент-Кристофер или к англичанам на Ямайку.

Прибытие на Марго Жереми дю Россе с тридцатью сорвиголовами было встречено радостными криками. В свою очередь, профессионалы грабежа и виртуозы разбоя из Европы с большой готовностью и легким сердцем примкнули к флибустьерской республике Кю-де-Сак: вольный промысел всегда мыслился ими как наиболее достойное занятие для свободного человека.

Жереми, не откладывая в долгий ящик, принял за психологическую обработку пиратской общины. Вот, говорил он, показывая на выступающий на горизонте горбатый силуэт Тортуги, колыбель флибустьерства. Честь корпорации и виды на будущее властно диктуют нам: необходимо отвоевать этот остров, начало всех начал, отправную точку дальнейших грандиозных походов. Да, за этим подвигом последуют новые набеги, которые всех их осыплют золотом. Он, месье дю Рос-

се, уже познал в полной мере эту радость и хочет познать ее вновь. «Наша судьба связана с Тортугой!»

Магия слова, покорившая тридцать кабацких завсегдатаев в Ла-Рошели, понемногу взяла за душу пятьсот или шестьсот местных флибустьеров. Жереми сумел их зажечь напоминанием о славном прошлом, рассказами о легендарных подвигах, которым эти головорезы внимали, открыв от напряжения рты и проникаясь восхищением к самим себе. Неужели мы были когда-то могучими богатырями? Право слово, эпопея «береговых братьев» не должна завершиться в Тупике. Тортуга вновь станет нашей!

Проповедники крестовых походов лишь ратовали за поход на Святую Землю. Жереми дю Россе действовал иначе: ведя активную пропаганду, он в то же время обдумывал тактику борьбы и изыскивал средства для ее осуществления. Ему было ясно, что застать испанцев врасплох можно, лишь действуя абсолютно оригинальным образом, идя непроторенной стезей.

Нападение на Тортугу произошло в декабре 1659 года при спокойной погоде; был полный штиль, а луна вступила в первую четверть. Все эти обстоятельства были учтены Жереми, когда он назначал день и час выступления.

Тот день казался обывкшим на Тортуге испанцам обычным, ничем не примечательным. Солнце торжественно садилось в море, «казавшееся раскаленным металлом». Сторожевые скального форта доложили дежурному офицеру: «Никаких происшествий». Патрули, произведя обход, возврати-

лись в казармы на Горе. Еще чуть-чуть — и стало темно. Шестьсот человек под началом Жереми дю Россе уже были на острове.

«Не раздалось ни единого орудийного выстрела, лишь несколько ружейных хлопков», — сообщил впоследствии предводитель. Военная хитрость дала блестящий результат. Посадив по четыре человека в пирогу, дю Россе выпустил в море сто пятьдесят легких скорлупок. Рассредоточенная армада, никем не замеченная, обогнула Тортугу и подошла не к южному побережью, находившемуся под усиленным присмотром, а к скалистому, обрывистому северному берегу. Эта часть острова считалась недоступной — она и в самом деле была недоступна для крупных судов. Но не для крохотных пирог, хотя несколько лодок было выброшено прибоем на скалы. Люди, с грехом пополам цепляясь за выступы, просидели целый день по шею в воде, дожидаясь темноты.

Ночью, едва выглянула луна, они начали карабкаться вверх. Жереми предусмотрел, что эта часть пути будет долгой и трудной, однако луна еще будет светить, когда его люди доберутся до вершины берегового откоса. Расчет оказался верен. Флибустьеры, жадно ловя ртом воздух, собрались на круче; перед ними в белесом отсвете маячила темная масса Скального форта, а в прогалине между деревьями на полпути к форту легко угадывалась орудийная площадка — та самая, откуда за шесть лет до этого испанской батарее удалось заставить замолчать флибустьерский форт, а самих флибустьеров сдать.

Но времени предаваться грезам и воспоминани-

ям не было, следовало воспользоваться лунным светом для важных действий.

Часть войска, наиболее многочисленная, спустилась с откоса и, обогнув форт, растворилась в долине. Другая приблизилась на двадцать шагов к батарее. Ни шороха, ни звука. Луна зашла. Потянулись долгие часы ожидания. Отряду, застывшему перед батареей, был дан приказ захватить ее, едва только начнет светать.

Часовые увидели флибустьеров первыми. Они успели сделать несколько выстрелов; расчеты, выскочив по тревоге, бросились к орудиям, но так и остались стоять с поднятыми руками: нападающие держали их под прицелом мушкетов.

На бастионе Скального форта слышали выстрелы, и офицеры подняли гарнизон в ружье. Не успели еще солдаты выбежать из казарм, как первые ядра, посланные с захваченной батареи, обрушились на Гору. Часть испанского гарнизона спустилась в долину, чтобы отразить вторжение. И тут основная часть флибустьерского отряда под командованием Жереми дю Россе встретила их залпом в упор из засады. Залп скошил сорок кастильцев. Оказаться меж двух огней — ситуация незавидная, особенно на войне. Захваченные врасплох испанцы заметались во все стороны и полчасу спустя капитулировали.

Месье дю Россе, имея в кармане поручительство от двух государей, без колебаний решил объявить третий суверенитет — свой собственный. Французский флаг сменил кастильский штандарт на флагштоке Скального форта, но младший отпрыск перигорского рода объявил жителям Тор-

туги, что они обязаны присягнуть на верность ему лично.

«Почему бы и нет?» — подумали обыватели Черехаи, нисколько не удивившись.

За шесть лет испанской оккупации они привыкли иметь дело с чиновниками Королевской торговой палаты, скупавшими урожай их плантаций по более или менее справедливым ценам. Возвращение губернатора-француза их не беспокоило, чего нельзя было сказать о шумных флибустьерах. Лишь содержатели портовых таверн обрадовались появлению физиономий знакомых забулдыг, их вернейших клиентов.

Жереми дю Россе быстро понял, что его положение не столь прочно, как казалось поначалу. С одной стороны, не могло быть и речи об отсылке назад флибустьеров, возбужденных до крайности лихим покорением острова; с другой стороны, надо было как-то рассеять растущее беспокойство жителей. Править людьми — нелегкое дело. А на Тортуге особенно. Франция только что подписала с Испанией Пиренейский мир, тем самым дезавуировав поручительство короля. Отныне флибустьерское занятие превращалось в простое пиратство.

После долгого размышления Жереми дю Россе решил избрать компромисс: разрешить флибустьерам вольный промысел, поставив его под строгий контроль, то есть позволять им редкие вылазки и одновременно побуждать пиратов к занятию сельским хозяйством. Подобные намерения, как и следует, вызывали буйный смех у молодцов, которых он еще вчера призывал победить либо сложить голову на поле брани.

Нелегкое губернаторство Жереми продлилось три года, после чего он заболел. Все позволяет предположить, что у него развилось классическое заболевание ответственного руководителя — язва желудка. В октябре 1662 года, временно передав полномочия своему племяннику Фредерику Дешану де ла Пласу, приехавшему под его крыло на Тортугу, он отправился в Европу, в Лондон.

Дю Россе, должно быть, не раз с горечью вспоминал те два года, что он провел в Париже в тщетных попытках найти поддержку своим замыслам покорения Тортуги.

— На сей раз я поеду в Лондон.

Лондон, насчитывавший в 1662 году пятьсот тысяч жителей, был крупнейшим городом мира, важнейшим банковским центром, местом, где можно купить и продать что угодно, в том числе и остров. Именно об этом думал Жереми, в голове которого созрел план пустить Тортугу с молотка. Деньги, разумеется, он собирался забрать себе, поскольку покорил он Тортугу на свои собственные средства и с той поры никто во Франции не поинтересовался судьбой острова.

И все же щепетильность, побудившая его после сдачи испанцев поднять на Тортуге французский королевский флаг, заставила его и в Лондоне первым делом нанести визит в посольство Франции.

Он не мог, конечно, знать, что ступил на поле, усеянное коварными дипломатическими ловушками. Это он осознал лишь тремя неделями позже в Париже, буквально на пороге кабинета французского министра иностранных дел, к которому

явился в отчаянии от безнадежности найти покупателя на Тортугу.

— Ваше появление как нельзя более кстати, месье дю Россе, — сказал министр. — Вы пытались продать Черепаший остров английскому правительству, что есть акт измены. Весьма сожалею, но моя обязанность — препроводить вас в Бастилию.

Жереми дю Россе провел в Бастилии около двух лет, последние месяцы — почти исключительно в деловых переговорах о... продаже Тортуги.

Агенты французской Вест-Индской компании, которые, по всей видимости, и состряпали на него донос, усугубленный аудиенцией у британского министра, просто выжидали, пока клиент «созреет». Они не воспользовались бесправным положением узника и добились его освобождения, едва он принял их последнее предложение: пятнадцать тысяч французских ливров плюс вознаграждение в размере ста пистолей его племяннику, временно исполнявшему на острове губернаторские обязанности в ожидании назначения нового главы колонии.

Пятнадцать тысяч ливров были смехотворной ценой за Черепаший остров, но фантастической суммой для вчерашнего узника, только что покинувшего тюремный чертог. Несколько недель кутежей и безумств, в течение которых месье дю Россе промотал эти деньги, не занесены ни в какие исторические анналы; лишь добрая дюжина записных гуляк и красавиц французской столицы сохранила до конца своих дней нежные воспоминания

нения об этом времени. Облегчив таким способом свой кошелек, Жереми объявил, что два года Бастилии окончательно восстановили его здоровье и он возвращается в тропики. Свои дни он мирно закончил на далеком острове.

(Блон Ж. Великий час океанов. Т. 1. Флибустьерское море; Средиземное море; Индийский океан/ Пер. с фр. А. М. Григорьева. — М.: Славянка, 1993. — 543 с.)

Жан-Франсуа Олоне

Жан-Франсуа Но, по прозвищу Олоне, родился в 1630 году во Франции в местечке Сабль д'Олоне, провинция Пуату. Глаза — голубые, волосы — каштановые, рост — средний, особых примет нет. Завербовался в возрасте двадцати лет в Ла-Рошели на три года в Вест-Индию. Точное местонахождение и характер работы в означенный период не установлены. Затем буканьер на Санто-Доминго, где неоднократно участвует в стычках с лансеро (испанскими кавалеристами). В 1665 году перебирается на Тортугу, выходит на морской промысел, где зарекомендовал себя положительно. В 1662 году получает от губернатора Жереми Дешана дю Россе жалованную грамоту и судно. Неоднократно возвращается на Черепаху с богатой добычей, но затем вынужден поставить свой истрепанный корабль на прикол. В 1664 году получает еще одно судно — от временно исполняющего обязанности губернатора Дешана де ля Пляса. В августе того

же года выходит на этом судне в море. В последний раз был замечен три недели спустя в двухстах пятидесяти морских лье к западу от Тортуги при входе в Юкатанский пролив, где шел курсом вост. С тех пор от него не поступало никаких вестей.

Через сутки после встречи с испанским галионом в Наветренном проливе Жан-Франсуа со своим негритянским экипажем прибыл в Бас-Тер и поведал о пережитом приключении.

Его корабль потерпел крушение у побережья полуострова Юкатан. Уцелевшие моряки, едва добравшись до суши, были взяты в плен испанскими лансеро, которые повели их в соседний город Кампече.

— По дороге нам удалось напасть врасплох на стражу, нескольких убить, забрать у них оружие и вступить в жестокий бой с остальными. Все мои люди перебиты. Я был ранен, однако притворился мертвым, и лансеро ушли, бросив нас в лесу. Немного погодя я встал, разделся, взял одежду одного из убитых испанцев и побрел в Кампече. Люди в городе плясали у костров, празднуя нашу гибель, и я пел и плясал вместе с ними. В Кампече я пробыл несколько дней, пока не уговорил этих негров, бывших в рабстве у владельца рыбацкого баркаса, украсть хозяйскую лодку. Они раздобыли провизию, и ночью мы покинули Кампече.

1200 морских миль отделяют Кампече от Тортуги. Вначале предстояло обогнуть Юкатанский полуостров, затем пересечь одноименный пролив шириной 200 километров, суметь попасть в Наветренный пролив и одолеть его коварное течение. Даже сегодня рыбаки, плавающие на сейнерах-

тунцеловах с мощными двигателями, предпочитают избегать этого места. Но капитану Олоне на крохотной посудине с единственным парусом удалось пройти не только его, но и тысячу двести километров вдоль кишашего испанцами побережья Кубы.

Люди, внимавшие рассказу Олоне в таверне Бас-Тера, где он подкреплялся за столом вместе со своим чернокожим экипажем, обратили внимание, что на капитане все еще были лохмотья испанского мундира — доказательство истинности хотя бы части его рассказа.

— Вы свободны, как я и обещал вам, — сказал Олоне беглецам-неграм.

На Тортуге к этому времени стали появляться бывшие рабы, освобожденные флибустьерами либо заплатившие за себя выкуп после участия в удачных пиратских набегах.

Несмотря на совершенный им беспримерный морской переход и прочие подвиги, репутация Жан-Франсуа Но как капитана в глазах властей Черепашьего острова была подорвана: два корабля за два года — это уж слишком! Олоне не стал проклинать судьбу (от него вообще никто никогда не слышал жалоб). Он понимал, что придется вновь начинать с нуля, как после прибытия из Европы в Вест-Индию на поиски счастья. Несколько верных приятелей раздобыли баркас попрочнее. Кстати, среди рядовых флибустьеров мнения об Олоне разделились. Часть бывших соратников после двух крушений кряду засомневалась в его навигационном умении, другие с восхищением пересказывали его фантастическое плавание на лодке

через море. Олоне удалось найти два десятка сподвижников и даже судового хирурга. Присутствие последнего придавало предприятию особую солидность. Жан-Франсуа поднял парус и вышел в море, где незамедлительно захватил испанскую барку. А два судна лучше одного.

«Добывать испанца» было классическим официальным выражением, но смысл оно приобретало лишь на несколько часов — когда удавалось застать в море этого «испанца». Остальное время приходилось крейсировать, то есть болтаться в море, затянув потуже пояс и получая строго по норме даже воду. Жизнь на пиратских суденышках была далека от описания романтических авторов. Конечно, на кубинском берегу хватало и колодцев, и дичи, но капитаны-флибустьеры старались как можно реже приставать туда. Ведь берег только издали кажется пустынным. Вы ничего не видите, зато за вами следит всевидящее око, и, когда вы снова выходите в море, оно оказывается еще более пустынным, чем раньше.

И все же своего первого «клиента» Олоне встретил в устье реки, куда направился за пресной водой. Вначале он заметил у реки индейцев — добрый знак, говорящий, что врага поблизости нет. От них же Олоне узнал, что скоро ожидается прибытие большого испанского фрегата. Откуда индейцы могли это знать, неизвестно. И правда ли, как они утверждают, что фрегат имеет команду в девяносто человек при десяти орудиях? Неважно. Олоне решил устроить засаду.

Отведя обе барки за мыс, флибустьеры стали наблюдать за устьем. Действительно, по прошест-

вии нескольких часов появился фрегат. Медленно и величаво он вошел в реку и бросил якорь. Устье было совсем узким, деревья едва не смыкались кронами над водой, и фрегат оказался как бы под зеленым сводом, закрывавшим обзор. Дождавшись темноты, флибустьеры бесшумно выгрузились на берег.

Флибустьеры, спрятавшись за деревьями и в густой растительности, а возможно, и в вытащенных на берег шлюпках, взяли фрегат под прицельный огонь разом со всех сторон. Испанцы ответили мушкетным огнем вслепую по кустам, хотя им следовало тут же сняться с якоря и выйти в море, где фрегат был бы неуязвим. Когда же они наконец начали выбирать якорь, потери в живой силе были столь велики, что оставшийся экипаж не смог оказать сопротивления флибустьерам, бросившимся на abordаж с двух подошедших барок.

— Пусть не надеются, что я забыл, как их лансеро перебили моих людей возле Кампече, — сказал Олоне. — Прикончить всех раненых и бросить всех за борт! Остальных — в трюм.

Один из испанских рабов упал на колени:

— Господин капитан, не убивайте меня, я скажу всю правду.

— Какую?

— То, что мне было приказано совершить. Пощадите!

— Говори, и останешься жить. Выкладывай!

Человек сказал, что был взят на фрегат в качестве палача, ибо испанцы намеревались казнить всех без исключения попавших в плен флибусть-

еров-французов; он должен был их вешать. Губернатор Гаваны принял такое решение, дабы повергнуть в страх пиратов Черепашьего острова, чинивших разбой в его владениях.

— Что ж, прекрасно, — сказал Олоне, вытаскивая из ножей саблю. — Выводите пленных на палубу. По одному.

Узников стали по одному выталкивать снизу, и, едва голова несчастного показывалась из люка, предводитель пиратов ударом сабли сносил ее с плеч. Один очевидец утверждал, что после каждого удара Олоне слизывал кровь с клинка, комментируя разницу во вкусе.

С этого дня за Олоне закрепилась репутация кровавого зверя. С единственным оставленным в живых пленником — тем самым незадачливым палачом — Жан-Франсуа Но отправил послание кубинскому губернатору. Это послание полностью выдержано в духе времени: «Я исполнил ваш приказ и не пощадил пленных, коими оказались ваши люди. В следующий раз, надеюсь, вы сами попадетесь мне в руки».

Губернатор, брызгая слюной от ярости, подтвердил свой приказ — никакой пощады, вешать, вешать, вешать! Однако любопытной оказалась реакция на это распоряжение командиров испанских гарнизонов и галионов:

— Не забывайте, ваша милость, что пираты пленяют гораздо больше наших людей, чем мы их. Подобная война не на живот, а на смерть окажется не к нашей выгоде.

Решение в результате было отменено. Один лишь Олоне по-прежнему оставался вне закона.

Однажды майским утром 1667 года испанцы Маракайбо увидели, что по глади лагуны скользит множество индейских пирог, гребцы которых бешено работают веслами. Через минуту по городу разнеслась весть: у входа в лагуну стоит пиратская флотилия, а на Голубином острове высадился десант.

Огромная лагуна, которую пираты именовали бухтой, а местные жители называли озером, сообщается с морем узкой горловиной; у входа в нее расположены два островка, Вихия и Паломас — Сторожевой и Голубиный. На Голубином было построено укрепление — форт Барра с шестнадцатью орудиями крупного калибра. Индейцы рассказали об армаде разбойников: семь кораблей, два из которых походили на галионы; на мачте одного из них поднят флаг, не похожий на испанский.

Вопреки распространенному мнению «веселый Роджер» — черный флаг с черепом и костями — поднимали не все флибустьеры, а лишь англичане, и то в самом конце пиратской эпопеи. Мы не знаем, под каким флагом ходили французские флибустьеры. Весьма вероятно, что они поднимали штандарт кого-либо из своих знаменитых предводителей, если у них только не было в запасе набора флагов, предназначенных для обмана будущих жертв. Самый большой корабль, описанный озерными индейцами, видимо, шел под личным флагом Жан-Франсуа Но по прозвищу Олоне. Но для испанцев из Маракайбо это не имело особого значения: для них было важно, что пираты — французы или англичане — напали на форт

Барра. Укрепление на Голубином острове было единственной защитой. Что станет с городом, если форт падет?

Новые сведения поступили незадолго до полудня. Комендант форта безуспешно пытался остановить первую волну высадившихся пиратов. Часть гарнизона была уничтожена, и теперь бои шли у редутов.

В порту Маракайбо поднялась обычная суматоха, сопровождающая, с небольшими вариациями, все попытки эвакуироваться морем при подходе вражеского войска. Люди отчаянно разрываются между желанием вовремя убежать и стремлением захватить с собой как можно больше добра. Пункт, куда направлялись беглецы из Маракайбо, мог быть только один — Гибралтар, укрепленный порт с внушительным гарнизоном.

На следующее утро в лагуне появились большие паруса: форт сдался. Корабли, несущие смерть и разорение, медленно и торжественно плыли по глади неглубокого озера, словно завораживая будущие жертвы, перед тем как кинуться на них, а в действительности просто потому, что в тот день было полное безветрие.

Не дойдя примерно трети мили до берега, пираты отдали якоря. Чуть погода грохнула их пушки, суда заволокло облако черного дыма, а в городе обрушились и загорелись дома.

Негры-рабы и индейцы, не уходившие из любопытства далеко от порта, увидели, как пираты спустили шлюпки и двинулись к берегу. Но и эти оставшиеся зрители разбежались, когда со шлюпок захлопали выстрелы атакующих. Новый залп

бортовых орудий потряс округу, и в оставленном городе вспыхнули новые пожары. Бомбардировка продолжалась до тех пор, пока шлюпки не уткнулись в берег.

Олоне решил на эту экспедицию, заключив союз с Мигелем Баском, флибустьером отменной репутации, героем многих лихих набегов. Тщательно подготовленное предприятие (ему предшествовала глубокая разведка) удачно началось неожиданным взятием двух галионов, один из которых шел с грузом какао, — его немедленно отправили губернатору д'Ожерону для реализации; второй был гружен ружьями и порохом — его оставили в строю. Первый корабль, выгрузив какао, вернулся к флотилии с экипажем из восторженных добровольцев. Среди них были обыватели с Тортуги, вдруг охваченные жаждой приключений; были ветераны, вспомнившие былое; были молодые люди, только что прибывшие из Европы и вольные распоряжаться собой, поскольку путешествовали они на собственный кошт, — последних, кстати, все чаще и чаще встречали на островах; были среди них и два племянника господина д'Ожерона, «юноши, подававшие большие надежды». Короче, вся экспедиция была пронизана духом ожидания славных дел и удачных свершений. В общей сложности в ней участвовало семьсот человек, разместившихся на семи судах, — никогда еще столь могучий флот французских флибустьеров не выходил в море. И вот теперь, изголодавшись за время пути, все эти искатели поживы нажились на съестное и спиртное. Пиршество растянулось на несколько дней.

Многие, однажды забравшись в погреб, так и не покидали его; другие бродили от дома к дому, засыпая прямо на улицах; время от времени раздавались жуткие вопли — это кто-то, припомнив вдруг старые обиды, решал «проучить наглеца». Главари экспедиции, конечно, не желали ограничиваться снедью и выпивкой. Взявшись основательно за рабов, они сумели заставить их заговорить. Были организованы поисковые группы для прочесывания соседней пампы и близлежащей сельвы. Несколько обнаруженных испанцев указали тайники, где они спрятали деньги, и выдали местонахождение других беглецов.

Нет сомнений, что свирепая натура Олоне проявилась тут в полной мере; летописцы повествуют, как он собственноручно закалывал кинжалом пленников, чтобы устрашить остальных. Пираты обстоятельно допытывались (от слова «пытка»), где спрятаны ценности; процесс дознания шел медленно. В хрониках встречаются подробные описания этих пыток, имевших широкое хождение в тогдашнем мире.

За две недели, что пираты провели в захваченном Маракайбо, их улов, несмотря на прилежное дознание, был весьма скуден. Три четверти населения города сумели перебраться в Гибралтар. И Олоне отдал приказ ставить паруса и двигаться к этому городу.

Со стороны суши к Гибралтару нельзя было подступиться: город опоясан укреплениями, за которыми тянулись топкие болота. Через них была проложена единственная дорога, изобретательно «оборудованная» ловушками, волчьими ямами и

бревенчатыми завалами. Оригинальная идея заключалась в том, чтобы прорубить в сельве еще одну дорогу — фальшивую; она вроде бы вела к городу, однако в действительности упиралась в непролазную трясину.

Защитники Гибралтара во все глаза смотрели за маневрами пиратов. Ко второй половине дня семь их кораблей остановились меньше чем в миле от берега и убрали паруса. Погода стояла облачная, было душно, начал накрапывать дождь. Орудия пиратов молчали. Батареи защитников тоже: суда стояли вне досягаемости береговых пушек.

К полуночи губернатор Мерида, принявший на себя командование обороной, получил донесение, что пираты высадили десант немного западнее города. Их было триста восемьдесят человек, вооруженных пистолетами, саблями, кортиками. В голове колонны шли два проводника, за ними Олоне и Мигель Баск.

Еще двести шагов, и люди начали вязнуть. Пока никто еще не провалился, но при каждом шаге приходилось вытягивать ногу, по щиколотку уходившую в жижу. Продвижение замедлилось.

— Надо идти дальше, — твердил Олоне. — Ближе к укреплениям почва непременно станет тверже.

Едва он произнес это, как провалился по колено. Дорога вилась дальше, но было видно невооруженным глазом, что почва становится все более зыбкой. Олоне обернулся к отряду и громко командовал:

— Рубить ветки и набрасывать гати! Пойдем по

настилу. Приказ был исполнен быстро: каждый знал, что ему делать, — маневр не был в новинку. Большинству флибустьеров доводилось пробираться по губчатой почве тропических краев в сезон дождей, когда без гатей из набросанных ветвей не обойтись. Работа спорилась. Колонна медленно, но неуклонно продвигалась вперед.

Неожиданно раздался глухой орудийный выстрел, за ним — залп. Редут заволокло черным дымом, вокруг флибустьеров в грязь зашлепали ядра.

В те времена пушки вели прицельный огонь с очень близкой дистанции, а между выстрелами следовали довольно долгие паузы. Олоне взмахом сабли распорядился продолжать работу, его перекосенное лицо не предвещало ничего хорошего слушнику. Пираты лихорадочно накладывали ветви. Ядра падали теперь не в грязь, а на гати; осколки с визгом летели окрест. Застонали первые раненые, но работа продолжалась.

Люди обрубали саблями ветки обочь дороги и быстро мчались в голову колонны, чтобы бросить их под ноги. Мучительное продвижение, казалось, не кончится никогда. Люди действовали как автоматы. Но по мере приближения к редуту огонь становился все точнее. А когда пираты оказались в пределах досягаемости испанских мушкетов, движение застопорилось. Минуту спустя мушкеты хлопали уже без перерыва, ветки и клочья грязи летели во все стороны.

— Вперед!

Олоне по колено в болоте шел под огнем, вопя и размахивая саблей. Мигель Баск и проводники

вплотную следовали за ним, чуть поотстав, мелкими группами двигались флибустьеры. То и дело кто-то валился носом в грязь. Испанцы перебили бы всех нападающих, если бы не густой черный дым, застилавший местность. Неожиданно Олоне нырнул в облако дыма и побежал: как и предвидел главарь флибустьеров, перед самым редутом почва стала тверже. Однако путь здесь преграждал широкий и глубокий ров, а прямо за ним изрыгали смертоносный свинец шесть пушек.

Орудия были заряжены картечью, и первый же залп выкосил почти целиком голову колонны. Потери были бы еще больше, не иди флибустьеры врассыпную.

Олоне, человек храбрый до безрассудства, но не бездарный командир. Взмахом сабли он приказал поворачивать назад.

Испанцы на укреплениях завопили от радости, осыпая ругательствами беглецов. Грозные искатели добычи с трудом тащились теперь до гати, а вслед им летели ядра.

— Открыть ворота! Догнать пиратов и перебить всех мерзавцев до единого!

Недавних осажденных захватило пьянящее чувство мести — прикончить, добить, уничтожить бегущего противника, еще час назад внушавшего сильный страх. И тут уже трудно было урезонить кого-либо доводом о том, что отсидеться за стенами куда надежнее, раз флибустьеры уносили ноги после второго кровавого урока.

Испанцы бешено ринулись в атаку.

Флибустьеры вдруг бросились навстречу испанцам. В таком бою уже было не до мушкетов —

схватка шла врукопашную, а в искусстве владения клинком флибустьеры не знали себе равных. Две вылазки по болоту стоили им полусотни человек убитыми и такого же количества ранеными. Однако во время рукопашного боя испанцы потеряли двести-триста человек, включая обоих губернаторов и почти всех офицеров. На плечах откатившихся испанцев флибустьеры ворвались в город, изрубив по дороге пушкарей. Оставшийся без командира гарнизон сдался. Испанский флаг принесли Олоне, и тот, швырнув его под ноги, велел поднять над редутом свой штандарт.

Олоне при всей своей кровожадности был наделен необходимым для руководителя хладнокровием и чувством ответственности. Поэтому первой заботой победителя стал не грабеж, а гигиена. Трупы, подобранные на городских улицах и за стенами, снесли на две старые посуды, которые вывели из озера-лагуны в открытое море и там затопили.

А затем настал черед обычных мероприятий. Грабеж осуществлялся не в индивидуальном порядке, а по заведенному правилу: всю добычу сносили в общую казну для последующего дележа. Отдельно сложили церковные ценности из нескольких храмов и монастырей. Согласно данному обету, набожные разбойники порешили изъять эту часть добычи из общего котла для украшения новой часовни, построенной на Тортуге «во славу Господа и всех святых».

Жители, за исключением неимущих бедняков, постарались спрятать свое добро. Поэтому значительная часть их — не все, конечно, иначе это за-

няло бы слишком много времени, — была подвергнута дознанию. Многие сразу же указали местонахождение тайников, однако были и такие, что долго крепились и иногда так и погибали, не сознавшись, — либо потому, что у них действительно ничего не было, либо превозмогши силой духа страх смерти. Не случайно мы с удивлением читаем в истории флибустьеров, сколь часто разграбленные города после ухода пиратов восстанавливали свой прежний облик; это явно свидетельствует о том, что, по крайней мере, часть сокровищ разбойникам не доставалась.

Кстати, флибустьеры прекрасно сознавали, что до конца выжать лимон им не удастся, а поэтому они не уходили без того, чтобы не обложить город помимо индивидуальных экспроприаций, еще и общей данью.

— Требуем столько-то, иначе сожжем все дотла.

И они твердо стояли на своем, невзирая на дружный плач и стон, до тех пор, пока контрибуция не была собрана до последнего пиастра. В Гибралтаре сам Олоне назначил условия:

— Десять тысяч пиастров. Два дня сроку.

Когда к назначенному часу сумма не была собрана, флибустьеры начали поджигать дома. Через несколько часов выкуп принесли. В свидетельствах даже испанских хронистов можно прочесть о такой детали: флибустьеры сами помогли жителям погасить пожары.

— Теперь двинемся на Мериду, — заявил Олоне своим людям. — Сей город не в пример богаче этого.

Традиция «берегового братства» требовала высказать мнение участников похода, как мы бы сейчас сказали, — референдума. Ответом было «нет». Предводитель не стал настаивать. Пиратская флотилия вернулась в Маракайбо. Читателя не удивит тот факт, что при повторном заходе флибустьеры получили, угрожая выжечь город, откуп в размере 30 000 пиастров. Это можно рассматривать как признак того, что пыточные мероприятия были проведены в первый раз не столь уж тщательно.

Добычу поделили на острове Гонав, западном соседе Санто-Доминго. Доход исчисляли в 250 000 пиастров наличными плюс на 100 000 пиастров ценностей; кроме того, с молотка на аукционе пошли захваченное судно с грузом табака и партия рабов.

В день возвращения на Тортугу, а это случилось 1 ноября 1666 года, Олоне, хотя он и не получил никаких субсидий на эту экспедицию, торжественно вручил губернатору д'Ожерону причитающуюся долю: 10% общей стоимости добытого. Кроме того, правитель острова получил комиссионные от проданного во Франции за 120 000 ливров груза какао.

(Блон Ж. Великий час океанов. Т. 1. Флибустьерское море; Средиземное море; Индийский океан / Пер. с фр. А. М. Григорьева. — М.: Славянка, 1993. — 543 с.)

Дрейф

Дрейф был самым необузданным за историю флибустьерства игроком.

Как-то Дрейф получил свою долю от участия в удачном походе — пятьсот реалов. За полночи игры он спустил их. Дрейф стал бродить из таверны в таверну, бормоча:

— Брат, мне нужно сто пистолей.

Обращение «брат» означало своего рода сигнал SOS или клич «Наших бьют!» Сотня пистолей, быстро набранная, уплыла за несколько часов. Следующий раунд обхода кредиторов закончился столь же плачевно. Более того, чтобы расплатиться с долгами, Дрейф вынужден был тут же подрядиться в новый поход, причем добычу от него должен был получить уже не он, а приятель-заимодавец. Дрейфу повезло: он не только смог освободиться от долгов, но и вернулся на Тортугу с пятьюдесятью пистолями в кармане. Поставив их на кон, он очень быстро выиграл тысячу двести реалов.

— На сей раз — все, баста, ложусь в дрейф. Конец авантюрам, возвращаюсь во Францию.

Он прибыл на остров Барбуду, откуда суда часто уходили в Англию, и договорился о месте на борту. Корабль отплывал через шесть часов. Погрузив багаж, Дрейф зашел пропустить стаканчик в ближайшую таверну. Какая-то компания за столом только что кончила играть в кости.

— Кидать по мелочи неинтересно, — заметил

один из сидевших, богатый купец-еврей, — да и шум мешает. Может, пойдём ко мне домой?

Человек угадал во взоре Дрейфа знакомый оттенок страсти.

— Но мой корабль отходит через несколько часов.

— Мы долго не задержимся.

Через короткое время Дрейф выиграл 12 300 реалов.

— У меня нет больше наличности, — сказал торговец. — Но вот вексель на партию сахара — она уже погружена в порту. Её стоимость — сто тысяч ливров. Продолжим игру.

Дрейф, которому в тот вечер в паруса дула сама госпожа Удача, позабыл о времени отплытия. К вечеру торговец распорядился принести еды и питья. Ещё не пробило полночь, как Дрейф выиграл весь груз.

Торговец в ярости стукнул кулаком по столу и подписал ещё один вексель.

— Это стоимость моей сахарной мельницы. Продолжим. Мельница присоединилась к сахарному грузу: Дрейф продолжал выигрывать.

— Вот, — сказал еврей, — вексель на двадцать рабов. Продолжим.

Рабы разделили участь сахара и мельницы. Дрейф уже был владельцем солидного состояния. Торговец был разорен.

— Позвольте, я схожу за деньгами к одному приятелю. А вы пока подкрепитесь.

Слуги с почтением принялись ухаживать за неизвестным, которому, как они теперь знали, было суждено стать их новым хозяином. Они спросили

дозволения задуть свечи, ибо уже наступило утро.

Торговец вернулся в возбужденном состоянии с холщовым мешком в руке. Развязав его, он высыпал на стол золотые монеты.

— Тысяча пятьсот якобинов! Если вы выиграете и их, мне остается лишь повеситься.

Он долго тряс кости в рожке и наконец выбросил их. Две шестерки.

— Сегодня вам не придется вешаться, — сказал Дрейф.

Три часа спустя он мог уже сам задавать вопрос, не должен ли он искать веревку: еврей отыграл назад все.

— Продолжим?

— Разумеется.

Слуги подали новые блюда. После полудня Дрейф проиграл и те тысячу двести ливров, что намеревался привезти в Европу, трость с золотым набалдашником и всю одежду.

— Одежду я вам оставлю, — сказал торговец.

— Что вы намерены делать дальше?

— Возможно, пойду вешаться.

— Отправляйтесь лучше на Тортугу. Вот вам деньги на проезд. Или лучше я сам посажу вас на корабль.

Дрейф вернулся на Тортугу как раз вовремя, чтобы успеть на одно из судов, отходивших под началом Олоне в Маракайбо. Как и все участники, он возвратился из похода с полными карманами. Господин д'Ожерон заметил его в порту — история Дрейфа успела облететь пиратское гнездо. Губернатор, по выражению Эксмелина, неустанно

пекся о благополучии «людей чести» (читай — пиратов).

— Вы ведь проиграете все нынче же ночью, — сказал он Дрейфу. — Доверьте мне ваши деньги. А я вам выдам вексель на французский банк. Таким способом вы сможете осуществить намерение вернуться на родину.

Так и было сделано. Дрейф мог бы спокойно жить на ренту с вложенного капитала, тем паче что, к всеобщему удивлению, демон азартных игр отпустил его душу. Но он тосковал. Обосновавшись в Дьеппе, он вел с бывшими друзьями, оставшимися на Карибских островах, все более оживленную переписку. Его компаньоном в коммерческом деле был один португальский судовладелец.

— Почему бы вам самому не отправиться за товаром? — сказал этот человек Дрейфу. — Мы бы выручили гораздо больше. У меня есть каравелла с латинскими парусами, я одолжу вам ее.

Дрейфа снедала дума не о выручке, а о том, как бы вернуться во Флибустьерское море. Поэтому он с радостью согласился ехать. Но не успела его каравелла выйти из Ла-Манша, как на нее напали два испанских гукора из Остенде. Во время сражения Дрейф сложил голову.

Олоне, Моисей Воклен и Пьер Пикардиец

Еще до того как Дрейф, вернувшись во Францию, основал свое экспортно-импортное дело, Олоне в компании с главными участниками маракайбского похода вновь вышел в море. Ни у кого уже не было ни гроша за душой. На укоры колонистов, твердивших, что вместо кутежных безумств куда полезнее было бы вложить деньги в прибыльное дело или возвратиться во Францию, эти люди отвечали громогласным хохотом.

Олоне знал, что ему стоит лишь бросить клич. Успех маракайбского похода создал ему непререкаемый авторитет. Когда он решился на никарагуанскую экспедицию, у него оставалась целая армада: семь кораблей, шестьсот с лишним человек.

Устье реки Сан-Хуан, соединяющей озеро Никарагуа с Карибским морем, отстоит на восемьсот двадцать морских миль от Тортуги. Паруснику тех размеров, на котором плавали флибустьеры, требовалось пять суточных переходов, чтобы одолеть такое расстояние, иногда меньше. Решающим тут было навигационное умение.

Попав в Гондурасский залив, он запутался в нем, как муха в паутине, и проболтался со своей флотилией больше года.

Помощниками Олоне были Моисей Воклен и Пьер Пикардиец. Каждый командовал кораблем, входившим в армаду; два года спустя Пикардиец во время похода с англичанином Морганом в Ма-

ракайбо (повторный грабеж испанских городов был частым явлением) проявил себя великолепным штурманом. И то, что ни многоопытный Воклен, ни он не смогли помочь Олоне вывести армаду из залива, не поддается объяснению.

Итак, плавание затягивается, провизия подходит к концу. Предводитель отдает приказ пристать к берегу; продовольствие добывают, нападая на индейские деревушки и крошечные испанские фактории.

Один из несчастных бродячих купцов, спасая шкуру, говорит, что в шести лье дальше в глубь континента лежит богатый город Сан-Педро. Речь шла о поселке, правда, обнесенном укреплением с шестью орудиями, где находились склады индиго. Разумеется, обитатели этого Сан-Педро были наслышаны о флибустьерах Олоне, хозяйничавших в заливе вот уже многие месяцы. Поэтому они устроили на дороге к морю засады — ямы и завалы из деревьев, за которыми скрылись стрелки. Аванпосты должны были гнать гонцов к алькальду Сан-Педро, едва появятся пираты.

Олоне, конечно, понимал, что испанцы не ограничились одной засадой. И ему важно было знать их местонахождение. Но взятые в плен солдаты отказывались говорить. «Тогда Олоне, вне себя от ярости, кинулся на одного из них, вспорол ему саблей грудь, вырвал оттуда сердце и вонзил в него зубы на глазах у остальных пленных. Те выдали тайну».

Сан-Педро был взят.

Подробностей о его разграблении сохранилось немного. Есть лишь указания, что этот поход стал

примером варварства морских разбойников. Жителей убивали и пытали; дома, церкви и монастырь были сожжены вместе со складами индиго. Этот товар ценился на вес золота, но флибустьеры не могли тащить тяжелую поклажу, предпочитая золото в монетах и изделиях. Зверства пиратов во многом были результатом их разочарования скудостью добычи.

Завершив разбой, флибустьеры возвратились на берег, поскольку алькальд Сан-Педро в надежде успокоить ярость Олоне сообщил ему о скором прибытии гукора с ценным грузом. Речь не могла идти об индиго, поскольку судно ожидалось из Испании.

Гукор не появлялся. Флибустьеры принялись ловить с помощью сплетенных сетей морских черепах, вылезавших на берег откладывать яйца. Наконец на горизонте показался грот. Пираты бросились на суда, лихорадочно выбирая якорные канаты и ставя паруса.

После того как этот гукор был захвачен, на нем насчитали пятьдесят шесть пушек. Численность корабельной артиллерии у Олоне неизвестна. Интересно, что испанское судно вышло победителем из первого боя с пиратами, разыгравшегося к концу дня. Ночь прервала баталию. Гукору не удалось ускользнуть в темноте, либо же его капитан был совершенно уверен в себе. Между тем флибустьеры были куда большими мастерами ночных вылазок, чем испанцы, — последние в суеверном ужасе утверждали, что у пиратов кошачьи глаза. Гукор, словно ослепший призрак, был взят на абордаж перед рассветом.

А два часа спустя флибустьерская армада взбунтовалась. Набитые орущими людьми шлюпки сновали от одного корабля к другому. Олоне на палубе своего флагмана пытался успокоить взбешенных капитанов, в первом ряду которых были Воклен и Пикардиец.

Бунт начался сразу после того, как обследовали трюмы гукора: двадцать тысяч пачек белой бумаги и железные штанги, больше ничего. И это награда за полтора года скитаний после того, как они покинули Тортугу, чтобы грести золото лопатой в Гранаде!

— Пойдем дальше в глубь континента, — предложил Олоне. — Там наверняка добудем сокровища.

Если бы он вытащил саблю или вспорол кому-нибудь грудь, возможно, он сумел бы еще продлить свое командорство. Но это вялое предложение без конкретного адреса вызвало лишь свист и улюлюканье матросов. Капитаны покинули флагман, даже не попрощавшись.

Все же следует особо подчеркнуть, что в момент окончательного расставания (Воклен и Пикардиец перешли в стан раскольников) больше двухсот флибустьеров остались с низвергнутым предводителем. Олоне пришлось, правда, взять их всех на борт своего судна: больше никто из капитанов не пожелал оставаться в армаде. Раскольники ощущали себя внушительной силой. Они откопали и вытащили всю провизию, какая нашлась в развалинах Сан-Педро, собрали все, что удалось, в окрестных деревнях на побережье. Затем пять судов плюс захваченный гукор отвалили от

берега курсом ост — домой, к Черепашьему острову.

После их отъезда Олоне обратился к оставшимся приверженцам. Он отказался от идеи похода в глубь континента.

— Обещаю вам: мы пойдем добывать Гранаду. Но вначале, я думаю, стоит вернуться на Тортугу. Нужно обязательно починить подводную часть корабля.

Долгое пребывание в теплых водах залива сделало свое дело. Корпус покрылся отвратительным слоем налипших водорослей и раковин, поэтому, когда Олоне поднял паруса, перегруженный корабль еле тащился.

При выходе из залива им пришлось действительно столкнуться с сильным встречным ветром. Тощий запас провизии в трюмах не позволял идти более суток: двести пятьдесят человек на борту хотели есть и пить. Приходилось бросать якорь возле первой же деревни и обирать ее. Однако присутствие флибустьеров в заливе давно распугало всех прибрежных жителей. В их брошенных домах почти ничего не осталось. Корабль отваливал — до следующей остановки.

Олоне рыскал по курсу, но тяжелый корпус, обросший панцирем, плохо слушался руля. За день не успевали пройти и тридцати миль: приходилось вновь поворачивать к берегу в поисках пищи. Залив становился огромной тюрьмой. Долгие часы, а то и целые дни уходили у флибустьеров на то, чтобы раздобыть еду; они уходили далеко от берега и возвращались с пустыми руками, ибо за время хождений съедали то малое, что удава-

лось найти. Недели текли за неделями, и Гортуга, равно как и Гранада, превращалась в далекий, недостижимый мираж.

Вольные добытчики питались теперь одними обезьянами.

Сколько прошло времени, прежде чем Олоне удалось выбраться из заклятого залива, никто не знает. Туман окутывает всю его последнюю драматическую авантюру. Протащившись с запада на восток вдоль песчаного побережья, он обогнул мыс Грасиас-а-Диос и начал спускаться к устью реки Сан-Хуан, ведущей в озеро Никарагуа. До реки остается каких-то сто миль. И тут слышится жуткий треск: Жан-Франсуа Но с размаху налетает на риф — третий по счету.

Потерпевшие крушение высадились на острове. Что делать? На востоке расстилалось пустынное Флибустьерское море, на западе — враждебный континент. Добраться до берега, сколотив плоты из разломанного корабельного корпуса и пальмовых стволов, не составило бы труда, но что означало достичь берега? Встретить испанцев или индейцев, то есть безжалостных мстителей: почти двухлетние бесчинства флибустьеров в этом районе никак не располагали к дружелюбному приему. Пираты понимали, что их ожидало.

Положение резюмировал Олоне:

— Спаситься можно только в море. Надо строить не плоты, а новое судно. За работу!

Его авторитет был весьма поколеблен цепью неудач, и решение принималось долго и трудно. Подтверждает это факт, что работы тянулись

очень вяло: постройка спасательного судна продолжилась целый год.

Год они жили робинзонами. Построили хижины, ловили крабов, охотились на обезьян. Последние были единственной мясной пищей, а когда всех обезьян на острове перебили, остались лишь крабы. Флибустьеры решили сажать овощи. Один из них нашел разновидность бобов, которые в здешнем климате вырастали за шесть недель; пираты завели крохотные плантации, с ревнивой тревогой следя за своими культурами. И это те самые люди, которые с гордым презрением отвергали предложение колонистов Тортуги остепениться и переключиться на занятие сельским хозяйством!

Мы не знаем, сколько в точности людей осталось с Олоне и каков был тоннаж большой барки, которую они наконец построили, чтобы выйти в море. Но как не счесть безумием идею отправиться на этом сомнительном суденышке «добывать Гранаду»? Возможно, Олоне не мог решиться вернуться на Тортугу нищим и поверженным. Как бы то ни было, робинзоны покинули опустылевший островок в лагуне Лас-Перлас, спустились немного к югу и достигли устья реки Сан-Хуан.

«Они рассчитывали добраться на шлюпках до озера Никарагуа, однако нападением испанцев и индейцев были отогнаны с полпути». Олоне потерял в бою большую часть своего отряда. Отброшенный к морю, он не двинулся домой по той самой причине, что заставила его столько времени болтаться у берегов Центральной Америки и потерять на рифах свой корабль: у него не было про-

визии на обратный путь. Он снова рыщет у побережья, поворачивая то на юг, то на север, то на юго-запад, а то на северо-восток. В результате случилось то, что и должно было произойти: скрежет днища, треск мачты — и Олоне вновь сидит на рифе. В четвертый раз. Перед ним горстка островов Бару, чуть южнее Картахены.

В ту эпоху, когда Олоне посадил на риф свой четвертый корабль, обитатели острова Бару слыли самыми свирепыми из «немирных» индейцев браво. Можно представить себе, как они молча смотрят из-за деревьев на две-три дюжины оборванных людей, с трудом вылезших на берег. Обросшие бородами лица обращены к неведомому лесу. И оттуда вылетает туча метких стрел — индейцы умели сразить из лука птицу на лету, а уж люди представляли собой идеальную мишень.

Тем не менее кто-то должен был остаться в живых, поскольку нам известен вошедший в анналы Флибустьерского моря конец Жан-Франсуа Но по прозвищу Олоне. Разбойник был разрублен на куски и съеден. Этот мрачный банкет состоялся, по всей видимости, в 1671 году. Олоне было тогда сорок один год.

(Блон Ж. Великий час океанов. Т. 1. Флибустьерское море; Средиземное море; Индийский океан/ Пер. с фр. А. М. Григорьева. — М.: Славянка, 1993. — 543 с.)

Генри Морган — властелин Флибустьерского моря

Банда с Ямайки

Десятки тысяч уроженцев Уэльса носят фамилию Морган. Несколько десятков ученых-валлийцев посвятили долгие годы упорного труда прояснению биографии своего знаменитого соотечественника. Генри Морган родился в 1635 году (дату никто из исследователей не оспаривает) в местечке Пенкарн, что в графстве Монмутшир, или в Ланримни, между Монмутширом и Гламорганширом. Сам герой без дальнейших уточнений объявил себя уроженцем графства Монмут в Валлийской Англии.

Семья его с довольно обширными родственными ответвлениями принадлежала к зажиточным землевладельцам. Но Генри Морган, подобно многим другим современникам, не пожелал жить в провинциальной глуши, а отправился за море искать счастья в Вест-Индии. Он завербовался на работу в колонию Барбадос — остров стал английским владением в 1605 году. Британские колонисты, превосходившие в алчности своих французских коллег, требовали за проезд в Новый Свет отслужить у них на плантациях не три, а целых пять лет. Жизнь вербованных на Барбадосе была ничем не лучше жизни на Тортуге: беспросветная каторжная работа.

Став впоследствии богатым и знаменитым, Морган отрицал, что его по прибытии на Барбадос продали в рабство: «Никогда ни у кого не был в услужении, а лишь на службе у Его Величества покойного короля английского». Это явная ложь, придуманная из соображений престижа. В 1658 году в возрасте двадцати трех лет Морган переехал с Барбадоса на Тортугу, где прожил пять лет. Об этом периоде он никогда не вспоминал и ничего не рассказывал, поскольку был там рядовым разбойником.

В 1664 году, узнав, что его дядя, полковник Эдвард Морган, получил назначение на пост вице-губернатора Ямайки, он с первой же оказией отправился туда. Когда судно, на котором он прибыл, бросило якорь в вытянувшейся полумесяцем бухте Порт-Ройяла, Генри Морган почувствовал, что это место уготовано ему судьбой.

Индийское название Ямайки — Шаймала, что означает «край вод и лесов». Площадь этого гористого, покрытого лесами острова соответствует двум французским департаментам. К 1664 году английская колония выглядела куда представительнее в сравнении с гнездом французских флибустьеров на Тортуге. Город Порт-Ройял был значительно многолюднее, а порт — шире.

Сэр Томас Модифорд прислан губернатором на остров в 1664 году, когда между Англией и Испанией воцарился непрочный мир.

Подобно Тортуге, Ямайка числилась по административному делению колонией; на самом деле остров был прежде всего прибежищем пиратов.

Менее чем через год после прибытия в Порт-

Ройял Генри Морган благодаря протекции дядюшки стал капитаном и владельцем корабля водоизмещением пятьдесят тонн с несколькими пушками на борту. Это судно, далеко не новое и успевшее побывать в передрагах, стало любимым детищем молодого капитана.

Той весной к нему в каюту явились два других капитана, Моррис и Джекман.

— Несколько испанских шаланд, груженных кампешевым деревом, стоит у мексиканского берега, — сказал Джекман. — Бухта нам хорошо известна. Мы намерены добыть этот груз. Если угодно, можете присоединиться к походу.

Морган сдержанно кивнул в знак согласия. Три десятка молодых составляли экипаж Моргана.

Небольшая экспедиция двинулась в путь. Вскоре возле берега показались испанские шаланды с ценной древесиной. Их владельцы безмятежно ожидали прихода испанского фрегата, назначенного сопровождать их. Добыча была взята без единого выстрела, экипажи суденышек посажены под замок в трюм.

Затем экспедиция предалась разбойному плаванию у атлантического побережья Мексики.

В месте впадения в море реки Табаско, в южной части Мексиканского залива, группа индейцев вышла встречать пиратский десант. Около сотни человек тут же вызвались сопровождать их к Вилья-Эрмосе, селению в двенадцати лье от берега. Селение было разорено, но на обратном пути флибустьеры натолкнулись на отряд в триста испанцев, поджидавших их на берегу и успевших занять их суда. Бой развернулся прямо на пляже

под проливным тропическим дождем. Последнее обстоятельство затруднило действия испанских мушкетеров: порох отсырел. Обрадованные флибустьеры бросились врукопашную, а во владении холодным оружием им не было равных, тем паче что единственной надеждой остаться в живых было для них пробиться к кораблям. Испанцы дрогнули и отступили.

Короткое время спустя возле Белиза тридцати пиратам удалось захватить маленький порт Рио-Гарта и все свезенные туда на рынок товары (был как раз базарный день). Дальше к югу та же участь постигла Трухильо и еще несколько портов и селений.

Обычно грабеж начинали с церкви: кстати, сплошь и рядом никакой другой поживы не оказывалось.

Встреченные пиратами индейцы были настроены благожелательно, и Морган воспользовался этим в целях разведки. Посланные к устью реки Сан-Хуан индейцы, вернувшись, настойчиво повторяли название Гранада.

Река Сан-Хуан, соединяющая озеро Никарагуа с Атлантическим океаном, ныне служит границей между республиками Коста-Рика и Никарагуа.

Морган сказал:

— Мы должны пойти туда.

Сто человек составили экспедиционный корпус, тридцать были оставлены охранять корабли.

Долгое время провели пираты в индейских пирогах.

С наступлением шестой ночи индейско-флибустьерская экспедиция сошла на берег. Гранада

была построена сто лет назад и к тому времени насчитывала три с половиной тысяч душ.

Загавкали проснувшиеся собаки, но было поздно: привыкшие к ночной ходьбе пираты уже вышли на центральную площадь, где находились восемнадцать пушек — огневая мощь городского гарнизона. Возле них ни часового, ни кого-нибудь из оружейной obsługi; никто не охранял ни казарму, ни пороховой склад. Первые солдаты, полуодетые и взъерошенные ото сна, были подстрелены, как куропатки, при свете луны. Улицы наполнились призраками — замечались обезумевшие от страха мужчины и женщины в ночных рубахах. Никто не мог понять, что происходит. Флибустьеры, громко хохоча, тычками загнали человек триста в собор, остальные разбежались куда глаза глядят.

Нападавшие не потеряли ни одного человека.

Грабеж, методично проходивший по указаниям Моргана, длился шестнадцать часов. Это время потребовалось на то, чтобы вытащить из церкви кресты и чаши, а из домов — деньги, золотую и серебряную посуду, драгоценности, золоченое шитье, шелка и бархат. Гранада была подлинной сокровищницей.

Таинственным образом весть о триумфе намного опередила возвращение победителей. Причалы Порт-Рояля и знаменитый вытянувшийся полумесяцем пляж были до отказа заполнены народом, когда три корабля экспедиции вошли в гавань.

Принятый незамедлительно губернатором Морган сообщил ему, что экспедиции пришлось оста-

вить половину сокровищ Гранады на месте: взяли лишь столько, сколько могли унести.

Герои никарагуанского похода еще распивали свой первый бочонок, когда Моргана вновь призвали в губернаторский дворец. Рядом с сэром Томасом его ожидал адмирал английских флибустьеров Эдвард Мансфельт.

— Капитан Морган, — сказал Мансфельт, — я предлагаю вам стать моим заместителем.

«Старый Мансфельт». Имя этого знаменитого флотоводца гремело по всему Флибустьерскому морю. Человек, беседовавший с Морганом, был голландец, уроженец острова Кюрасао. Давно примкнув к ямайским флибустьерам, он проявил блистательный талант на суше и на море, за что был пожалован званием адмирала.

Стать вице-адмиралом под началом столь прославленного героя — высокая честь. Естественно, что Морган ответил согласием.

Тут же ему была изложена цель ближайшей экспедиции. С января 1665 года Англия и Голландия официально находились в состоянии войны. Из Лондона поступил приказ нанести как можно более чувствительные удары по голландским заморским владениям. Крохотный островок Сен-Стефан, где располагались богатейшие склады, был уже разграблен и сожжен. Теперь предстояло предать огню и мечу Кюрасао.

Пятнадцать кораблей под командованием старого адмирала и его новоиспеченного заместителя вышли в море ясным январским утром 1666 года.

Но вечером четвертого дня адмирал и вице-адмирал сообщили участникам, что захвату подле-

жит испанский остров, находившийся в двадцати морских милях прямо по курсу: Санта-Каталина. Этот остров на современных картах называется Провиденсия.

Санта-Каталина купалась в благополучии и неге: на нее не было совершено ни одного нападения. Вокруг фортов зеленели огороды, в полузасыпанных рвах росли цветы, а на редутах дежурили редкие дозорные. Солдаты жили с индианками и негритянками в хижинах, разбросанных среди пышной растительности. Для флибустьеров взятие острова было пустячным делом.

Увы, грабить там оказалось нечего. Разочарование пиратов легко могло обернуться скандалом, даже свирепым бунтом.

Мансфельт отправил Моргана назад на Ямайку.

Морган построил себе дом, решив обзавестись семьей. Пальмы и цветы украшали фасад по случаю бракосочетания вице-адмирала с его дальней родственницей Елизаветой Морган. Сам Морган снискал себе всеобщую популярность и приобрел множество друзей, объявив во всеуслышание, что любой человек может пить за его здоровье в портовых тавернах весь день и всю ночь до завтрашнего утра.

Свадебный пир, на который были приглашены полторы сотни человек, не мог, конечно, быть устроен в новом доме у порта. Для этой цели на лугу, находившемся в личном владении губернатора примерно в часе езды от города, был раскинут огромный шатер; гости — дамы и кавалеры отправились туда верхом и в экипажах.

Прошел январь, за ним — февраль. Дела шли

плохо, банкиры-ростовщики и портовые девицы жаловались на убытки.

В тот день, когда старый Мансфельт возвратился из похода, Моргана в Порт-Ройяле не было; не показывался он и в последующие дни, когда в порту шел беспробудный загул.

Отсутствие Моргана удивляло все больше, и злые языки судачили на все лады.

В одно прекрасное утро город облетела сногшибательная весть: Мансфельт отплыл! Старый адмирал покинул сцену столь же внезапно, как и появился.

Несколько месяцев спустя после его отплытия с Ямайки в Порт-Ройял пришло известие, что старый адмирал прибыл на Тортугу и там умер. Смерть скоропостижная и во многом загадочная, поговаривали, что он был отравлен.

Едва Мансфельт вышел в море, в Порт-Ройяле появился Морган, а не успела прийти весть о смерти Старика, как несколько дней спустя валлиец был официально возведен губернатором Томасом Модифордом в ранг адмирала.

Завоевание власти

Морган вышел из Порт-Ройяла в начале февраля 1668 года, в его эскадру входили два принадлежавших ему трехмачтовика плюс корабль Морриса, одного из двух капитанов, с которыми он грабил Гранаду. Идя по ветру, три корабля быстро одолели двести пятьдесят миль. Став на якорь не-

вдалеке от кубинского побережья, Морган послал гонцов к рифам, рассчитывая получить в помощь еще девять судов — три английских и шесть французских. Адмирал надеялся, что под началом у него окажется около семисот человек, в том числе четыреста пятьдесят англичан. Флибустьеры согласились.

Целью нападения был выбран Пуэрто-дель-Принсипе, город, расположенный в глубине острова Куба.

Флибустьерский флот обогнул остров и вошел в бухту Санта-Мария, где бросил якорь.

Едва выгрузившись на берег, пираты поняли, что о внезапном нападении надо забыть: поперек дороги были устроены завалы из бревен, из чащи леса летели пули. Какой-то шпион или предатель успел предупредить жителей Пуэрто-дель-Принсипе. Но препятствия не были столь серьезны, чтобы остановить колонну: флибустьеры обходили завалы, неуклонно двигаясь вперед.

Испанцы не заперлись в крепости и не разбежались по окрестным лесам. Алькальд выстроил свое войско в чистом поле, прямо перед городом. Там было человек восемьсот, не менее, что намного превосходило численность населения Пуэрто-дель-Принсипи. Власти успели собрать по окрестным асьендам и деревням дополнительные резервы.

Наконец — что еще более удивительно — миниатюрное войско было выстроено в пампе, согласно армейским уставам того времени: пехота — в центре, кавалерия — на флангах. Мундиры пестрели не густо, преобладало гражданское платье,

зато в центре реяло огромное испанское знамя.

Флибустьеры двигались прежним шагом. Раздалась барабанная дробь, и слева и справа от каре пехоты взвилась пыль: алькальд бросил вперед кавалерию.

Тактика пиратов заключалась как раз в том, чтобы не маршировать строем, а рассыпаться цепью, уклониться от лобовой атаки кавалерии, постараться забежать с тыла, вспороть лошади брюхо или подрезать сзади сухожилия, упасть ничком наземь и затаиться, как труп, а затем, вскочив, выстрелить в упор или действовать клинком. Это были люди храбрые, знающие толк в военных хитростях и вовсе не стреноженные артикулом уставов или традицией.

Защитники Пуэрто-дель-Принсипе тоже выказали доблесть. К концу сражения, продлившегося два-три часа, двести или триста тел усеивали пампу попеременно с трупами лошадей. Флибустьеры, понесшие куда меньшие потери, двинулись дальше на город, приканчивая по дороге раненых, если те вопили слишком уж громко. Дойдя до первых домов, они выгнали клинками на улицу нескольких упиравшихся. Все сдавшиеся в плен испанцы были согнаны без особых церемоний в две церкви, после чего двери заперли на ключ. Был Страстной четверг 1668 года.

Двенадцать дней длилась пиратская оккупация Пуэрто-дель-Принсипе.

Единственное «сокровище», обнаруженное в городе, заключалось в скромной утвари двух церквей.

Добычу поделили на одном из островков у юго-

западной оконечности Санта-Доминго, название которого часто встречается в документах того времени: он служил своего рода «явкой» английских и французских пиратов. Испанцы называли его Исла-де-лас-Вакас, то есть Коровий остров. Англичане, переиначив его звучание, нарекли этот клочок суши Айленд-оф-Эшес, то есть остров Пепла. Сегодня это остров Ваку, владение Гаити. На каждого флибустьера приходилось по 60 пиастров — смехотворная цена за все тяготы и невзгоды, выпавшие на их долю.

Вскоре флотилия Моргана отправилась в новую экспедицию. Эскадра состояла на сей раз из девяти кораблей, на борту которых находилось около пятисот человек. Местом назначения был город Пуэрто-Бельо.

В зените славы

Пуэрто-Бельо — Дивная гавань, — так Колумб назвал удобную бухту, врезающуюся в гористый берег Панамского перешейка. Удобная и хорошо защищенная от штормов бухта на Атлантическом побережье находилась в конце единственного пути через перешеек к Панаме на Тихоокеанском берегу.

Два-три раза в год по этой дороге двигался самый знаменитый и самый охраняемый в мире караван, перевозивший на мулах сокровища Чили и Перу в Пуэрто-Бельо. По прибытии каравана на Атлантическое побережье там устраивалась Золо-

тая ярмарка. Продолжалась она две недели, в течение которых город полностью преображался.

Флотилия, прибывшая из Порт-Ройяла, увидела берег вечером и тут же повернула вспять на запад, чтобы паруса не заметили с берега. Пройдя немного дальше, пираты вошли в устье реки Гуанчи, в нескольких милях от города. Высаживались ночью, но в полном порядке. Адмирал Морган все предусмотрел и все заранее приготовил. Четыреста восемьдесят бойцов на лодках двинулись вверх по течению Гуанчи, чтобы зайти в тыл Пуэрто-Бельо.

Несколько часов в Пуэрто-Бельо правил бал сам Сатана. Предыдущая экспедиция принесла разочарование, зато нынешняя пожива была богатейшая. Последнюю составили двести пятьдесят тысяч золотых пиастров, сокровища церквей и монастырей, ювелирные изделия, драгоценные камни и богатые ткани плюс множество другого товара, плюс триста рабов.

Оргия, устроенная по прибытии в Порт-Ройял, превзошла длительностью и размахом все, что пиратское гнездо знало до тех пор. Содержатели таверн не могли сдержать радости, подсчитывая ежеутренне суточную выручку, и умильно глядели на тела пропойц, напоминавшие неподвижностью трупы. Всклопоченные девицы запихивали монеты в матрацы; ростовщики и торговцы не спали ночи напролет, заполняя приходные книги; они наняли особую охрану из отборных молодцов для присмотра за битком набитыми складами.

Богатство острова разом возросло по меньшей мере на треть.

В 1668 году английский король Карл II отправил на Ямайку корабль «Оксфорд» водоизмещением 300 тонн с 36 орудиями на борту под командованием одного из самых способных капитанов, Эдварда Коллиера. Ему было предписано обеспечить защиту острова против нападения с моря, а это предполагало исполнение приказов губернатора сэра Томаса.

Несколько дней спустя дежурный офицер принес письмо от сэра Томаса. Капитану Коллиеру предлагалось поставить судно на якорную стоянку возле Коровьего острова и поступить под командование адмирала Моргана, чья флотилия собиралась в указанном месте.

Второго января 1669 года трехмачтовый корабль «Оксфорд» флота Его Величества стоял на якоре возле Коровьего острова в окружении пятнадцати флибустьерских судов. Коллиер сам отправился к адмиралу, чтобы вручить ему письмо от сэра Томаса.

— Превосходно! — ответил адмирал. — Я сейчас введу вас в курс предстоящей экспедиции.

Целью была Картахена, порт Испанской Америки (ныне в Колумбии), некогда разграбленный знаменитым Дрейком; с тех пор минуло уже восемьдесят лет, и город должен был оправиться. В Картахене под защитой неприступных фортов останавливались галионы. Отплытие было назначено на 4 января.

Морган решил пировать на «Оксфорде» — самом большом и чистом корабле его флотилии. Но он посадил во главе стола Коллиера, остававшегося на борту «первым хозяином после Господа Бо-

га». Морган не хотел с первых шагов обострять отношений с чопорным капитаном, выказывая свою власть.

На остальных судах, собравшихся у Коровьего острова, тоже шел пир горой.

Внезапно сидевшие на судах по соседству с «Оксфордом» почувствовали, как настил дрогнул у них под ногами, словно море передало подземный толчок. Затем раздался оглушительный грохот взрыва и колоссальный столб пламени взметнулся над носовой частью «Оксфорда». Черное облако заволочло все вокруг, а в море полетели обломки корпуса и куски человеческих тел. Когда дым рассеялся, люди успели заметить, как корма «Оксфорда» погружается в воду. Два-три десятка человек плавали, уцепившись за куски дерева и отчаянно вопя. Это были гости Моргана, уцелевшие от взрыва порохового погреба в носовой части английского корабля. Все пировавшие на баке — около двухсот человек — погибли, одни при взрыве, другие потонув в бессознательном состоянии. Шлюпки вылавливали уцелевших. Среди них был адмирал Морган и почти все его приглашенные, в том числе Коллиер и де Вивон.

Катастрофу вызвало повальное пьянство. Канониры «Оксфорда», бегавшие в погреб за порохом для заздравных залпов, успели накачаться до потери сознания; в конце концов кто-то из них ворвался в погреб с еще тлевшим фитилем. Бывший командир «Оксфорда» оказался перед выбором: либо подать в отставку, либо начать помимо воли карьеру флибустьера.

Намерение идти на Картахену было оставлено

несколько дней спустя после взрыва на «Оксфорде»: слишком много оказалось погибших и еще больше дезертиров. У Моргана осталось всего восемь кораблей и от силы пятьсот человек. Это известно достоверно. Что касается последующих событий, то есть трехнедельного крейсерского плавания у побережья Кубы и Эспаньолы, то никаких подробностей так и не всплыло; сегодня мы практически ничего не знаем о загадочном поведении адмирала в этот период. Известно, что в один из дней в каюту к Моргану пришел Пьер Пикардиец, весьма известный флибустьер, на счету которого было немало «славных» дел. Он хорошо владел английским и был одним из капитанов его армады.

— Надо идти брать Маракайбо. Там хватит на целый флот, — сказал пират. — Два года назад я был в этом месте с экспедицией Олоне, хорошо знаю вход в лагуну и расположение фортов.

Как и ожидалось, находящийся на островке у самого берега при входе в лагуну форт открыл огонь, едва увидев флотилию. Но вопреки ожиданиям пушки замолчали еще до того, как орудия Моргана успели произвести ответный залп. А когда флибустьеры подгребли на шлюпках к островку, они увидели, что форт опустел. По счастью, кто-то из пиратов заметил у входа в пороховой погреб тлеющий фитиль. Морган сам затоптал его сапогами — и вовремя. На следующее утро 9 февраля, когда захватчики, осторожно озираясь, проникли в Маракайбо, город был пуст.

Прочесывание мертвого города Маракайбо, за которым последовал через двенадцать дней грабеж Гибралтара, оказавшегося таким же пустым,

напоминало кружение стервятников возле падали. Добыча поначалу была скудной. Но Морган и тут и там, особенно в Гибралтаре, отрядил в пампу вооруженные группы для поимки беглецов. Дрожащие от страха семьи прятались, как звери, во влажной сельве, превращенной в болота сезонном дождем и разливом рек. Несчастливые люди, измотанные лишениями, без всякого сопротивления отдавали грабителям свое добро, которое они успели унести или спрятать.

Стервятники надрывались изо всех сил: им приходилось часто брести по пояс в воде через болота и речушки; страшные ругательства оглашали окрестности, когда лодка с добычей или пленниками переворачивалась; трупы детей бросали на месте без погребения. Захваченных горожан, которые должны были уплатить выкуп, запирали, по обыкновению, в церквах. «С красивых женщин Морган ничего не брал, ибо у них было чем заплатить и без денег». За пять недель «кампании» адмирал не потерял ни одного человека.

Моргановское войско поджидала засада: у выхода из лагуны встали три мощных испанских корабля под командованием адмирала дона Алонсо дель Кампо-и-Эспиносы. Они ждали там уже двенадцать дней. Низкая осадка не позволяла фрегатам войти в мелководную лагуну, поэтому они заперли флибустьеров в озере, отрезав им единственный путь к отступлению. Морган узнал эту грозную весть по прибытии в Маракайбо 23 апреля.

Одна из пиратских барок попыталась было подойти — видимо, чтобы прощупать умение испан-

ских бомбардиров. После первого же залпа она повернула вспять: несколько ядер угодили ей прямо в корпус. Рано или поздно флибустьеры попытаются вырваться из лагуны. И тут им придет конец.

3 мая ближе к концу дня вахтенный офицер «Магдалены» доложил адмиралу, что флибустьерские корабли, стоявшие на якоре перед Маракайбо, затеяли какой-то маневр.

Через какое-то время первые корабли уже приблизились к зоне поражения. Три испанских фрегата стояли таким образом, чтобы не заслонять друг друга, «Магдалена» — в центре.

Неожиданно все флибустьеры спустили паруса и остановились. С наступлением темноты у пиратов на мачтах зажглись отличительные огни. На рассвете пираты погасили огни, подняли паруса и решительно двинулись к испанским фрегатам.

Как ни странно, три их крупных корабля держались позади. Да и барки тоже особенно не торопились. Вперед вырвалось лишь одно судно. Мгновение спустя дозорный, сидевший высоко на мачте в «вороньем гнезде», крикнул, что «пират» идет под флагом адмирала Моргана.

Расстояние все сокращалось. Теперь «Магдалена» одним бортовым залпом могла отправить ко дну флибустьерского «адмирала», но тот с безумной отвагой продолжал идти прямо на испанский фрегат.

Испанцы приготовились к abordажу, по нападавшим открыли огонь из мушкетов и пистолетов. «Флибустьер» вплотную подошел к «Магдалене» и стукнулся о ее борт. Испанские матросы вонзили

в него «кошки» и абордажные крючья. Борт «испанца» был много выше, и солдаты, прыгнув на палубу дерзкого пирата, тут же застрелили несколько нападавших; остальные бросились в море и лихорадочно поплыли прочь. Испанцы в недоумении забегали, натываясь на соломенные манекены и деревянные орудия. Их недоумение длилось всего четыре секунды. На пятой палуба пиратского судна разверзлась у них под ногами, ослепительная вспышка затмила взор, и на «Магдалену» обрушилось исполинское пламя.

Матросы «Маркесы», опаленные жаром горевшей рядом «Магдалены», спешно обрубали якорные канаты и выбросили свой корабль на берег. Экипаж «Сан-Луиса» вяло отстреливался от флибустьерских судов, мчавшихся на него на всех парусах: испанцы приняли их за брандеры. Фрегат был захвачен. Флибустьеры выловили и взяли в плен множество испанских солдат и офицеров — точная цифра осталась неизвестной.

Добыча в конечном счете оказалась огромной. Выкуп, драгоценности и рабы были оценены в двести пятьдесят тысяч реалов.

Панамский поход

К 1669 году все путешественники, побывавшие в Панаме, описывали ее как Голконду, место сказочных наслаждений. Город насчитывал тогда десять тысяч жителей и славился своим богатством. Там, в частности, располагалась казначей-

ская палата, куда свозили добытое в Перу золото.

Панама стала очередной целью, куда замыслил отправиться адмирал Морган.

— Ваш прожект мне нравится, — мялся губернатор Томас Модифорд, — но мне было бы желательно получить известие о провокации с испанской стороны.

В конце 1669 года Морган обладал значительным влиянием. Он только что купил на Ямайке огромное поместье Терра-де-Данке, впоследствии нареченное Долиной Моргана.

Прошла зима, за ней весна 1670 года. В середине июня Морган явился к губернатору с сообщением, что все готово.

В ближайшие дни произошла провокация, о желательности которой настоятельно намекал сэр Томас Модифорд. Факт был злонамеренный, неопровержимый, и Морган был совершенно к нему не причастен. Испанское военное судно высадило на северном берегу Ямайки небольшой отряд, тот сжег несколько хижин и взял пленников. 29 июня собранный Мордифордом Совет острова единодушно принял резолюцию о выдаче Моргану поручительства для борьбы с испанскими войсками на суше и на море, а также для «совершения любых деяний, потребных для сохранения спокойствия и процветания владений Его Величества в Вест-Индии».

Два десятка кораблей вышли из Порт-Ройяла, другие присоединились к ним во время остановки в Порт-Гогоне на южном берегу Санто-Доминго. Что ни день туда подходили новые суда.

Подготовка к походу заняла шесть месяцев. В

начале декабря Морган собрал капитанов и приказал им быть готовыми к отплытию через неделю. Конечная цель — Панама. Не менее часа адмирал излагал подробности предстоящей операции. Вначале он намеревался совершить рейд на Провиденсию (Санта-Каталину) и забрать остров у испанцев, чтобы обеспечить тыл экспедиции, а во-вторых, набрать из тамошних каторжником-индейцев проводников, знающих Панамский перешеек. После этого предстояло взять курс на устье реки Чагрес и захватить штурмом крепость Сан-Лоренсо и, наконец, одолеть перешеек: подняться на пирогах по Чагресу до укрепленного селения под названием Крус, а оттуда выйти на Золотую тропу, по которой следовали знаменитые караваны с бесценным грузом. Эта тропа вела к Тихому океану, к Панаме.

19 декабря 1670 года армада подняла паруса. Она состояла из 28 английских и 8 французских кораблей общим водоизмещением 1585 тонн, вооруженных 239 орудиями, и насчитывала 1846 человек.

Остров Провиденсия был захвачен 22 декабря 1670 года. Параллельно Морган отправил под командованием капитана «Мэйфлауера», Джозефа Брэдли, авангард в четыреста человек с заданием захватить крепость Сан-Лоренсо в устье реки Чагрес.

Главные силы армады, подойдя 11 января 1671 года к Чагресу, узнали, что отряд Брэдли успел захватить форт Сан-Лоренсо. Триста человек были оставлены охранять Сан-Лоренсо и корабли на якоре у входа в устье.

Работы по сооружению Панамского канала в XIX веке изменили конфигурацию реки Чагрес. А тогда, в 1671 году, широкая в устье, она резко сужалась в нескольких километрах выше по течению. Ширина ее была не больше сорока метров, и река мчалась, стиснутая меж высоких, обрывистых берегов, заросших неприступной чащобой. Форт Сан-Лоренсо скрылся из виду еще до того, как экспедиция добралась до места сужения реки.

Войско насчитывало тысячу четыреста человек, семь баркасов, пятьдесят шесть шлюпок и пирог. После того, как река стала совсем мелкой, было велено выгрузиться из лодок, оставив там больных, и лезть на берег. Продвижение совсем замедлилось.

Пираты вышли на столбовую дорогу, ту самую караванную тропу, по которой испанцы перевозили награбленное у индейцев золото. Тропа имела не более дюжины шагов вширь; местами топь сужала ее пуще и почва ходуном ходила под ногами; повсюду валялись скелеты мулов, отполированные стервятниками до блеска. Зрелище бранных останков нисколько не омрачало настроения флибустьеров. Они знали, что вождеденная Панама не за горами и скоро они отведут душу.

И вот наконец через несколько дней появился город.

18 января губернатор Панама Гусман предпринял вылазку из города во главе 1200 солдат, 200 всадников и довольно большого числа (точная цифра неизвестна) вооруженных рабов. Тридцать индейцев должны были а решительный момент

выпустить на поле полторы тысячи «боевых единиц», с которыми моргановским флибустьерам еще не приходилось сталкиваться, — полудиких быков.

Как только Гусман с офицерами переехали холмистую грядку и увидели пиратскую армию, они остановились в изумлении. Морган назвал придуманное им расположение войск терцией. Это был плотный порядок, напоминавший формой ромб. В голове размещался отряд из 300 человек, обращенный острием в сторону врага. В центре — главные силы, 600 человек, стоявшие прямоугольником. Затем — арьергард, треугольник в 300 человек острием назад. Один фланг флибустьерской армии защищал холм, другой — болото. Весь строй медленно двигался вперед под барабанный бой, с развевающимися знаменами.

Дон Франсиско де Харо, командовавший кавалерией испанцев, посмотрел на дона Гусмана. Тот кивнул головой:

— Атакуйте.

Это было ошибкой. Следовало подождать, пока пиратская армия продвинется дальше и оголит свои фланги. А так испанской кавалерии пришлось идти лобовой атакой против острия. Почва была неровная, местами болотистая, усеянная кочками и рытвинами. Шедшие в авангарде флибустьеры опустили на колено, вскинули мушкеты и встретили нападавших дружными залпами. Гусман видел, как всадники, натолкнувшись на острие терции, рассыпались в стороны, а пираты продолжали вести в упор убийственный огонь. Харо собрал всадников и вновь повел их в атаку.

Когда пороховой дым рассеялся, испанская кавалерия перестала существовать.

Пиратская армия двинулась дальше, по-прежнему в плотном строю, нацелившись на левый фланг Гусмана. Испанцы были в основном вооружены аркебузами, оружием куда менее дальноточным и бившим не столь прицельно, как мушкетеры. Губернатор отдал приказ пехоте стоять насмерть. Различные грешащие неточностями рассказы очевидцев позволяют тем не менее заключить, что этот приказ не был исполнен. Часть испанцев начала отходить под огнем пиратов, другие с пением «Магнификат...» бросились вперед. По прошествии некоторого времени Гусман, не в силах понять, что происходит, отдал приказ бросить в бой быков.

— Обойти холм и пустить быков в тыл пиратам!

Командующий надеялся, что быки, ворвавшись в ряды пиратов, посеют панику, топча поверженных и разя их рогами. Но животные двигались шагом, иногда ленивой рысцой, а после первого залпа флибустьеров повернули назад и, отбежав подальше в поле, принялись мирно щипать травку. Испанская пехота бросилась наутек.

«Мы преследовали врага буквально по пятам, так что его отступление вылилось в паническое бегство», — писал Морган. Битва продлилась два часа.

Когда стало ясно, что сражение проиграно, порт превратился в место действия труднообразимой драмы. Оба пирса и весь берег были покрыты людским муравейником, буквально сползавшим в

море. Люди прыгали с причалов в лодки, брели по мелководью к суденышкам, бросались вплавь к стоявшим на якоре кораблям, толкались, орали, захлебывались, отчаянно дрались, затаптывая слабых, без всякого снисхождения к женщинам и детям.

Первым поднял паруса и вышел в море корабль, груженный церковными ценностями — среди них был алтарь массивного золота, практически бесценный. Эта вещь с той поры бесследно исчезла, превратившись в легенду.

Гусман, отошедший со своим штабом в индейскую деревушку Пеноме, в четырех километрах западнее Панама, приказал:

— Взорвать пороховые склады, как только первые пираты войдут в город!

При взрыве погибло некоторое число захватчиков, но взметнувшийся вулкан мгновенно объял пламенем деревянный город.

Крупные корабли вслед за кораблем с церковными сокровищами улизнули в открытое море и сейчас были вне пределов досягаемости. На пепелище сожженной Панама была уже собрана огромная добыча, но флибустьеры злились, что многое сгорело.

14 февраля 1671 года Морган отдал приказ экспедиции покинуть Панаму. Историки, сведущие в бухгалтерском деле, добрых полтора столетия подсчитывали стоимость добычи. Цифры вышли такие: минимум — 400 000 реалов, максимум — 750 000. Караван, двинувшийся с грузом в обратный путь, насчитывал 175 вьючных животных, в основном мулов.

Статуя Моргана

По возвращении в Сан-Лоренсо Морган объявил, сколько денег приходится на рядового участника: 200 пиастров, в то время как все рассчитывали получить самое меньшее по тысяче реалов. Пираты были на грани бунта. В порту Сан-Лоренсо недовольные во всеуслышание обзывали адмирала вором.

Среди возмущенных до крайности «береговых братьев» составила партия, решившая действовать радикально. Несколько дней жизнь адмирала была в опасности, ибо эти люди не любили шутить, когда речь шла о звонкой монете.

Все это объясняет, почему климат Чагреса показался Моргану особенно вредоносным, и он отплыл, «не дав никакого сигнала, в сопровождении лишь четырех судов, чьи капитаны соучаствовали в невиданном дотоле грабеже».

Морган шел к Ямайке. На Ямайке их ждал триумф. Капитаны и матросы, удравшие с Морганом, и даже рядовые флибустьеры, ехавшие в трюме, не оказались среди обделенных. Им, безусловно, досталось кое-что сверх нормы, поскольку по прибытии в порт ни один из них не пожаловался.

Триумф на Ямайке, но тайфун в Лондоне. Тайфун по имени Молина — так звали полномочного посла Испании. «Никогда моя держава не снесет оскорбления, нанесенного разорением Панамамы в мирное время. Мы требуем самых суровых санкций и в случае надобности не остановимся перед военными действиями», — в ярости пишет он.

Правительство отдало приказ направить великого флибустьера в Англию, «дабы держать ответ за оскорбления, нанесенные королю и престижу его короны». Морган дал слово подчиниться, и многие в Порт-Ройяле знали о подоплеке; но внешне все — включая и жертву, и палача — делали вид, будто адмирал отправляется в Лондон за почестями и наградой. Под крики «Виват!» и рукоплескания толпы 4 апреля 1672 года Морган поднялся на борт фрегата «Велкам» («Добро пожаловать»).

2 июля 1672 года, три месяца спустя после отплытия из Порт-Ройяла, он прибыл в Лондон. Моргану было велено оставаться на борту фрегата, которым командовал капитан Джон Кин.

Какое-то время спустя (продолжительность заключения на борту фрегата нигде не указывается) капитан Кин вошел в каюту пленника, держа пакет, запечатанный королевской печатью. Морган вряд ли почувствовал облегчение, прочтя высочайшее указание: «Полковника Моргана отпустить на берег под честное слово. Жительство иметь в Лондоне на собственный счет».

Три года прожил Морган в английской столице. Рассказов об этом периоде его жизни не сохранилось, и мы можем основываться лишь на заметках в газетах и строчках из мемуаров современников. В 1672 году Моргану исполнилось тридцать семь лет.

По прошествии нескольких недель Морган, разодетый и надушенный, словно сказочный принц, появляется в лучших домах. Он, не считающийся с расходами и швыряющий золото направо и

налево, быстро становится светским львом.

Но лондонский климат не благоприятствовал избавлению от хвори, и он испросил дозволения вернуться на свой остров.

— Возвращайтесь, — милостиво согласился король, — в звании вице-губернатора.

«Алчность флибустьеров не ведает границ, в особенности при слабой власти. Для обуздания их был призван сам сэр Генри Морган, хитроумно произведенный в вице-губернаторы». Морган живет на Ямайке, где за это время сменилось несколько губернаторов. Начальство приходит и уходит, а самый знаменитый из «береговых братьев» остается. Более того, на короткое время он даже назначается полномочным губернатором.

В сентябре 1679 года Моргана возводят в ранг верховного судьи, и вскоре он оказывается замешанным в скверную историю. У некоего Фрэнсиса Мингэма он конфискует за обман ямайской таможни судно. Но вместо того, чтобы внести деньги от продажи конфискованного судна в казну, Морган спокойно прикарманивает их. Мингэм обжалует приговор в Лондоне и добивается решения об отмене конфискации и возмещении всех убытков. Чтобы как-то сгладить впечатление от столь наглого казнокрадства, пошатнувшего его авторитет, Морган решает заделаться рьяным законником.

В начале 1680 года мы вновь видим Моргана на посту исполняющего обязанности губернатора. Он немедленно закрывает Порт-Ройял для всех флибустьерских и «подозрительных» судов, а короткое время спустя люди, служившие у него под на-

чалом и прошедшие с ним через все опасности, люди, которые по его приказу грабили, жгли, убивали, насиловали и пытали, в изумлении прочитали подписанный Морганом ультиматум:

«Всем, кто оставит пиратское ремесло, обещается прощение и дозволение селиться на Ямайке. Те же, кто по истечении трех месяцев не подчинится закону, объявляются врагами короны и, будучи задержаны на суше или на море, будут судимы трибуналом Адмиралтейства в Порт-Ройяле и, за неимением смягчающих обстоятельств, повешены».

Морган самолично приписал к копии отправленного в Лондон ультиматума следующую невероятную фразу:

«Я намерен предать смерти, бросить в узилище либо выдать испанским властям всех пиратов, которых мне удастся задержать».

Население приняло эти меры с удовлетворением. Коммерсанты, разбогатевшие в свое время на перепродаже добра, награбленного предводителем флибустьеров Морганом, теперь громко одобряли Моргана — гонителя флибустьеров. Нужно уметь шагать в ногу с эпохой...

Обращение в новую веру — дело нелегкое, и расстаться с дурными привычками тяжелее, чем с хорошими.

В 1684 году после очередного скандала Моргана освободили от всех занимаемых постов. Минувший год полнейшей безвестности. А в 1685 году имя Моргана появляется крупным шрифтом на первых страницах всех газет. В связи с судебным процессом.

Дело в том, что в 1678 году хирург Эксмелин публикует свои записки о похождениях флибустьеров. Книга называлась «Пираты Америки. Подробные и правдивые повествования обо всех знаменитых грабежах и нечеловеческих жестокостях, учиненных английскими и французскими разбойниками над испанским населением Америки». Она имела огромный успех, была переведена на многие европейские языки и переиздавалась чуть ли не ежегодно. Моргану в книге было отведено немалое место.

Выход английского перевода совпал с моментом, когда Морган впал в немилость; более того, перед ним вообще маячил грозный призрак тюрьмы.

«Требуяте опровержения и выплаты компенсации за ущерб», — пишет он своему лондонскому поверенному Джону Грину. Английский перевод вышел в двух издательствах. Владелец одного из них тут же согласился выпустить исправленное и дополненное издание с предисловием, во всем обеляющим Моргана. Но второй заупрямился, справедливо предположив, что судебный процесс окажется для него наилучшей рекламой. Фамилия его была Мальтус.

Издатель Мальтус не ответил на иск, не явился в суд и даже не прислал своего адвоката. Решение суда: десять фунтов штрафа Мальтусу и двести фунтов компенсации Моргану за моральный ущерб.

В декабре 1687 года Морган, давно уже не бывавший ни в каких морях, вновь воспрянул духом. Незадолго до Рождества он сидел за богато убран-

ным столом с только что прибывшим в Порт-Ройял герцогом Альбемарлем. Тот был назначен на считавшийся престижным пост губернатора Ямайки.

Новоназначенный губернатор прибыл со свитой, достойной герцогского титула; среди прочих там был и врач, полковник Ханс Слоун. Несколько дней спустя он освидетельствовал Моргана у него в доме. Адмирал лежал в постели, не в силах подняться, «худой, с желтой кожей и пожелтевшими глазами, живот был сильно вздут». Туберкулез и цирроз печени в результате злоупотребления алкоголем — таков был диагноз.

Герцог сохранил восхищение перед прошлыми ратными и морскими подвигами Моргана. Он пишет в Лондон прошение о восстановлении Моргана членом Совета острова.

Лондон отвечает не сразу. Лишь 27 апреля 1688 года оттуда отправляют пакет с согласием. Судно вынуждено задержаться в пути из-за сильных штормов, и в Порт-Ройял весть прибывает только в июле. У Моргана едва хватает сил доехать до здания Совета выслушать решение и едва слышным, прерывающимся голосом ответить на поздравления.

Больше Морган уже не поднимался. В судовом журнале королевского фрегата «Ассистанс» рукой его командира, капитана первого ранга Райта, сделана следующая запись, датированная 25 августа: «Сегодня около одиннадцати часов утра скончался сэр Генри Морган». А 26 августа добавлено: «Тело сэра Генри Моргана доставлено в губернаторский дворец в Порт-Ройяле, затем в церковь и после

заупокойной службы погребено на кладбище Палисейд. Орудия всех фортов произвели равное количество залпов. Мы и королевский фрегат «Дрейк» сделали по двадцать два пушечных выстрела, затем салют отдали все купеческие суда».

Не прошло и четырех лет после пышных похорон, как земля Ямайки, словно салютуя, загрохотала, задвигалась, а затем разверзлась, поглотив все живое. Гигантская волна обрушилась на город, и Порт-Ройял навсегда исчез в пучине.

(Блон Ж. Великий час океанов. Т. 1. Флибустьерское море; Средиземное море; Индийский океан / Пер. с фр. А. М. Григорьева. — М.: Славянка, 1993. — 543 с.)

Бертран д'Ожерон

Один из редких, а возможно, и единственный французский памятник эпопее флибустьерства находится в соборе св. Северина в Париже. Слева от входа, над чашей со святой водой, к стене храма привинчена простая мраморная доска со следующей надписью:

«В последний день января года MDCLXXVI (1676) в приходе св. Северина на улице Каменщиков Сорбонны скончался Бертран д'Ожерон, владелец имения Буэр, что в Жаллэ, который с MDCLXIV по MDCLXXV (с 1664 по 1675 год) закладывал гражданские и религиозные основы жизни флибустьеров и буканьеров на островах Тортуга и Санто-Доминго. Тем самым исповеди-

мыми путями Провидения он подготовил рождение будущей Республики Гаити».

Мемориальная доска была установлена в октябре 1864 года стараниями главного архивариуса Военно-морского министерства г-на Марги.

Одной из первых административных мер, принятых д'Ожероном на губернаторском посту, была доставка из Франции спутниц жизни для флибустьеров. Операция завершилась столь блистательным финансовым итогом, что в дальнейшем Вест-Индская компания сама занялась снабжением мужского населения Тортуги дражайшими половинами. Ни д'Ожерон, ни прочие акционеры компании не отказывались от полагавшейся им доли флибустьерской добычи. Но в отличие от ситительных компаньонов, смотревших на Тортугу лишь как на живительный источник денег, о происхождении коих они не желали знать (деньги ведь не пахнут!), Бертран д'Ожерон употреблял добытый капитал на благо колонии.

Бескорыстие этого человека выглядит в высшей степени странно на фоне безудержной алчности героев флибустьерских авантур. Много лет подряд д'Ожерон тратил не только губернаторские «отчисления», но даже свое жалованье на то, чтобы привезти, расселить и устроить на Тортуге фермеров, ремесленников и прочих полезных людей. Он давал им деньги на открытие предприятий, ссужал кредитами самые смелые коммерческие начинания и спасал их в последнюю минуту от банкротства.

Искатель приключений, в пятнадцать лет отправившийся за море, бывший буканьер, быв-

ший флибустьер, плантатор и купец, сведущий в торговых делах, он был идеальной фигурой компетентного руководителя пиратского гнезда. Более того, именно на этом посту он проявил качества, которые не сумел раскрыть, а может, и не подозревал за собой в предыдущей деятельности.

Одной из его главных забот был демографический рост тропической провинции. В 1667 году он обеспечил безопасность первых французских поселений на Эспаньоле, изгнав испанцев из городка Сантьяго-де-лос-Кабальерос в центре острова. Эти селения — Кю-де-Сак, Пор-де-Пэ, Кап-Франсэ, Леоган и Пор-Марго — стали быстро расти. В их гаванях флибустьеры прятали свои суда, а вокруг мирные обыватели разбивали плантации, где сажали сахарный тростник, хлопок, имбирь и табак, называвшийся там петун. Тортуга же с ее Скальным фортом, гарнизоном, экспедиционным корпусом и хорошо вооруженными кораблями стала форпостом — своего рода Мальтой Флибустьерского моря.

В 1668 году Бертран д'Ожерон отправился во Францию возобновить свои полномочия. При встрече он предложил министру Кольберу основать французскую колонию во Флориде. Вопрос был направлен для подробного изучения в соответствующий департамент, а затем благополучно оставлен пылиться в папке. Губернатор возвратился в следующем году на Тортугу в сопровождении четырехсот анжуйцев (сам он тоже был уроженцем городка Рошфор-на-Луаре в провинции Анжу), билеты которым он купил на свои

деньги. Тогда же он договорился с судовладельцами ежегодно переправлять в Вест-Индию — по-прежнему за его, губернатора, счет — по триста новых колонистов. В голове д'Ожерона роились грандиозные прожекты. Но, как слишком часто бывает, энтузиазм, благородство и бескорыстная помощь ближнему оказываются бессильны перед лицом большой политики.

Самую оживленную торговлю Тортуга и ее мелкие «филиалы» вели с голландцами. Не менее шестидесяти-восемидесяти голландских судов привозили ежегодно из Европы инструменты и стройматериалы, ткани и мануфактуру, у французов же купцы загружались колониальными товарами.

— Отныне запрещаю своим подданным фрахтовать голландские суда! — объявил король.

Запрет обрушился в мае 1670 года как снег на голову. Он был прямым результатом смены политического курса в Европе после подписания Людовиком XIV Аахенского мира (1668). Целью этой политики была дипломатическая и коммерческая изоляция Нидерландов, с которыми французский король намеревался затеять войну.

В Кю-де-Саке и Леогане колонисты схлестнулись с солдатами, не позволившими грузить уже сложенные на причале товары. Голландские суда ушли пустыми. Товар сгнил на месте.

Колонисты запаслись оружием и порохом, и, когда в следующий раз патруль попытался помешать погрузке, поселенцы перебили солдат. Бертрану д'Ожерону скрепя сердце пришлось возглавить карательную экспедицию против людей,

приехавших в его колонию по его настоянию и на его деньги.

В 1673 году (начавшаяся за год до того война с Голландией продлилась шесть лет) ему было предписано из Парижа совместно с губернатором Мартиники разорить голландские владения в Вест-Индии. Д'Ожерон едва успел отойти от Санто-Доминго, как налетевший тропический ураган выбросил его судно на ту часть острова, которая принадлежала испанцам. Взятый в плен, он «сумел бежать на утлой лодчонке без еды и питья и умирающим был подобран на островке Самана, примерно в двухстах милях севернее». Возможно, речь идет об одном из островков в бухте Самана на северо-востоке Санто-Доминго, это побережье принадлежало испанцам. Здоровье д'Ожерона после этого сильно пошатнулось, и, вернувшись на Тортугу, он оставил там губернаторствовать своего племянника, кавалера де Пуансэ, а сам поехал в Париж.

— Буду просить аудиенции у короля. У меня есть замечательный план покорения всего Санто-Доминго.

Лежа в постели, больной Бертран д'Ожерон твердил это своей квартирной хозяйке на улице Каменщиков Сорбонны. Пожилая женщина ухаживала за ним со всей преданностью, на какую была способна. Она же сохранила последние слова д'Ожерона о покорении далекой колонии, сказанные им перед тем, как испустить дух 31 января 1676 года.

(Блон Ж. Великий час океанов. Т. 1. Флибустьерское море; Средиземное море; Индийский оке-

Грамон, Ван Доря и Де Граф

Отец Грамона, гасконец, офицер королевской гвардии, умер голодным. Мать вторично вышла замуж. У второго ее мужа, тоже офицера, был коллега, влюбившийся в сестру нашего Грамона, которой в то время исполнилось четырнадцать лет. Юношеская ревнивость и гасконская вспыльчивость были не в силах примириться с ухаживаниями офицера, и в один прекрасный день Грамон пытается выставить его из дома. Появляется мать, которая заявляет сыну, что он — невоспитанный мальчишка. Галантный офицер поддакивает: «Маленький смутьян!» Юноша заливается краской и выхватывает шпагу, — несмотря на юные лета, он, как подобает дворянину, всегда носит оружие. Офицер, защищаясь, обнажает шпагу... и падает, пронзенный тремя смертельными ударами в грудь. С этого момента в авантюрном сюжете начинается неожиданный поворот.

Раненый офицер умирает, но перед смертью успевает распорядиться своим состоянием. Ему приносят перо и бумагу, и он пишет: «Оставляю десять тысяч ливров мадемуазель де Грамон». Затем какую-то сумму, не знаю в точности сколько, он завещает своему убийце. Нет, своему победителю, поскольку наш офицер — настоящий рыцарь. Весть о дуэли быстро долетает до самых

верхов, и король отряжает к раненому гвардейцу майора де Кастеллана.

— Передайте Его Величеству, — шепчет умирающий, — что я пал не от руки убийцы. Я сам был виновником несчастья, и все свершилось сообразно с правилами чести.

Таким образом, наказания не последовало; не было и судебного разбирательства; король лишь распорядился приструнить пятнадцатилетнего бретера: «Отдать его в школу юнг!»

В этом заведении потомственный дворянин де Грамон познал весь набор ругательств и особый лексикон, которым он потом широко пользовался с упорством, достойным лучшего применения. Там же он овладел зачатками навигационного умения и, перейдя впоследствии в морское училище, проявил не меньше способностей к овладению маневрам, чем к фехтованию шпагой. Как говорили в те времена, «он обрел репутацию».

Репутация его укрепилась еще больше после первого же крупного дела в Вест-Индии. Вооружив на одолженные деньги потрепанный фрегат, он перехватил на траверзе Мартиники голландскую купеческую флотилию. Обычно она перевозила столь богатые грузы, что ее именовали не иначе как Амстердамская биржа. Молва не ошиблась и на сей раз. Доля Грамона, составившая одну пятую добычи, равнялась 80 000 ливров.

Второй его подвиг, исполненный незамедлительно вслед за первым, прославил его по всему Флибустьерскому морю: он сумел растратить и прогулять эту огромную сумму (за вычетом двух тысяч ливров, отложенных на крайний слу-

чай) за одну неделю. Во всех кабаках французских владений на Антильских островах и даже на Ямайке пропойцы в восторге стучали кулаками по столу:

— Тысяча чертей, такого еще не бывало!

Восторг пиратов разросся до немислимых пределов, когда наш герой, поставив на кон заветные 2000 ливров, выиграл в последний день столько, что мог снарядить на эти деньги пятидесятипушечный корабль. Он возвратил королю свои офицерские галуны (это выражение следует понимать не буквально) и отправился на Тортугу набирать экипаж. Авантюристы и морские волки дрались за право служить под его началом.

Крепко сбитый шатен невысокого роста, с живым взором и хорошо подвешенным языком стал кумиром флибустьеров. Они его попрекали одним-единственным недостатком — это был откровенный вольнодумец, то есть атеист.

— Покамест не увижу Бога, ангелов и дьявола собственными глазами, не поверю в них!

Подобные высказывания шокировали джентльменов удачи, считавших для себя обязательным после грабительских походов и смертоубийств каяться в грехах и просить небесного прощения. Но обаяние этого человека перевешивало все остальное.

Четыре крупных похода прославили имя Грамона: в Маракайбо (1678), Куману (1680), Веракрус (1682) и Кампече (1686).

Из Маракайбо пираты возвратились разочарованными: добыча оказалась скудной. Олоне, а затем англичанин Морган выжали из этого места все

соки. Грамону мало что досталось. Тем не менее он произвел сильное впечатление на флибустьеров умением овладеть любой ситуацией. Поэтому год спустя они согласились отправиться с ним в следующий поход. Целью была Кумана, порт на том же побережье, что и Маракайбо, в пятистах морских милях восточнее.

Произошло это в бытность губернатором на Тортуге кавалера де Пуансэ. Пуансэ предпочел не вмешиваться, а в случае осложнений сообщить Парижу, что Грамон успел отплыть до прихода известий о мирных соглашениях. Как и следовало ожидать, королевские чиновники, получив после разорения Куманы причитающуюся им мзду, не стали метать громы и молнии на заморских строптивцев. Грамон проявил и в этом набеге свое недюжинное мастерство, так что отныне подчиненные именовали его не иначе как «генерал Грамон».

Неделю спустя «генерал» отбыл в Веракрус. Это была нешуточная цель. Крепость, построенная для защиты побережья Мексики, была добросовестно укреплена испанцами: гарнизон насчитывал три тысячи солдат, а еще 600 человек постоянно жили в цитадели Сан-Хуан д'Ульоа; ошестинившаяся 60 орудиями фортеция запирала вход в гавань. Помимо этого, в случае нападения 15 000—16 000 солдат можно было стянуть к Веракрусу в течение ближайших дней из других гарнизонов Мексики.

Для атаки на этот крепкий орешек у генерала было семь кораблей, в том числе личный пятидесятипушечный мастодонт. Своими помощниками

Грамон назначил двух весьма сведущих в батальном деле людей — Ван Дорна и Де Графа.

Ван Дорн, голландец на французской службе, носил ожерелье из бесценных жемчужин «поразительной величины, окружавших редкой красоты рубин». Эту склонность к украшениям, учитывая вкусы XVII века, не следует принимать как признак женственности. Доказательством тому служит биография этого человека. Начав как корсар французского короля, Ван Дорн грабил владения своих бывших соратников, а затем возглавил флотилию вольных добытчиков. Маленькая эскадра пиратствовала на Антильских островах, не прикрываясь уже ничьим флагом. Одно время Ван Дорн даже принял сторону испанцев, чтобы в нужный момент покинуть их, прихватив «на память» несколько купеческих галер. Предложение служить под началом Грамона он расценил как весьма лестное для себя; в свою очередь, прославленный генерал высоко ценил морское умение Ван Дорна.

Имя другого голландца, Де Графа, промелькнуло в нашем повествовании, когда речь шла о замужестве неукротимой буканьерки Мари Божья Воля, вдовы Пьера Длинного. Де Граф тоже какое-то время служил у испанцев. Он слыл отменным знатоком артиллерии. В отличие от сквернословящего генерала, охотно дававшего волю рукам, и вспыльчивого Ван Дорна Де Граф, «с лицом приятным, но не женственным, светлыми волосами без рыжины и эспаньолкой, шедшей ему замечательно», являл пример человека благовоспитанного и утонченного. На борту своего судна он дер-

жал струнный оркестр, игравший за обедом и ужином в зависимости от того, вкушал ли капитан трапезу один или с гостями.

Итак, Веракрус — город богатый и соблазнительный, но это орешек, о который легко было сломать зубы. Один французский историк XVIII века писал, что предприятие Грамона было столь же рискованным, как попытка тысячи двухсот басков на десяти старых посудилах напасть на Бордо.

Прежде всего Грамон совершил вещь невысказанную по тем временам: ему удалось благополучно пристать к берегу ночью в нескольких лье от цели. Десант немедля двинулся в путь и еще до зари оказался перед главными воротами города. Обалдевшие от неожиданности стражники, увидев наставленные на них дула пистолетов, послушно отворили.

Флибустьеры рассыпались по улицам Веракруса. Часть заняла цитадель, другие окружили главные здания. Знатных горожан вытаскивали из постели и гнали к городскому собору, куда Грамон велел выкатить несколько бочонков с порохом.

— Выкуп — два миллиона пиастров, иначе весь город взлетит на воздух!

Один миллион был доставлен в тот же день, второй — тремя сутками позже. Тем временем в городе шел грабеж по всем канонам флибустьерской традиции. Общая сумма добычи составила четыре миллиона пиастров плюс полторы тысячи рабов. Все было погружено на четыре больших корабля. Операция прошла без сучка без задоринки. Когда солнце поднялось над городом в четвертый раз, флотилия была готова к отплытию.

В этот момент трижды бухнула сигнальная пушка: на горизонте показался испанский флот. Семнадцать кораблей. Две минуты спустя новый сигнал, на сей раз с фортеции: с суши к городу подходил испанский полк.

Тут-то и проявилось в полной мере искусство кораблевождения, которым славились генерал и его помощники. Напрасно полк спешил бегом к городу, напрасно испанские суда на всех парусах мчались к гавани: флотилия пиратов (с Испанией ведь был заключен мир), отягощенная баснословной добычей, успела ускользнуть из Веракруса. В спешке отплытия на борт не успели погрузить продовольствие, однако вскоре пиратам в открытом море попался галион. Завороженный страхом, как и защитники Веракруса, испанский капитан сдался без боя. Невообразимая **удача**: галион оказался гружен мешками с мукой! Ими был забит весь трюм.

Судя по рассказам современников, потери флибустьеров оказались минимальными, некоторые даже утверждают, что жертв вообще не было, за исключением Ван Дорна, но он погиб не от руки испанца.

Де Граф, услышав от одного англичанина, что Ван Дорн «оскорбительно отозвался по его адресу», стал выяснять отношения с соотечественником. Ван Дорн уверял, что не говорил ничего похожего, англичанин клялся в обратном. От слов перешли к дуэли на саблях. Де Граф ранил Ван Дорна в руку, и по пути домой тот умер, по всей видимости, от заражения. Его похоронили на берегу полуострова Юкатан.

Служ о сказочных сокровищах, добытых в Веракрусе, успел домчатся на крыльях легких парусников до Тортуги. Дни шли за днями. Тревожное ожидание воцарилось на острове.

А в это самое время песни и пьяные выкрики по-французски неслись из таверн Порт-Ройяла на Ямайке. Это было вопиющим попранием патриотизма, проявлением самой черной неблагодарности и настоящим вызовом королевской власти — люди Грамона пропивали добычу у англичан! Это ли не свидетельство того, что родина флибустьеров там, где удобнее?

Чувство безысходности, заставлявшее обывателей и флибустьеров покидать райский остров, усилилось еще пуще с приездом нового губернатора Тортуги — Пьер-Поля Тарена де Кюсси, премника кавалера де Пуансэ.

К концу 1685 года де Кюсси узнал о том, что Грамон готовит новый поход.

На сей раз у него под началом были тысяча сто человек. Целью экспедиции наметили город Кампече, жители которого, по слухам, сказочно разбогатели на торговле ценным кампешевым деревом.

Казалось бы, Грамон после легкой победы в Веракрусе должен был действовать аналогичным образом в Кампече: скрытная высадка и марш-бросок к городу. Вместо этого мы видим, как он бросает средь бела дня якорь в четырнадцати лье от Кампече, восемьсот человек садятся в шлюпки и баркасы и начинают грести к берегу. «Каждая лодка шла под своим флагом, и зрелище радовало глаз». Сойдя на берег, войско двинулось вперед «под барабанный бой на глазах изумленного про-

тивника, который не знал, что и думать: они куда больше походили на королевскую армию, чем на шайку флибустьеров».

Возможно, Грамон хотел запугать защитников Кампече демонстрацией силы. А возможно, ему просто не удалось обеспечить скрытности похода. Как бы то ни было, у горожан было предостаточно времени для того, чтобы соорудить засеки вокруг стен города. Увы, эти хилые сооружения едва замедлили продвижение пиратов. Внутри города тоже были сооружены баррикады с пушками. Флибустьеры могли увязнуть в уличных боях, но Грамон ввел тактику, применяющуюся и поныне: он рассыпал по крышам снайперов. Стрелки-флибустьеры перебили сверху оружейную службу, и защитники баррикад сдались. Любопытно, что батальные рассказы и «дымящиеся» воинственные гравюры того времени весьма отдаленно соответствуют подлинной картине сражения. Оно никак не напоминало битву под Верденом: потери флибустьеров составили в итоге четыре человека, около десятка получили ранения.

Три дня спустя была взята городская цитадель, служившая также тюрьмой. Потери флибустьеров — ноль, потери защитников — тоже ноль. Гарнизон потихоньку убрался восвояси, оставив одного-единственного англичанина, который сражался как лев, был взят в плен, но тут же освобожден Грамоном, пригласившим храбреца отобедать с ним.

Пока защитники баррикад пытались сдерживать натиск, испанцы-горожане, наученные столетним горьким опытом, бежали прочь, унося с

собой домашний скарб. Но пираты знали, где и как вылавливать беглецов. На следующее утро после падения Кампече 600—700 горожан были приведены под охраной назад в свои дома. Следует отметить, что никаких особых жестокостей в стиле Олоне или Моргана не совершалось.

Эта экспедиция закончилась полным успехом, если не считать отсутствия денег. Денег не нашлось, быть может, именно потому, что Грамон не был заплечных дел мастером. Конечно, в момент захвата города не обошлось без тумаков и зуботычин, но дознания огнем и железом не проводились.

Около двух месяцев вольница Грамона пиروвала в городе: погреба и склады Кампече могли потрафить самому взыскательному любителю еды и питья. Ежедневными застольями флибустьеры пытались развеять горечь разочарования от скудной добычи. Одновременно вокруг Кампече рыскали патрули: они надеялись поймать богатых горожан, которые укажут им свои тайники — последние сделались навязчивой идеей у пиратов. Но улов оказался скуден — несколько онемевших от ужаса невольников.

Испанский губернатор был раздражен известием о прибытии пиратов в его провинцию. Вступать в сражение с ними он не хотел, учитывая прошлый печальный опыт такого рода баталий. С другой стороны, надо было как-то реагировать. Он распорядился выслать конные дозоры, наказав им перехватывать отраженные Грамоном поисковые группы. Стоял август — сезон дождей. Флибустьерам надоело месить сапогами грязь в пампе, и

они тоже сформировались в эскадроны. Только вот скакунами им служили по большей части ослы и мулы. Однажды губернатор Мерида, лично принимавший участие в боевых операциях, натолкнулся на такую группу горе-кавалеристов, убил два десятка человек, в том числе пиратского капитана, а двоих взял в плен.

Несколько дней спустя к нему явился парламентар Грамона:

— Наш генерал предлагает вам обмен: двух пленных на коррехидора и офицеров Совета Кампече. Если вы откажетесь, заложники будут казнены, а город сожжен.

— Понял. Свой ответ я сообщу вам. Можете быть свободны.

Губернаторы и военачальники той поры обожали переписку. Их гонцы выполняли роль средневековых глашатаев-герольдов. Ответ испанского губернатора был неожиданно грубым:

«У Испании достанет денег, чтобы отстроить город, если вы сожжете его, и людей, чтобы заселить его заново. Я не веду переговоров с бандитами».

Грамон прочел записку вслух своим офицерам.

— Сеньор губернатор Мерида настроен свирепо, — добавил он. — Ну что же, порадуем его, раз ему так хочется. Жаль только, его милость не почтил Кампече своим присутствием.

Дым пожара заволок один из кварталов города. Испанский гонец увидал, как на дворцовую площадь привели пятерых его соотечественников со связанными руками.

— Я велел выбрать первых попавшихся, —

сказал Грамон. — Они умрут к вящей славе вашего губернатора.

Головы пятерых несчастных слетели с плеч. Палач вытер саблю.

— А теперь ступайте и передайте своему господину, что это только начало. Если он не согласится на обмен пленными, я казню всех заложников и подпалю город с четырех сторон!

Заложники в тревожном ожидании замерли в темнице. Перед вечером прибыл новый ответ губернатора — столь же наглый и вызывающий, что и прежде. Но Грамон, очевидно, был в хорошем расположении духа. В голову ему пришла новая мысль.

— Освободите заложников и подожгите город

Город запылал, правда, не весь. Пираты уже привыкли к комфортабельному жилью, поэтому старинный центр с каменными домами они сохранили.

Вторая идея генерала заключалась в следующем:

— Через четыре дня праздник святого Людовика. Мы должны достойно отметить именины короля Франции, и у нас есть для этого все необходимое.

Действительно, ни в провизии, ни в напитках они нужды не терпели. А идея праздновать чьи угодно именины, будь то хоть самого Сатаны, была встречена флибустьерами с восторженным рвением. Еще бы! Когда речь шла о том, чтобы наесться и напиться до отвала, им не надо было повторять приглашение дважды.

Празднество началось необычно. «Король-

солнце», гонитель «флибустьерской нечисти», был бы несказанно удивлен, когда бы узнал, что утро 25 августа пираты встретили орудийными залпами в его честь. Затем флибустьеры рядами под барабанный бой прошествовали с развернутыми знаменами по улицам опустевшего города. Головорезы были по-детски счастливы возможностью продефилировать во всем блеске и великолепии.

К концу дня приступили к банкетам. Из полу-сожженных домов на улицы вытащили столы, покрыли их скатертями, простынями и коврами, устали дорогой посудой. Когда же стемнело, пир продолжался, освещенный пламенем близких пожаров. Огонь снаружи еще больше усиливал разгоравшийся жар внутри. К банкетным столам стали приглашать местных дам. Те безропотно соглашались, зная по опыту, что перечить в такие минуты небезопасно: тот же опыт, кстати, указывал, что переизбыток спиртного гасил галантные намерения флибустьеров.

Грамон в окружении своих офицеров сидел за самым богатым столом.

— А теперь, — воскликнул он, — зажжем фейерверк!

Этому салюту суждено было войти в Историю. Генерал собрал для праздничного костра все запасы драгоценнейшего кампешевого дерева — он в буквальном смысле пустил на распыл сказочное сокровище. Оранжевое пламя, потрескивая, взвилось в ночи. Это был последний всплеск безрассудного мотовства «классической» эпохи флибустьерства. Фраза, произнесенная Грамоном, позво-

ляет считать, что он прекрасно сознавал символический смысл этого всеожжения:

— Ну разве смогут они в Версале тягаться с нашей затеей? Любая их выдумка покажется сущей чепухой!

Несколько дней спустя флибустьеры погрузились на корабли и флотилия взяла курс на Санто-Доминго. Встреченные барки сообщили, что испанцы раструбили весть о пожаре в Кампече по всему свету.

— Интересно, — сказал Де Граф своим офицерам, — неужели из Франции действительно прислали фрегаты, чтобы призвать нас к порядку? Если да, то встреча выйдет погорячее, чем в Кампече...

В тот день он не велел звать музыкантов к обеду. Грамон тоже был в хмуром настроении. Вернувшись на Тортугу, он не появлялся на людях несколько недель. Когда месье де Кюсси вызвал его в Пор-де-Пэ, он уже был готов к самому худшему, перебирая в уме все возможные обвинения.

— Мне доставляет удовольствие, — сказал ему губернатор, — сообщить о назначении вас королевским наместником южной провинции Санто-Доминго. Вот ваш патент.

Что касается Де Графа, то он был помилован за убийство Ван Дорна, принял французское подданство и был назначен начальником полиции Санто-Доминго. Оба назначения сделаны по просьбе де Кюсси, который хотел обезвредить двух знаменитых флибустьеров, поместив их в золотую клетку и тем самым превратив их, согласно королевской воле, в смиренных обывателей колонии.

Грамон вежливо поблагодарил за честь, принимая из рук губернатора патент. Намеревался ли он действительно исполнять функции королевского наместника? Или же хотел просто усыпить бдительность властей? Что он сказал двум сотням флибустьеров, следовавших за ним в последний поход? Вопрос повисает в воздухе, ибо ответить на них некому.

В один прекрасный день в октябре 1686 года Грамон отчалил с Тортуги на трех кораблях курсом восток. Жители Бас-Тера долго провожали глазами исчезающие на горизонте паруса. Солнце садилось в воду, превращая Карибское море в озеро расплавленного золота. Вдали еще какое-то время чернели три пятнышка. Больше никаких известий. Отныне флибустьер с причудливой натурой художника принадлежал Истории.

Последние флибустьеры — Черная Борода, Льюис, Лоу, Флай, Роджерс

Флибустьерство классического толка угасло на Санто-Доминго и Ямайке к концу семнадцатого века, а Утрехтский мир (1713) между Англией, Францией и Испанией, узаконив раздел Нового Света, превратил последних флибустьеров в обыкновенных пиратов: отныне им не от кого было получать жалованных грамот.

Один из самых предприимчивых джентльменов удачи, англичанин Дженнингс, устроил на одном из островов Багамского архипелага, Нью-Прови-

денсе. свою базу, ставшую местом притяжения антильских пиратов. Дело дошло до того, что английскому королю Георгу I пришлось отрядить на Багамы мощную эскадру с ультиматумом — прощение раскаявшимся, петля всем прочим. Дженнингс посоветовал коллегам раскаяться, поскольку это их ни к чему не обязывало. Строптивцев повесили, а новоявленные «честные мореходы», выждав какое-то время, вновь вернулись к своему промыслу, правда, уже не на Нью-Провиденсе.

Снова — в который уже раз — вспыхнул огонь над пепелищем флибустьерства, которому, казалось, давным-давно полагалось угаснуть. Появилось второе поколение пиратов, не ведавшее традиций «береговых братьев» и не соблюдавшее законов корпорации. Именно эти «анархисты» от пиратства стали плавать под «веселым Роджером» — черным флагом с черепом и двумя костями.

Одним из самых известных приверженцев этой эмблемы был Эдвард Тич по прозвищу Черная Борода. Прозвище родилось не случайно: волосяной покров начинался на физиономии Тича от глаз и спускался до пояса. Для удобства владелец заплетал бороду в косицы и украшал ленточками.

Несколько лет Тич со своей бандой разорял побережье Северной и Южной Каролины, прячась в заросших густой растительностью бухточках, перехватывая купеческие суда, нападая на поселки и плантации, грабя и убивая.

Любимейшим развлечением падкого до спиртного Тича было погасить во время пиршества свечи и начать наугад палить в присутствующих из

пистолетов. Ущерб усугублялся ответными выстрелами соперников, пытавшихся под покровом темноты укокошить самого «затейника»; увы, это им никак не удавалось. Однажды, когда на борту у него появились больные, Черная Борода высадился с отрядом в порту Чарлстон, схватил заложников и пригрозил перебить их, если ему не принесут лекарств. Пока отцы города совещались, пираты безнаказанно разгуливали по городу.

В тех же местах — у Атлантического побережья Штатов — оперировали Льюис, Лоу и Флай. Льюис, бегло говоривший, кроме английского, по-французски, по-испански и на нескольких карибских диалектах, был круглый сирота — в десятилетнем возрасте его нашли на палубе захваченного пиратского судна. Своим покровителем Льюис считал не Бога, а дьявола, и именно ему ежевечерне адресовал свои молитвы, стоя на коленях и повернувшись лицом к двери каюты. Лоу был садистом по призванию — наподобие Олоне; по рассказам очевидцев, одного пленника он заставил съесть собственные уши, посыпанные солью и перцем. Флай, птица того же полета, прославился среди пиратов отборной руганью и богохульством — известность, которую, согласитесь, нелегко заслужить в подобной среде.

Большинство этих бандитов с большой океанской дороги были в конечном счете пойманы и благополучно повешены в Бостоне, Нью-Йорке, Чарлстоне и других местах. Но они сумели достаточно напугать население прибрежных поселков.

Иные пираты, например Бартоломью Роджерс, появлялись в американских водах изредка, через

долгие интервалы, проносясь по ним словно кометы. Их поле деятельности было поистине необъятным. Кроме Новой Англии и Луизианы, Роджерс взимал дань с побережья Бразилии и Гвинеи.

Другие держались в Индийском океане вблизи Мадагаскара, где возникла целая пиратская республика, основанная на началах равенства и братства. Третьи проникли в Китайские моря и там виртуозно грабили неповоротливые купеческие суда. Любопытно, что сплавлять товар они предпочитали в Северной Америке, где за контрабанду платили хорошую цену.

(Блон Ж. Великий час океанов. Т. 1. Флибустьерское море; Средиземное море; Индийский океан/ Пер. с фр. А. М. Григорьева. — М.: Славянка, 1993. — 543 с.)

КОРСАРЫ

Жанна де Бельвиль

Первым корсаром, завоевавшим широкую известность, была женщина.

Около 1335 года Жанна де Бельвиль вышла замуж за Оливье де Клиссона, бретонского дворянина. Время было беспокойное. Король Англии Эдуард III заявил претензии также и на титул французского короля.

— По линии своей матери, Изабеллы, я внук Филиппа Красивого. Филипп VI Валуа, который, собственно говоря, правит теперь Францией, приходится ему только племянником. Это узурпатор.

Филипп VI правил совершенно законно на основании одного из самых древних документов своей страны, салического закона времен Хлодвига, устранявшего женщин от наследования короны. В Англии такого закона не было, поэтому Эдуард III и претендовал на оба трона. Началась война, которая, как потом окажется, растянулась на столет.

К этой буре страстей добавляется еще внутренний конфликт. Двое наследников, Жанна де Понтъевр и ее младший брат Жан де Монфор, ссорились из-за герцогства Бретань. Французский король поддерживал Жанну, английский — Жана. Оливье де Клиссон, муж Жанны де Бельвиль и

сторонник Жана, попадает в руки Филиппа VI.

— Отсечь ему голову!

Вдова казненного призвала к себе двух сыновей.

— Поклянитесь перед Богом, что вы отомстите за отца!

Но старшему было в то время всего четырнадцать лет, а Жанна не хотела слишком долго ждать. Вместе с сыновьями она отплывает в Англию и добивается приема у Эдуарда III.

— Я бретонка. На море для меня не существует страха. Дайте мне флот, и я заставлю французов поплакать.

Эдуард III распорядился выдать ей три корабля, которые все вместе получили несколько пышное название: «Флот возмездия в Ла-Манше». Жанна не хвасталась. Несколько лет ее флотилия грабила французские торговые суда и даже нападала порой на военные корабли. Добычу отправляли в Англию. Команда кораблей почти всегда истреблялась. Жанна руководила боевыми действиями, сражаясь в первых рядах, и так же ловко владела саблей, как и абордажным топором. Под ее ударами слетали головы, обильная дань праху покойного мужа.

Во Франции ее прозвали «кровожадной львицей». Парламент вынес решение об ее изгнании и конфискации имущества.

— Смехотворное наказание, — заявил Филипп VI. — Бешеную ведьму надо захватить живую или мертвую.

Французский флот получает приказ прочесать все воды Ла-Манша, однако Жанна ускользала от

патрулей словно змея. Но вот однажды ее флотилия попала в окружение, завязался бой. И тут Жанна повела себя так, как мало кто из корсаров вел себя впоследствии. Оставив своих моряков выкручиваться самим, она велела спустить на воду баркас и села в него вместе с сыновьями и дюжиной гребцов. Королевские суда не заметили, как удалилась эта низкобортная лодка.

В течение шести дней матросы пытались догresti до берегов Англии, ориентируясь по солнцу. Однако ночью их относило в другую сторону, потому что в Ла-Манше много разных течений, не слишком благоприятных для плавания на веслах. Было очень холодно, а у них ни воды, ни пищи, так как совершали они свой побег второпях. На шестой день Жанна прижимала к себе тело умирающего младшего сына, а потом его труп. На следующий день она наконец согласилась, чтобы его опустили в море. Умер матрос, потом еще один. И тут они увидели землю. Англия? Нет, это была Бретань.

Жанна родилась под счастливой звездой. Она не была ни схвачена, ни наказана, получив приют и помощь у приверженцев Жана де Монфора. А вскоре снова вышла замуж за дворянина недурной наружности по имени Готье де Бентли. «Хэппи энд» для такого корсара, как она.

Корсар не был человеком вне закона. От своего правительства он получал грамоту, мандат, разрешавший ему «преследовать» торговые суда противника. Если он попадался, его не отправляли на виселицу, а судили по законам военного времени.

Однако нередко корсары превращались в пира-

тов, так как продолжали свой промысел, не обращая внимания на мирные договоры, в то время как их страна уже не воевала с какой-то другой страной. Иногда одни и те же люди были то корсарами, то пиратами в зависимости от того, что привлекало их на море, какое было настроение команды и финансовое положение.

А что касается такого выразительного черного флага с изображением черепа и двух костей, то развеялся он только на судах английских пиратов в самом начале XVIII века и начале XIX, и далеко не на всех и не всегда. Прежде всего пираты и флибустьеры стремились обмануть противника, и поэтому поднимали на своих кораблях разные флаги или плавали вовсе без флага. Пираты, у которых был «Веселый Роджер», поднимали его, только подойдя вплотную к жертве, чтобы вызвать чувство ужаса.

(Блон Ж. Великий час океанов. Т. 2. Атлантический океан; Тихий океан; Полярные моря/ Пер. с фр. А. М. Григорьева. — М.: Славянка, 1993. — 446 с.)

Жан Бар

Нет на свете беспокойнее груза, чем порох. Во время второй мировой войны суда с боеприпасами, составляющие конвои союзных держав, пересекали Атлантику и Северный Ледовитый океан. Если в одно из них попадала торпеда, бомба или меткий снаряд, зрелище всегда было потрясающим: глу-

хой взрыв, огненный столб как будто до самого неба, густой дым, а потом, когда он рассеется, на море ничего, словно корабля вовсе и не существовало.

Подобная участь ожидала в 1689 году французский фрегат «Серпант» с 24 пушками на борту, атакованный голландским судном в то время, когда он доставлял из Кале в Брест бочонки с порохом. Канониры старались как могли, отвечая на залпы нападающих, но весь экипаж считал положение не слишком приятным. Юнга, не менее матросов понимавший, какая угроза нависла над «Серпантом», сидел, смертельно бледный, прижавшись к мачте. Возраст его мог служить некоторым оправданием — двенадцать лет. Капитан «Серпанта» заметил испуганного мальчика.

— Пусть встанет. Привяжите его к мачте. Тот, кто не умеет смотреть опасности в глаза, не заслуживает жизни.

Матросы повиновались. В те времена детей не баловали.

Капитан «Серпанта» носил имя Жан Бар. Юнга, Франсуа-Корниль, был его сыном.

Когда Жана Бара произвели в капитан-лейтенанты королевского флота (8 января 1679 года), Людовику XIV был известен послужной список. Король знал, что этот 29-летний уроженец Дюнкерка, сын судовладельца, служил под началом голландского адмирала Рюйтера, морского гения, и что потом он ушел от него из патриотических соображений, в то время как Франция выступила против Голландии. Но когда, много лет спустя, Жан Бар капитан первого ранга, попал к королю

на прием, Людовик XIV, хотя и не подал вида, был несколько удивлен, так как представлял себе этого моряка совсем иным.

В то время корсарам оказывал покровительство министр Поншартрен, предпочитая морской разбой дорогостоящим морским баталиям, тем более что французские эскадры не добивались в них особенных успехов. Именно он и предложил сделать корсаров офицерами королевского флота. Офицеры Морского корпуса, надменные, словно павлины, старались, не жалея сил, унижить офицеров-корсаров. Их язвительность дошла до предела, когда распространился слух, что король собирается принять у себя Жана Бара.

— Этот неотесанный мужик топает, как буйвол, а теперь он совсем одурел от гордости. Для приема в Версале он заказал себе камзол и короткие штаны из золотой ткани, подбитые серебряной парчой. Его помощник капитан Форбэн, настоящий ярмарочный шут, водит этого разодетого медведя по всему Парижу.

Однако человек, который стоял теперь перед Людовиком XIV, был хорошо одет и держался с достоинством. Крупный, с пухлыми губами, скуп на слова, но в его живых синих глазах светился ум. Этот корсар, наводивший страх на испанцев, англичан и голландцев, понравился Королю-Солнцу. Он беседовал с ним долго и задавал много вопросов.

Из своих набегов на мавров Сале Жан Бар привез пятьсот пятьдесят отменных пленников, в том числе и сына правителя этого африканского порта, что сулило немалые выкупы. Став капита-

ном второго ранга, он осуществил оригинальный замысел объединения всех корсаров в одну особую эскадру. «Каперская часть» не оставляла противника в покое, грабила и топила его торговые суда, нападала на разрозненные боевые единицы, рассеивалась перед превосходящими силами и вновь соединялась, выследив более мирные корабли. Последнее отчаянное дело относилось к 1687 году.

— Расскажите подробности, — попросил король.

Жан Бар на своем фрегате «Шутки» и Форбэн на фрегате «Насмешницы» получили в то время задание сопровождать двадцать торговых кораблей из Северного моря к Бресту. На меридиане острова Уайт появились два английских судна: «Несравненный» (48 пушек) и его «спутник» (44 пушки). На борту кораблей корсаров их было только 40. Жан Бар понимал, что при таком соотношении нападение подобно самоубийству, но этот бой открыл бы путь для торговых судов. Он начинает атаку.

Оба француза хотели взять английское судно на абордаж, но вначале ветер был для этого неблагоприятен. Потом он переменялся. Битва борт к борту продолжалась три часа. Торговый флот был уже далеко, вне пределов досягаемости. На борту французских фрегатов со сбитыми мачтами, изрешеченных снарядами, вышел, наконец, весь порох. В живых там оставалось всего тридцать человек, некоторые из них в тяжелом состоянии. Форбэн ранен шесть раз, у Жана Бара одно легкое ранение. Надо сдаваться, переходить на

борт «Несравненного», где пленных встречает боцман.

— Как? — говорит Жан Бар. — Ни одного офицера, чтобы нас принять?

— Они все мертвы, сударь. Вы хорошо поработали.

Оба раненых капитана и еще один младший офицер, Во-Минар, были заключены в форте Плимута. Толстые стены, окна с решетками, на дверях засовы. Обращались с узниками вполне прилично, особенно с Жаном Баром.

— Ваш чин заслуживает уважения, — сказал ему комендант форта.

Слава Жана Бара приносит ему и неприятности. Англичане отказались обменять его на кого-либо из своих капитанов, пленников во Франции.

Воздействие Жана Бара на людей не было вымыслом. Поддавшись его обаянию, английский хирург из форта становится сообщником заключенных. В один прекрасный день он принес пакет с перевязочным материалом, внутри которого оказался крепкий напильник. С этого момента узники уже смело ведут свою игру.

Находившиеся при Форбэне и Баре юнги, двое подростков, которым из-за их малого возраста и кроткого вида разрешалось ходить по городу, наткнулись на спавшего в лодке мертвецки пьяного моряка. Они убили его, отволокли на пустырь, а лодку спрятали. Четвертым сообщником станет уроженец Остенде, двоюродный брат Жана Бара, хотя он и был сторонником англичан. В известных обстоятельствах кровные узы перевешивают все остальное. Связавшись с юнгами, двоюродный

брат принес в похищенную лодку все необходимое для побега: морской компас, два весла, пиво, хлеб и немного сарделек.

Ночью Жан Бар снял с окна подпиленную решетку, помог еще очень слабому Форбэну выбраться первым, вылез сам и тихонько окликнул Во-Минара.

— Мне не пролезть через это окно, — ответил Во-Минар. — При моей толщине.

Он все же попытался вылезти, но не смог.

— Тем хуже для меня. Уходите скорее, да не оставит вас Господь.

Стараясь ввести в заблуждение стражу, Во-Минар несколько часов подряд, до самого утра, вел оживленную беседу, подражая голосам убежавших товарищей.

На улице их поджидали юнги вместе с остендским братом. Пришел и хирург, чтобы проверить последние перевязки и сказать good bye людям, ради которых он превратился в изменника. Беглецы пошли по тропинке, ведущей к морю. Перед гаванью оставался еще один проход, где стоял часовой. Придется ли его задушить? На вопрос по-английски «кто идет?» Жан Бар позволил себе роскошь ответить без акцента: «Fishermen» (рыбаки). Часовой пропустил их.

Форбэн сел за руль. Жан Бар с юнгами налегли на весла, и лодка «рыбаков» направилась к берегам Франции.

Через два дня беглецам встретился настоящий рыбак из Сен-Мало. «Это, конечно, с потонувшего корабля». Приблизившись к их лодке, он узнал Жана Бара.

— Сударь, я имел честь служить на вашем корабле. Не угодно ли вам перейти на борт моего судна, хотя оно и скромное? Или лучше взять вас на буксир?

— Спасибо, мы уже почти дома.

Через пятьдесят часов после выхода из Плимута беглецы, за которыми в почтительном отдалении следовал рыбак, причалили к берегу у Эрки, недалеко от Сен-Мало. А через несколько недель, когда Жан Бар был уже в Дюнкерке, он получил свой аттестат капитана первого ранга.

Эти живописные рассказы Людовик XIV слушал с восторгом. Он будет еще в большем восторге, когда узнает в 1693 году, что в битве при Лагосе под командованием Турвиля Жан Бар показал чудеса храбрости, целиком уничтожив шесть судов противника и, продолжая сражаться, сопровождал сотню торговых кораблей с грузом зерна, которое с нетерпением ждали во Франции. Он захватил еще несколько английских фрегатов и целую колонну судов с продовольствием и боеприпасами. Такой успешный год заслуживал нового вознаграждения. Король-Солнце пожаловал корсару дворянское звание, крест Святого Людовика и право иметь золотую линию в своем гербе.

Через три года, после множества других удачных дел, Жан Бар, кумир французских моряков и бедного люда, гроза врагов, еще раз получает приглашение в Версаль. Было ему сорок шесть лет. Люди этого возраста считались в то время стариками. А он все тот же богатырь с еще более решительным взглядом, чем прежде.

— Жан Бар, — сказал ему король, — я назначаю вас командиром эскадры.

Корсар поклонился, как того требовал этикет, потом, глядя королю в глаза, ответил:

— Вы правильно поступили, Ваше Величество.

Подписание Рисвикского мира (1697) привело всех корсаров в уныние, в том числе и Жана Бара, который удалился в Дюнкерк, к своему семейному очагу. Женат он был однажды и, хотя на берег сходил не часто, успел произвести на свет тринадцать дочерей и сыновей, но шестеро из них умерли в детстве. Три мирных года истомили Жана Бара. Наконец пришла желанная весть, что из-за Испанского наследства может разгореться борьба. Какой будет повод, неважно. Бар спешил привезти в готовность свою эскадру в Дюнкерке. В пятьдесят один год он все еще крепкий, как скала, энергии хоть отбавляй, все дела проверяет сам, на берегу в любую погоду. Начало весны 1702 года выдалось холодное. Жан Бар сильно простудился, у него начался озноб, кашель, бред. Воспаление легких без труда одержало верх над корсаром, который не боялся ни бурь, ни пушечных ядер. Умер он 20 апреля 1702 года Людовик XIV, узнав, что его семья в бедственном положении, назначил вдове пенсию в 2000 ливров в год.

Шедшие за гробом моряки говорили:

— У корсаров больше никогда не будет такого капитана.

(Блон Ж. Великий час океанов. Т. 2. Атлантический океан; Тихий океан; Полярные моря/ Пер. с фр. А. М. Григорьева. — М.: Славянка, 1993. — 446 с.)

Рене Дюгей-Труэн

Сначала «вольный корсар», потом капитан второго ранга королевского флота. В скором времени его добыча становится очень прибыльной. Захваченный в плен англичанами, он бежит из Плимута и в лодке добирается до Сен-Мало. После памятной битвы со знаменитым кораблем «Несравненный» Людовик XIV принимает его в Версале. Непрерывные успехи в морских битвах приносят ему дворянство, крест Святого Людовика, затем командование эскадрой.

«Рене Труэн, сеньор дю Гей, известный под именем Дюгей-Труэн, родился в 1673 году в Сен-Мало, с 1689 года он добровольно поступает на корсарское судно». Биография искажает истину. В шестнадцать лет Рене Труэн добровольно занимался только играми, фехтованием и девушками.

Когда он родился, его отец, богатый судовладелец Люк Труэн де ля Барбинэ, произнес слова, какие можно было ожидать в то время от главы уже многочисленного семейства:

— Этот пойдет в священники!

Рене определили в Реннский коллеж, дальше его ждала семинария. Однако, не чувствуя к этому никакой склонности, он после смерти отца (1688) убегает в Канн, потом в Руан и Париж. Ему только что перешло по наследству земельное поместье (Гей), вдобавок он красивый парень с хорошими манерами, не по летам дерзкий, так что ростовщики и шлюхи вьются вокруг него роем. Его старший брат, носивший, как и отец, имя Люк, по-

нял всю опасность положения. «Пройдем сюда, мой мальчик!» — и почтовая карета уносит юного шалопаю в Сен-Мало. А через неделю он уходит в плавание «добровольцем» (т. е. без жалованья) на борту «Тринитэ», одного из кораблей их собственного флота, целиком предоставленного корсарам.

Многие знаменитые моряки (в том числе и Нельсон) сильно страдали на первых порах от морской болезни. Волонтер, которого теперь звали Дюгей-Труэн, стоял, перегнувшись через планширь, пока его под свист пушечных ядер выворачивало наизнанку, а потом храбро бросался в абордажную битву. Рене одолевает свой недуг. После двух плаваний семья решила, что он достоин принять командование судном. «Даникан», который ему вверяют, отнюдь не быстроходное судно, и четырнадцать пушек не превратили его в грозу морей. Труэн разбойничает у берегов Исландии, где встречаются главным образом английские и голландские рыбаки, все мелкая сошка. Но вскоре ему дают еще один корабль, потом сразу несколько, и в двадцать один год бывший семинарист командует уже пятью кораблями.

12 мая на фрегате «Дилижанс» Дюгей-Труэн столкнулся с шестью английскими военными судами. Двенадцать часов он оказывал сопротивление, потом, раненый, должен был сдаться, вот тогда его и посадили под замок в Плимуте. Побег ему устроила одна прекрасная англичанка, которая увидела его и потеряла голову.

В 1696 году, командуя «Французом» — на сей раз замечательным кораблем в 48 пушек — и подбираясь к каравану английских торговых судов,

он заметил, что его собираются атаковать два судна, «Бостон» и «Несравненный», — тот самый «Несравненный», который девять лет назад захватил Жана Бара. Битва была жестокой, но через две недели Дюгей возвратился в Сен-Мало и привел с собой несколько грузовых судов из каравана и вдобавок знаменитого «Несравненного».

Счастье продолжало улыбаться молодому корсару. Казалось, что ему помогает какое-то предостерегающее шестое чувство. «Предоставляю философам, — говорит он в своих мемуарах, — объяснить истоки и сущность этого внутреннего голоса, который часто предвещал мне удачу или неудачу. Если они припишут его некоему оберегающему нас гению, живому и пылкому воображению или самой нашей душе, которая в определенные моменты пронизывает мрак будущего, я не посетую на них за это объяснение. Но я не чувствую внутри себя ничего более определенного, чем этот тихий, но внятный и, я бы сказал, упрямый голос, не раз возвещавший мне день и обстоятельства определенных событий, которые должны были произойти».

В 1702 году эскадры Дюгей-Труэна и Форбэна, крейсировавшие в Ла-Манше, получили послание Поншартрена, министра Морского флота: «Нам сообщили, что из Дьонса вышла колонна из двадцати торговых английских судов и направляется в Испанию. Атакуйте ее». Когда показался этот караван, Дюгей и Форбэн увидели, что его сопровождают пять английских военных судов. И тут разыгралась знаменитая Девонширская битва, во время которой один английский корабль вспых-

нул вдруг, словно факел, и ушел под воду вместе со всем экипажем в девятьсот человек. «Прошло двадцать лет, а это зрелище все еще заставляет меня содрогаться от ужаса», — писал Дюгей-Труэн. В комментариях к его мемуарам безымянный автор замечательно обрисовал духовный облик этого корсара, человека психологически сложного.

«По складу своего характера он был склонен к грусти или по крайней мере к некоторой меланхолии, не позволявшей ему вступать в какие бы то ни было разговоры. Привычка обдумывать важные планы сделала его равнодушным ко многому тому, что занимало большинство людей. Часто после долгой с ним беседы говоривший вдруг замечал, что он не слушает его и ничего не понимает. Ум его, однако, был живым и пронизательным. Никто лучше его не умел разобраться в том, что необходимо для успеха дела и что может погубить его. Ни одно обстоятельство не ускользало от его внимания. Он никогда не любил вина и был равнодушен к еде. Хотелось бы, чтоб и в других радостях жизни он отличался бы той же сдержанностью, однако ему никогда не удавалось одолеть своей страсти к женщинам. Он только старался избегать сильных и долгих увлечений, которые могли слишком завладеть его сердцем».

В 1728 году Дюгей-Труэн и его брат Люк, используя часть своей собственной флотилии и десять судов, предоставленных королем, начинают кампанию против флота Бразилии. Дело это не имело успеха, и судовладельцы Труэны увидели свою казну опустевшей. Королевские финансы тоже были в плохом состоянии. Все еще шла война

за Испанское наследство, Франции приходилось выступать против восьми стран. Проект, который братья Труэны представили министру Морского флота, казался дерзким и требовал значительных затрат, но если он осуществится, успех сулил заманчивые плоды. Речь шла о захвате города Рио-де-Жанейро с намерением получить выкуп.

— Нам необходимо 70 тысяч ливров, — сказал Люк Труэн, — чтобы заплатить людям жалованье за два месяца вперед. Дело можно начинать лишь в том случае, если найдутся вкладчики.

Вкладчики нашлись. Восемь человек, в том числе и король. Соединенная армада насчитывала семнадцать кораблей, вооруженных 735 пушками и имеющих на борту в общей сложности 5700 человек. Ей понадобилось три с половиной месяца, чтобы доплыть до бразильского берега, и один день, чтобы прорваться в залив Рио. Командиры португальских батарей, которые даже помыслить не могли о вторжении вражеских сил такой численности, прохлаждались в своих особняках, а их канониры почти ничего не предприняли.

Дюгей-Труэну вполне хватило времени, чтобы отвести свои корабли в юго-западную часть залива, где они были надежно укрыты от огня батарей. Затем он высадил на берег своих солдат с заданием окружить врага и тут же отправил (19 сентября 1711 года) ультиматум губернатору города, Франческо де Кастро-де-Мордеш. Правители этих отдаленных владений всегда посылали гордый ответ, если даже готовились к побегу или сдаче: «Я готов защищать город до последней капли крови. Да хранит Бог вашу милость».

Французский экспедиционный корпус выступил на рассвете 21 сентября. Прозвучало несколько пушечных выстрелов, сопровождаемых громом и молнией разразившейся вдруг сильной грозы, и жители приняли это за опустошительную бомбардировку. Когда французы вошли в город, улицы его были пусты.

Дюгей-Труэн отправил еще одно послание «защитникам», укрывшимся в горах: «600 тысяч крузадо и 10 тысяч пиастров, иначе город будет сожжен». Крузадо называлась золотая монета, весившая около четырех граммов. Выкуп был выплачен 4 ноября, и эскадра покинула бразильский берег. На обратном пути на нее обрушился ураган, во время которого потонуло два корабля, единственная потеря экспедиции. Прибыль судовладельцев после выплаты королевской доли составила 92%.

За все время своей корсарской карьеры Дюгей-Труэн захватил около 300 торговых и 60 военных кораблей. Командор ордена Святого Людовика, королевский наместник, советник Индии, назначенный (в 1729 году) командующим Морским флотом в Бресте, он просит отставку. «Настала пора лечить свою подагру, свои мигрени, лихорадки, которыми я расплачиваюсь за некоторые шалости». Подагра позволяет думать, что Дюгей не так уж презирал хороший стол. Он удалился на покой в Ла-Флури, небольшое поместье в окрестностях Сен-Сервана. Там и застаёт его назначение командиром эскадры. Считая свою отставку окончательной, он еще раз становится морским властелином, отправляясь на усмирение берберов, кото-

рые, по мнению французов, слишком хорошо себя чувствовали в Средиземном море. Весть о его приближении достаточно взволновала беев и эмиров Алжира, Туниса и Триполи, чтобы они успокоились и приняли все условия, предъявленные Парижем.

Дюгей-Труэн вернулся домой, а через несколько недель почувствовал себя плохо. Врачи, к которым он обратился в Париже, считали, что такой великий человек имеет право на истину, да и возраст у него был по тому времени немалый (шестьдесят три года). «Положение ваше безнадежно». И они не ошиблись. Знаменитый корсар умер после этого очень скоро, в Париже, получив благословение церкви и сохраняя до конца учтивость и спокойствие.

(Блон Ж. Великий час океанов. Т. 2. Атлантический океан; Тихий океан; Полярные моря/ Пер. с фр. А. М. Григорьева. — М.: Славянка, 1993. — 446 с.)

Барон Пуэнти

Как и большинство королевских офицеров того времени, капитан первого ранга барон Пуэнти считал флибустьеров грязным сбродом. Однако начиная с 1696 года его поступки показывают, что жажда золота у него была ничуть не меньше, чем у «береговых братьев», и что справляться со своей совестью он умеет даже лучше, чем они.

Именно в этот год Франция и Испания вновь

вступают в войну. Пуэнти и несколько его друзей задумали добиться согласия короля на каперство, намереваясь захватить одну из испанских крепостей. Десяток самых влиятельных придворных, вошедших в дело, уговорили Людовика XIV дать корабли, другие участники покроют все расходы и разделят между собой прибыль. Объектом была выбрана Картахена в Колумбии, на севере южноамериканского континента.

— Нам нужно обратиться за помощью к флибустьерам Сан-Доминго, — сказал Пуэнти. — Они ведь все-таки на службе у короля.

Местопребывание флибустьерского губернатора было тогда переведено с Черепашьего острова в Пти-Гоав на берегу Сан-Доминго. Барон Пуэнти, прибывший со своей эскадрой сюда на якорную стоянку, начал с такого надменного обращения к флибустьерам, что дело чуть не приняло очень скверного оборота. Замыкались лица, раскрывались ножи. К счастью, губернатор Жан Дюкасс был искусным правителем и здравомыслящим человеком, к тому же еще и отличным моряком, а значит, пользовался уважением «береговых братьев». Благодаря ему трудности были сглажены и эскадра вышла в море: семь больших кораблей и три фрегата из Франции, несколько более мелких судов и вдобавок семь флибустьерских кораблей.

Морская часть «Операции Картахены» не заслуживает внимания, так как при высадке ни одно испанское судно не оказало сопротивления. Город, удачно расположенный на берегу моря и в то же время в глубине совершенно закрытой бухты, был защищен фортами. Надо было проникнуть в

бухту и обезвредить форты. Эту часть операции почти целиком выполнили флибустьеры и без особого труда. Затем начался обстрел города, очень быстро поднявшего четыре белых флага. Губернатор подписал капитуляцию, согласно которой он мог под барабанный бой покинуть Картахену со всеми, кто носил оружие, и увезти с собой четыре пушки. Жители могли оставаться в городе, если захотят, и стать подданными короля Франции. Имущество за ними сохраняется, исключая деньги, которые переходят в собственность господина Пуэнти. Церкви и монастыри никто не тронет.

Уход побежденных испанских войск был торжественным и в то же время комичным. Сразу же после этого Пуэнти со своими отрядами проник в город и разрешил войти в него лишь немногим представителям от флибустьеров. «Во избежание беспорядка», — объяснил он. И затем, под высоким командованием этого дворянина, началось безудержное разграбление всякого имущества, в том числе церковного и монастырского. Пуэнти опасался даже, что его солдаты не очень хорошо знают, в каких углах и закоулках монахи могут держать свои деньги, и послал к ним армейского священника.

Пуэнти и Дюкасс договорились заранее, какая доля добычи должна перейти к флибустьерам. Когда всю добычу собрали вместе, учли и оценили, Дюкасс подсчитал, что его людям полагается два миллиона ливров.

— Ничего подобного, — сказал казначей королевского флота. — Вот вам 135 тысяч ливров.

И он объяснил, что такой расчет сделал сам ба-

рон Пуэнти, истолковавший условия договора по-своему. Пуэнти уже находился на борту корабля, готового к отплытию. Дюкассу еще раз пришлось пустить в ход все свои дипломатические способности, чтобы помешать флибустьерам броситься на королевские суда.

(Блон Ж. Великий час океанов. Т. 2. Атлантический океан; Тихий океан; Полярные моря/ Пер. с фр. А. М. Григорьева. — М.: Славянка, 1993. — 446 с.)

Ситцевый Джек, Анна Бонни, Мэри Рид

Среди наследников бурной флибустьерской эпохи был некий Рэкем, который похвалялся, что его за жестокость прозвали Красным, но которого все охотнее называли Ситцевым Джеком из-за пристрастия к одежде из бумажных тканей.

Родом англичанин, Рэкем склонен был к космополитизму, но друзей искал среди своих соотечественников. Он плывал на бригантине некоего Чарли Вейна, когда там поднялся мятеж. Вейн был удален с корабля, а на его место избрали Рэкема, бывшего до той поры старшиной. Он довольно хорошо справлялся со своим делом, перехватывая всякие малозначительные суда, не представлявшие опасности. Экипаж знал о его привязанности к одному молодому матросу, не отвергавшему этой благосклонности. Пираты вполне допускали такую привязанность. Звали

матроса Бонни. Но один только Рэкем знал, что имя его Анна.

Внебрачная дочь адвоката и служанки, Анна родилась в Англии, было ей двадцать лет. Ситцевый Джек познакомился с нею на Багамских островах, когда она только что вышла замуж за матроса по имени Бонни, не имевшего ни гроша за душой. Ее красота сразила Рэкема.

— Покупаю ее у вас! — заявил он Бонни.

Это предложение, о котором охотно распространялся муж, вызвало много шума, и, как ни странно, позор пал на голову Анны, ее обвинили во всех грехах. Вне себя от возмущения, она оставила Бонни и ушла к Рэкему. Он взял ее с собой на корабль, где ей пришлось переодеться матросом. Она выполняла все матросские обязанности, участвовала в сражениях и была скромной и очень любящей подругой.

Счастье длилось два года. Потом Рэкем стал замечать, что Анна слишком благосклонно смотрит на молодого английского матроса со светлыми кудрями, зачисленного в экипаж после захвата его корабля. Он вызвал матроса к себе в каюту

— Что между тобой и Бонни?

— Дружеские отношения.

— Тебе известно, что Бонни переодетая женщина?

— Да.

— Тогда это не дружба!

И Рэкем раскрыл нож.

Быстрым рывком Рид -- так звали англичанина -- распахнул рубаху, и изумленный Джек увидел очень милую девичью грудь.

— Меня зовут Мэри Рид.

Эта девушка, дочь бедной вдовы не слишком примерного поведения, была записана при рождении как мальчик, чтобы доставить удовольствие бабке, назначившей ей небольшое денежное пособие. В тринадцать лет Мэри приняли юнгой на военный корабль, и с той поры у нее начинается жизнь, какой не выдумал ни один романист. Она воевала во Франции и Голландии, сначала в форме пехотинца, потом кавалериста. Надев снова юбку, она вышла замуж, овдовела и опять вернулась к мужской одежде, на этот раз матросской, собираясь заняться морским разбоем. Вот тогда она и подружилась с Анной Бонни.

Ситцевый Джек мог быть совершенно спокоен. Вскоре после одного из абордажей Мэри заметила пленника, который ей приглянулся, и вскоре вышла за него замуж. Теперь на борту бригантин плавали две счастливые пары.

Но вот 2 ноября 1720 года английский крейсер атаковал этот приют любви. Обе женщины проявили в битве исключительную храбрость, тогда как их спутники ничем не блистали. Обе назвали своих мужей трусами и не переставали стрелять. Победенную бригантину привели на буксире к Ямайке, все пираты были приговорены к виселице.

Перед смертью Рэкем, по прозвищу Ситцевый Джек, попросил о последнем свидании с матросом Бонни. Встреча состоялась при свидетелях, и у Рэкема было мало времени для разговора. Как только Анна Бонни его увидела, она повернулась к нему спиной и громко произнесла

— Если бы вы сражались как мужчина, вас бы не повесили как собаку!

Так же как и Мэри, она не вошла в первую партию казненных. Обе получили отсрочку после их потрясающего признания, которое в официальном протоколе выглядело так:

«Двух других пиратов, уличенных в том же преступлении, спросили, не хотят ли они сделать еще какое-нибудь признание, прежде чем им будет вынесен смертный приговор. И тогда они сказали, что они женщины и обе беременны. Суд постановил разобраться в этом деле».

К смерти их все же приговорили, но приговор в исполнение не приводили, ожидая смягчения или, как рассчитывали некоторые, полного помилования в высшей инстанции. Для Мэри Рид оно пришло слишком поздно. Она умерла в тюрьме накануне родов, свалившись в сильной горячке. Анна оказалась более счастливой, однако никто не может сказать, куда она делась с ребенком Ситцевого Джека, которого так любила, а под конец презирала. Анна Бонни, одна из двух несомненных авантюристок Атлантики, исчезла с арены морского разбоя так же таинственно, как Монбар Губитель или артист флибустьерской эпопеи Грамон.

(Блон Ж. Великий час океанов. Т. 2. Атлантический океан; Тихий океан; Полярные моря/ Пер. с фр. А. М. Григорьева. — М.: Славянка, 1993. — 446 с.)

КАПЕРЫ XX ВЕКА

К концу наполеоновских войн последние корсары ушли на покой. Каперству уже не суждено было возродиться — и не только потому, что наступила эпоха «организованных» войн, что государствам стало невыгодно делиться прибылями с частными предпринимателями, и не потому, конечно, что против морского разбоя, пусть даже в легализованной форме, выступала либеральная общественность.

С каперством было покончено, потому что оно изжило себя, но сам принцип нападения на мирные торговые суда с целью захвата или уничтожения собственности противника остался в силе. Специалисты продолжали спорить о том, что хорошо, а что плохо, а тем временем ведущие морские державы начали строить крейсера — корабли среднего класса, предназначенные, в частности, для крейсерских операций, то есть государственного каперства, для охоты за торговыми судами противника или судами нейтральных стран, перевозящими нужное противнику сырье и товары. Возникает термин «крейсерская война» — именно под этими словами скрывается корсарство XX века.

Строго говоря, крейсерские операции пиратством считать нельзя — это часть военных действий, предпринимаемых кораблями враждующих сторон. Но, во-первых, установленные Лондонской декларацией правила обращения с захвачен-

ными мирными судами соблюдались очень редко. Во-вторых, в любом случае оставался в силе древний принцип пиратства — принцип охоты вооруженного корабля за безоружным торговцем. И, по правилам или не по правилам, в войнах нашего века тысячами гибли танкеры, госпитальные суда, транспорты, пассажирские лайнеры, китобойцы...

Генерал Пауль фон Леттов-Форбек, капитан фон Мюллер, капитан Лооф

К старости генерал Пауль фон Леттов-Форбек написал воспоминания. К тому времени слава генерала несколько потускнела, герои первой мировой войны быстро уходили в неизвестность. Но в 1914 — 1918 годах имя Леттов-Форбека было известно каждому немцу. Неуловимый и непобедимый герой с горсткой преданных офицеров и солдат оборонял от английских дивизий холмистые равнины германской Восточной Африки. И чем хуже шли дела на европейских фронтах, тем громче была слава генерала (тогда еще полковника), отстаивающего последнюю немецкую колонию, последний осколок молодой империи.

В своих воспоминаниях Леттов-Форбек, которого один американский публицист назвал «Лоуренсом Аравийским с юнкерским оттенком», возвращается к последним предвоенным месяцам. Летом 1914 года полковник отправился с визитами по Танганьике. Он был недавно назначен сюда,

в Дар-эс-салам, однако чувствовал себя как дома. Колонисты, значительную часть которых составляли бывшие офицеры, принимали его радушно. Это была образцовая колония, которой управляли образцовые плантаторы, и охранять ее должен был образцовый полковник, сын генерала.

Разговоры за столом шли в основном о будущей войне. Летом четырнадцатого года мало кто сомневался в том, что она начнется очень скоро. Тем более что говорили об этом бывшие и настоящие военные и колонисты, считавшие себя ущемленными соседями — англичанами, французами и бельгийцами, явно не способными создать и организовать столь же образцовую колонию, как Танганьика.

С европейских и африканских вопросов разговор неизбежно переходил к морским проблемам. И не только потому, что значительная часть собеседников в прошлом так или иначе была связана с флотом. То, что для жителей самой Германии было вопросом второстепенным, здесь приобретало особую остроту.

Германия, которая позже других европейских стран ворвалась в Южные моря и в Африку, сильно уступала в море не только Англии, но и Франции. А ведь за последние двадцать лет немецкий имперский флаг поднялся и над портами Китая, и над Западным Самоа, и над Камеруном... Колонии, возникшие во всех концах земли, надо было охранять, просуществовать без постоянной и целенаправленной помощи из метрополии они не могли.

Настойчивый адмирал Тирпиц сумел убедить

кайзера Вильгельма в том, что Германии необходим могучий флот, способный противостоять английскому. Впрочем, кайзера не нужно было особенно долго убеждать: он сам питал слабость к флоту и во время маневров с гордостью надевал мундир почетного адмирала. Созданию флота мешали другие: левые в рейхстаге, интеллигенты, упрямые генералы, которые полагали, что исход будущих войн определится на суше, в долинах Бельгии и Франции, в Польше и Прибалтике.

Несмотря на оппозицию, флот энергично строился. Закладывались дредноуты и крейсера, но так как и Англия не стояла на месте, общий счет все же был не в пользу Германии. К началу первой мировой войны Англия имела двадцать девять дредноутов, Германия — семнадцать; Англия — девять линейных крейсеров, Германия — семь. Разрыв сохранялся, хотя и не был таким уж разительным, как в начале века.

Кроме тяжелых кораблей, Германия строила и быстроходные крейсера, которые должны были охранять колониальные владения империи. Часть их находилась в Тихом океане и Южных морях в составе эскадры адмирала Шпее. Для охраны Восточной Африки выделялся крейсер «Кенигсберг» — самый быстрый и хорошо вооруженный корабль в Индийском океане.

Разбрасывая по дальним морям часть своего флота, немецкое командование рассчитывало, что в случае войны им будут оказывать поддержку базы колоний, а также пассажирские и торговые суда, которые должны были быть вооружены и использованы как вспомогательные суда и лихте-

ры. Основные надежды связывались с пассажирскими лайнерами типа «Кронпринц Вильгельм» водоизмещением двадцать тысяч тонн, способными развивать скорость двадцать пять узлов (больше, чем любой крупный военный корабль того времени) и снабженными платформами для установки пушек.

8 августа 1914 года полковник фон Леттов-Форбек, находившийся в военном лагере неподалеку от Дар-эс-Салама, был разбужен орудийными залпами. Война уже катилась по бельгийским полям и грохотала у стен Белграда. «Кенигсберг» неделю как скрылся с дарэссаламского рейда неизвестно куда — задание было секретным.

Полковник взбежал на мыс, с которого виднелись бухта, одна из лучших в Африке, узкий канал между коралловыми рифами, ведущий к ней, белые дома торговцев и строения, оставшиеся с тех времен, когда Дар-эс-Салам — «Дом мира» — был стоянкой флота занзибарских султанов. У входа в канал находился английский крейсер. Пуховые клочки дыма возникали у его пушек — крейсер обстреливал вышку радиостанции.

Леттов-Форбек понял, что в любой момент можно ждать высадки десанта. Он поднял отряд и приказал занять позиции у небольшой бухты, куда могли пристать шлюпки с крейсера. Но десанта не дождались. Вместо него появился гонец от губернатора. Пока полковник организовывал оборону побережья, жители Дар-эс-Салама не только затопили в судоходном канале пароход и этим надолго закупорили гавань, но и поспешили заключить с английским крейсером перемирие и

выполнить все требования противника: купцы во-евать не намеревались.

Кроме обстрела радиостанции, у английского корабля была и вторая задача: уничтожить потенциальных рейдеров — охотников за торговыми судами. И прежде чем уйти, крейсер утопил два парохода, которые могли быть переоборудованы в рейдеры.

В эти же дни до полковника фон Леттов-Форбека дошли и обнадеживающие новости. Первую добычу настиг крейсер «Кенигсберг», и добыча была значительно больше, чем у английского крейсера в Дар-эс-Саламе. «Кенигсберг» подстерег и потопил большой корабль «Город Винчестер», который вез в Англию почти весь годовой сбор цейлонского чая.

В Северных морях с первых же дней войны инициативу в нападениях на гражданские суда захватили немецкие подводные лодки, но в Индийском и Тихом океанах они не встречались: радиус действия подводных кораблей тех лет был еще недостаточно велик, чтобы они могли так далеко отходить от своих баз. Отстаивать интересы Германии в дальних морях возлагалось на надводные корабли.

Если бы германское правительство действовало последовательно, то оно, как и предусматривалось ранее, превратило бы в рейдеры все свои крейсера, находившиеся в дальних морях, а также бросило бы им на подмогу другие суда. Планы на этот случай были разработаны и подготовлены как базы для заправки, так и вспомогательные суда. Но 28 августа произошло сражение у острова Гельго-

ланд, в ходе которого немцы потеряли три легких крейсера. Быстрота, с которой они погибли, произвела большое впечатление на кайзера. Его стал преследовать страх потерять с таким трудом построенный флот — гордость Германии. Германский флот скрылся на базах в Северном море и почти всю войну провел в бездействии. За четыре года он участвовал лишь в одном крупном сражении — Ютландском бою, стоившем англичанам значительно больших потерь, чем немцам. Но после боя германский флот вновь укрылся на базах и стоял там до конца войны.

Гельголандское сражение решительно повлияло и на немецкую морскую политику в дальних морях. Германия смиряется с потерей тихоокеанских баз и островов в Южных морях — Самоа, Новой Гвинеи, Науру — и оставляет на произвол судьбы флот, который должен был защищать эти владения. Никаких подкреплений, никакой помощи кораблям. Начальник штаба военно-морских сил Поль заранее подписывает смертный приговор и адмиралу Шпее с его тихоокеанской эскадрой, и «Кенигсбергу»: «Мы не можем отсюда с уверенностью сказать, сможет ли эскадра выбрать, против кого направить свои предсмертные удары».

Эскадре Шпее, которая находилась в это время в открытом море (ее главную базу — порт Циндао в Китае — блокировали японцы), надо было дать указание срочно возвращаться в Германию. Однако этот приказ так и не был отдан, и Шпее действовал на свой страх и риск.

Адмирал Шпее решил прорываться вокруг мы-

са Горн и через Атлантический океан: ведь у него в эскадре, помимо легких крейсеров, были и тяжелые корабли. Лишь легкий крейсер «Эмден», капитан которого Карл фон Мюллер попросил разрешения следовать ранее утвержденным планам и отделиться от эскадры, остался в Южных морях.

Адмирал доносил домой: «Одинокий легкий крейсер может получать уголь с захваченных пароходов и продержаться довольно долго. А так как он может рассчитывать на богатую добычу, я отпустил самый быстроходный из легких крейсеров».

7 сентября «Эмден», миновав Суматру, вырвался в Индийский океан. За неделю, последовавшую после этого, крейсер потопил девять торговых кораблей. В Лондоне начался переполох. Резко поднялись страховые ставки. Из Австралии и Новой Зеландии шли панические телеграммы. Пароходы с войсками, продовольствием, снаряжением для метрополии скапливались в портах, остерегаясь выходить в море без охраны. Под угрозой были и корабли, идущие в Европу из Индии, потому что где-то в северо-западной части океана находился «Кенигсберг», и отсутствие вестей о нем лишь усиливало тревогу.

Прошла еще неделя. 20 сентября «Кенигсберг» наконец объявился. На рассвете его мачты показались над слоем белесого тумана неподалеку от порта Занзибар. Глухие раскаты пушечных залпов разбудили беспечно спавший город. Снаряды рвались в порту, в бухте и, перелетая к жилым кварталам, поднимали столбы дыма, пыли и кир-

пичей. Сначала «Кенигсберг» сосредоточил огонь на английском крейсере «Пегас», охранявшем порт, и вывел его из строя. Вооруженный буксир, который должен был заранее сообщить о приближении «Кенигсберга», но опоздал это сделать, пытался отвечать на выстрелы крейсера, но и он через несколько минут пошел ко дну. Затем, уже не спеша, «Кенигсберг» занялся уничтожением стоявших в порту пароходов.

Завершив разгром порта, «Кенигсберг», не потеряв ни одного человека, спокойно развернулся и растаял в лучах только что взошедшего солнца.

В ту же ночь вновь дал о себе знать «Эмден». В Мадрасе никто не заметил его приближения. В порту грузились пароходы, которые должны были взять курс на Суэц. «Эмден» появился из ночи, как серое привидение, и приблизился к громадным цистернам с горючим — основному складу нефти в Индии.

Цистерны вспыхнули одна за другой, и вскоре в порту стало светло как днем. «Эмден» расстреливал склады и причалы в упор. И так же бесследно, как «Кенигсберг», «Эмден» пропал в океане.

Не говоря уж о потерях от действий крейсеров, велико было унижение, испытываемое английским флотом. Если два рейдера в Индийском океане смогли почти полностью парализовать судоходство, что же случится, когда десятки немецких кораблей бросятся по морям, разыскивая добычу? Оскорбление тем большее, что превосходство союзников в силах в этом районе было огромным. Двум немецким крейсерам противостояли англий-

ские крейсера в Коломбо, Сингапуре и в Южных морях, австралийский флот и, наконец, французские и русские военные корабли. «Кенигсберг» мог победить в бою один на один любой из английских кораблей в Индийском океане, «Эмден» мог уйти от любого из них, но уже два английских крейсера были каждому из рейдеров не по зубам. Но как поймать пиратов?

Из Мадраса «Эмден» пошел на Коломбо и в виду английских кораблей, базирующихся там, захватил и потопил более десяти торговых судов, заправился углем и продовольствием. Он снова был готов к рейдам.

До середины октября капитан фон Мюллер крейсировал в Индийском океане. Правда, добычи стало меньше: корабли отстаивались в портах. Тогда фон Мюллер решился на дерзкое нападение. Он ворвался в гавань Пенанг в Малаккском проливе (в это время англичане ждали его появления у берегов Южной Африки, где вспыхнуло восстание буров под руководством генерала Христиана де Вета) и, не обращая внимания на огонь фортов и военных кораблей, стоявших на рейде, потопил русский крейсер «Жемчуг» и французский миноносец.

Уже за первый месяц войны немецкие рейдеры уничтожили более сорока торговых кораблей, причем рекорд здесь поставил не «Эмден», а другой быстроходный крейсер — «Карлсруэ», который вместе с «Дрезденом» начал свои набеги из бассейна Карибского моря: общее водоизмещение погубленных им кораблей превышало сто тысяч тонн.

По сравнению с последующим периодом тотальной войны, когда подводные лодки топили «торговцев» без предупреждения и не тратили времени на то, чтобы дать команде возможность сойти в шлюпки, надводные рейдеры на первых порах действовали более гуманно. С крейсера приказывали пароходу остановиться, туда отправлялась шлюпка, и десант проверял, нет ли на корабле нужных для рейдера товаров. Затем шлюпка отчаливала обратно, а команда спешно пересаживалась в лодки, чтобы успеть отгрести от обреченного корабля. Однако гуманизм этот был весьма относителен. Дело в том, что крейсера встречались со своими жертвами не только у берегов. Торговые пути, на которых они подстерегали добычу, пересекают Индийский (да и Тихий) океан по прямой, и большинство шлюпок не добиралось до берега. В сентябре 1914 года по сморщенному лицу океана черными точками были разбросаны десятки и десятки шлюпок и плотов, на которых медленно плыли к смерти моряки и пассажиры погибших кораблей.

В эти недели стала осуществляться идея конвоя — каравана торговых кораблей, охраняемых миноносцами и крейсерами. Идея, разумеется, не новая: еще испанцы таким образом отправляли в Европу грузы из Америки, опасаясь пиратов и каперов. Но за последние столетия эта форма морских перевозок была основательно забыта, и, чтобы вновь войти в военный быт, ей пришлось преодолеть сильное сопротивление. Британское Адмиралтейство противилось конвоям, так как, во-первых, полагало, что у отдельного судна больше

шансов прокрасться через океан незамеченным, а во-вторых, берегло военные корабли — ведь конвои предназначались для защиты не только и не столько от крейсеров, сколько от подводных лодок.

Один из первых конвоев должен был идти из Австралии через Индийский и Атлантический океаны в Англию, однако его отплытие несколько раз откладывалось из-за угрозы нападения «Кенигсберга» и «Эмдена». Наконец конвой все-таки двинулся, охраняемый австралийскими и английскими военными судами. «Эмден» между тем в очередной раз ускользнул от преследовавшего его английского крейсера «Ярмут», и капитан фон Мюллер решил напасть на радиостанцию на Кокосовых островах (остров Килинг), с тем чтобы прервать связь между Австралией и Южной Африкой. Указаний из Германии давно уже не поступало, все немецкие колонии в Океании пали, путь на восток был блокирован японским флотом. Команда крейсера устала от непрерывных скитаний. «Эмден» вот-вот должен был завершить свою эпопею. Но то, что это случится всего через несколько часов, никто на борту крейсера не подозревал.

Когда «Эмден» высадил десант у радиостанции, на горизонте показались дымь. Крейсер тут же бросился наперехват, так как фон Мюллер решил, что приближается торговый караван. Когда расстояние сократилось, оказалось, что рейдер столкнулся с конвоем, который состоял из нескольких десятков грузовых судов, окруженных почти всем австралийским флотом и несколькими английскими крейсерами и миноносцами.

После минутной растерянности англичане, ожидавшие в любой момент нападения эскадры Шпее или «Кенигсберга», поняли, что перед ними лишь легкий крейсер. Вдогонку за «Эмденом» бросился австралийский крейсер «Сидней». «Эмден», котлы которого требовали чистки, не мог развить своего хода, и «Сидней» вскоре настиг его. Бой между двумя кораблями длился почти до заката. «Эмден» сопротивлялся до последнего снаряда. Наконец фон Мюллер приказал взять курс на коралловые рифы. Разгромленный, тонущий крейсер, который получил в Германии к этому времени гордое прозвище «Лебедь Востока», на полном ходу вполз на рифы и, скрежеща днищем, замер. Еще много лет ржавеющий корпус с обвалившимся, словно упавшие кегли, трубами и чудом сохранившейся фок-мачтой возвышался над рифами. Шлюпки с «Сиднея» подошли к борту, и капитан «Эмдена» сдался в плен. Теперь в Индийском океане остался лишь один немецкий рейдер — неизвестно куда исчезнувший «Кенигсберг».

В последний раз его видели на Сейшельских островах. Зимой небольшая рыбацья шхуна подошла к одному из ненаселенных атоллов. Капитан рыбацьеи шхуны увидел над рифами верхушки мачт и труб неизвестного судна. В Махе — столице Сейшельских островов — уже несколько месяцев только и разговоров было что о немецких рейдерах, и капитан решил, что нашел немецкого пирата. Прежде чем отправиться в Махе, чтобы сообщить о своей находке, капитан спустил на берег матроса, который должен был укрыться в кустах

и наблюдать за кораблем. На следующий день крейсер развел пары и вышел в море. Наблюдатель заметил, что он взял курс на юго-восток.

Сообщение с Сейшельских островов позволило английским охотникам за рейдером установить, что атолл Альдабра — одна из секретных баз «Кенигсберга». На всякий случай на атолле был установлен постоянный пост.

Поиски продолжались безрезультатно до тех пор, пока английский крейсер «Чатам» не остановил немецкое госпитальное судно. При обыске судна были найдены документы, из которых стало ясно, что немецкие лихтеры возят уголь в устье реки Руфиджи, где, казалось бы, им делать совершенно нечего. И действительно, «Кенигсберг» оказался там, где его никто и не думал искать.

Если у капитана Лоофа, командира «Кенигсберга», и были еще планы выходить в пиратские набеги, то к весне 1915 года от них пришлось отказаться. Англичане прочно контролировали побережье Восточной Африки, и «Кенигсберг» остался совершенно один против нескольких сильных крейсеров союзников. Кроме того, торговые суда уже не выходили в море в одиночку, и охота за ними была слишком опасна. Прорыв в Атлантику и на север также исключался. И тогда Лооф и Леттов-Форбек решили сохранить крейсер любой ценой. Пусть он остается таинственной и неопределенной угрозой. Пусть само его существование заставляет трепетать противника. Поэтому крейсер был введен в основную секретную базу в дельте Руфиджи.

Оказывается, пока английские крейсера рыскали по всему океану в поисках пирата, он спокойно отстаивался у них под боком, на полдороге между Дар-эс-Саламом и Линди.

Когда подозрения в том, что «Кенигсберг» прячется в дельте Руфиджи, превратились в уверенность, к устью реки начали стягиваться английские корабли. Однако Леттов-Форбек принял меры к охране «Кенигсберга». Из немецких добровольцев, знакомых с зарослями дельты, и моряков с крейсера срочно создали отряды «Дельта» во главе со старым плантатором Шенфельдом. Орудия малого калибра были сняты с «Кенигсберга» и установлены в чаще. И когда весной английские канонерки попытались подняться по протокам, чтобы точнее определить место, где прячется крейсер, их встретили огнем.

Чтобы быть уверенными в том, что «Кенигсберг» не вырвется, англичане затопили в протоке старое судно. Но этим победу над «Кенигсбергом» не приблизили. Не установив точно место его стоянки, обстреливать его было бессмысленно.

Прошло несколько недель. Английские крейсера дежурили у устья реки, но «Кенигсберг» не подавал признаков жизни. Наконец бессмысленное стояние на месте англичанам наскучило, и крейсера отправились в не менее бессмысленный набег на Дар-эс-Салам, где долго расстреливали губернаторский дворец, за что их впоследствии бранили свои же: когда Дар-эс-Салам стал английским, роскошный дворец лежал в руинах, и новому, уже английскому, губернатору негде было остановиться. Недовольство набегом выразили

и в Лондоне. Время шло, немецкая пропаганда трубила о непобедимости «Кенигсберга», а английская эскадра не спешила.

Упреки в адрес английских капитанов были, в сущности, необоснованными. Пробраться к крейсеру наугад — значило подставлять себя под удар. Поэтому англичане принимали иные меры.

В Южную Африку была отправлена телеграмма следующего содержания: «Разыщите охотника на слонов Преториуса. Нам он требуется для выполнения специального задания». Про охотника рассказывали на Занзибаре. Говорили, что он перед войной охотился на слонов в долине Руфиджи и отлично знает эти места. Охотник должен был пробраться сквозь чащу и найти «Кенигсберг».

Пока разыскивали и доставляли охотника, из Индии привезли два самолета. Самолеты долго кружили над дельтой, пытаясь угадать очертания тщательно замаскированного крейсера, но лишь обнаружили, что затопленный англичанами в протоке угольщик преградой служить не может: от места, где стоял «Кенигсберг», к морю вели еще, по крайней мере, два глубоких рукава, по которым он мог ускользнуть.

В общей сложности осада немецкого крейсера продолжалась почти полгода. Наконец после нескольких неудач был отдан приказ о решительном штурме, и в устье Руфиджи вошли две бронированные канонерки под прикрытием двух крейсеров и трех тральщиков (Леттов-Форбек пишет, что в операции участвовали четыре крейсера).

Если считать этот бой морским, то он был самым длительным морским сражением первой ми-

ровой войны. «Кенигсберг» при поддержке наземных заслонов сопротивлялся целую неделю. Семь дней над безлюдными, заросшими лесом и кустарником болотами гремели пушки.

Основной ударной силой англичан были канонерки с установленными на них тяжелыми орудиями. Их огонь, как и огонь дальнобойных орудий крейсеров, корректировался самолетами. «Кенигсберг» не мог отвечать крейсерам, потому что самолетов у немцев не было, а крейсера он не видел. Зато когда канонерки приблизились, «Кенигсберг» обрушил на них всю силу своих пушек. Снаряды крейсера нанесли такие тяжелые повреждения канонеркам, что они с трудом доплыли до своих.

Но силы были не равны, и 11 июля последняя атака англичан завершилась успехом. «Кенигсберг» затонул у самого берега, и, унося с борта тяжело раненного капитана Лоофа, последние моряки спустились на берег. Все ценное, в том числе часть артиллерии, удалось с крейсера снять. Команда крейсера присоединилась к отрядам фон Леттов-Форбека, и еще в течение двух лет пушки «Кенигсберга» вступали в бой в джунглях и на плоскогорьях Восточной Африки, в сотнях километров от берега.

Любопытная история, случившаяся за несколько месяцев до гибели «Кенигсберга», связана с одной из попыток Берлина снабдить рейдер углем и боеприпасами.

14 апреля 1915 года английский крейсер «Гиацинт» догнал у берегов Восточной Африки торговый пароход под датским флагом. К этому време-

ни война на море уже не знала ограничений, и любой корабль — военный или торговый, пассажирский или санитарный, нейтральный или принадлежащий воюющей стороне — мог подвергнуться удару крейсера или подводной лодки. С «Гиацинта» прочли название парохода: «Кронберг».

«Гиацинт» приказал пароходу остановиться для досмотра, однако тот не подчинился и повернул к недалекому берегу. Крейсер открыл по пароходу огонь. «Кронберг» успел добраться до бухты и здесь, охваченный пламенем, выбросился на берег.

С «Гиацинта» несколько минут наблюдали за тем, как с борта горящего парохода на берег выпрыгивают моряки. Конечно, можно было спустить шлюпки и подобрать экипаж. Стоило и осмотреть груз. Но капитан крейсера рассудил иначе. Если корабль и в самом деле датский и с грузом у него все в порядке, то может разразиться скандал, которым воспользуется немецкая пропаганда. Ведь расстрел мирного судна был явно пиратским актом со стороны английского капитана. Кроме того, пылающий пароход должен вот-вот взорваться, и груз с него все равно спасти было трудно.

Поэтому «Гиацинт» взял курс к реке Руфиджи, где он участвовал в блокаде «Кенигсберга».

В это время датский пароход «Кронберг» подходил к устью Ла-Платы, и никто на его борту не подозревал, что в списках британского Адмиралтейства он значился погибшим у берегов Восточной Африки.

Настоящее название лже«Кронберга» было «Рубенс», и он вез «Кенигсбергу» уголь и снаря-

ды. Для того чтобы избежать возможной проверки, «Рубенс» был перестроен так, чтобы силуэт его точно соответствовал силуэту «Кронберга». Маскировка была продумана в мельчайших деталях. На борту не было ни одной немецкой книги, все надписи заменены на датские, и даже жалование морякам платили в датских кронах. «Рубенсу» удалось обогнуть с севера Британские острова и пересечь с севера на юг весь Атлантический океан. Все встречавшиеся ему пароходы, даже если они тут же сообщали о «Кронберге», ни разу не заподозрили неладного.

И только когда до устья Руфиджи оставался день пути, произошла неожиданная встреча с «Гиацинтом».

Когда английский крейсер пошел на сближение, капитан «Рубенса» понял, что на этот раз досмотра не избежать. И он решил выброситься на берег. После первых же выстрелов из «Гиацинта» капитан приказал полить палубу бензином и поджечь ее. Англичанам пожар на пароходе показался настоящим, и всякие мысли о досмотре исчезли.

Когда «Гиацинт» скрылся за горизонтом, команда быстро потушила искусственный пожар.

Через несколько недель англичане отбили у фон Леттов-Форбека одну из деревень. Здесь они нашли военнопленного, которого немцы не успели увезти с собой при отступлении. Англичанин рассказал, что собственными глазами видел, как солдаты фон Леттов-Форбека получали новые винтовки, и что мимо деревни проезжали на днях повозки, груженные орудийными снарядами. И все

это, как понял пленный, было снято с какого-то парохода «Рубенс».

Англичане тут же послали в бухту, где должны были лежать обгорелые останки «Кронберга», патрульный миноносец. Их предчувствия оправдались: трюмы корабля были пусты. Помимо снарядов и угля, в которых сильно нуждались озерные катера фон Леттов-Форбека на Танганьике и Виктории, немецкие войска получили около двух тысяч винтовок и четыре с половиной миллиона патронов, не говоря уж о большой партии медикаментов и комплектов для телеграфных станций. Наконец, на «Рубенсе» прибыл запас «Железных крестов» для команды «Кенигсберга».

На этом завершается недолгая история немецких крейсеров-рейдеров в первую мировую войну. Однако у нее есть эпилог, воскрешающий в памяти легенды о сокровищах, закопанных пиратами на необитаемых островах. Автор очерков по истории Сейшельских островов английский писатель Уильям Трейвис уверяет, что в списках оборудования и ценностей, переданных Лоофом фон Леттов-Форбеку, было отмечено все, вплоть до двадцати килограммов перца из камбуза, но не значились деньги. Касса крейсера куда-то исчезла. То, что она существовала, не подлежит сомнению: рейдеры еще до войны были снабжены значительными суммами денег, в том числе в золоте и серебре, так как немецкое командование понимало, что одинокому кораблю лучше не портить отношений с местным населением. Если крейсер будет заходить куда-то за водой и продовольствием, то самой надежной гарантией молчания вождей и

старейшин, которые согласятся снабдить его, будут деньги. Кроме того, рейдером была снята касса с «Города Винчестера» и с других потопленных им пароходов. Однако Трейвис утверждает, что в передаточных ведомостях, которые ему удалось изучить, о деньгах не было ни слова.

Это, правда, еще ничего не значит. Мало ли какими путями могла состояться передача кассы? Но Трейвис с определенной долей вероятности полагает, что, когда дела «Кенигсберга» пошли плохо и он начал метаться по Индийскому океану, он мог оставить свой запас денег на одном из островов. Наиболее вероятный кандидат на эту роль — атоллы Сейшельских островов, где крейсер был замечен зимой 1914 года.

В качестве косвенного свидетельства такой возможности Трейвис приводит следующий случай.

В 1914 году в городе Махе появилась пожилая супружеская пара из Германии — господин и госпожа Умфельд. Цель их визита на архипелаг была необычной. Они желали нанять небольшое судно для того, чтобы совершить поездку к ненаселенному острову Успения, в двадцати милях от атолла Альдабра. Условия, которые ставили гости из Германии, насторожили местных судовладельцев. Хозяин судна не должен был сопровождать Умфельдов в их поездке и никто из команды не имел права сходить на остров, пока на нем будут находиться супруги.

На таких условиях никто не доверил свое судно, и после нескольких недель поисков супруги пришли в отчаяние. Они уверяли всех, что отлично знают эти места, что сам господин Умфельд

служил когда-то на флоте и у него есть даже немецкая адмиралтейская карта острова Успения. Карту он демонстрировал желающим, и она в самом деле была куда удобнее, чем все современные карты этих мест.

В последней попытке найти союзников Умфельды обратились к богатому австрийцу, который, уйдя на покой, жил близ Махе, деля свой досуг между книгами и садом.

Когда австриец попросил супругов сказать, чем их так заинтересовал остров, господин Умфельд признался, что желает устроить на нем нечто вроде приюта или санатория для отставных немецких офицеров. Объяснение нелепое, потому что Умфельд, обладая столь подробной картой, должен был знать, что на острове нет ни растительности, ни пресной воды, тогда как в том же Индийском океане есть множество атоллов и островов, куда более удобных для поселения. В общем, Умфельды не смогли убедить австрийца помочь им и через некоторое время покинули Махе. Удалось ли им раздобыть судно на каком-нибудь другом острове, неизвестно. Трейвис, узнав об этом визите, написал в немецкий военно-морской архив, но получил ответ, что часть архива уничтожена во время бомбежки Гамбурга союзниками в годы второй мировой войны и установить, был ли среди офицеров крейсера «Кенигсберг» господин по фамилии Умфельд, не представляется возможным.

Вполне вероятно, что все сказанное выше — случайное совпадение, и попасть на остров немецкому офицеру надо было не для поисков кассы «Кенигсберга», а по какой-то иной причине. Не

подлежит сомнению лишь то, что на борту «Кенигсберга» была значительная сумма денег в серебряных монетах. Соображение это связано с судьбой редкой австралийской медали, учрежденной в 1918 году. Медаль уникальна по внешнему виду. Она представляет собой серебряную монету, к которой сверху припаяна серебряная полоска с надписью: «Сидней» — «Эмден», 9 ноября 1914 года. Это сооружение завершает серебряная корона с кольцом для ленты. Судя по приказу по австралийскому флоту (№ 58 за 1918 год), медаль предназначалась для награждения членов команды крейсера «Сидней», а также сотрудников радиостанции на Кокосовых островах. Тираж медали — тысяча экземпляров, выдавалась она департаментом военно-морского флота Австралии.

Судьба ее такова. Участники боя с «Эмденом» подлежали какому-то награждению, и, так как это была единственная победа австралийского флота в первой мировой войне, поступило предложение учредить специальную медаль. Но морской департамент не спешил с ответом. Он полагал, что расстрел немецкого рейдера не стал слишком большой заслугой «Сиднея», превосходство которого было столь значительно, что исход боя был ясен с первой минуты. В конце концов разрешить этот вопрос помогли водолазы. Во время работ по подъему немецкого рейдера ими найдена касса, в том числе сундуки с серебряными монетами — мексиканскими долларами, которыми не только платили за продовольствие, но и расплачивались с членами экипажа. Из этих монет и были изготовлены медали за бой «Сиднея» и «Эмдена». Ос-

талльные монеты частично переплавили, частично продали как сувениры.

Рейдеры, погибшие поодиночке на коралловых рифах и в мангровых зарослях, сыграли важную роль в первой мировой войне, причем не только из-за большого количества потопленных ими кораблей, но и из-за того психологического эффекта, который оказали их действия. Вот почему через полгода после гибели «Кенигсберга» немецкое командование решило вновь направить рейдеры на торговые пути. Но от крейсеров уже пришлось отказаться. Для этой цели выбрали невинно выглядевшие устаревшие пароходы, на которые устанавливали мощные двигатели и тщательно замаскированные орудия.

Всего было послано пять таких рейдеров, и один из них, «Меве», выходил на охоту дважды и потопил двадцать кораблей общим водоизмещением сто двадцать две тысячи тонн. Карьера остальных сложилась столь удачно, и, хотя подобные «переодетые» пираты встречались в море до весны 1918 года, когда был уничтожен последний из них, значение их не шло ни в какое сравнение со значением походов «Эмдена» и «Кенигсберга», парализовавших судоходство в Индийском океане в первые месяцы войны.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

«Адмирал Граф Шпее»

После поражения Германии в первой мировой войне ей было запрещено строить подводные лодки и линейные корабли. Общий тоннаж остальных военных судов был также ограничен. Но уже с конца двадцатых годов руководители германского флота начали исподволь готовиться к реваншу. Немецкий адмирал Фридрих Руге таким образом описывает соображения своих коллег: «Когда во второй половине 20-х годов были ассигнованы средства для замены старейших из допотопных линкоров, военно-морской флот был поставлен перед выбором: удобный путь прибрежного флота или трудный путь флота открытого моря. Было вполне возможно построить в дозволенных рамках (10 000 т, калибр 28 см) монитор, не быстроходный, но с мощной броневой защитой, обладающий очень большой живучестью и пригодный для оборонительных операций в Северном море и наступательных в Данцигской бухте. Главнокомандующий адмирал Ценкер предпочел, однако, совершенно новый тип корабля — с легкой броней и дизельной установкой, скорость хода которого (25 узлов) была выше, чем у любого из существовавших в то время линкоров (за исключением трех британских линейных крейсеров), а вооружение (шесть 28-см орудий) намного превосходило вооружение всех более быстроходных кораблей; к тому же дизели обеспечивали ему дальность плавания свыше 20 000 миль, то есть в три раза больше, чем у кораблей с паровыми двигателями, а также возможность в

кратчайший промежуток времени достигать максимальной скорости хода. Последнее качество было особенно ценным для корабля, который, будучи предоставлен самому себе, должен был всегда находиться в готовности быстро приблизиться к замеченному судну или удалиться от более сильного противника».

Такая длинная цитата приведена из-за важности заключенной в ней информации, свидетельствующей, что уже в двадцатых годах создание новых немецких кораблей шло по пути строительства средств нападения, а не защиты. Важно также и то, что этим «карманным линкорами» предназначалось исполнять обязанности рейдеров.

После прихода к власти нацистов все ограничения в строительстве флота были отброшены, и три «карманных линкора» — «Германия», «Адмирал Шеер» и «Адмирал граф Шпее» — остались единственными кораблями такого рода. Склонный, как все диктаторы, к гигантомании, Гитлер был сторонником создания огромных линкоров, строительство которых и началось в тридцатые годы.

10 мая 1939 года Гитлер издал «Директиву подготовки к войне вооруженных сил на 1939 — 1940 годы». В директиве военно-морскому флоту приказывалось «провести соответствующую подготовку борьбы против английского и французского торгового судоходства».

Программа строительства громадных линкоров, на что были потрачены колоссальные средства, не была выполнена. В строю находилось лишь четыре линкора и четыре тяжелых крейсера — с этими силами выходить в открытый бой с английским

флотом было бессмысленно. Фашистская Германия решила сконцентрировать усилия на морской блокаде Англии, а «карманным линкорам» предстояло заняться крейсерскими операциями.

21 августа 1939 года «Граф Шпее» и вспомогательное судно «Альтмарк» вышли к берегам Южной Америки. Через три дня за ними последовала «Германия», также в сопровождении вспомогательного судна. Оперативный приказ, который получили «карманные линкоры», гласил: «Нарушение и уничтожение всеми доступными способами торгового судоходства. С вражескими военно-морскими силами, даже уступающими, входить в соприкосновение лишь в случае, если это способствует выполнению главной задачи... Частая смена позиций в операционных зонах создаст неуверенность и ограничит торговое судоходство. Временный отход в отдаленные районы приведет к дальнейшей растерянности противника...»

Через несколько дней Германия напала на Польшу, и началась вторая мировая война. А еще через месяц в борьбу вступили немецкие рейдеры.

1 октября в Лондоне были получены известия о том, что британский пароход «Клемент» погиб в тридцати милях от бразильского берега. Несколько человек из его команды сумели добраться до земли и сообщить, что пароход был потоплен большим немецким крейсером. Появление немецкого военного корабля у Южной Америки стало неожиданностью для британского Адмиралтейства. Еще более непонятным было то, что никаких других сообщений о действиях немецких крейсе-

ров ни до, ни после этого не поступало. Каждый день корабли становились жертвами подводных лодок, подрывались на минах, подвергались нападениям самолетов, но ни одну из потерь нельзя безусловно считать добычей надводных рейдеров.

1 ноября с самолета, пролетавшего между Мадагаскаром и Африкой, над местами, где когда-то располагались пиратские поселки, увидели, что какое-то судно терпит бедствие. Пилот снизился над кораблем, который вот-вот должен был затонуть, и заметил две шлюпки, медленно двигавшиеся к берегу. Помочь им пилот ничем не мог, но, пролетая над первым же населенным пунктом, сбросил вымпел с сообщением об увиденном. Вскоре люди со шлюпок были найдены. Погибшее судно называлось «Африка Шелл». Оно было потоплено большим немецким кораблем, а его капитан взят немцами в плен. Этот пиратский акт также загадочен. По описанию ясно, что действовал один из «карманных линкоров»: либо «Германия», о которой было известно, что недавно она находилась где-то в Северной Атлантике, либо «Граф Шпее». Однако если «Граф Шпее» и «Германия» проникли в Индийский океан, совершив тайное путешествие в несколько тысяч миль, то почему они дают возможность части команды маленького, не представляющего никакой ценности и к тому же пустого судна выбраться на берег, взяв в плен лишь капитана? Зачем рейдеру афишировать свое присутствие и охотиться за ничтожной добычей?

Тайна, которая мучила в те дни и журналистов, и английских моряков, может быть разгадана с помощью известных сегодня немецких докумен-

тов. Рейдеру (а им был «Граф Шпее», он же потопил «Клемента» у берегов Бразилии) нужно было, не попавшись самому на глаза военным кораблям союзников, запугать английских и французских торговцев, навести панику в морях — пусть кажется, что немецкие линкоры находятся везде и никто не застрахован от их нападения. И эту цель рейдеры выполнили. Недаром уже после войны, когда приказы Гитлера стали известны, Черчилль так говорил об оперативном задании германским «карманным линкорам»: «С правильностью этих планов наше Адмиралтейство вынуждено было бы с прискорбием согласиться».

После гибели «Африка Шелл» вновь наступила пауза. Никто не знал, где рейдер ударит снова. В африканских портах была введена светомаскировка, корабли выходили в море без навигационных огней, а береговые батареи приведены в боевую готовность.

Через две недели, 16 ноября, немецкий «карманный линкор» был замечен в Индийском океане голландским лайнером «Мапия». На лайнере ожидали нападения, однако рейдер (это был «Граф Шпее») прошел мимо и, хотя его орудия развернулись в сторону голландца, выстрелов не последовало. «Мапия» сообщила о встрече с «карманным линкором», и меры предосторожности в Индийском океане были усилены. Но, показавшись «Мапии», рейдер тут же изменил курс и повернул на юг. 2 декабря Адмиралтейство в Лондоне получило сигнал: «Подвергся нападению вооруженного рейдера. “Дорик Стар”». Больше об этом пароходе, груженном мороженым мясом из

Австралии, ничего не слышали. В момент встречи с рейдером он находился в середине Атлантического океана.

...Сначала в плавучей тюрьме был один человек — капитан парохода «Клемент», однако с каждой неделей в ней скапливалось все больше народу. В то время никто на берегу не знал, сколько всего жертв у немецкого рейдера: ведь большинство кораблей не успевало послать сигнал бедствия. За октябрь в трюме прибавилось пять капитанов кораблей и около пятидесяти матросов и офицеров. Затем после перерыва в тюрьме пополнение — капитан «Дорик Стар».

В один из дней, который ничем не отличался от других, пленники почувствовали, что корабль охвачен напряжением. Отрывистые команды, беготня на палубах. Затем раздались залпы пушек малого калибра, застучали пулеметы: еще одна жертва попала в руки рейдеру.

Пароход «Таироа», несмотря на запрет немцев пользоваться рацией, начал передавать сигнал бедствия. Как только на линкоре перехватили передачу, заговорили пушки, и «Таироа» был буквально разнесен в щепки. В трюме стало совсем тесно. Моряков, подобранных с «Таироа», загнали в тюрьму. Командир «Графа Шпее» Лансдорф в кругу верных людей спустился в трюм к раненым членам команды «Таироа». «Мы не воюем с гражданскими лицами, — сказал он, — но вы вынудили нас открыть огонь, так как начали пользоваться передатчиком». Капитан Лансдорф нервничал. Он уже три месяца в океане, и ему кажется, что английские и французские линкоры стягиваются

со всех сторон, чтобы расстрелять его так, как он расстреливал торговые суда. Команда недовольна, устала, нервы у всех на пределе, а приказа возвращаться нет.

Через несколько дней пленных матросов перевели на вспомогательное судно «Альтмарк». На «Графе Шпее» остались лишь капитаны потопленных кораблей и несколько офицеров. «Таироа» был предпоследним судном, захваченным рейдером. Через два дня в тюрьме появилась команда еще одного корабля. И все. Еще через день услышали, как трижды завывла сирена, а затем, впервые за все плавание, заговорили орудия главного калибра. Опасения капитана Лансдорфа сбылись: его в конце концов настигли...

У берегов Южной Америки «Графа Шпее» подкарауливали несколько военных кораблей союзников. Среди них были два английских линкора и новейший французский линейный крейсер «Дюнкерк», а также легкие английские крейсера «Ахиллес» и «Аякс» и тяжелый крейсер «Экстер». Вот этим трем последним и удалось настичь рейдера.

«Навел» их на рейдера французский пароход «Формоза», везший из Франции в Уругвай несколько сот беженцев из республиканской Испании. По пути через океан «Формоза» встретила с английским крейсером, командир которого решил, что этот тихоходный, грузный корабль может служить отличной наживкой для поимки рейдера. Потому он, несмотря на просьбу капитана «Формозы», встревоженного известиями о возможном присутствии рейдера в этих водах, не

стал сопровождать пароход, а специально оставил его в одиночестве.

Увидев на горизонте высокие мачты немецкого рейдера, моряки «Формозы» сейчас же дали англичанам условный сигнал по радио. Затем капитан парохода приказал повернуть к невидимому берегу, чтобы в крайнем случае затонуть как можно ближе к нему. Он не знал, близко ли англичане и успеют ли они на помощь.

Но тут вахтенный крикнул, что видит с другого борта еще один военный корабль. Капитан узнал очертания английского легкого крейсера «Аякс». За «Аяксом» следовал «Ахиллес», и на помощь им спешил третий крейсер — «Эксетер», который был крупнее двух предыдущих и обладал более мощной броневой защитой.

Английские корабли вышли в эфир с сообщением, что встретили «Графа Шпее» и вступают в бой. В тот же момент их списали со счетов. Никто в Лондоне не сомневался, что их задача — лишь задержать немецкий линкор до прихода главных сил: ведь залп «Графа Шпее» был раза в два мощнее залпа всех трех английских крейсеров, вместе взятых.

Бой начался на максимальном расстоянии. Лансдорф принял решение сконцентрировать огонь на «Эксетере». Потом морские историки будут укорять его за это, полагая, что он совершил тактическую ошибку: «Эксетер» нес двойную броню и был крайне вынослив. Если бы «Граф Шпее» начал с легких крейсеров, он мог бы разнести их в клочья в течение нескольких минут. Вместо этого немецкие орудия всаживали залп за залпом в жи-

вучий крейсер, а тем временем легкие крейсера, приблизившись, начали наносить «Графу Шпее» значительный урон. В конце концов повреждения, полученные «Эксетером», оказались настолько велики, что он стал отставать, его орудия одно за другим стали замолкать, и он вышел из боя. Теперь остались лишь два преследователя — «Аякс» и «Ахиллес». И они, в нарушение всех правил и инструкций, продолжали бой.

Легкие крейсера, используя свое преимущество в скорости, все время меняли курс, чтобы лишить немцев возможности прицельной стрельбы. Тем не менее оба корабля понесли большие потери, на них возникли пожары, и часть орудий вышла из строя. Но они продолжали гнаться за «Графом Шпее» до тех пор, пока Лансдорф не приказал повернуть к берегу и взять курс на Монтевидео.

Ночью, когда бой затих, «Граф Шпее» укрылся в нейтральных водах на рейде Монтевидео. На следующее утро в плавучую тюрьму вошел немецкий офицер. «Джентльмены, — сказал он на плохом английском языке, — вы свободны. Мы в Монтевидео. Теперь моя очередь стать пленным».

Больше, за исключением нескольких налетов «Германии» в Северной Атлантике и визита «Адмирала Шпее» в Индийский океан в начале 1941 года, «карманные линкоры» в крейсерских операциях не участвовали. Они вместе с другими военными кораблями Германии отстаивались на базах. А на охоту, как и во время первой мировой войны, выходят вооруженные торговые суда.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки

истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Вальтер Швигер

Мягкое и туманное весеннее утро 7 мая 1915 года в Ирландии. Совсем рассвело. Легкая сероватая пелена нависла над тихими, неподвижными водами на всем протяжении от Уотерфорда в проливе Св. Георга при входе в Ирландское море до уединенных скал Фастнет у юго-западной Ирландии. На южном побережье Ирландии большинство рыболовных суденышек уже возвратилось к своим причалам. Крупные морские чайки, широкие крылья которых чернели по концам, с пронзительными криками выныривали из тумана и устремлялись вниз за рыбой. Все было почти так же, как в любой другой день на этом море, сыром и соленом, необъятном и вечном.

Но для молодого командира германской подводной лодки, светловолосого и круглолицего, похожего на школьника, этот день не был обычным. Подводная лодка U-20 капитан-лейтенанта Вальтера Швигера, всего неделю назад покинувшая Эмден, шла в надводном положении в 15 милях к югу от мыса Олд-Хед-оф-Кинсейл, вдающегося далеко в море.

В этом районе рыбного промысла, всего в 25 милях от порта Куинстаун, Швигер отлично «поохо-

тился» — за последние двое суток он потопил торпедами два парохода компании «Хэrrисон Лайн» и расстрелял из пушки парусное судно.

Это был его первый боевой поход на U-20 за время войны, продолжавшейся еще менее года. Лодка сменила в этом районе U-24 и U-32. Другие субмарины находились на своих позициях и тоже принимали участие в смертельной схватке за британские торговые коммуникации. U-27 вышла одновременно с U-20. У того же ирландского побережья U-23 записала на свой счет четыре судна. Капитан-лейтенант Херзинг, потопивший 5 сентября британский крейсер и ставший первым героем-подводником, находился на своей U-21 где-то в этих же водах, следуя в Адриатику. Здесь же была и лодка U-39. Она отправила на дно неподалеку от острова Дей у побережья Шотландии судно «Трюро» компании «Вильсон». Английские моряки, сумевшие высадиться в спасательные шлюпки, успели разглядеть номер на ее боевой рубке до того, как субмарина погрузилась в глубину. Несомненно, у побережья были и другие немецкие подводные лодки, что дало основание Британскому Адмиралтейству сделать настоятельные предостережения, которые звучали в эфире последние 12 часов.

Все наводило на мысль, что в это майское утро германские субмарины находились в ожидании чего-то определенного.

В первом раунде войны адмирала Тирпица против британского торгового судоходства экипажи подводных лодок, находясь на острие удара, испытывали моральный подъем Тридцать пять ря-

довых и три офицера на борту 650-тонной подводной лодки Швигера считали свою «маленькую скорлупку» счастливой и даже в определенной степени приятной. Матросы спали рядом с торпедами, которым они давали имена «Берта», «Сияющая Эмма», «Желтая Мэри». Некоторые спали со своими любимцами-собаками в ногах. Каждая торпеда была начинена почти 150 килограммами ужасной новой взрывчатки, названной тротилом, и имела дальность хода около 7 километров.

Сейчас U-20 находилась на поверхности и шла малым ходом, заряжая аккумуляторные батареи и одновременно вентилируя помещения, пропитанные стойкими запахами дизельного топлива, машинного масла, приготовленной пищи и человеческих испарений, составлявшими как бы часть ее ограниченного мира.

Капитан-лейтенант Швигер в своей расстегнутой кожаной куртке стоял в ограждении боевой рубки. Он наслаждался свежим и мягким утренним воздухом. Лицо его выражало спокойствие и удовлетворение. Дизели лодки успокаивающе рокотали, а сама она плавно покачивалась на ходу. Над песчаным морским дном было 100 метров.

Около полудня туман поредел, и вскоре совсем прояснилось. Теперь Швигер в бинокль мог различить отдельные скалы мыса Олд-Хед-оф-Кинсейл, возвышавшиеся над водой почти на 80 метров. Этот мыс был таким же прекрасным ориентиром, как и мыс Севен-Хедс, десятью милями западнее. Швигер мог различить также смутные очертания домов в Кинсейле и рыбацких хижин, разбросанных вдоль берега. Яркое весеннее солн-

це все резче прорисовывало детали ирландского побережья, но и подводная лодка с прояснением теряла свою скрытность. Ее мог заметить любой военный корабль, и Швигер время от времени осматривал в бинокль весь горизонт. Солнце припекало все жарче, и он скинул куртку.

Швигер любил море, надолго становившееся его домом, и ему не хотелось уходить с мостика. Не спускаясь вниз, он ел сосиски с картофельным пюре, слушая доносившуюся из открытого рубочного люка граммофонную запись популярной мелодии «Роза Стамбула» с ее игривой веселостью и мрачными вагнеровскими обертонами. Жизнь выглядела безмятежной и приятной.

Незадолго до 14 часов по лодочному времени Швигер заметил в бинокль темное пятнышко, быстро вырастающее из-за горизонта на западе. Вначале он решил, что это мачты и трубы двух эскадренных миноносцев, но, взглядевшись еще раз, приказал записать в журнале боевых действий:

«Прямо по носу четыре трубы и две мачты парохода, следующего прямо на нас (он идет от зюйд-зюйд-веста в сторону мыса Галлей-Хед). Судно опознано как большой пассажирский пароход».

По тревожному сигналу, наэлектризовавшему экипаж, все бросились к своим боевым постам, а находившиеся наверху прогрохотали по стальному трапу сначала в боевую рубку, а затем еще ниже — в центральный пост.

В подводном положении U-20 могла развивать около 9 уз. против 15 уз. на поверхности, но имен-

но под водой лодка была грозным оружием и находилась в большей безопасности.

Швигер последним спустился в боевую рубку и задраил за собой тяжелый рабочий люк. После того как захлопнулся люк, ведущий в центральный пост, Швигер остался с помощником и рулевым. Механик доложил по переговорной трубе из центрального поста:

— К погружению готовы!

— Погружение! — рявкнул Швигер.

Тотчас унтер-офицеры поста погружения и всплытия начали быстро вращать маховики приводов клапанов вентиляции, воздух со свистом начал выходить из цистерн главного балласта.

— Оба мотора малый вперед! — скомандовал командир.

Теперь лодку двигали электромоторы, питающиеся от аккумуляторных батарей.

— Цистерны заполнены, — снова доложил механик.

Под тяжестью многих тонн принятой в цистерны воды лодка с легким дифферентом на нос заскользила вниз и исчезла с морской поверхности.

Швигер сидел в кресле и наблюдал в перископ знакомую ему картину волн, вздымающихся на поверхности моря. Вода стекала по объективу перископа серыми ручейками и ярко вспенивалась, как только лодка превышала перископную глубину.

— Прямо руль! Так держать! Оба мотора полный вперед!

Почувствовалась нарастающая дрожь вращающихся все быстрее электромоторов. Лодка вздрогнула и рванулась вперед.

Швигер приказал записать:

«2.05 пополудни. Погрузились на 11 м и идем полным ходом на сближение с пароходом, полагая, что он повернет вправо для следования вдоль ирландского побережья».

Швигер спешил занять удобную позицию для стрельбы из носовых торпедных аппаратов. Он непрерывно и монотонно отдавал команды помощнику, управляющему электролебедкой перископа:

— Выше... Выше... Стоп... Ниже... Выше... Стоп... Ниже... Стоп... Ниже... Так держать!

На долю секунды Швигер оторвался от окуляра перископа и взглянул на показания находящегося рядом глубиномера. Затем для верности постучал по его стеклу пальцем.

Граммофон теперь молчал. Экипаж стал серьезным и напряженным. Лодка успела наполниться своим привычным тяжелым запахом, к которому как бы на заднем плане примешивался застоявшийся в отсеках дымок крепких сигар.

Предстоящая жертва приближалась, становясь благодаря сильной оптике перископа почти осязаемой. Тем не менее Вальтер Швигер счел нужным отметить в журнале только примерное водоизмещение парохода.

В то время, когда на борту подводной лодки командир опознавал 32-тысячетонный лайнер, на «Лузитании» ни капитан Вильям Томас Тернер, самый что ни на есть морской волк из числа морских волков компании «Кунард», ни кто другой из находившихся на борту парохода не знал о том, что их ждет.

В то время как Швигер подкрадывался к «Лу-

зитании», капитан Тернер решил определиться по способу траверсного расстояния до мыса Олд-Хед-оф-Кинсейл, маячившего слева по носу. Этот надежный способ определения своего места в море требовал, однако, более получаса хода постоянным курсом. Капитан Тернер приказал лечь на новый курс, слегка изменив предыдущий до 87 градусов, т. е. идти почти прямо на восток. Одновременно он приказал поддерживать строго постоянный ход в 18 уз., т. е. значительно ниже 25 уз. с лишним, сделавших однажды «Лузитанию» королевой Атлантики. На ее борту часы показывали около 2 часов пополудни по Гринвичу.

Швигер, часы которого показывали на один час больше, приказал записать:

«2.50 пополудни. Пароход повернул, взяв курс на Куинстаун, и тем самым дал нам возможность подойти на дистанцию атаки. Идем полным ходом с целью занять позицию у него прямо по носу».

Тернер, хотя и непреднамеренно, пошел навстречу пожеланиям Швигера. О такой мишени, какая предстала перед ним, командир подводной лодки мог только мечтать. Идущий строго по прямой без каких-либо изменений скорости и курса, пароход выглядел как идеальный пример на схеме, нарисованной на классной доске в военно-морском училище.

Пока лайнер и подводная лодка сближались, большая часть из 1257 пассажиров «Лузитании» заканчивала второй завтрак — ленч либо прогуливалась по широким, как улицы, палубам. Некоторые любовались зеленью ирландского берега, находившегося так близко, что можно было ясно

различить дома. Другие упаковывали багаж, поскольку ожидалось прибытие в Ливерпуль.

Вместе с экипажем на судне насчитывалось около 2 тысяч человек, т. е. примерно на тысячу меньше обычного. В списке пассажиров можно было обнаружить самых разных людей, которых объединяло одно: каждый имел причину, вынудившую его добираться в воюющую державу через зону военных действий. Например, на борту лайнера находился один из богатейших людей мира, назначивший в Лондоне деловое свидание. Был здесь и чикагский промышленник, стремившийся вследствие угрозы введения в США «сухого закона» к расширению иностранного рынка для своего оборудования по производству пива. На борту находились также знаменитый философствующий писатель, прославленный продюсер, превративший театр в большой бизнес, арктический исследователь, спиритуалист, спешащий на заседание Общества спиритуалистов в Лондон, автомобильный промышленник, родители с шестью детьми и, наконец, сотни «маленьких» людей и маленьких детей, о которых мир ранее никогда не слышал.

Со своего места в боевой рубке Швигер не терял судна из поля зрения. Сейчас его долгом было уничтожение этого гиганта. Сентиментальности или даже жалким проблескам сострадания не находилось места в бесстрастных статьях военных уставов не только его страны, но и противника. Поэтому он вывел лодку в расчетную позицию для торпедной атаки. Теперь важно было выбрать нужный для выстрела момент, чтобы не упустить

шанс. Переговорная труба донесла надтреснутый голос торпедиста:

— Торпедные аппараты готовы!

Командир метил почти в упор. Огромный лайнер, дымя всеми четырьмя трубами и разрезая надвое морские волны, заполнил уже почти все поле зрения перископа. Его надстройки сверкали белизной.

Швигер не сомневался в успехе!

В ранние предрассветные часы 30 апреля лодка U-20 покинула свой причал в Эмдене. Проводы были скромными, не играли оркестры, не махали платочками девушки, лишь немногословные пожелания удачи и счастливого возвращения прозвучали вслед уходящей лодке.

Преыдуший вечер капитан-лейтенант Швигер, которому незадолго перед этим исполнилось 32 года, по традиции провел в винном погребе на набережной со своими приятелями — командирами подводных лодок. Это было общение равных, которые долгое время провели в уединении боевых походов.

Их служба в корне отличалась от службы армейских частей, либо марширующих «гусиным шагом» и орущих патриотические гимны, либо устало бредущих к линии фронта по грязным и разбитым дорогам Фландрии. Это была служба вдумчивого, а иногда и мечтательного личного состава, без особого трепета смотревшего на портреты Бисмарка и его прусских потомков. Подводники могли обойтись без показного блеска, а награждали их зачастую посмертно.

Херзинг, чье имя чаще других упоминалось на

вечеринке офицеров, представлял исключение. Еще 5 сентября 1914 года, когда германские адмиралы продолжали спорить о том, представляют ли боевую ценность маленькие подводные лодки или нет, от открыл боевой счет; потопив торпедой британский легкий крейсер «Пэтфайндер». Херзинг командовал U-21 и с 25 апреля находился в боевом походе.

Упоминалось также имя Дрешера, который, командуя U-20, в октябре, после боевых действий в Английском канале, впервые обошел вокруг Ирландии и Шотландии, обогнул Британские острова с севера и возвратился на базу.

Вплоть до начала первой мировой войны подводные лодки считались интересными механическими штуковинами, к которым адмиралы большинства флотов мира относились лишь насмешливо-терпимо. Лодки рассматривались ими как оборонительное оружие прибрежного действия с весьма ограниченными возможностями, в отличие от наступательного оружия флотов сильных — линейных кораблей. В военно-морских кругах Германии многие, не исключая и создателя германского флота гросс-адмирала Тирпица, считали, что только полностью проверенное и повсеместно признанное оружие имеет право на развитие и усовершенствование, ко всяким же нововведениям надо относиться с недоверием. Первая экспериментальная подводная лодка частной фирмы появилась в Германии в 1903 году, первая подводная лодка вошла в строй германского флота только в 1908 году, т. е. всего за восемь лет до войны.

Мысль «задушить неприятельскую торговлю»

возникла у командиров подводных лодок еще в начале войны. 20 октября 1914 года U-17 потопила у берегов Норвегии английский пароход «Глитра», но предоставила команде возможность спастись, как того требовали нормы международного права. 26 октября был поврежден торпедой французский пароход «Адмирал Гантом». В ноябре U-21 потопила артиллерийским огнем пароходы «Примо» и «Малахит», а в январе с помощью подрывных патронов — еще три парохода. Действовавшая в Английском канале U-20 без предупреждения забросала торпедами за один день 30 января три парохода: «Эйкариа», «Токомару» и «Ориоль». До начала 18 февраля 1915 года официальной войны против торговли подводные лодки потопили 11 британских пароходов и один союзный. Адмирал Тирпиц начал понимать, что это новое и притом ужасное оружие.

Подводные лодки могли нанести судоходству гораздо больший урон, нежели одиночные крейсера-рейдеры, подобные «Эмдену». Подводная война стала ответом британскому флоту и блокаде, которая грозила Германии. В начале 1915 года в германском флоте было всего 27 боевых подводных лодок, но они бросились в бой с таким исцтовством, которое оказалось для англичан совершенно неожиданным.

Ненависть Германии теперь была обращена на Англию, которая после взятия немцами упряно сопротивлявшихся укреплений Вербье, Льежа и Намюра преподнесла им горькую пилюлю, придя на помощь союзникам. Кампания, начатая подводными лодками, явилась целительным бальзамом

для прусской военной машины, которая стала поскрипывать. Еще одним актом отчаяния стало применение отравляющих газов против канадских войск у Ипра. Но и оно не смогло изменить положения на Западном фронте, а именно кровопролитного топтания на месте.

Перед Швигером, когда он готовился к боевому походу на U-20, была поставлена четкая задача: любое судно, перевозящее груз для поддержки врага, должно быть потоплено. Однако невооруженные суда отправлялись на дно без предупреждения или предоставления их командам и пассажирам времени для посадки в спасательные шлюпки, что являлось нарушением Гаагской Конвенции. Несмотря на различные официальные заявления Германии о том, что воды вокруг Британских островов представляют собой военную зону, неограниченная подводная война без всяких исключений не объявлялась в безусловной форме вплоть до начала 1917 года.

Перед выходом в море лодки U-20 и U-27, входившие в третью подводную полуфлотилию, получили общие директивы из морского Генерального штаба:

«Ожидается выход крупных английских войсковых транспортов из Ливерпуля, Бристоля, Дартмута... следовать на позиции вокруг Шотландии возможно быстрее... оставаться на позициях так долго, как позволят запасы топлива и торпед... атаковать транспортные суда, торговые суда, военные корабли...»

В соответствии с установившимся обычаем эти инструкции, по всей вероятности, сопровождались

устными распоряжениями, которые никогда не регистрировались.

Лодка Швигера была загружена до отказа. Все свободные места заполнены провизией: в наиболее прохладных торпедных отсеках — мясо и овощи, между огнетушителями втиснуты банки с сосисками, под узкими матросскими койками уложены коробки с маслом, а под койкой командира в его тесной выгородке, служившей каютой, нашли себе место соль и специи.

Эмден военного времени продолжал еще спать, когда матросы U-20 по команде отдали швартовы. Затем снизу послышался приглушенный звук работающих электромоторов. Подобно длинной акуле, подводная лодка заскользила прочь от привычного причала мимо громоздких силуэтов больших кораблей и тихо прошла по левой стороне мелководного канала, направляясь к выходу в неспокойное Северное море.

Рассвет уже наступил, когда лодка миновала песчаные рифы о. Боркум, прикрывающие с моря береговую черту Голландии и Германии, западные отмели р. Эмс и, наконец, плавучий маяк Боркум-Риф в Северном море в 25 милях от берега — последнее напоминание морякам об их родной земле. Радист настроил свою аппаратуру на частоты станций Боркум и крейсера — плавбазы «Аркона».

Лодка поравнялась с маленьким рыболовным траулером, с него послышались возгласы: «Удачной охоты!» Вслед за этим рыбаки передали на борт целую сетку сельди. Младший лейтенант, помощник Швигера, получая подарок, ответил:

— Боже, покарай Англию!

И лодка U-20, продолжая свой путь на запад, скрылась в облаке голубоватых дизельных выхлопов.

Кто-то достал свой аккордеон, кто-то завел граммофон. Слышалась музыка, доносились запахи пищи — кок готовил завтрак, состоящий из какао и хлеба с мармеладом. На узкой верхней палубе курили сигары.

Подводная лодка шла в надводном положении, но с выключенными красным и зеленым ходовыми огнями. Эта лодка считалась счастливой, за что каждый на ее борту был предан ей.

В следующий полдень, когда «Лузитания», такая большая, что на ее палубах могла разместиться целая флотилия подводных лодок, направляясь в сторону приемного буя № 1, вспенила воду в канале Амброз, с U-20 впервые увидели вражеский берег. Далеко слева по носу субмарины виднелась острая оконечность о. Фэр-Айл, лежащего к северу от Шотландии между Оркнейскими и Шетландскими островами и хорошо знакомого каждому из команды лодки. Появление на горизонте этого клочка суши означало, что лодка покрыла почти половину своего пути. Пройдя остров, командир должен был дать приказ положить руль «лево на борт» и направиться к югу, в сторону будущей засады у ирландского побережья. Командиры подводных лодок делали этот огромный крюк, предпочитая идти сначала на север, а затем спускаться на юг, нежели смертельно рисковать при проходе через узкий и опасный Дуврский пролив.

Мелкие чайки Северного моря уступили место более крупным и смелым, выросшим в Атлантике. Похолодало. Море и небо приобрели серо-зеленые оттенки и стали как будто необъятнее. Лодка U-20 шла в надводном положении.

Вскоре показались красно-серые утесы островов Сент-Килда, относящихся к Гебридам. В одной из гаваней островов спряталась база сторожевых катеров. Поэтому U-20 постаралась обойти заброшенные острова.

3 мая, оставаясь в виду Гебридских островов, капитан-лейтенант Швигер неожиданно встретил грузовое судно, выглядевшее примерно на 20 тыс. т. Он выпустил по нему одну торпеду, которая прошла мимо. Разглядев, что судно несет датский флаг, Швигер решил отказаться от повторной атаки. Он начинал беспокоиться, выполнит ли свою задачу. Между командирами подводных лодок начало обостряться соперничество, и U-23 установило в нем вызывающий рекорд — только с 28 по 31 апреля она потопила военный угольный транспорт «Мобил», затем еще два других угольщика «Фулджент» и «Чербери», а также русский пароход «Звороно».

Были потоплены и другие суда в Северном море и в районе островов Сент-Килда вплоть до Бискайя.

Суда нейтральных и воюющих сторон с одинаковым страхом ожидали появления боевых рубок подводных лодок со стекающей с них водой или первого предупреждения в виде торпеды, что означало разрушительный конец их миру, казавшемуся до этого безопасным.

В эти же дни в Северном море был торпедирован и отправлен на дно пароход «Катэй» под датским флагом. Неподдалеку от него потоплен артиллерийским огнем английский траулер «Стреттон», после того как его команда высадилась в шлюпки. Траулер «Мэри Айлингтон» торпедирован у ирландского побережья, а пароход «Дан» вблизи Шотландии. Члены экипажа парового траулера «Беннингтон», который 30 апреля сумел уйти от немецкой субмарины, еще продолжали поздравлять себя с этим событием, как судно снова было торпедировано у Абердиншира. На этот раз оно затонуло. Экипаж другого торпедированного и добытого из пушки рыболовного судна «Гренджвуд» высадился на крохотный островок из группы Оркнейских островов с населением всего из трех человек.

На подводных лодках ликовали. Любому школьнику было ясно, что при таких темпах ни торговый, ни рыболовный флоты Британии и ее друзей не продержатся долго.

В среду 5 мая, через пять дней после выхода из Эмдена, Швигер прибыл в район мыса Олд-Хедоф-Кинсейл.

Командир подводной лодки U-20 начинал проявлять свое нетерпение.

На востоке показалась большая шхуна. Ее грязные латаные паруса, полные ветра, покачивались в нескольких милях от берега. «Эрл оф Латам» — так называлась шхуна — везла груз ирландского бекона, яиц и картошки в Ливерпуль, находящийся в 270 милях к северо-востоку.

Швигер прошел вдоль ее борта, крикнув в ме-

гафон, чтобы команда оставила судно. Его приказание было выполнено. Артиллеристы заняли свои места у палубного орудия, и, когда покинувшие шхуну люди оказались от нее достаточно далеко, U-20 послала свой первый снаряд в старый деревянный корпус. Облачко желто-коричневого дыма взвилось кверху, и звук разрыва разнесся над водой.

Разорвалось еще восемь снарядов, прежде чем шхуна, накренившись, легла мачтами на спокойную поверхность моря и медленно исчезла под водой.

Этим же вечером U-20 выпустила торпеду по 3-тысячетонному норвежскому пароходу, но промахнулась. Когда это судно устремилось к лодке, как бы намереваясь протаранить ее, Швигер дал команду срочно погрузиться и продолжил свое патрулирование.

В течение ночи, пока заряжали аккумуляторы, лодка Швигера дрейфовала вдоль побережья, двигаясь в сторону пролива Св. Георга. Воздух был прохладным и свежим, а небо ясным и звездным. «Подобная ночь создана специально для подводных лодок», — решил Швигер.

6 мая, когда туман повис над горизонтом, Швигер перехватил у Кинсейла в 18 милях к югу от Уотерфорда 4-тысячетонный пароход. Это был лайнер «Кандидат» компании «Хэррисон Лайн», который на своем пути к Ямайке только что оставил по корме выкрашенный в темно-зеленый цвет плавучий маяк Конингбег.

Торпеда, выпущенная без предупреждения, сразу же прервала путь судна. Но перед тем, как

оно затонуло, команда и пассажиры невредимыми покинули его.

Во время торпедирования лайнера в районе Уотерфорда находилось четыре вооруженных траулера. Но ни они не видели U-20, ни Швигер не видел их. По стечению обстоятельств другое судно такого же размера и принадлежащее той же компании «Хэrrисон Лайн» — «Центурион», следующее в Южную Африку, попало в поле зрения перископа Швигера.

Еще одна торпеда — и «Центурион» отправился на дно вслед за «Кандидатом». Примечательно, что на этот раз жертв не было. Швигер записал в журнале:

«От дальнейшего продвижения в сторону Ливерпуля — **желанного** района действия — пришлось отказаться по следующим причинам... Прохождение проливом Св. Георга для дальнейшего следования к Ливерпулю потребовало бы такого расхода топлива, что возвращение вокруг южного побережья Ирландии стало бы невозможным. Я намерен возвращаться, как только будет израсходовано $\frac{2}{5}$ топлива. Я намерен также избежать следования Северным проливом (с другой стороны Ирландского моря — прим. автора) в связи с наличием там патрульной службы, с которой U-20 повстречалась в прошлый поход. В моем распоряжении осталось три торпеды, из которых я надеюсь сохранить **хотя бы две** на обратный переход.

В связи с изложенным мною решено остаться, пока не будет израсходовано $\frac{2}{5}$ топлива, и атаковать пароходы южнее входа в Бристольский залив... Шансы для атаки здесь лучше, а оборони-

тельные средства противника менее эффективны, чем в Ирландском море у Ливерпуля...»

Швигер, впившись взглядом в окуляр перископа, давал последние поправки рулевым, управляющим вертикальными и горизонтальными рулями, похожими на плавники. У него не было даже времени взглянуть на глубиномер.

— Пли!

Послышалось шипение воздуха в носовом торпедном отсеке, и лодка вздрогнула, полегчав сразу почти на целую тонну.

Капитан-лейтенант Швигер отметил в донесении:

«Чистый носовой выстрел с дистанции 700 м. Торпеда «G» с заданным углублением 3 м под углом встречи 90 градусов. Установленная скорость хода 22 уз.».

Впередсмотрящий на баке «Лузитании» матрос Лесли Мортон вдруг заметил с правого борта предательскую белую полосу в воде, устремленную к судну. Он тотчас же крикнул с бака на мостик в свой мегафон:

— Торпеды с правого борта!

Мгновением позже матрос первого класса Томас Куин со своего носеста в «вороньем гнезде» на мачте заметил тот же смертоносный след и потянулся к телефону внутренней связи.

Второй помощник капитана П. Хеффорд услышал крик Мортонна и повторил:

— Идет торпеда, сэр!

Капитан Тернер, изучавший с левого крыла нижнего мостика мыс Олд-Хед-оф-Кинсейл, оторвал от него глаза. В этот момент торпеда подо-

шла уже так близко, что даже с противоположного борта судна шириной 88 футов, где он стоял, можно было увидеть ее пенистый след.

Тернер успел сделать только один шаг к середине мостика, где стоял рулевой.

В 2.10 пополудни (в 3.10 по показаниям часов на подводной лодке) Швигер продолжил запись в своем журнале:

«...удар пришелся в правый борт сразу позади мостика. Необычно сильная детонация сопровождается очень большим (выше первой дымовой трубы) взрывным облаком. В дополнение ко взрыву торпеды, очевидно, был второй взрыв (котел, уголь или порох). Надстройка и мостик над местом попадания раскололись на части, и возникшее пламя охватило высокий мостик. Судно сразу же остановилось, кренясь на правый борт и одновременно погружаясь носом...»

Капитан Тернер до удара торпеды, пробившей стальную обшивку судна толщиной в $7/8$ дюйма, так и не успел перейти с левого крыла мостика на правое. Он почувствовал, как судно содрогнулось от ужасного взрыва, который, как он полагал, пришелся на кочегарки правого борта.

Палуба, казалось, приподнялась под ногами и снова осела. Наружу с шумом вырвался столб воды и пара, вместе с кусками угля, обломками дерева и стальными осколками, которые, взметнувшись на 160 футов выше радиоантенны, затем лавиной обрушились на верхнюю палубу. Королева скорости как бы споткнулась и накренилась на правый борт. Тернер скомандовал положить руль лево на борт...

Земля была так близко, но смогут ли они дотянуть до берега?

Свист и шипение во взорванных, жизненно важных недрах «Лузитании» сразу же дали на это ответ — паропроводы перебиты. Лопаясь, они издавали звуки, подобные очереди пулемета «максим».

Судно пока еще продолжало идти вперед со скоростью почти 18 уз. за счет колоссальной инерции. Но машинный телеграф уже не работал. Мерцание ламп указывало на то, что и генераторы грозят остановкой.

Часы показывали 2.10 пополудни.

Прошло точно 18 минут с того момента, как «Лузитанию» торпедировали.

Лайнер резко погрузился носом, его кормовая оконечность поднялась вверх на добрую сотню футов, открыв взгляду четыре почти неподвижных гребных винта вместе с необъятным 65-тонным рулем. В довершение к этому кошмару судно совсем остановилось, замерев на месте. Его движение вперед неожиданно и странно прекратилось.

«Лузитания», имевшая длину от форштея до ахтерштевня около 800 футов, уже коснулась морского дна.

Гордость компании «Кунард», первый суперлайнер, приводимый в движение паровыми турбинами, имевший новейшую систему вентиляции, оборудованный лифтами, телефонами, электрическими люстрами, украшенный висячими садами, гобеленами, эта морская «борзая», способная развивать ход более 25 уз., обгоняющая лучшие гер-

манские лайнеры; судно, способное обставить любую вражескую субмарину, судно, возвышающееся от киля до кончиков мачт на 216 футов, скользнуло сквозь 300-футовую толщу воды у ирландского побережья и крепко уткнулось своим грациозным носом в ил на морском дне.

По ряду поздних свидетельств, водолазы, спускавшиеся на затонувшую «Лузитанию» в годы, когда техника сделала это более доступным, единодушно свидетельствовали, что носовая часть судна была разрушена огромным внутренним взрывом и большие куски обшивки, вывернутой им изнутри наружу, найдены на некотором расстоянии от корпуса. Таким образом, результатом взрыва торпеды Швигера стало затопление только угольных бункеров правого борта, что в худшем случае привело бы к крену судна, а причиной гибели «Лузитании» явился вторичный взрыв от детонации боеприпасов.

По показаниям свидетелей, Тернер приказал дать «полный назад», но из этого ничего не вышло, так как один из двух паропроводов заднего хода оказался поврежденным. Последующая попытка направить судно в сторону мыса Олд-Хед-оф-Кинсейл не дала результатов, так как руль уже вышел из воды.

Капитан Тернер почти сразу же после взрыва торпеды приказал перекрыть все водонепроницаемые двери, которые еще не были закрыты, и наблюдал также за специальными индикаторами, показывающими, какие переборки исправны, а где имеется пламя или течь. В этот момент раздался второй грохочущий взрыв, и индикаторы носовых

отсеков на приборной панели заметались как одержимые. Из всех вентиляторов начал вырваться пар вместе с угольной пылью.

С ужасающе нарастающим грохотом лайнер начал оседать на корму. «Лузитания» шла вниз с громоподобным ревом.

Некоторые из числа команды после исчезновения «Лузитании» почувствовали очень сильный взрыв, как если бы взорвались котлы. На какой-то момент над водой показался сразу же рассеявшийся пар.

Над тем местом, где погрузилась «Лузитания», все увидели волну, поднимающуюся из глубин и несущую обломки корабля. Это пятно выглядело наподобие «мясного фарша» и имело вид рыхлой белесой массы, выброшенной, по всей вероятности, последним внутренним взрывом.

После этого лишь шум, похожий на легкое бормотание, разносился над поверхностью воды.

Капитан-лейтенант Швигер в это самое время внес в журнал своей U-20 запись такого содержания:

«Иду на 11-метровой глубине и осматриваюсь вокруг. Далеко по корме дрейфует большое количество спасательных шлюпок. «Лузитании» не видно. Затонувшее судно должно находиться в 14 милях от маяка Олд-Хед-оф-Кинсейл на глубине 90 м по пеленгу (на маяк) на 358 градусов, в 27 милях от Куинстауна... 50° 22,6N; 8° 32W. Берег и маяк видны хорошо.»

Из 1959 человек, отправившихся в рейс на борту «Лузитании», погибло 1198, включая 785 пассажиров.

Капитан-лейтенант Швигер шесть дней спустя после того, как он отправил «Лузитанию» на дно, привел свою лодку U-20 в Вильгельмсхафен.

Швигеру был оказан восторженный прием, которого он в общем-то ожидал. Но из штаба флотилии просочились слухи о том, что кайзер, оценив мировую реакцию на происшедшее, уже не выказывал удовольствия.

Вальтер Швигер стал седьмым подводным асом Германии. Он потопил вражеские суда общим тоннажем 190 тыс. т. 7 сентября 1917 года U-88, которой он командовал, подорвалась на mine у датских берегов.

«Адмирал Шеер», «Орион» и «Пингвин»

13 мая 1940 года у берегов Австралии обнаружена немецкая мина. Через некоторое время без вести пропал английский пароход «Ученый». В связи с этим всем торговым судам было приказано проходить у берегов Австралии, не зажигая навигационных огней. 19 июня океанский лайнер «Ниагара», вышедший из Окленда в Новой Зеландии, подал сигнал бедствия. В Сиднее смогли разобрать лишь, что причиной катастрофы стал взрыв. Лайнер в этот момент шел вдоль новозеландского берега. Через семнадцать минут была перехвачена еще одна радиограмма с «Ниагары», в которой сообщалось, что корабль быстро погружается и проходит эвакуация пассажиров и команды. В этот же

день новозеландская береговая охрана обнаружила неподалеку от места гибели «Ниагары» выброшенную на мель немецкую мину. Всем кораблям было приказано держаться не ближе чем в ста милях от берега. Из порта пароходы выводились в море тральщиками. Кто и каким образом мог поставить эти минные заграждения, неизвестно.

Виновник гибели «Ниагары» — немецкий рейдер «Орион», обычный торговый пароход, с установленными на нем пушками и который был 6 апреля 1940 года вместе с несколькими такими же замаскированными кораблями послан в дальнее плавание. Поставив мины у берегов Австралии и Новой Зеландии, «Орион» почти два месяца скрывался среди островов Южных морей. В августе «Ориону» удалось потопить французский пароход «Ноту», шедший из Новой Зеландии в Нумею — столицу французской Новой Каледонии. Через три дня, 20 августа, подал сигнал бедствия и пропал английский пароход «Туракина», приближавшийся к Новой Зеландии. Единственным свидетелем гибели этих жертв «Ориона» оказались трап с «Ноту», выброшенный волнами на берег близ Нумеи, и спасательный круг с «Туракины», найденный через месяц на пляже в Новой Зеландии.

В октябре «Орион» подошел к Маршалловым островам, где его уже ждал танкер «Регенсбург», базировавшийся в Японии. Возможность получать из Японии подкрепление и снабжение была одной из важнейших причин активности немецких рейдеров в Южных морях. Вскоре после заправки «Орион» встретился с собратом по профессии — рейдером «Комета», сопровождаемым вспомога-

тельным судном «Кулмерланд». В конце года к ним присоединился «Атлант», который перед этим потопил несколько крупных пароходов в Атлантическом океане. Наконец подошел и «Пингвин», который также начал свою карьеру в Атлантике, но затем перешел в более безопасные воды Индийского океана и поставил несколько минных полей у берегов Австралии. Теперь, хотя в Индийском океане не было ни одного немецкого военного корабля, в нем действовал целый флот рейдеров, нанесших значительный ущерб судоходству.

Сведения о гибели судов поступали со всех сторон. Французский пароход «Комиссар Рамель» успел сообщить, что его обстреливает рейдер в самом центре Индийского океана. Через день норвежский танкер «Старый Якоб» послал сигнал бедствия из района между Цейлоном и Суматрой. Еще через неделю пропал пароход «Наушера». В центр океана была послана военная эскадра, и тогда командиры рейдеров решили принять меры, чтобы их жертвы не могли пользоваться радиосвязью.

20 ноября с парохода «Маймоа», шедшего в Австралию, замечен низко летящий гидроплан с английскими опознавательными знаками. Капитан, взглянув на него, отвернулся, но вдруг с палубы крикнули, что самолет бросил в воду какой-то предмет. Выглянув из рубки, капитан увидел, как за самолетом что-то тянется по волнам. В следующее мгновение самолет промчался над кораблем. Раздался грохот. Самолет взмыл вверх и начал разворачиваться для следующего захода.

И капитан, и матросы успели разглядеть, что

самолет тащит за собой на тросе железную болванку. Вряд ли она могла быть средством нападения. Но когда самолет вновь прошел на бреющем полете и опять болванка прогрохотала по надстройкам, капитан догадался, в чем дело: самолет противника, замаскированный под английский, старался порвать антенну.

Следуя своей догадке, капитан тут же приказал дать радиogramму, что подвергся нападению. И вовремя: на следующем заходе самолет порвал антенну и улетел. Через полчаса на горизонте показался старый торговый корабль. Это был «Пингвин». «Маймоа» убегала от рейдера больше трех часов. За это время удалось починить антенну и возобновить радиосвязь. Самолет «Пингвина» повторял налеты на корабль, осыпая его пулеметными очередями и сбрасывая бомбы. На корабле было много убитых и раненых, но моряки, отстреливаясь из винтовок, вновь и вновь восстанавливали антенну. Наконец «Пингвин» приблизился на дистанцию огня, и после нескольких залпов капитану «Маймоа» пришлось отдать приказ покинуть корабль.

Когда капитан «Пингвина» допрашивал офицеров «Маймоа», он сказал, что им повезло: если бы они, не дай бог, сбили его самолет, он вынужден был бы в качестве возмездия отправить их всех на дно.

После сигналов «Маймоа», полученных в Австралии, по меньшей мере три часа было потрачено на совещание, кому из военных кораблей следовать к месту происшествия. Единственным, кто сразу изменил курс и поспешил к терпящей бед-

ствии «Маймоа», был торговый пароход «Порт Брисбен», вооруженный всего двумя маленькими пушками. Почему-то, когда «Порт Брисбен» сообщил, что идет на помощь «Маймоа», Морское управление не запретило ему выступить в качестве добровольной жертвы рейдера. И пока управление продолжало радиосовещание с кораблями австралийского флота, «Порт Брисбен» последовал к месту гибели «Маймоа».

Наступил вечер. Погода испортилась, и пошел дождь. Стало так темно, что капитан «Порта Брисбен» решил, что до утра все равно никого найти не удастся. Тогда он приказал всем, кроме вахтенных, покинуть палубу, орудийным расчетам отдыхать, да и сам тоже отправился вниз, чтобы немного поспать. А меньше чем через час вахтенный увидел совсем рядом темный силуэт неизвестного корабля. Он успел разбудить капитана, но было поздно.

Вспыхнули прожекторы, и «Порт Брисбен» оказался в роли зайца, попавшего в лучи фар. В следующее мгновение раздался залп, поднялись столбы пара из перебитых труб, послышался оглушительный треск переборок. В считанные секунды «Порт Брисбен» лишился почти всех надстроек. Был снесен мостик, радиорубка, и погибли все, находившиеся там. Рули парохода заклинило, и он медленно поворачивался вокруг своей оси.

Оставшиеся в живых моряки спустили три шлюпки. Две из них были подобраны немцами, одной удалось скрыться. Немцы не стали разыскивать ее в ночи — спешили уйти, понимая, что австралийские крейсера уже торопятся сюда.

Крейсер «Канберра» прибыл в эту точку утром 22 ноября. Вскоре удалось найти шлюпку с частью команды «Порта Брисбен», и моряки сообщили, что «Пингвин» пошел на северо-запад. Туда и поспешил австралийский крейсер, тогда как «Пингвин», пройдя некоторое расстояние к северо-западу, чтобы ввести в заблуждение моряков в шлюпке, если они наблюдают за ним, изменил курс, встретился на юге с сопровождавшим его вспомогательным судном (это был норвежский танкер, захваченный «Пингвином») и, пока крейсера прочесывали тот сектор, куда он якобы отправился, настиг и утопил «Порт Веллингтон», а затем ушел к мысу Доброй Надежды.

Там «Пингвину» еще раз повезло: он нашел целую эскадру китобойцев. «Пингвин» действовал не спеша, выбирая добычу покрупнее. В результате ему досталось двадцать два китобойца, груженых китовым жиром. Чтобы понять значение этого трофея, достаточно сказать, что в Германии, уже тогда испытывавшей нехватку жиров, ежегодное производство маргарина уступало количеству жира, захваченному «Пингвином».

Перед капитаном «Пингвина» встала неразрешимая задача: как доставить в Германию эти суда. У него не хватало людей для того, чтобы организовать такое большое число призовых команд. И тут на помощь пришел линкор «Адмирал Шеер». У нацистов оставалось два «карманных линкора»: «Германия», переименованная в «Лютцов», и «Адмирал Шеер». Прошло больше года после гибели «Графа Шпее», прежде чем Гитлер решил еще раз рискнуть и выпустить в море рейдером

такой большой корабль. Задачей его было уничтожение конвоев союзников — подводные лодки и самолеты не справлялись с этим. Время от времени крупные фашистские корабли выходили в Северное море и даже в Северную Атлантику, но далеко от баз не забирались и быстро отступали назад. «Шеер» должен был предпринять дальнейшее крейсерство, оказавшееся последним немецким походом такого рода.

Сумев выйти в Атлантику незамеченным, «Адмирал Шеер» 5 ноября 1940 года обнаружил большой конвой, который охранял лишь один крейсер. «Шеер» в несколько минут расстрелял его и затем начал гоняться за транспортами, которые веером рассыпались по морю. До ночи «Шеер» утопил семь кораблей и после этого повернул на юг, к Азорским островам. Погоня же за ним была организована на востоке — англичане полагали, что он тут же поспешит на базу.

В южной Атлантике «Шееру» удалось захватить пароход, на котором находилось три тысячи тонн мяса и пятнадцать миллионов яиц, — этот пароход стал базой снабжения всех остальных рейдеров. Затем «Шеер» обогнул Африку и, проследовав Мозамбикским проливом, начал топить корабли в северо-западной части Индийского океана. Здесь у него почти не было соперников: главные силы английского флота находились восточнее. Да и сам «Шеер» не стремился к встречам с противником. Когда возле Мадагаскара он заметил два легких крейсера, то сразу изменил курс, чтобы с ними не встречаться. Капитан объяснил свои действия желанием сохранить тайну своего

пребывания в океане, хотя тайны уже не существовало: потопленные им корабли успевали дать радиограммы. Не исключено, что командир «Шеера» Кранке помнил о печальной судьбе «Графа Шпее».

Возвращаясь в Атлантику, «Шеер» пришел на помощь «Пингвину», который был не в состоянии справиться со своей добычей. Капитан Кранке пересадил на китобойцы чуть ли не половину своей команды, принял с «Пингвина» пленных и грузы и пошел домой. Ему удалось прорваться в Брест, захваченный немцами. Добрались до Германии и почти все китобойцы — они не вызывали подозрений у патрульных кораблей союзников, и те их даже не досматривали.

«Пингвин» оставался в Индийском океане до весны, и его пиратская карьера оборвалась внезапно. «Пингвина» погубила случайность, деталь, которую не учел его капитан.

В мае 1941 года в северо-западной части Индийского океана он потопил очередную жертву — танкер — и спокойно проследовал дальше. Уверенность в собственной неуязвимости, возникшая после года неизменных удач, укрепилась и тем, что «Пингвин» был на этот раз прекращен и полностью замаскирован под норвежский корабль, причем на случай встречи с англичанами имелись все соответствующие документы, причем настоящие — их владелец был недавно уничтожен рейдером, не успев послать радиограммы.

Поисками рейдера занимался в том районе английский крейсер «Корнуолл». Его самолет, проверяя очередной квадрат, увидел норвежский ко-

рабль, облетел его на небольшой высоте и убедился, что это не «Пингвин». Он отправился дальше, но по пути спохватился и, срочно сообщив крейсеру координаты норвежца, просил задержать его. Пилота удивило, что, когда он облетал норвежский корабль, ни один человек не выглянул, не помахал рукой англичанину. А это было неестественно.

Через час «Пингвин» принял бой с английским крейсером, и один из первых залпов «Корнуолла» поразил минный погреб «Пингвина». С «Пингвина» почти никто не спасся.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

«Корморан»

С каждым месяцем немецким рейдерам в Индийском океане приходилось все труднее. Торговые суда почти перестали выходить в море в одиночку, а дожидались в портах, пока соберется конвой. Военные корабли союзников научились быстрее прибывать на место происшествия, а усиление авиации позволило засекать рейдеры даже вдали от берегов.

Труднее стало немецким рейдерам и прорываться из Германии в Индийский океан. Правда, к ним все же присоединился один новичок — ди-

зель-электроход «Корморан», вооруженный шестью стапятьюдесятьюмиллиметровыми орудиями, шестью торпедными аппаратами и имеющий на борту два гидросамолета и триста шестьдесят мин. Вскоре немецкие рейдеры собрались вместе у острова Науру и, пользуясь удивительной безопасностью наблюдательных пунктов на острове — центре добычи фосфатов, не только потопили все корабли, которые вывозили фосфаты с Науру, но и разгромили портовые устройства и склады, после чего безнаказанно удалились.

К тем же зимним месяцам 1940/41 относится попытка итальянцев обзавестись собственными рейдерами, которые базировались бы в портах Сомали. Для этой цели был оборудован пароход «Рамбу-1», который вышел в Индийский океан с задачей добраться до нидерландских владений на Суматре, а по дороге туда уничтожить как можно больше торговых кораблей англичан. «Рамбу-1» не удалось потопить ни одного торгового корабля, зато сам он стал жертвой легкого австралийского крейсера, который перехватил его у Мальдивских островов. После первых же выстрелов капитан рейдера приказал команде перейти в шлюпки и взорвал корабль.

Рейдер «Орион» — первый из рейдеров Индийского океана — после разгрома Науру ушел в Атлантику, а затем вернулся в Германию. Он погиб 4 мая 1945 года, потопленный советской авиацией.

«Атлант» также ушел из Индийского океана весной 1941 года и за пять месяцев крейсерства в Атлантике потопил пять торговых кораблей. Затем он вернулся в Индийский океан, потопил еще

одно судно у берегов Австралии и проследовал в Тихий океан, где встретился с рейдером «Комета», который только что совершил набег на Галапагосские острова. 27 октября 1941 года «Атлант» обогнул мыс Горн и пошел через Атлантический океан к Европе, но 22 ноября был замечен английским крейсером «Девоншир» и уничтожен. Более удачливая «Комета» смогла вернуться в Германию, однако, когда через год была послана в новый поход, далеко отойти от базы не успела. В октябре 1942 года «Комета» погибла в бою с английским эсминцем.

Таким образом, к середине 1941 года в Индийском океане оставался лишь «Корморан» — самый быстроходный и современный из немецких рейдеров. Однако теперь даже ему здесь не было так вольготно, как раньше. Найти корабль, идущий вне конвоя, стало почти невозможно. Лишь в конце июня попался югославский пароход, который потопили без предупреждения, и в тот же день к вечеру захватили и затем утопили австралийский пароход.

После этого вновь потянулись долгие недели без добычи. К тому времени «Корморан» провел в открытом море уже более двухсот пятидесяти дней. За август—сентябрь рейдеру удалось встретить лишь один пароход, но тот с такой готовностью остановился и даже пошел навстречу «Корморану», что немецкий капитан заподозрил в нем корабль-ловушку и предпочел убежать.

23 сентября «Корморан» потопил свою последнюю жертву — греческий пароход — и пошел на randevу со вспомогательным судном «Кулмер-

ланд», после чего намеревался крейсировать к северу от Австралии.

Австралийский крейсер «Сидней» был наследником имени корабля, который победил в 1914 году «Эмден». В основном он занимался тем, что конвоировал суда с ценными грузами в Индийском океане. В ноябре он должен был встретить в море лайнер «Зеландия», перевозивший войска в Сингапур, и проводить его до того места, где дежурил другой крейсер. 15 ноября «Сидней» сообщил, что проводка «Зеландии» прошла благополучно и он вернется в Австралию 20 ноября.

20 ноября «Сидней» не появился. Это не вызвало беспокойства: задержка на день-два не была необычной. 23 ноября «Сидней» все еще не появился, и Морское управление, нарушив радиомолчание, вызвало крейсер. Ответа не последовало. На следующий день всем военным радиостанциям Австралии отдан приказ непрерывно вызывать «Сидней». С аэродромов подняли самолеты и отправили на поиск крейсера в том направлении, откуда он должен был возвращаться. В 6 часов вечера 24 ноября английский танкер «Стюарт» сообщил, что подобрал в море плот с двадцатью пятью немецкими моряками. После краткого допроса пленных все австралийские военные корабли, находившиеся близ этого района, были брошены на поиски. В ближайшие сутки подобрали еще два плота и шесть шлюпок. Но на них были только немцы — в общей сложности триста пятнадцать человек — и ни одного моряка с «Сиднея».

Как сообщили пленные, в 4 часа дня 19 ноября, когда «Корморан» медленно шел в ста пятидесяти

милях от австралийского берега, с него заметили большой военный корабль. Капитан «Корморана» объявил боевую тревогу и тут же изменил курс так, чтобы солнце светило в глаза преследователям. Крейсер постепенно достигал рейдера и непрерывно подавал сигнал «Опознайте себя». «Корморан» не отвечал на сигналы. Тогда «Сидней» начал сигнализировать прожектором. «Корморан» продолжал отмалчиваться. Вступить в бой с крейсером капитан «Корморана» не решался — это было равносильно самоубийству. Он надеялся на чудо.

Наконец, когда расстояние между кораблями уменьшилось, «Корморан» поднял голландский флаг и сигналами сообщил крейсеру, что его название «Малаккский пролив». Для большей убедительности рейдер тут же передал в эфир сигнал «Остановлен подозрительным судном». Командир «Сиднея» был в нерешительности. Постепенно корабли сблизились на расстояние меньше мили и шли параллельными курсами с одинаковой скоростью. «Сидней» запросил «торговца»: «Куда следуете?» — «В Батавию», — ответил «Корморан». И тут наступил критический момент. Крейсер поднял флаги, значения которых никто на рейдере не знал. Зато на крейсере сразу поняли, что корабль — не «Малаккский пролив». На борту крейсера имелись кодовые книги всех кораблей союзников, и поднятые флаги были центральной частью кодового сигнала настоящего «Малаккского пролива». Не получив сразу ответа, «Сидней» передал: «Покажите ваш секретный сигнал».

В это время расстояние между кораблями ста-

ло уже менее мили. Торпедные аппараты и пушки «Сиднея» были готовы к бою, но в такие моменты все решают доли секунд. Уже полчаса, как немецкие артиллеристы держали «Сидней» на прицеле. А километровая дистанция в современном морском бою равносильна дуэли, когда противники стоят в шаге один от другого. Через четыре секунды после того, как австралийский крейсер запросил секретный сигнал, первые снаряды разорвались у него на капитанском мостике и в радиорубке. Поэтому крейсер не успел передать в эфир ни слова. Расстояние между кораблями было столь мало, что «Корморан» с успехом пустил в дело все зенитные пулеметы, которые буквально опустошили палубу крейсера. Крейсер молчал, словно ошеломленный дерзостью небольшого торгового судна, и лишь после шестого залпа «Корморана» все пушки «Сиднея», кроме двух выведенных из строя, ударили по рейдеру. Снаряды пробили легкую обшивку «Корморана» и взорвались в машинном отделении. Но к этому времени рейдер уже успел дать залп из торпедных аппаратов, и две торпеды попали в цель.

Крейсер потерял ход и начал отставать. Несмотря на то, что из машинного отделения «Корморана» поднимался столб дыма — там бушевал пожар, — рейдер уходил со скоростью пятнадцать узлов, и торпеды, выпущенные «Сиднеем», в него не попали. Уже через несколько минут стало ясно, что бой подходит к концу. «Корморан» был вынужден остановить машины, и все силы брошены на тушение пожара. «Сидней» вел огонь лишь из орудий малого калибра: его орудийные башни вы-

шли из строя. В половине седьмого вечера раздался последний выстрел, и «Сидней», почти потеряв управление и сильно накренившись на борт, скрылся за горизонтом. Пожар на «Корморане» потушить не удалось, и, опасаясь, что огонь вот-вот достигнет минных погребов, капитан рейдера приказал всем покинуть корабль. Через полчаса после того, как последний матрос сошел в шлюпку, «Корморан» взорвался. Некоторое время на горизонте еще можно было разобрать слабый отблеск от горящего «Сиднея».

Видимо, австралийский крейсер потонул совершенно внезапно. Несмотря на то, что берег был недалеко и спасательные корабли прочесали весь этот район и отыскивали все без исключения плоты и шлюпки с «Корморана», ни одного из 650 офицеров и матросов «Сиднея» найти не удалось. От крейсера осталась лишь продырявленная осколками надувная лодка, которую через две недели выбросило волной на берег.

Командир «Сиднея» проявил при встрече с «Кормораном» преступное легкомыслие. Он позволил сократить дистанцию до такого расстояния, когда преимущество крейсера перед вооруженным торговым судном было сведено на нет. По существовавшим правилам военные корабли не должны приближаться к рейдерам ближе чем на десять километров — в таком случае рейдер был бессилён что-либо сделать с крейсером либо эсминцем. Дав возможность «Корморану» с первых секунд боя, пользуясь внезапностью, уничтожить капитанский мостик и радиорубку, «Сидней» сразу поставил себя в тяжелое положение,

и результатом этого был уникальный в истории войны случай — торговый корабль (пусть даже оборудованный для рейдерства) смог потопить крейсер.

Бой «Корморана» с «Сиднеем» завершил эру немецкого рейдерства в Индийском океане. Единственный корабль такого типа, «Мозель», прорвавшийся в Индийский океан в мае 1943 года, не имел крупных успехов и был потоплен американской подводной лодкой. В последние два года войны Германия уже не предпринимала попыток послать рейдеры.

Это не значит, что в Индийском океане наступил мир. Война, в том числе против торгового судоходства, бушевала в нем в куда больших масштабах, чем в 1940—1941 годах. Но, во-первых, надводных рейдеров сменили подводные лодки; во-вторых, главными противниками вместо англичан и немцев стали американцы и японцы.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

Подводные охотники

За годы первой мировой войны жертвами подводных пиратов стали тысячи торговых судов, однако в Индийском океане их не было. Радиус действия субмарин ограничен, совершить переход из

Германии к берегам Восточной Африки, где располагались основные немецкие базы в Индийском океане, было нелегко, и Германия сделала основную ставку в этом районе на крейсера «Кенигсберг» и «Эмден».

После первой мировой войны Индийский океан стал как бы внутренним морем союзников — он был окружен английскими, французскими и голландскими колониями, и лишь на северо-востоке Африки выход к океану имели итальянские фашисты. Вот почему, хотя радиус действия подводных лодок за прошедшие между двумя мировыми войнами двадцать лет резко увеличился, в начале второй мировой войны державы «оси» не могли использовать свой подводный флот в этом дальнем тылу союзников. И лишь с вступлением в войну Японии в 1941 году обстоятельства изменились.

Утром 7 декабря 1941 года японские самолеты, базирующиеся на авианосцах, нанесли удар по главной американской военно-морской базе на Тихом океане Пирл-Харбору на Гавайях. Япония вступила в мировую войну на стороне держав «оси». Смелый план командующего японским флотом адмирала Ямамото удался.

Через несколько дней после нападения на Пирл-Харбор началось вторжение японцев в Юго-Восточную Азию. Ударами авиации были потоплены два английских линкора в Сингапуре, затем в ряде сражений разбит голландский флот, охранявший Нидерландскую Индию. Одновременно шло наступление на Сингапур — английский форпост в Юго-Восточной Азии. После падения

Сингапура 15 февраля 1942 года в дело вступили японские подводные лодки, гидросамолеты и надводные корабли, задачей которых было уничтожение всех кораблей с беженцами и войсками, эвакуировавшимися из Сингапура в Индию и Австралию. В результате десятки тысяч человек, вырвавшиеся в последний момент из Сингапура, сгорели на кораблях или утонули в море. Пассажирам потопленных судов, не погибшим при взрывах бомб и торпед, не приходилось рассчитывать, что их спасут: бойня, которую устроили японская авиация и флот, не оставляла времени для того, чтобы обращать внимание на терпящих бедствие. Только те, кто добирался до берега, попадали в японские концлагеря.

Существует множество книг и рассказов очевидцев о расправе японского флота и авиации с транспортом и пароходами, убегавшими из Сингапура. В качестве примера можно привести судьбу голландского парохода «Роозебоом», который покинул Сингапур, имея на борту пятьсот человек.

Спасаясь от преследования, «Роозебоом» взял курс на Паданг, находящийся на противоположной от Сингапура стороне Суматры. Пароход шел без огней, и уже появилась надежда на то, что ему удастся ускользнуть. До Паданга оставалось всего три дня пути. Скорость была невелика, поскольку пароход был перегружен беженцами и грузами, да еще пришлось забрать несколько человек с английского парохода, разбомбленного в нескольких милях от Сингапура.

Торпеда поразила «Роозебоом» около полуночи.

Субмарина стреляла, очевидно, с близкого расстояния и имела возможность прицелиться, так как взрыв последовал в самом центре корабля, в машинном отделении. Пароход, казалось, подпрыгнул от взрыва, и сотни пассажиров, спавших на палубе, чтобы спастись от духоты, оказались в воде прежде, чем успели проснуться. Большинство из тех, кто находился в каютах и в трюме, выбраться не успели.

Английский чиновник Уолтер Гибсон, на воспоминаниях которого основан рассказ, был одним из немногих, кто успел выскочить на палубу и прыгнуть в море. Ему удалось отыскать обломок шлюпки, за который он уцепился и в течение двух часов плавал. Наконец Гибсон увидел проплывающую рядом шлюпку и забрался в нее. Шлюпка была катастрофически переполнена. Люди стояли, цепляясь друг за друга. А за шлюпкой, держась за концы, гроздьями плыли те, кому места в ней не досталось.

Когда наступил рассвет, удалось подсчитать, что в шлюпке, рассчитанной на тридцать человек, находится восемьдесят. Кроме того, более пятидесяти человек оставались в воде.

Английский бригадный генерал, оказавшийся в шлюпке, принял командование и с помощью добровольцев собрал все продовольствие и воду. Решено было выдавать каждому по столовой ложке воды и по столовой ложке сгущенного молока ежедневно. В течение дня собирали обломки корабля, и к вечеру с помощью веревок, тросов, разорванной и связанной в жгуты одежды соорудили плот, на который взобрались двадцать человек.

Под их тяжестью плот ушел в воду, и эти люди стояли почти по пояс в воде. После этого лодка взяла курс к Суматре.

Обитатели плота умерли в течение первых трех дней. Солнце обжигало их выше пояса, а сесть или лечь они не могли. Генерал предложил меняться с ними местами, но никто в шлюпке не согласился перейти на плот. К исходу третьего дня на плоту, который постепенно развалился, остался лишь один человек. Его взяли в шлюпку, где он вскоре умер.

Голод перестал мучить в первые же дни, зато жажда доводила людей до безумия. Командир запретил пить морскую воду, но, когда опускалась темнота, пассажиры шлюпки начинали пить ее тайком. На четвертый день один из матросов сошел с ума и с криком: «Это пресная вода!» — бросился за борт и утонул.

Постепенно на борту падала дисциплина. Если в первые дни люди сохраняли человеческий облик и поддерживали слабых, то к исходу первой недели верх взял инстинкт самосохранения. Раздача воды и пищи стала мучительной процедурой — все с жадностью следили за медсестрой и генералом, которые делили рацион. Особенно неприятным для всех стали часы, когда надо было спускаться в воду, чтобы плыть, держась за концы: в шлюпке еще не хватало места для всех. Со шлюпки начали исчезать люди. Некоторые из них добровольно бросались в воду, чтобы избежать мучений, но кое-кому из самых слабых помогали соседи. Остальные делали вид, что ничего не случилось: можно не лезть в воду, можно надеяться, что

лишняя ложка воды достанется тебе самому.

Помощник капитана парохода, голландец, был совсем плох и лежал неподвижно, положив голову на колени своей молодой жены. Он бредил. Внезапно он вырвался из ее рук и, закричав, что видит корабль, кинулся в воду. Жена, пытаясь его спасти, бросилась за ним, и мужчины в лодке равнодушно смотрели на то, как она тонула.

В тот же день умер и генерал. Он был единственным, кого похоронили, — один из офицеров прочел над ним молитву, и затем его тело бросили за борт.

Пока все были заняты похоронами, последнюю канистру с водой и банки сгущенного молока охранял капитан «Роозебоома». Вдруг все услышали крик: капитан боролся с одним из английских чиновников. Нападавший выпрямился, и все увидели, что из груди капитана торчит нож. Обезумевший убийца схватил две банки со сгущенным молоком и бросился в воду. Он так и утонул, не выпустив из рук свою бесценную добычу.

Команду над шлюпкой, в которой оставалось около пятидесяти человек, принял английский подполковник, но на десятый день, когда кончилась уже вся вода, он исчез. Неизвестно, что с ним случилось, но подозрение англичан пало на пятерых матросов-яванцев с «Роозебоома», которые сидели отдельно от европейцев на корме. Той же ночью решено было разделаться с яванцами, и на рассвете полтора десятка англичан, вооруженных чем попало, бросились на матросов. Всех пятерых тут же выбросили за борт, и, когда они пытались ухватиться за край борта, англичане били их по

пальцам веслами до тех пор, пока те не отпустили шлюпку...

На одиннадцатый день в шлюпке оставалось чуть более двадцати человек. Стало свободно, и люди бессильно лежали на дне, прикрываясь от солнца одеждой тех, кто умер. Из женщин осталась в живых лишь молодая китаянка, которая вела себя с таким достоинством и выдержкой в этом плавучем сумасшедшем доме, что невольно вызывала уважение даже у тех, кто уже потерял человеческий облик.

В начале третьей недели пути пошел проливной дождь, хлынувший как спасение в тот момент, когда не оставалось никакой надежды. На следующий день вновь повезло: небольшая стая чаек опустилась в шлюпку. Чайки сидели спокойно, не обращая внимания на людей, а те медленно поворачивались, чтобы поймать птиц. Затем, собрав последние силы, они начали хватать чаек и, разрывая на части, тут же есть.

Но затем все началось снова — солнце, жара, жажда.

Лишь на двадцать шестой день шлюпку вынесло к берегу острова Сипора в шестидесяти милях к западу от Суматры. В ней осталось шесть человек, в том числе Гибсон и китаянка. Их подобрала рыбаки, и несколько дней они жили в деревне. Затем на острове высадились японцы, и Гибсон попал в концлагерь, где пробыл до конца войны.

Японские субмарины-пираты

После захвата Сингапура, и параллельно с наступлением в Бирме, оккупацией Индонезии и захватом островов Южных морей, японские эскадры направились в Индийский океан и начали охотиться за торговыми кораблями союзников. В этих операциях участвовали и японские подводные лодки. По официальным японским данным, в течение 1942 — 1943 годов в Индийском океане подводными лодками было потоплено восемьдесят торговых и пассажирских судов. Своего рода рекорд поставила подводная лодка И-10, потопившая за одну неделю в Мозамбикском проливе двенадцать кораблей. Еще одна удачливая японская субмарина — И-29 — действовала в Аравийском море. Индийский океан считался японскими подводниками самым безопасным местом для рейдерства, и их мечтой было получить назначение на базу в Пенанге, откуда они и совершали свои походы. За кампанию 1942 — 1943 годов японцы потеряли в Индийском океане лишь две подводные лодки. Основные силы английского флота были заняты в Атлантике, а американцы сосредоточили усилия в Южных морях и на Тихом океане.

Очевидно, успехи японских подводников могли быть и большими, но у них не хватало торпед, и им было приказано стараться топить торговые суда в надводном положении орудийным огнем. А в таких случаях жертвы часто ускользали от охотников. Но главная причина недостаточной эффективности японского подводного флота в Индий-

ском океане заключалась в том, что и для Японии этот район не имел первоочередного значения. Основные пути снабжения Японии, которая получала большую часть сырья из оккупированных стран Восточной и Юго-Восточной Азии, лежали в Тихом океане и Южных морях. А там с каждым днем все более значительным становилось превосходство американского флота.

Япония начала войну, имея шестьдесят подводных лодок. Примерно столько же было и у США. В ходе войны японцы потеряли сто тридцать лодок, и к моменту капитуляции в строю оставалось двенадцать. Соединенные Штаты потеряли за это же время чуть более пятидесяти субмарин и окончили войну с двумястами подводными лодками, которые уничтожили почти весь японский флот.

Для спасения коммуникаций в Тихом океане и Южных морях адмирал Ямамото начиная с конца 1942 года все чаще перебрасывал японские подводные лодки из Индийского океана. А это значило верную смерть. Почти все подводные лодки, уведенные из Индийского океана, вскоре погибли в Тихом. Однако конца своего подводного флота японский адмирал не увидел. Он сам погиб 18 апреля 1943 года.

В то же время германские подводные лодки терпели сильный урон от союзников в Атлантике, и по соглашению с Японией опустевшая база в Пенанге была предоставлена немцам.

Это решение продиктовано и тем, что державы «оси» были заинтересованы в обмене некоторыми стратегическими материалами. Япония ощущала острую нехватку в точных приборах и оптике.

Германия нуждалась в каучуке. Попытки наладить такой обмен путем посылки вооруженных пароходов привели к гибели большинства из них. И подводным лодкам, помимо выполнения основных заданий, было приказано перевозить дефицитные грузы.

Капитан-лейтенант Экк

В мае 1943 года десять больших германских лодок вышли из Бискайского залива и направились на юг. Половина их погибла в Атлантике, остальные, пройдя через Индийский океан, достигли в октябре Пенанга, имея на счету по несколько уничтоженных торговых кораблей. Подкрепление из четырех лодок, посланное им вслед, не дошло, так как было уничтожено союзниками. Не добрались до Индийского океана и итальянские лодки, посланные из Средиземного моря.

Успехи немецких подводных лодок в Индийском океане сравнительно невелики, и в течение 1944 года все они были уничтожены. Обстоятельства гибели одной из них получили широкую огласку.

В сентябре 1943 года командующий подводным флотом Германии адмирал Дениц отдал приказ: «Запрещается предпринимать любые попытки к спасению команд потопленных кораблей и судов, то есть вылавливать тонущих, передавать их на спасательные шлюпки, возвращать в нормальное положение перевернутые шлюпки, снабжать по-

страдавших провизией и водой. Спасение противоречит самому первому правилу ведения войны на море, требующему уничтожения всех судов противника и их команд». Этот приказ дал подводникам Германии формальное основание не испытывать угрызений совести при виде тонущих госпитальных или пассажирских кораблей. А некоторые из них в интерпретации фразы, касающейся «уничтожения судов противника и их команд», пошли дальше.

Подводная лодка У-852 под командованием капитан-лейтенанта Экка торпедировала в марте 1944 года в Индийском океане пассажирский корабль. После того как корабль погрузился в воду, лодка всплыла и начала методически расстреливать плавающих среди обломков моряков и пассажиров и топить шлюпки. Команда лодки настолько увлеклась расстрелом, что не заметила появления английского самолета. Лодка не успела погрузиться и была потоплена.

Команда подводной лодки попала в плен и отправлена в Англию, где командира лодки судили за пиратство и сознательное убийство безоружных моряков. 30 ноября 1944 года капитан-лейтенант Экк, приговоренный к смерти, был расстрелян.

С тех пор прошло много лет, и у немецких историков и адмиралов было достаточно времени, чтобы придумать капитан-лейтенанту оправдания. Адмирал Руге в своих воспоминаниях пишет: «Экк... приказал обстрелять шлюпки с командой потопленного в Индийском океане парохода, чтобы уничтожить следы своего пребывания в этом

районе». А прямой начальник Экка адмирал Де-ниц идет дальше, забывая уже о шлюпках: «Потопив пароход противника, командир У-852 пытался артиллерийским огнем разбить плавающие на поверхности воды обломки судна. Он делал это для того, чтобы противник не смог заметить эти обломки с воздуха и по ним обнаружить подводную лодку. Таким образом, заботясь о безопасности корабля, командир подводной лодки в своих действиях зашел слишком далеко, не пощадив при обстреле обломков и самих потерпевших».

В последней цитате встает образ осторожного командира, который стрелял по неодушевленным обломкам и лишь случайно попадал в тонущих. Однако есть в построениях адмиралов логическая неувязка: если капитан-лейтенант боялся, что его лодку обнаружат по обломкам и шлюпкам, то самым безопасным для него было погрузиться и уйти как можно дальше от этого места. Но именно то, что подводная лодка расстреливала тонущих моряков, ее погубило.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

«Волчьи стаи»

С 1942 года преимущество как в Южных морях, так и в Индийском океане переходит к подводному флоту США. Причиной тому была прежде всего стратегическая слепота японского командования, которому война представлялась недолгой, победоносной и, безусловно, наступательной. В результате все силы японской промышленности были брошены на создание перевеса в авиации и авианосцах, что действительно позволило на первых этапах войны достигнуть значительных успехов. Однако, когда примерно через полгода наступление Японии выдохлось и в ряде мест пришлось перейти к обороне, обнаружилось, что для контроля над захваченным — почти всеми островами и архипелагами Южных морей, Индонезией, Индокитаем, Филиппинами, частью территории Китая — сил явно недостаточно.

В ходе войны Япония зависела от поставок сырья из оккупированных стран: нефти из Индонезии, каучука и олова — из Бирмы. Морские пути вытянулись на многие тысячи миль, и, для того чтобы поддерживать военные усилия страны, необходимо было обеспечить бесперебойное снабжение и безопасность на линиях подвоза. А сделать это не удалось, поскольку в составе японского флота было слишком мало противолодочных кораблей, тральщиков, эсминцев охранения. Не хватало и самих торговых судов — танкеров и транспортов. Водоизмещение японского торгового флота равнялось шести с половиной миллионам тонн,

то есть превышало немецкий, но уступало США и (более чем втрое) Великобритании. Пути же, по которым шли японские танкеры и транспорты, были не только длинными, но и опасными. Практически во всех морях и океанах японские корабли не могли чувствовать себя в безопасности. Поэтому, несмотря на лихорадочную работу японских верфей и увеличение флота за счет кораблей, захваченных в Сингапуре, Рангуне и других оккупированных портах, уже к началу 1943 года флот Японии сократился, а в дальнейшем таял буквально на глазах.

Американские подводные лодки, которые действовали в Индийском океане и Южных морях, базировались в основном в Северной Австралии. Число их непрерывно росло, повышался опыт экипажей, и до самого конца войны их действия были весьма эффективны, в первую очередь из-за того, что японцы так и не смогли найти против них противоядия. Основной противник американских субмарин — японские самолеты, но радиус их действий был ограничен, а количество недостаточно. В поединках же японских и американских подводных лодок последние почти всегда выходили победителями ввиду военного и технического превосходства.

В октябре 1942 года американцы начали операцию «Гальваник» по захвату атоллов Тарава и Макин в архипелаге Гильберта. Подводные лодки принимали участие в этой операции, проводя разведку мест высадки десанта, а также дежуря на случай, если японцы пошлют к атоллам подкрепление. Для этого были сведены в «волчью

стаю» четыре американские подводные лодки.

Первой неудачей в рейде стал инцидент с лодкой «Наутилус», на борту которой, кроме команды, находилось семьдесят восемь морских пехотинцев — часть десанта на один из небольших атоллов. По пути к месту назначения «Наутилус», который шел в надводном положении, был обстрелян неизвестными военными кораблями. Один из снарядов пробил ограждение боевой рубки и разбил главный воздухопровод. Однако «Наутилус» смог нырнуть под воду и уйти от преследователей.

Случай странный, потому что появление японских кораблей в этом районе не ожидалось, а свои были предупреждены о маршруте «волчьей стаи». Лишь вечером, просматривая сводку, командование обнаружило истинных виновников этого инцидента. Эсминец «Ринголд» и легкий крейсер «Сан-Хуан» сообщили о потоплении японского сторожевого катера, причем каждый из них приписывал этот успех себе. Квадрат атаки совпадал с тем, в котором подвергся нападению «Наутилус», и командующему подводным флотом пришлось с сожалением записать в дневнике: «Надводные корабли приняли лодку за японский сторожевой катер и обстреляли, руководствуясь, видимо, правилом: “Бей, потом разберемся”».

29 ноября командиру «волчьей стаи» был послан по радио приказ собрать лодки и изменить район патрулирования. Однако флагманская лодка «Скалпин» на вызов не ответила. Через сорок часов приказ был переадресован другой лодке, судьба же «Скалпина» долгое время оставалась неизвестной.

А с флагманской лодкой произошло вот что.

В ночь на 19 ноября лодка обнаружила радиолокатором японский конвой. До рассвета она преследовала его в надводном положении, а затем погрузилась и начала сближение. Но не успела она лечь на боевой курс, как была замечена японским сторожевиком, который заставил ее уйти вглубь. Прошел час.

Лодка продолжала следовать тем же курсом, что и конвой. Наконец ее командир решил, что опасность миновала, и приказал подняться. И надо же было ей всплыть совсем рядом с тем же сторожевиком, шедшим в хвосте конвоя. Пришлось снова нырнуть, и на этот раз японский катер осыпал лодку глубинными бомбами. Повреждений удалось избежать. Решили всплыть под перископ. Но в лодке отказал глубиномер, вместо перископа она показала нос и тут же была обнаружена.

На этот раз серия глубинных бомб разорвалась неподалеку от лодки, и она лишилась управления. Появилась течь, отказали рули. Командиру лодки ничего не оставалось, как вновь подняться и принять бой на поверхности моря.

Как только рубка показалась над водой, артиллерийский расчет бросился к пушке, но открыть огонь не успел: снаряд японского корабля попал в рубку, командир и несколько офицеров погибли. Тогда механик, принявший командование, приказал оставить корабль и открыть кингстоны. Далеко не все подводники успели покинуть субмарину. Двенадцать человек остались внутри и пошли ко дну вместе с лодкой.

Японцы подобрали сорок подводников и одного из них, раненого, тут же выбросили за борт. Второму раненому удалось скрыться в толпе товарищей. Затем пленных разделили на две почти равные группы и на авианосцах отправили в Японию. Одна из групп попала на авианосец «Тюе».

И надо было так случиться, что в этих водах действовала в то время подводная лодка «Парусник», имевшая давний долг перед «Скалпином»: во время маневров в 1939 году «Парусник» затонул, и его команду спас «Скалпин», вовремя пришедший на помощь. Теперь «Парусник» обнаружил и торпедировал авианосец «Тюе». Японскую команду сняли находившийся поблизости эсминец и тяжелый крейсер «Такао», а все пленные, за исключением одного матроса, погибли. Так по трагической иронии судьбы подводники «Парусника» убили тех, кто их спас три года назад.

Подводная лодка «Звон»

Это случилось в пятом боевом походе подводной лодки «Звон» осенью 1943 года. 23 октября «Звон» обнаружил японский конвой, состоящий из трех больших танкеров и двух транспортов. Охрану нес лишь один эсминец, который ходил кругами, обследуя район. Подводной лодке удалось поднырнуть к самому конвою так, что она смешалась с кораблями японцев, и эсминец не мог засечь ее радиолокатором. Почти в упор «Звон» дал залп пятью торпедами по танкерам, и все три судна были

поражены. Затем лодка приготовилась поразить транспорт, однако он, заметив это, резко развернулся и пошел на таран. У лодки, зажатой между пылающими танкерами и транспортом, времени, чтобы уйти под воду, уже не оставалось. Нос транспорта буквально навис над «Звоном». Дальнейшее командир лодки капитан О'Кейн описывает следующим образом.

«Это было как в мелодраматическом боевике. «Звон» метнулся прямо внутрь циркуляции транспорта, и, спасая корму, я приказал положить руль лево на борт. Транспорт открыл огонь из пушек и пулеметов. Однако снаряды проносились над нашими головами, не задевая лодки. Положение было отчаянным. Тут я взглянул на корму и увидел, что, на наше счастье, транспорту придется продолжить поворот, чтобы избежать столкновения с грузовым судном, которое также шло на таран. Наскоро прицепившись, я выстрелил веером торпеды из кормовых аппаратов с углом растворения, перекрывавшим длину обеих целей. В этот же момент грузовое судно врезалось в правую раковину транспорта. Столкновение и четыре торпеды «Звона» решили судьбу грузового судна: оно затонуло почти мгновенно, уйдя под воду с большим дифферентом на нос, а транспорт застыл на месте, задрал корму под углом в тридцать градусов».

Таким образом, за один бой лодке удалось уничтожить пять кораблей. Но на этом охота «Звона» не кончилась. На следующий день он вышел к северу от Филиппин на путь, по которому шло подкрепление японским войскам на Филиппинах. Лодка обнаружила конвой радиолокато-

ром, но уточнить количество и типы кораблей в темноте было невозможно, а приблизиться командир лодки не решался, так как время от времени корабли эскорта поднимали стрельбу.

Нервозность японского эскорта помогла «Звону». Внезапно с одного из кораблей охранения начали подавать сигналы прожектором, поочередно освещая суда, и при этом свете лодка выбрала себе цели — два транспорта и танкер. В каждый из кораблей было отправлено по две торпеды. Торпеды угодили в цель, раздались взрывы, а «Звон» тем временем выбрал новые жертвы — теперь море было освещено горящим танкером и корабли конвоя четко вырисовывались на фоне огня. Но тут лодку заметили. Она успела выпустить еще три торпеды и попыталась уклониться от несшегося на нее эсминца охранения. В момент, когда гибель ее казалась неотвратимой, эсминец взорвался, налетев на одну из торпед. Другая торпеда в мгновение ока превратила в светящийся, раскаленный шар еще один танкер, везший бензин. Лодка же, воспользовавшись суматохой, отошла от поля боя и остановилась в пяти милях. У нее оставались еще две торпеды, и капитан О'Кейн решил уничтожить ими единственный неповрежденный транспорт.

Транспорт отыскивали довольно быстро и с дистанции в четыре кабельтова выпустили в него торпеду. Она пошла точно в цель. Тогда О'Кейн приказал выпустить последнюю торпеду. И тут произошло непредвиденное: торпеда вильнула и двинулась по кругу. Капитан понял, что вот-вот станет жертвой собственного выстрела.

Торпеда врезалась в корму лодки. Раздался взрыв. Все три кормовых отсека были мгновенно затоплены, и моряки в них, собиравшиеся отдохнуть, погибли раньше, чем успели понять, что случилось. «Звон» словно провалился под воду. Рубочный люк задраить не успели, и в него ворвалась вода. Все в рубке, кроме троих, которых выбросило наружу, погибли.

В оставшийся незатопленным носовой отсек последним, уничтожив секретные документы, прошел лейтенант Флэнейджен. Задраили водонепроницаемую дверь. В носовой аккумуляторной яме начался пожар, и в отсек стал просачиваться дым. Тогда всем оставшимся в живых (их оказалось тридцать) раздали спасательные жилеты и кислородные аппараты. Положение было почти безнадежным, и подводники это понимали, хотя никто не знал точно, на какой глубине лежит лодка. Снаружи рвались глубинные бомбы, и начинать спасательные работы до того, как японский эскорт прекратит бомбометание, было бы самоубийством.

Так прошло еще около часа. Дышать становилось все труднее, люди теряли сознание от жары. Лейтенант приказал морякам сосредоточиться у спасательной шахты, чтобы выбраться наружу по буйрепу. Как только первая группа ушла, начали готовить следующих трех моряков. Приходилось мучительно долго ждать. Много времени было потеряно оттого, что люди, попадая в спасательную шахту, теряли сознание — давление там достигало шести атмосфер. Наконец отправилась в путь третья группа, а за ней и четвертая, с которой по-

шел лейтенант Флэнейджен. Ему, как старшему из оставшихся в живых офицеров, следовало бы уходить последним, но он уже терял сознание, и матросы пропустили его вперед.

Флэнейджен не помнил, как очутился на поверхности воды. Когда он пришел в себя, то спросил у матроса, помогавшего ему держаться на воде, сколько всего человек вышло на поверхность. Оказалось, что четверо из тринадцати, ушедших вверх по буйрепу. Остальные, видимо, погибли на коротком, но тяжелом пятидесятиметровом пути. Четверо ждали, но больше никто из лодки не появился. Вероятно, взорвалась аккумуляторная батарея, и все семнадцать человек, оставшихся в лодке, погибли.

Разглядев в полукилометре торчавший из воды нос потопленного ими парохода, спасшиеся подводники решили подождать отлива, а затем плыть к этому судну и найти там шлюпку или спасательный плот, чтобы добраться до берега. Но раньше, чем наступил отлив, их обнаружил японский эскортный эсминец. Он выловил из воды и трех человек, которых смыло из рубки, в том числе и капитана О'Кейна.

В те годы в США действовал специальный комитет по учету потерь, который проверял все доклады подводных лодок, кораблей и самолетов, сверяя их с сообщениями японских источников и другими данными, так как донесения подводников бывали часто неточны. После проверки комитет зачислил на счет «Звона» семь кораблей, уничтоженных за две ночи. Всего эта лодка за пять походов потопила двадцать четыре японских судна

общим водоизмещением около ста тысяч тонн.

Последние жертвы подводных лодок во второй мировой войне погибли ранней осенью 1945 года. К этому времени подводных лодок в Японии уже не осталось, практически была уничтожена и японская авиация. Ничто не препятствовало американским охотникам за кораблями безнаказанно выслеживать последние караваны японских транспортов, которые ползли по ночам, пытаясь остаться незамеченными, на север, к заветным, но почти недостижимым портам Японии. А с последними залпами второй мировой войны на Востоке завершился еще один период в истории охоты вооруженных кораблей за торговыми, госпитальными и пассажирскими судами враждебных стран.

(И. В. Можейко. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV — XX века). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 332 с.)

СОВРЕМЕННЫЕ ПИРАТЫ

Исабело Майор

В воскресенье 30 мая 1965 года было еще совсем темно, когда командир «Доньи Паситы» второй раз напомнил своему помощнику, чтобы он поторопился с посадкой пассажиров.

— Мы всегда нарушаем расписание. Старик будет драть глотку.

Старик — это владелец парохода, управляющий компании «Го-Тонг». Город Себу еще спал, но порт был хорошо освещен, и под мощными прожекторами блестели цветные кузова больших американских автомобилей, непрерывно исчезающих в кормовой части «Доньи Паситы».

Остров Себу, самый населенный на Филиппинах, насчитывает вместе с соседними островками полтора миллиона жителей. Несмотря на сложный рельеф острова, там выращивают кукурузу, табак, сахарный тростник, кокосовую пальму, абаку — особый вид банана, дающий манильскую пеньку. Есть на острове угольные шахты. Большую роль в экономике играет рыболовство.

В городе Себу, расположенном с восточной стороны острова, больше 300 000 жителей. Это второй порт на Филиппинах по тоннажу и первый по числу судов. Здесь в 1521 году Магеллан устроил

продолжительную стоянку и погиб неподалеку от Себу, у берегов острова Мактан.

В то воскресенье, 30 мая 1965 года, филиппинцы с бронзовой кожей разных оттенков и в яркой одежде, так же как и более скромно одетые китайцы (на Филиппинах их 400 000), поднимавшиеся в предрассветные часы на борт «Донья Паситы», не вспоминали, конечно, о Магеллане, и едва ли многие из них вспоминали страшные битвы на суше, на море и в воздухе, что разыгрывались в тех краях во время второй мировой войны. Все они просто отправлялись в курортное местечко неподалеку на острове, собираясь провести воскресный день с семьей или подругой.

Посадка закончилась, убрали сходни, заревел пароходный гудок. «Донья Пасита» вышла из гавани и взяла курс на юг. В небе сиял яркий диск полной луны, освещая спокойное море. Из репродукторов лилась музыка. Пассажиры заполнили бары и буфеты, пили и закусывали, хотя еще не рассвело. Заря в тропиках разгорается внезапно, быстро поглощая лунный свет.

«Донья Пасита» встретила на своем пути несколько грузовых судов, на которых горели лишь ходовые огни, потом ярко освещенный небольшой пароходик, три или четыре раза менявший курс, чтобы не сбить лодки рыбаков, так что вахтенный офицер посылал ему через мегафон проклятия. А дальше было только спокойное море, затянутое туманом.

Примерно через полтора часа после выхода из Себу где-то далеко впереди на море вдруг засветились два белых ярких огня, похожие на фары

большого автомобиля. Вахтенный офицер на мостике чертыхнулся и велел позвать капитана.

— Взгляните, — сказал он, — это прожекторы, а не ходовые огни.

Большинство пассажиров не обратило внимания на его слова. Все с любопытством следили за приближавшимися огнями. Свет луны несколько померк от них, а на горизонте с северо-востока уже поднималось другое сияние: рассвет, который через минуту вспыхнет зарей, возвещая приход нового дня. Но пассажиры не смотрели в ту сторону. Перемену они осознали лишь в то время, когда приближавшиеся мощные прожекторы вдруг разом погасли и на их месте на светлой поверхности моря появились темные очертания двух судов, продолжавших очень быстро идти вперед одинаковым курсом. На пассажиров это произвело гнетущее впечатление.

Полтора года назад, а именно на третий день Рождества 1964 года, все филиппинские газеты поместили волнующие заметки о нападении на туристский пароход «Бэтс» в заливе Лейте. Его обстреляло какое-то пиратское судно, и бандиты пытались подняться на борт. Капитан, стараясь оттянуть время, вступил с ними в переговоры, а потом сам выстрелил по нападавшим, ранив двоих. Он сразу понял, что происходит, и, как только к ним приблизилось незнакомое судно, вызвал полицию на Лейте. Большой черный полицейский катер прибыл в то время, когда пираты, отказавшись от нападения, ушли в открытое море.

Возможно, пассажиры «Доньи Паситы» вспомнили этот случай, наблюдая, как приближаются к

ним два быстроходных судна. Теперь они уже не казались такими темными, а еще через минуту, когда из-за горизонта брызнут лучи солнца, в их свете станет видно, что одно из судов синего цвета, другое желтого. Это были мощные катера. Две широкие струи у них за кормой смыкались друг с другом, а у форштевней высоко поднимались усы белой пены. Безмолвно, неподвижно стояли на палубе пассажиры. Кое-кто спустился в каюты.

Слово «пираты» никогда не выходило из употребления на просторах Тихого океана, особенно в азиатской его части. После второй мировой войны присутствие американских войск в этих водах приостановило морской разбой, но потом он снова начался у берегов Китая и в обширном Филиппинском архипелаге. Нападать на американские пароходы, возившие свои грузы и туристов на остров Гуам, ни один из пиратов не отважился бы, но независимая республика Филиппины находилась в то время в сильном политическом брожении.

В небе плыл еще бледным призраком большой диск полной луны, но восходящее солнце уже высветило синеву моря. Оба катера, находившиеся теперь совсем близко, замедлили ход. Можно было разглядеть людей на палубах. Они были в синих джинсах и в синих или защитных рубашках, кое-кто в маскировочной одежде. У всех в руках автоматы или ружья. Женщины на борту «Доньи Паситы» начали плакать, мужчины старались их образумить. Впоследствии, когда корреспонденты газеты Себу брали у пассажиров интервью, те рассказали, какие в то время мысли владели ими:

«Самое главное — не оказывать никакого сопротивления». И еще: «Хотя бы капитан вызвал полицию! Но успеет ли она вовремя?» Никто из пассажиров не знал, что капитан уже десять минут вызывает полицию Себу, не получая никакого ответа. Как потом выяснилось, радио на судне было умышленно отключено, так что передающая антенна не посылала в эфир никаких сигналов. Никто не знал также, что в сейфе в каюте капитана лежит сумма в сто тысяч песо, предназначенная для оплаты партии хлопка, закупленного в Масбате.

Катера еще сбавили ход, и синий, выписывая восьмерки, стал кружить около «Доньи Паситы». Чтобы не столкнуться с ним, капитан приказал остановить судно и даже дать задний ход. Катера очень медленно подходили с левого борта к пароходу.

Пришла ли в голову капитана пагубная мысль или его приказ был неверно истолкован, но только в это время вдруг заработали двигатели и за кормой забурлила вода. С синего катера ударила автоматная очередь. На мостике упали два матроса, на палубе три пассажира.

Послышались крики женщин, тут же смолкнувшие, и наступила полная тишина. На синем катере вновь завели моторы, чтобы подойти к пароходу. Матрос спустил трап.

Капитан решил не оказывать сопротивления, ничего другого ему ведь и не оставалось. На желтом катере пираты все еще стояли на палубе с ружьями и автоматами в правой руке, тогда как их товарищи с синего катера стали подниматься на

борт «Доньи Паситы». Море вокруг было пустынным, кое-где серебряными молниями сверкали летучие рыбки. Луна совсем померкла. Матросы переносили раненых в медпункт.

Над палубой показался первый пират с автоматом в руках. Он остановился, направил оружие на стоявших поблизости пассажиров, тогда как его товарищи поднимались друг за другом на корабль. Всего их было семь человек. Поднявшийся последним (это был, видимо, главный среди них) кивнул в сторону мостика и двинулся туда в сопровождении еще двоих.

Другие пираты, оставшиеся для острастки пассажиров на палубе у трапа, не были особо свирепы на вид. Никто из них не вымолвил еще ни слова. Те трое, что направились к мостику, назад вернулись не скоро. Мало-помалу дети, оставшиеся на палубе, стали разбредаться в разные стороны, от них не отставали родители, и тогда кто-то из пиратов произнес несколько кратких, повелительных фраз, приказывая пассажирам покинуть палубу. Пираты никого не подталкивали, достаточно было чуть пошевелить автоматом, чтобы все мужчины, женщины и дети мигом оказались внизу.

В барах и салонах пассажиры сначала сидели молча, прислушиваясь к тому, что происходит на палубе. Но ожидание было долгим, начались разговоры. Как там капитан и офицеры? Убили их уже пираты или только собираются убить, угоня корабль бог знает куда? Где они начнут грабить «Донью Паситу», будут ли отбирать у пассажиров ценности и возьмут ли с собой заложников? В прошлом году пираты, появляясь в разных мес-

тах, увозили заложников, чтобы полиция не устраивала погоню. Полиция отступала, и заложники всегда возвращались живыми.

Ожидание все затягивалось. Пассажиры искали, куда бы спрятать свои бумажники и драгоценности. Иные пожимали плечами, предпочитая дать себя ограбить без сопротивления и не прибегая к хитрости. Несколько мужчин осторожно пробрались на палубу, чтобы узнать, как там обстоят дела, и, вернувшись, сообщили, что пираты охраняют все трапы. Временами были слышны шаги на палубе. Бармены закрыли буфеты и отказались выдавать напитки, за исключением воды для детей.

Как расскажет потом на следствии капитан, он не признавался сначала, что на корабле находится сумма в сто тысяч песо, но затем, когда угрозы стали решительнее, пытался спорить, чтобы не отдавать пиратам всех денег. Это ни к чему не привело.

Похищение этих ста тысяч песо для пассажиров было в какой-то мере выгодно, так как пираты оставили всех в покое, не пытаясь отбирать кошельки и драгоценности. Снова послышались шаги на палубе, потом все стихло. Наконец на пиратских судах взревели мощные моторы, и постепенно шум их стал затихать вдали.

Через несколько минут капитан объявил по радио, что пассажиры могут свободно передвигаться по кораблю, но что «Донья Пасита» должна идти обратно в Себу, так как пираты похитили огромную сумму денег. Необходимо обо всем сообщить полиции.

Упоминание о полиции вызвало громкое возмущение. Почему полицейские не пришли на помощь «Донье Пасите»? Ведь был уже подобный случай. Но раздавались и другие голоса, утверждавшие, что вмешательство полиции могло закончиться перестрелкой, а так все обошлось в общем-то благополучно, если не считать пятерых раненых, о которых теперь уже все забыли. К счастью, никто из них впоследствии не умер.

После ухода пиратов двум радистам на судне удалось обнаружить отключенный передатчик и связаться с Себу, поэтому, как только «Донья Пасита» прибыла в порт, перед нею оказался чернобелый полицейский катер.

— У пиратов были сообщники и в аппарате компании «Го-Тонг», и на борту «Доньи Паситы».

Таково было твердое убеждение комиссара Мангубата, начальника полиции Себу. Из Манилы прибыли сыщики. Все моряки и офицеры парохода, так же как и служащие компании, подверглись тщательному допросу, а потом за ними была установлена слежка. Не избежал подозрения сам капитан парохода и даже директор компании, так как у него была надежная страховка на случай всякого рода убытков, в том числе и грабежа его судов. Однако этот умный китаец очень хорошо знал, как отвести от себя подозрения. Результат первой части расследования равнялся нулю, и надо сказать, что вопрос о сообщниках так никогда и не выяснился.

Через несколько дней после нападения на «Донью Паситу» полиция вызвала человек пятьдесят пассажиров, выбранных наугад, и им стали пока-

зывать на экране фотографии рецидивистов. При демонстрации второй фотографии два коммерсанта из Себу одновременно воскликнули: «Этого я узнаю!» Оpoznанный человек руководил когда-то налетом на один из их магазинов. Сотрудник полиции записал два имени: Исабело Майор, Бонито Фабукар. Два бывших каторжника. Исабело Майор, главарь банды, был человек решительный и умный.

Во время этой беседы один из пассажиров заявил:

— Среди пиратов была женщина. Когда наш пароход остановился, я был как раз в туалете и через его открытый иллюминатор слышал, как кто-то на синем катере сказал: «Быстрее, мы упускаем время». Я уверен, что это был женский голос.

У полицейских не было фотографии женщины, но они думали, что в налете на «Донью Паситу» могла принимать участие Ховита Галиндо, подруга Исабело Майора, женщина 31 года. 5 июня она была арестована. 13 июня арестовали еще троих подозреваемых людей. Как только возлюбленная Исабело Майора оказалась в их руках, полицейские через ее посредство начали переговоры с главарем банды, уговаривая его сдаться. Переговоры затянулись.

22 июня начальник полиции Себу получил по коротковолновому передатчику сообщение от своего коллеги из Лейте:

— Вновь появился один пиратский катер. Синий. Банда высадилась в Баррио-Силлон, на Бантаяне. На этот раз есть убитый: Бернабе Саденелло.

— Судовладелец?

— Так он себя именовал, хотя у него лишь четыре рыбацкие лодки. Люди Майора уложили его из автомата, так как он оказывал сопротивление, стреляя из револьвера. В стычке была ранена жена Саденелло и обе его дочери. Ограбив дом, где они забрали наличные деньги и драгоценности, пираты удалились. Стоимость всего похищенного еще не установлена, но она значительна.

— Ты уверен, что это люди Майора?

— Я был бы удивлен, если бы они вздумали продать или одолжить кому-нибудь свой синий катер. Я просил подкрепления из войсковых частей. Советую тебе сделать то же самое. Кончаю разговор.

Начальник гарнизона Себу дал полиции подкрепление. Двадцать человек были разосланы по четырем населенным пунктам на побережье.

Этих четырех отрядов по пять человек оказалось слишком мало. 4 августа на пляжах двух городков на восточном берегу острова Себу высадилось пятнадцать человек, вооруженных автоматами Томсона. Действовали они уверенно и точно, бросившись прежде всего к полицейскому участку, где они обезоружили и связали всех людей. Затем ограбили почтовые отделения и ювелирные магазины и с наступлением темноты скрылись на двух моторных катерах, на этот раз не опознанных. Жители успели заметить лишь огонь выхлопных труб на удалявшихся катерах. Ни один солдат не вмешался.

Неделю спустя, 10 августа, на острове Палаван (к юго-западу от Миндоро), когда солнце только

что скрылось за горизонтом после жаркого, душного дня, на набережной в Пуэрто-Принсеса, на восточном берегу, царило оживление. В магазинах уже зажглись огни, так как сумерки в тропиках всегда очень коротки. Гулявшие в это время на набережной две красивые четырнадцатилетние девочки (на вид им было восемнадцать), нарядные, хорошо причесанные (Дуся Отто и Фатима Маналоди), оказались вдруг в окружении прилично одетых мужчин, которые без лишних церемоний вынули пистолеты.

— Идите с нами, и ни звука. Если не будете кричать, вреда вам никто не причинит. Через час вы будете на свободе.

Одна из девочек собиралась крикнуть, но тут же раздумала. Гуляющие проходили мимо, не обращая на них никакого внимания. Гангстеры вошли с заложницами в ювелирный магазин.

— Нам нужны драгоценности вот для этих девушек. Вы их узнаете?

Хозяин магазина, китаец, увидел револьвер и ничего не ответил. Бандиты уже опустошали витрины.

— Покажи свой сейф. Живо!

Они заставили отдать все деньги, какие только были в магазине.

— Привет. Если вы позвоните в полицию раньше чем через три часа, эти девочки будут убиты.

Таким же образом бандиты действовали в других магазинах и частных домах. Налет их продолжался два с половиной часа, потом они привели обеих девочек в гавань. Те чуть не умерли от страха, когда увидели огни мчавшихся к молу ав-

томобилей. Это была полиция, которую в конце концов все же предупредили. Не причинив девочкам никакого вреда, пираты бросились к катерам и на предельной скорости скрылись в ночной темноте.

Через день министр внутренних дел созвал в Маниле всех начальников полиции Филиппин, пригласив также командующего военно-морского флота и двух генералов. Спустя четыре дня на главных островах были приведены в боевую готовность вооруженные моторизованные отряды, державшие радиосвязь с морскими частями, которые прочесывали внутренние моря архипелага, а также море Целебес к югу от него и воды Тихого океана к западу и востоку от островов. Охранялись подступы ко всем портам.

22 августа четыре катера под государственным флагом и с полицейским знаком вошли в порт Замбоанга на полуострове того же названия (западная часть Минданао). На пристанях толпились любопытные.

— Теперь мы хотя бы под защитой!

А через минуту мнимые полицейские открыли огонь из револьверов. Как покажет потом расследование, стреляли они сначала в основном в воздух, чтобы нагнать страху. Но в это время в порт прибыли настоящие полицейские и стали стрелять в переодетых пиратов, так что через несколько минут уже было четверо убитых (два полицейских и два пирата) и несколько раненых. Но настоящим полицейским пришлось отступить под натиском бандитов, более многочисленных и лучше вооруженных. Налетчики разгромили теле-

фонную станцию, ограбили многие магазины и богатые дома. Полицейская форма облегчала им задачу. Жителей охватила паника оттого, что они не могли отличить нападающих от защитников. Целых три часа держали бандиты Замбоангу в своей полной власти, а по возвращении на катер унесли с собой трупы двух убитых товарищей.

На другой же день, когда еще не была определена общая стоимость похищенного, власти приказали начать расследование, чтобы решить, может быть, самый важный вопрос: где, когда и каким образом гангстерам удалось раздобыть полицейскую форму?

Расследование и впрямь не терпело отлагательств, так как через день после налета на Замбоангу точно таким же образом был разграблен остров Лабасон на том же полуострове. Одетых в полицейскую форму пиратов удалось сосчитать: срок один человек. Они захватили почтамт и ратушу, грабили дома и магазины. Операция продолжалась три часа. Добыча в наличных деньгах — 100 000 песо. Пятеро убитых, из них один бандит, труп которого налетчики забрали с собой. Они, конечно, всегда старались не оставлять после себя убитых, опасаясь, что их опознают.

Несмотря на всю дерзость и эффективность пиратских налетов, филиппинские власти не потеряли присутствия духа. Для розысков пиратов и защиты от них в действие были введены армия, флот и авиация. Усиленно стали следить за магазинами, продававшими оружие и полицейское обмундирование. Радио Манилы предупреждало жителей об опасности, а временами кто-то посы-

лал в эфир непонятные сообщения, какие во время войны передавали подпольные радиостанции. Они предназначались для Исабело Майора, уведомляя его, например, о том, где он может найти записку от своей возлюбленной Ховиты Галиндо, все еще находившейся в руках полиции. Все полицейские получили приказ стрелять в Исабело Майора при первом же его появлении, но переговоры все-таки продолжались. Чтобы остановить террор, все средства были хороши. Центральные власти не могли, конечно, обещать главарю пиратов безнаказанность, в случае если он сдастся, ему просто предлагали выбор между тюрьмой и риском быть продырявленным пулей во время перестрелки. Майор, очевидно, предпочел риск и даже захотел показать, что его люди могут действовать открыто, не пользуясь полицейской формой.

29 августа, через день после налета на Лабасон, два десятка пиратов в обычной одежде ограбили прибрежный город Тубай, заставив открыть сейф на почте и угрожая жителям карабинами и автоматическими пистолетами. Никто, однако, не был ни убит, ни ранен. Возможно, на Исабело Майора переговоры все же подействовали, и он решил не проливать лишней крови. Но ответные действия человека, за которым гонятся, заранее не предскажешь.

1 сентября вертолет Морского ведомства послал начальнику полиции острова Масбате сообщение: «С двух больших катеров высадились подозрительные люди». И далее точно указывалось место высадки — пустынный пляж у подножия

лесистой горы. Высадившиеся, наверное, заметили вертолет и поспешили скрыться в лесной чаще. На сей раз полиция, однако, успела вмешаться. Ей удалось перехватить этих людей, когда они пробирались из леса к большой дороге с оживленным движением. Как было сказано в отчете, там произошла «кровавая стычка, длившаяся минут двадцать». Из десяти бандитов один был убит, шестеро сумели скрыться, трое захвачены в плен. В числе троих был Исабело Майор. Начальник полиции Масбате послал в Манилу радостное сообщение.

26 марта 1966 года Исабело Майор и еще семь человек из его банды предстали перед судом, и все были приговорены к пожизненному заключению. Обычно в европейских странах человек, осужденный на вечное заключение, рано или поздно оказывается на свободе. Однако в иных странах длительное пребывание в тюрьме не слишком улучшает здоровье. Маловероятно, чтобы Исабело Майор смог когда-нибудь вернуться к своей пиратской деятельности.

Так, без сомнения, думали филиппинцы обоего пола и разного возраста, пившие вино и танцевавшие на террасе у моря в ночном клубе курорта Талисей на острове Себу, километрах в десяти от большого города с тем же названием. В ночном клубе было и несколько китайских пар, мужчины в белых смокингах, женщины в красивых, очень открытых платьях. Страх перед пиратами уже стал ослабевать повсюду на Филиппинах, но атмосфера ночного клуба в Талисее была особенно веселой и безмятежной. Ноябрьские ночи на Фи-

липинах необыкновенно хороши, лучше, чем весной, когда нередко проливные дожди и даже ураганы. Пальмы за террасой ночного клуба почти не шевелились. Оркестр играл главным образом слоу и танго. Когда он смолкал, было слышно, как плещутся у берега волны Тихого океана.

С другой стороны террасы через большие открытые окна была видна внутренняя часть хорошо освещенного помещения, где вокруг игорных столов теснились люди. У филиппинцев и китайцев азарт игроков в крови.

В два часа ночи на террасе появился метрдотель и провел к двум столикам поодаль от танцплощадки филиппинских офицеров, так как других свободных столиков не оказалось.

— Смотрите, это рейнджеры, — с восхищением шептали женщины.

Офицеры действительно были в щегольских черных мундирах этого корпуса и все недурны собой.

Они о чем-то говорили, оглядываясь вокруг, словно их не устраивали предложенные метрдотелем столики. В следующий миг все они выхватили из кобуры револьверы и стали стрелять. В воздух и витражи по бокам террасы. Звон разбитого стекла сливался с криками женщин. Оркестр умолк.

Ни у кого из посетителей ночного клуба не было сомнений, что почта, ратуша и здание полиции уже в руках таких же мнимых рейнджеров. При этом никакого шума, ни единого выстрела. В километре от города к берегу пристали три лодки, и пираты в своей черной форме скрылись в темно-

те. Вступив в Талисей, они разделились на три группы, одна направилась к почте, другая к ратуше, третья к полицейскому отделению. План у них был отлично разработан, а арест Исабело Майора их нисколько не смутил. Они были хорошо обучены своим главарем и намеревались продолжить его дело.

— Не двигаться с места! Руки на голову!

Действовали налетчики очень уверенно. На террасе двое из них собирали в мешки из черной материи драгоценности и бумажники. В наступившей тишине было слышно, как звякают, падая в мешок, драгоценности. Только эти звуки да шум набегавших на берег волн нарушали тишину. В городе, казалось, царил полный покой.

Другие пираты занимались тем же самым делом в игорном зале, где жатва была особенно обильной: содержимое кассы и игорных столов, бумажники и сумочки, драгоценности.

— Мы просто все трусы! — крикнул кто-то из мужчин.

Это был главный редактор газету Себу. Удар рукояткой револьвера в челюсть. Он застонал, выплевывая зубы. Избиты или слегка ранены были все, кто пытался сопротивляться: китайский коммерсант, директор ночного клуба, привлеченный выстрелами полицейский, страж безопасности, кассир. Ни одна женщина не пострадала.

Уходя, пираты увели с собой как заложника директора курортного управления.

— Если нас не будут преследовать, мы отпустим его, как только окажемся на катере.

Полицейские были связаны и заперты в своем

участке, и у пиратских лоцманов хватило времени, чтобы провести суда от места высадки в порт. По пути к порту пираты выстрелами из револьверов сбивали электрические лампочки на набережной. Когда все налетчики оказались в сборе, освободили заложника и поднялись на катер. Над спокойным морем зарокотали мощные моторы. Полиция и войсковые части прибыли только через полчаса.

Филиппинский архипелаг состоит из одиннадцати крупных и более чем семи тысяч мелких островов и островков. Как среди этого бесконечного множества всевозможных укрытий обнаружить пиратов? Тем более что на большей части этих островов нет ни ратуши, ни полицейского участка, ни почты. Ни одного представителя власти и никакой возможности связаться с кем-либо из них.

Туземцы некоторых островков живут первобытной жизнью, добывая себе пропитание рыболовством, охотой и даже собирательством, как в доисторические времена, а те, что живут ближе к крупным земледельческим островам, более развиты. В общем на архипелаге можно увидеть все ступени цивилизации. То же самое можно сказать и о многочисленных островах у северного побережья Борнео.

6 сентября 1965 года, в середине дня, рыбаки одного из этих островков, Малавали, чинили на берегу свои сети. Были они не в набедренных поязках, как их отдаленные предки, а в выцветших рваных шортах, знавших не одного владельца.

Один из них что-то сказал, показывая кивком головы на море против пляжа. Все посмотрели в

ту сторону. На поверхности воды что-то двигалось, и это была не рыба. Там плыл человек. Он выбрасывал вперед руки, но плыл очень медленно, должно быть, сильно устал. Туземцы вскочили на ноги, двое из них столкнули в море пирогу и взялись за весла.

Привезенный на берег человек оказался филиппинцем. Он был в одних полотняных брюках, но подстрижен по-городскому и носил золотое кольцо. На левом плече у него зияла рана, посиневшая от морской воды. Опытный глаз сразу бы увидел, что это огнестрельная рана. Человек лишь сумел показать жестом, что приплыл с соседнего острова Страгглер. Туземцы отвели его в ближайшую хижину и разожгли костер. Обессиленный, он тут же заснул. Проснувшись ночью, попросил воды и снова погрузился в сон. С раннего утра, присев на корточки у входа в хижину, его пробуждения ждал уведомленный рыбаками вождь деревни.

На Филиппинах существует три официальных языка: английский, испанский и тагильский — диалект северной группы индонезийских языков. Языки разных островов, в сущности, принадлежат к одной группе, так что вождь деревни мог свободно вести разговор с этим необыкновенным пловцом. Человек подтвердил, что приплыл с острова Страгглер и что теперь он хочет есть. Туземцы накормили его рыбой и фруктами, и разговор продолжался.

— Сейчас мы пойдем с вами в полицию, — сказал вождь племени.

У вождя был транзистор, подаренный ему на-

чальником полиции Кудата, городка на северном берегу Борнео, так что он слышал о пиратах, бесчинствовавших с весны на архипелаге. Его нравственные законы ничего ему не говорили ни за, ни против пиратства, но он думал, что, если приплывший окажется пиратом, комиссар полиции Кудата с радостью заберет его и так или иначе будет благодарен ему, вождю деревни острова Малавали.

— В полицию? — переспросил незнакомец.

Он смотрел на вождя и на троих крепких парней, расположившихся у входа в хижину.

— Вы пират? — с надеждой в голосе спросил вождь.

— Нет, я торговец. И пираты как раз напали на мое судно. Они убили пять человек, а меня ранили.

— Так пойдете в полицию.

Это, видимо, не привело человека в большой восторг, но выбора у него не было. Туземцы залепили ему рану пластырем из каких-то растений, дали старый рваный свитер и повезли на пироге в Кудат.

Начальнику полиции Кудата уже было известно, что на берегу острова Страгглер обнаружены два продырявленных пулями трупа.

— Всего было убито шесть человек. На нашем судне из револьвера застрелили пятерых. Я и один мой родственник, раненые, выпрыгнули в море и поплыли. Он был ранен сильнее меня и утонул. У меня очень болит плечо, наверное, пуля застряла внутри. Хорошо, если б в больнице меня осмотрели врачи, а еще мне хотелось бы позвонить домой в Замбоангу.

— В Замбоангу отсюда позвонить нельзя, но вашу семью я извещу по радио, а вас отправлю в больницу Кудата.

— Больница здесь, наверное, совсем маленькая?

— Не хуже, чем в Замбоанге. Вас там осмотрят, а потом, как только будет возможность, отвезут в Замбоангу. Сколько было пиратов? И какое у них судно?

— Мне кажется, их было пять человек, и прибыли они на быстроходном катере.

— Какого цвета?

— Желтого. А нас было семеро на паруснике с подсобным мотором. Не знаю, что с ним стало.

— Наверное, пираты взяли его с собой. Можете точно указать время, когда они на вас напали?

Комиссар полиции сам записывал ответы. Через некоторое время раненый вновь пожаловался не боль в плече. Комиссар еще спросил у него, какой груз был на паруснике, на что тот ответил уклончиво:

— Ну ладно, разные товары, а конкретнее? Ведь вы единственный, кто спасся. Вы, конечно, собираетесь сделать заявление своему страховому агенту?

— У нас не было полной страховки.

Впоследствии этот вопрос несколько прояснился. На судне филиппинских «негоциантов» были контрабандные сигареты. Схваченные несколько позднее пираты признались, что взяли на судне 439 ящиков сигарет на сумму 7000 малайских долларов, или 2330 американских. Это орудовали остатки банды Исабело Майора. Им даже не пришлось

в голову перекрасить свой желтый катер, и они убили шесть человек без крайней необходимости.

Как видно из уголовной хроники Филиппин с 1964 по 1967 год, Исабело Майор стремился, чтобы налеты его были хорошо организованы, без лишних жертв, но после его ареста пираты стали действовать иначе, всегда с пролитием крови.

Возможно, это они совершили нападения на суда, плывшие в январе 1966 года с Борнео на Минданао. Агентство Юнайтед Пресс перепечатало статью корреспондента «Санди Таймс» в Джеселтоне, излагающую эти события.

Филиппинцы постоянно уезжали (уезжают и теперь) тайно, без паспорта, на восточное побережье Борнео и нанимаются там на работу. Через два-три года они вновь возвращаются на Филиппины, совсем или на время отпуска.

Люди, плывшие в январе 1965 года к острову Минданао, везли с собой сбережения за три года. Эти суда, залитые кровью, как после тяжелой битвы, без единого человека на них, были найдены в море. Все пассажиры бесследно исчезли.

К прежним сообщникам Исабело Майора присоединялись другие пираты, никогда его не знавшие. В банде, совершавшей налеты с моря на прибрежные городки островов Сан-Нарсисо и Карамоана, было уже пятьдесят человек. Хроника их преступлений дает еще одно свидетельство деградации — случаи изнасилования молодых девушек. Ни в полицейской, ни в военной форме, как во времена Исабело Майора, они уже больше не появлялись, так как были неспособны похитить ее в магазинах полицейского и военного обмундиро-

вания. И однако, как бы желая скрасить свою низость, они присвоили себе название «рейнджеры». В начале 1968 года полиция, армия, морской флот и авиация сумели наконец справиться с ними. Банда была уничтожена.

Может быть, Филиппины с их одиннадцатью крупными островами и тысячами мелких представляют собой слишком удобное поле деятельности для авантюристов, чтобы морской разбой мог исчезнуть там навсегда? В течение двадцати пяти лет он почти не прекращался на Филиппинах, так же как и постоянные политические волнения. Но затем произошло событие, которое многое может изменить: 23 сентября 1972 года по всей стране был провозглашен закон военного времени. Полновластным правителем стал 55-летний президент Фердинанд Маркос.

За две недели было конфисковано более 400 000 ружей и пистолетов у их незаконных владельцев, распущены всякие организации полувоенного типа. Правительство уволило несколько тысяч служащих, изблеченных в должностных преступлениях, арестовало около пяти тысяч подозрительных людей, в том числе нескольких миллиардеров, являвшихся в какой-то мере главарями банд.

7 декабря в самом центре Манилы во время парада какой-то изувер три раза ударил кинжалом молодую очаровательную супругу президента, Имельду Ромуальдес Маркос, бывшую «мисс Манила». Она чудом осталась жива. «Преступление одиночки, — писали филиппинские журналисты. — За последние двадцать пять лет в Маниле никогда не было так спокойно».

(Блон Ж. Великий час океанов. Т. 2. Атлантический океан; Тихий океан; Полярные моря/ Пер. с фр. А. М. Григорьева. — М.: Славянка, 1993. — 446 с.)

Научно-популярное издание

ПИРАТЫ И РАЗБОЙНИКИ

Флибустьеры, корсары, каперы и буканьеры

Составитель *Рябцев Геннадий Иванович*

Ответственный за выпуск *Л. М. Шейко*

Корректор *Н. В. Доркина*

OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

Подписано в печать с готовых диапозитивов 19.08.96. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 31,92. Усл. кр.-отт. 32,34. Тираж 15 000 экз. Заказ 689.

Фирма «Литература». Лицензия ЛВ № 1181. 220050, Минск, ул. Ульяновская, 39-11.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729. 220034, Минск, ул. В. Хоружей, 21-102.

При участии МППО им. Я. Коласа. Лицензия ЛВ № 82. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных издательством диапозитивов.

Энциклопедия тайн и сенсаций

ПИРАТЫ И РАЗБОЙНИКИ

Флибустьеры, корсары, калеры и буканьеры...

ПИРАТСТВО В ИНДИЙСКОМ ОКЕАНЕ

Френсис Дрейн

Голландские пираты – адмирал Рейненсен

Пираты на Мадагаскаре

Датские пираты

Пиратское царство на Мадагаскаре

Чарльз Брук

ФЛИБУСТЬЕРСКОЕ МОРЕ

Монбар Губитель

Генри Морга – властелин Флибустьерского моря

Последние Флибустьеры – Черная борода, Льюис, Яву, Флан,

Роджерс

КОРСАРЫ

Жанна Де Бельвиль

Рене Дюгей-трузи

КАЛЕРЫ XX ВЕКА

Подводные охотники

“Волчий стам”

СОВРЕМЕННЫЕ ПИРАТЫ

Исабело Манор

**и сотни других историй о великих пиратах и
разбойниках...**

ISBN 985-437-042-9

9 789854 370422

ЛИТЕРАТУРА, 1996